

ISSN 2500-0217

№ 1 (47) 2017

Правовое государство: теория и практика

The rule-of-law state: theory and practice

*Модернизация политической системы –
ближайший путь к правовому государству*

Наш вывод

В номере:

- К сущности права через новый подход
- Идея суверенитета в концепциях XIX века
- «Сильное государство» - в решениях суда
- К 100-летию начала федеративного строительства в России

ТЕМА НОМЕРА: *К новым рубежам теории государства и права*

ПРАВОВОЕ ГОСУДАРСТВО: теория и практика
PRAVOVOE GOSUDARSTVO: teoriya i praktika
THE RULE-OF-LAW STATE: theory and practice

№ 1 (47) 2017 общественно-политический и научно-правовой журнал
Издается с 2005 года

Журнал выходит ежеквартально [12+]

УДК 340(05)
ББК 67.0я5

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

Председатель:

Макаренко Илона Анатольевна – д.ю.н., профессор (Башкирский государственный университет, г. Уфа)

Члены редакционного совета:

Боголюбов Сергей Александрович – д.ю.н., профессор (Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве РФ, г. Москва);

Еникеев Зуфар Иргалеевич – д.ю.н., профессор (Председатель Конституционного Суда Республики Башкортостан, г. Уфа);

Заричанский Олег Анатольевич – д.ю.н., профессор (Ивано-Франковский университет права, Украина);

Комаров Сергей Александрович – д.ю.н., профессор (Международный университет в Москве, г. Москва);

Леруа Кристоф – доктор права, профессор (Université de Perpignan, Франция);

Мухаметшин Фаим Баязитович – д.ю.н., профессор (Уфимский юридический институт МВД РФ, г. Уфа);

Нигматуллин Ришат Вахидович – д.ю.н., профессор (Уфимский юридический институт МВД РФ, г. Уфа);

Полстовалов Олег Владимирович – д.ю.н., (Башкирский государственный университет, г. Уфа);

Раянов Фанис Мансурович – д.ю.н., профессор (Башкирский государственный университет, г. Уфа);

Саттарова Нурия Альвановна – д.ю.н., профессор (Башкирский государственный университет, г. Уфа);

Семитко Алексей Павлович – д.ю.н., профессор (Гуманитарный университет, г. Екатеринбург);

Тужилова-Орданская Елена Марковна – д.ю.н., профессор (Башкирский государственный университет, г. Уфа);

Тлепина Шолпан Валерьевна – д.ю.н., профессор (Евразийский национальный университет им. Л.Н. Гумилева, г. Астана, Казахстан);

Хайруллин Владимир Ихсанович – д.ф.н., профессор (Башкирский государственный университет, г. Уфа);

Утяшев Марат Мухарович – д.п.н., профессор (Башкирский государственный университет, г. Уфа);

Шабуров Анатолий Степанович – д.ю.н., профессор (Уральский государственный юридический университет, г. Екатеринбург).

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Главный редактор:

Галиев Фарит Хатипович – доктор юридических наук, доцент

Члены редакционной коллегии:

Азнагулова Гузель Мухаметовна – доктор юридических наук, доцент;

Гиззатуллин Равиль Хасанович – доктор юридических наук, доцент;

Касимов Тимур Салаватович – кандидат юридических наук, доцент;

Минаков Павел Анатольевич – кандидат политических наук, доцент.

УЧРЕДИТЕЛИ

ФГБОУ ВО «Башкирский государственный университет»;

ГБОУ ВО «Башкирская академия государственной службы и управления при Главе Республики Башкортостан»;

ФГКОУ ВО «Уфимский юридический институт Министерства внутренних дел Российской Федерации»;

Учреждение «Научно-исследовательский институт проблем правового государства».

Выпускающий редактор – А.Ф. Файзуллина

Редактор англоязычных текстов – З.А. Юсупова

Редактор электронной версии – З.Р. Гиниятова

Почтовый адрес редакции: 450005, Республика Башкортостан, г. Уфа, ул. Достоевского, 131–319.

THE RULE-OF-LAW STATE: theory and practice

**№ 1 (47) 2017 Socio-Political and Academic Law Journal
Since 2005**

The Journal is published quarterly [12+]

УДК 340(05)

ББК 67.0я5

EDITORIAL COUNCIL

Chairperson:

Илона А. Макаренко – Doctor of Law, Professor (Bashkir State University, Ufa)

Editorial Council Members:

Sergej A. Bogoljubov – Doctor of Law, Professor (Institute of Legislation and Comparative Law under the Government of the Russian Federation, Moscow);

Zufar I. Enikeev – Doctor of Law, Professor (Chairman of the Constitutional Court of the Republic of Bashkortostan, Ufa);

Oleg A. Zarichanskiy – Doctor of Law, Professor (Ivano-Frankivsk University of Law, Ukraine);

Sergei A. Komarov – Doctor of Law, Professor (International University in Moscow, Moscow);

Christophe Leroy – Doctor of Law, Professor (Université de Perpignan, France);

Faim B. Mukhametshin – Doctor of Law, Professor (Ufa Law Institute of the MIA of Russia, Ufa);

Rishat V. Nigmatullin – Doctor of Law, Professor (Ufa Law Institute of the MIA of Russia, Ufa);

Oleg V. Polstovalov – Doctor of Law, Professor (Bashkir State University, Ufa);

Fanis M. Rayanov – Doctor of Law, Professor (Bashkir State University, Ufa);

Nuriya A. Sattarova – Doctor of Law, Professor (Bashkir State University, Ufa);

Alexey P. Semitko – Doctor of Law, Professor (Liberal Arts University, Yekaterinburg);

Elena M. Tuzhilova-Ordanskaya – Doctor of Law, Professor (Bashkir State University, Ufa);

Sholpan V. Tlepina – Doctor of Law, Professor (L.N. Gumilyov Eurasian National University, Astana, Kazakhstan);

Vladimir I. Khairullin – Doctor of Philology, Professor (Bashkir State University, Ufa);

Marat M. Utyashev – Doctor of Political Sciences, Professor (Bashkir State University, Ufa);

Anatoliy S. Shaburov – Doctor of Law, Professor (Ural State University of Law, Yekaterinburg).

EDITORIAL BOARD

Editor-in-Chief:

Farit Kh. Galiev – Doctor of Law, Associate Professor

Editorial Board Members:

Guzel M. Aznagulova – Doctor of Law, Associate Professor;

Ravil Kh. Gizatullin – Doctor of Law, Associate Professor

Timur S. Kasimov – Candidate of Sciences (Law), Associate Professor;

Pavel A. Minakov – Candidate of Political Sciences, Associate Professor;

FOUNDERS

Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education «Bashkir State University»;

State Budgetary Educational Institution of Higher Education «Bashkir Academy of State Service and Administration under the Head of the Republic of Bashkortostan»;

Federal State Governmental Educational Institution of Higher Education «Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia»;

Institution «Research Institute of the Rule-of-Law State»

Executive Editor – **A.F. Faizullina**

Translation Reviewer – **Z.A. Yusupova**

On-line Editor – **Z.R. Giniyatova**

Postal address: 450005, Republic of Bashkortostan, Ufa, Dostoevskiy St, 131–319.

СОДЕРЖАНИЕ

**ТЕОРИЯ И ИСТОРИЯ ПРАВА И ГОСУДАРСТВА.
ИСТОРИЯ УЧЕНИЙ О ПРАВЕ И ГОСУДАРСТВЕ**

<i>Раянов Ф.М.</i>	Современные общетеоретические основы дальнейшего развития российского аграрного права	7
<i>Захарцев С.И.</i> <i>Сальников В.П.</i>	Размышляем о сущности права: комплексный подход	13
<i>Карасев А.Т.</i> <i>Савоськин А.В.</i>	Представительная (законодательная) власть: вопросы понятия и содержания	30
<i>Куксин И.Н.</i> <i>Новоавловская Е.Е.</i>	Некоторые постулаты «сильного государства» в решениях Конституционного Суда Российской Федерации	35
<i>Еникеев Р.Н.</i>	Ценностные ориентиры российской государственности: история и современность	43
<i>Клименко О.А.</i>	Идея суверенитета в философско-правовых и политико-правовых концепциях XIX ве- ка	47
<i>Козацкая В.Э.</i> <i>Толченкин Д.А.</i>	Сущностные глобализационные процессы в праве, как форма объективации юридической свободы	55
<i>Колосов И.В.</i>	Об этимологии понятия «утилитаризм»	61
<i>Сагиндыков А.Н.</i>	Манифесты как законодательные акты XVII–XIX вв. в системе русского права: понятие и мульти-предикаты в «форме права»	66
<i>Назарова Н.А.</i>	Актуальные роли общественного договора как теории современных государственных и правовых систем	75

**КОНСТИТУЦИОННОЕ И МУНИЦИПАЛЬНОЕ ПРАВО. КОНСТИТУЦИОННЫЙ
СУДЕБНЫЙ ПРОЦЕСС. АДМИНИСТРАТИВНОЕ ПРАВО И АДМИНИСТРАТИВНАЯ
ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ. ИНФОРМАЦИОННОЕ ПРАВО**

<i>Гильмуллин А.Р.</i>	О правовой доктрине в исполнительной ветви власти	79
------------------------	---	----

**ГРАЖДАНСКОЕ И СЕМЕЙНОЕ ПРАВО.
ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКОЕ И МЕЖДУНАРОДНОЕ ЧАСТНОЕ ПРАВО.
ГРАЖДАНСКИЙ И АРБИТРАЖНЫЙ ПРОЦЕСС**

<i>Вилачева М.Н.</i> <i>Савоськин А.В.</i>	Особенности реализации гарантий на свободу литературного, художественного, научного, технического и других видов творчества	85
---	--	----

**УГОЛОВНОЕ ПРАВО И КРИМИНОЛОГИЯ.
УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОЕ ПРАВО. УГОЛОВНЫЙ ПРОЦЕСС**

<i>Пудаков Е.Р.</i>	Динамика коррупционных преступлений в 2012–2015 гг. Анализ статистических све- дений подразделений МВД РФ (Часть 1)	89
<i>Файзуллина А.А.</i>	Установление и анализ негативных обстоятельств при расследовании поджогов чужо- го имущества, замаскированных инсценировками	95
<i>Кривов А.В.</i>	Уголовно-правовые аспекты противодействия легализации («отмыванию») денег и иного имущества в контексте обеспечения национальной и международной безопасности	99
<i>Галаутдинов Р.Ф.</i>	Вопросы совершенствования информационного обеспечения органов внутренних дел России в современных условиях	107

**КРИМИНАЛИСТИКА. СУДЕБНО-ЭКСПЕРТНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ.
ОПЕРАТИВНО-РОЗЫСКНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ**

<i>Омелин В.Н.</i> <i>Габзалилов В.Ф.</i>	К вопросу законодательного регулирования условий проведения оперативно-розыскного мероприятия «обследование помещений»	112
<i>Воронин С.Э.</i> <i>Абрамова А.А.</i>	Ситуационное моделирование в расследовании преступлений, связанных с финансированием терроризма	117
<i>Полстовалов О.В.</i>	Очная ставка: непрозрачные перспективы, неэффективная тактика и сомнительная польза	126
<i>Эксархопуло А.А.</i> <i>Зайнуллин Р.И.</i>	Анализ адвокатом материалов, связанных с назначением судебных экспертиз Некоторые вопросы производства дознания в сокращенной форме	137 145

<i>Латыпов В.С.</i>	Современные проблемы судебно-экспертной деятельности в России	149
<i>Носков О.С.</i>	Психологические особенности несовершеннолетнего преступника	152
<i>Сабанов А.Ю.</i>	Взрывоопасный предмет – как элемент криминалистической категории	156
<i>Халиуллина А.Ф.</i>	Криминалистическая характеристика насильственных действий сексуального характера, совершенных в отношении малолетних и несовершеннолетних	161

**ФИНАНСОВОЕ И БЮДЖЕТНОЕ ПРАВО.
БАНКОВСКОЕ И ВАЛЮТНОЕ ПРАВО. НАЛОГОВОЕ ПРАВО**

<i>Айвазян В.Н.</i>	Принципы конституционализма в экономической системе	167
---------------------	---	-----

**МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ И ВНЕШНЯЯ ПОЛИТИКА.
МЕЖДУНАРОДНОЕ И ЕВРОПЕЙСКОЕ ПРАВО**

<i>Тимошин А.Н.</i>	Об идейно-теоретических основах ранней британской колонизации Северной Америки	177
<i>Султанов А.Х.</i>	Может ли пресса определить будущее нации? Судьба одной политической кампании в Великобритании	185

К СТОЛЕТИЮ ОБРАЗОВАНИЯ РЕСПУБЛИКИ БАШКОРТОСТАН

<i>Газизова Л.М.</i>	Республика Башкортостан и начало строительства федеративного государства в России	191
----------------------	---	-----

К АВТОРАМ		196
------------------	--	-----

CONTENTS

**THEORY AND HISTORY OF LAW AND STATE.
HISTORY OF THE DOCTRINES OF LAW AND STATE**

<i>Rayanov F.M.</i>	Modern General Theoretical Basis for the Further Development of Russian Agrarian Law	7
<i>Zakhartsev S.I. Salnikov V.P.</i>	Thinking of the Essence of Law: Comprehended Approach	13
<i>Karasev A.T. Savoskin A.V.</i>	Representative (Legislative) Authority: Issues of Concept and Content	30
<i>Kuksin I.N. Novopavlovskaya E.E.</i>	Some Postulates of the “Strong State” in Judgments of the Constitutional Court of the Russian Federation	35
<i>Enikeev R.N.</i>	Value Orientations of the Russian Statehood: History and Contemporaneity	43
<i>Klimenko O.A.</i>	The Idea of Sovereignty in Philosophical and Legal, Political and Legal Concepts of the XIX Century	47
<i>Kozatskaya V.E. Tolchenkin D.A.</i>	Essential Globalization Processes in Law, As a Form of Objectification of Legal Freedom	55
<i>Kolosov I.V.</i>	On the Etymology of the Concept “Utilitarianism”	61
<i>Sagindykov A.N.</i>	Manifests as Legislative Acts of the XVII–XIX Centuries in the System of Russian Law: Concept and Multi-Predicates in “Form of Law”	66
<i>Nazarova N.A.</i>	Relevant Roles of the Social Contract As a Theory of Contemporary State and Legal Systems	75

**CONSTITUTIONAL AND MUNICIPAL LAW. CONSTITUTIONAL PROCEDURE.
ADMINISTRATIVE LAW AND ADMINISTRATIVE ACTIVITIES. INFORMATION LAW**

<i>Gilmullin A.R.</i>	On Legal Doctrine in the Executive Branch of Government	79
-----------------------	---	----

CIVIL AND FAMILY LAW. BUSINESS AND PRIVATE INTERNATIONAL LAW. CIVIL AND ARBITRATION PROCESS

- Vilacheva M.N.* Features of Implementing the Guarantees to Freedom of Literary, Artistic, Scientific, 85
Savoskin A.V. Technical and Other Kinds of Creativity

CRIMINAL LAW AND CRIMINOLOGY. CRIMINAL EXECUTIVE LAW. CRIMINAL PROCEDURE

- Pudakov E.R.* Dynamics of Corruption-Related Crimes in 2012-2015. Analysis of Statistical Infor- 89
mation of Subdivisions of the MIA of Russia (Part 1)
Fayzullina A.A. Determination and Analysis of Negative Facts in the Course of Investigation of Arson of 95
Property, Concealed by Framing-Up
Krivov A.V. Criminal Aspects of Countermeasures to Combat Legalization ("Laundering") of Illegally 99
Obtained Money and Other Property in the Context of Provision of National and Interna-
tional Security
Galyautdinov R.F. Issues of Improving the Information Security of the Internal Affairs Agencies of Russia in 107
Modern Conditions

FORENSICS. FORENSIC ACTIVITIES. OPERATIVE SEARCH ACTIVITY

- Omelin V.N.* To the Issue of Legislative Regulation of Carrying out of Operational Search Measures 112
Gabzailov V.F. «Premises Survey»
Voronin S.E. Situational Modeling in the Investigation of Crimes Related To Terrorism Financing 117
Abramova A.A.
Polstovalov O.V. Face-to-Face Interrogation: Non-Transparent Perspectives, Ineffective Tactics and Doubt- 126
ful Advantage
Exarkhopulo A.A. The Lawyer's Analysis of Materials Related to Commissioning of Expert Reviews 137
Zaynullin R.I. Some Issues of Performance of Summary Inquiry 145
Latypov V.S. Modern Problems of Forensic Expert Activities in Russia 149
Noskov O.S. Psychological Characteristics of the Juvenile Offender 152
Sabanov A.Y. Explosive Ordnance As an Element of Forensic Category 156
Khaliullina A.F. Forensic Characteristics of Sexual Violence Committed Against Juveniles and Minors 161

FINANCIAL AND BUDGETARY LAW. BANKING AND MONETARY LAW. TAX LAW

- Ayvazyan V.N.* The Principles of Constitutionalism in the Economic System 167

INTERNATIONAL RELATIONS AND FOREIGN POLICY.**INTERNATIONAL AND EUROPEAN LAW**

- Timonin A.N.* On Ideological and Theoretical Grounds of Early British Colonization of North 177
America
Sultanov A.K. Is the Media Able to Determine the Future of the Nation? 185
The Fate of One Political Campaign in the UK

TO THE 100 ANNIVERSARY OF THE FOUNDATION OF THE REPUBLIC OF BASHKORTOSTAN

- Gazizova L.M.* The Republic of Bashkortostan and the Start of Construction of a Federal State in Rus- 191
sia

TO THE AUTHORS

196

ТЕОРИЯ И ИСТОРИЯ ПРАВА И ГОСУДАРСТВА.
ИСТОРИЯ УЧЕНИЙ О ПРАВЕ И ГОСУДАРСТВЕ

УДК 340

СОВРЕМЕННЫЕ ОБЩЕТЕОРЕТИЧЕСКИЕ
ОСНОВЫ ДАЛЬНЕЙШЕГО РАЗВИТИЯ
РОССИЙСКОГО АГРАРНОГО ПРАВА

РАЯНОВ Фанис Мансурович

*доктор юридических наук, профессор, член-корр.
Академии Наук Республики Башкортостан, про-
фессор кафедры теории государства и права Ин-
ститута права ФГБОУ ВО «Башкирский государ-
ственный университет», г. Уфа, Россия.
E-mail: rfm@yandex.ru*

MODERN GENERAL THEORETICAL BASIS
FOR THE FURTHER DEVELOPMENT OF
RUSSIAN AGRARIAN LAW

RAYANOV Fanis Mansurovich

*Doctor of Sciences (Law), Professor, Corresponding
Member of the Academy of Sciences of the Republic
of Bashkortostan, Professor of the Chair of Theory
of State and Law of the Institute of Law of the FBSEI
HE "Bashkir State University", Ufa, Russia.
E-mail: rfm@yandex.ru*

Закономерности государственно-правового развития общества в современных условиях диктуют необходимость дальнейшей научной разработки теоретических основ аграрного права постсоветской Российской Федерации. Это связано с тем, что общетеоретическая часть аграрного права Российской Федерации все еще опирается на выводы, сформулированные еще в советские времена. При этом Конституция Российской Федерации 1993 года используется, главным образом, формально, без углубленного осмысления тех ее положений, которые являются новыми и соответствующими современным достижениям мировой государственно-правовой научной мысли. В статье сформулированы современные общетеоретические положения, на которые, по мнению ее автора, должно опираться сегодняшнее аграрное право Российской Федерации в своем дальнейшем развитии. В частности, аграрное право современной Российской Федерации должно опираться на исторически сложившийся обществоведческий подход объяснения развития человечества. Аграрное право современной Российской Федерации глубже и предметнее должно опираться на 1, 2, 3 статьи и, особенно, на 18-ю статью действующей Конституции нашей страны.

Ключевые слова: аграрное право, сельскохозяйственное право, правовая наука, аграрно-правовой, Конституция, гражданское общество.

Principles of society state legal development in modern conditions necessitate the further scientific development of theoretical foundations of agrarian law in the post-Soviet Russian Federation. It is due to the fact that the general theoretical part of agrarian law of the Russian Federation is still based on the conclusions drawn in the Soviet times. In such event, the Constitution of the Russian Federation of 1993 is used mainly formally, without careful thought of those provisions that are new and relevant to modern achievements of the world state legal science. In the article, modern general theoretical provisions are drawn and in the author's opinion, today's agricultural law of the Russian Federation in its further development must be based on these provisions. In particular, agrarian law of modern Russia should be based on historically formed social science approach to the explanation of human development. Agrarian law of modern Russia, more deeply should be based on Articles 1, 2, 3 and, particularly, on the 18th Article of the current Constitution of our country.

Key words: agrarian law, agricultural law, legal science, agrarian and legal, Constitution, civil society.

Обращаться к современным общетеоретическим основам развития Российского аграрного права нас подтолкнуло состояние освещенности в науке Российского аграрного права основных отправных ее теоретических вопросов. По нашему мнению, теоретическая часть сегодняшней Российской аграрно-правовой науки не полностью учитывает достижения отечественной и зарубежной теоретической правовой науки и науки современного конституци-

онного права. Сказанное особенно проявляется при определении понятия «аграрное право» и раскрытии его цели и задач.

Обо всем этом я решил высказаться потому, что к проблеме становления и развития отечественного аграрного права имел и имею прямое и непосредственное отношение. В свое время (1982 году) я защитил докторскую диссертацию по аграрному праву и у меня был опубликован ряд работ, посвященных теоретическим основам аграрного права. В частности, были опубликованы такие работы, которые даже считались одними из первых в этой сфере науки. К ним относятся: Предмет и система сельскохозяйственного права [1], Учет специфики сельского хозяйства в правовом регулировании аграрных отношений [2], Основы сельскохозяйственного права [3], Развитие концепции правового регулирования аграрных отношений [4] и ряд других работ. Затем мне долгое время пришлось заниматься проблемами общей теории государства и права, однако и в это время я не забывал свои аграрно-правовые корни и не прекращал интересоваться аграрно-правовой тематикой. Все это я здесь пишу для того, чтобы показать свою состоятельность высказаться по вынесенной в заголовок настоящей статьи проблеме. Поэтому, именно будучи хорошо знакомым, как с состоянием теоретической части складывающегося отечественного аграрного права, так и с постсоветскими достижениями отечественной теоретической правовой науки, думаю, что могу судить о сегодняшнем состоянии Российского аграрного права.

В значительной мере сегодняшнее состояние отечественного аграрного права можно объяснить тем, что, в основном, ее теоретическая часть была сформирована еще до принятия Конституции Российской Федерации 1993 года и без учета ее новых, отвечающих мировым стандартам, фундаментальных положений. Мы довольно внимательно изучили теоретическую часть почти всех учебников по аграрному праву, имеющихся на сегодня в распоряжении студентов юридических вузов страны, и там обнаружили следующие, на наш взгляд, несоответствия с современными достижениями общетеоретической правовой науки.

Так, в аннотации одного из первых постсоветских отечественных учебников по аграрному праву читаем: «На основе действующего законодательства и с учетом современного состояния науки в учебнике рассматриваются аграрное право как комплексная отрасль права; аграрные правоотношения; государственное регулирование сельского хозяйства...». И, действительно, сразу же после аннотации, без введения и каких-либо предисловий к учебнику, уже на третьей странице учебника открывается его первая глава, которая так и названа: «Аграрное право как комплексная отрасль российского права» [5, с. 3]. То есть учебник сразу в полном объеме нацеливается не на раскрытие, хотя бы вкратце, исторических закономерностей становления и развития предмета аграрного права, а начинает проблематично характеризовать лишь юридико-правовые проблемы уже каким-то образом сложившегося аграрного права. Примерно также определяют понятие и предмет аграрного права и другие учебники. Так, в другом учебнике под названием «Аграрное право» читаем: «В научной и учебной правовой литературе в обобщенном виде аграрное право в качестве юридического понятия сформулировано как «комплексная специализированная отрасль права, которая представляет собой связанную внутренним единством систему взаимосвязанных правовых норм, регулирующих аграрные (земельные, имущественные, трудовые, организационно-управленческие) общественные отношения в сфере сельскохозяйственной производственной и связанной с ней иной деятельности». Это определение вытекает из достаточно аргументированного понятия аграрного права как отрасли права» [6].

Чтобы полнее разобраться с состоянием освещения теоретической части аграрного права мы обратились и к Интернету, точнее Рунету. Здесь даже опубликована специальная статья, посвященная понятию «Аграрное право». Читаем: «**Аграрное право** – комплексная специализированная отрасль права, представляющая собой внутренне взаимосвязанную систему правовых норм, регулирующих аграрные (земельные, имущественные, трудовые, орга-

низационно-управленческие) общественные отношения в сфере сельскохозяйственной деятельности. В юридической науке употребляется также термин "сельскохозяйственное право", который является синонимом термина **"аграрное право"** (выделено мной – Ф.Р.) [7]. Здесь так же, как и в отмеченном уже учебнике, природа аграрного права начинается не с раскрытия предмета, то есть с характеристики объективно сложившихся аграрных отношений в человеческом обществе, а с объяснения его комплексности, какой-то особенности, сложившейся только в нашей отечественной системе права.

Получается, что юридическая надстройка первична и важнее самой объективно складывающейся общественной жизни. Ведь именно так в одно время в нашей стране сверху уже насаждали искусственно созданные колхозы, круто ломая исторически сложившуюся крестьянскую жизнь. Авторы постсоветских учебников по аграрному праву, так же, не вдаваясь в сущность исторически складывающихся аграрных отношений вообще, то есть, независимо от особенностей государственно-правовых институтов той или иной страны, считают, что аграрное право «формируется на базе основополагающих политических решений государства, заинтересованного в комплексном правовом регулировании аграрных отношений. Аграрные отношения, являющиеся предметом аграрного (сельскохозяйственного) права, – продолжают авторы учебника, – складываются на основе частной, государственной и муниципальной собственности в частном, коллективном, кооперативном, акционерном, государственном, мелко-товарном секторах аграрной экономики» [5, с. 3–4]. Прошло 20 лет после написания этих утверждений и, видимо, можно спросить: видят ли авторы учебника подобных развитых секторов в реальной аграрной экономике сегодняшней Российской Федерации?

К сожалению, такой узко правовой подход в отмеченном учебнике «Аграрное право» 1996 года продолжается при раскрытии и других положений общей части. В частности, это видно и там, где авторы раскрывают основные научные проблемы, стоящие перед аграрным правом. Они пишут: «В конечном счете, в научной дискуссии основными являются вопросы о том, является ли аграрное право результатом систематики или оно занимает определенное место в системе права: относится ли аграрное право к самостоятельной отрасли или это комплексная отрасль права или подотрасль агропромышленного или хозяйственного права?» [5, с. 19]. Еще более интересные мысли, с точки зрения цели и назначения настоящей статьи, содержит вторая глава этого учебника, где речь идет об источниках аграрного права. Авторы чуть ли не считают, что источники аграрного права основаны на сплошных особенностях. К их числу они относят то, что в аграрном праве якобы имеются унифицированные источники, а также специализированные источники. Один параграф этой главы так и называется: «Унификация в аграрном праве». Здесь читаем: «Термин «унифицированные нормативно-правовые акты» введен в научный оборот в 70-х годах в связи с исследованием проблем формирования аграрного права. Унифицированные нормативно-правовые акты были признаны ядром сельскохозяйственного законодательства, вокруг которого формируются и другие близкие ему нормативно-правовые акты. В этом заключается органическая связь между правообразующими функциями унифицированных актов аграрного законодательства и процессами интеграции правового регулирования аграрных отношений, которые всегда вторичны по отношению к унифицированности общественных отношений в сельском хозяйстве» [5, с. 40].

Прочитав все эти утверждения авторов анализируемого учебника, который выдержал еще три издания (1998; 1999; 2000 гг.), невольно хочется спросить у его авторов: а знают ли законодатели и практикующие в той же сельскохозяйственной сфере юристы о наличии каких-то унифицированных нормативно-правовых актов? Однако, главный вопрос, который возникает после ознакомления с теоретической частью этих учебников по предмету «Аграрное право», у нас заключается в том, что теоретико-методологические подходы, встречающиеся в этих учебниках, мало согласовываются с последними достижениями современной общетеоретической правовой науки. Нам представляется, что и в вопросе выяснения места, ро-

ли и значения аграрного права необходимо свое исследование начинать с более правильных общетеоретических методологических подходов, которые являются едиными для всей юридической науки. То есть, не с характеристики того, как какое-то конкретное государство и его право и каким образом регулируют аграрные отношения, а с того, как возникали и развивались сами фактические общественные аграрные отношения и когда возникли объективные потребности в их государственно-правовом регулировании.

Отсюда, основной смысл и предназначение настоящей нашей статьи заключается в том, чтобы показать не только несостоятельность того подхода к определению природы и сущности современного Российского аграрного права, но и помочь вывести эту довольно молодую отрасль отечественной юридической науки на современные научные основы. Нам представляется, что сегодняшняя наука аграрного права Российской Федерации нуждается в фундаментальном переосмыслении с использованием естественно-исторического обществоведческого подхода к раскрытию природы и сущности собственного предмета исследования и изучения. Другими словами, и наука аграрного права должна быть нацелена на то, чтобы мы, в первую очередь, обратили свое внимание на естественно-правовые предпосылки возникновения потребностей в аграрном праве, являющем собой результат правотворческой деятельности соответствующих ветвей государственной власти.

Такая потребность, как показывают научные исследования зарубежных и отечественных ученых-юристов постсоветского периода, появляется лишь на определенном этапе развития человеческого общества. Сегодня широко известно и то, что этот этап развития человеческого общества приходится на период наступления Нового времени. Отечественная обществоведческая наука в целом и юридическая наука, в частности, до недавнего времени, будучи в «плёну» марксистско-ленинской идеологии, не учитывали такой обществоведческий вектор развития человечества. Увлечшись лишь своей собственной теорией, марксизм проигнорировал такое важнейшее положение, что с наступлением ценностей Нового времени появляется такое новое явление, как обществоведение. Если в эпохи космоцентризма и теоцентризма науки еще и не было, и некому было заниматься природой деятельного человека, поскольку считалось, что судьба человека предопределена внешними факторами, то в эпоху антропоцентризма, которая наступает в эпоху Нового времени, человек сам становится высшей ценностью. Это обстоятельство коренным образом меняет всю картину человеческого мира: человек сам становится творцом своей судьбы. В этих условиях фундаментально меняется природа взаимоотношения между человеком и государственной властью: власть становится не божественной, а рукотворной. Это обстоятельство требует от науки фундаментального исследования природы самого человека и созданного им общества, а затем и государства. В этих условиях претерпевают фундаментальные изменения и прежние представления о государстве и праве.

Именно к этому периоду приходится исторический переход человечества от естественного состояния к гражданскому состоянию. Основным свидетельством такого перехода человеческого общества от естественного к гражданскому состоянию является заключение гражданским обществом общественного договора о формировании государственной власти для защиты естественных прав и свобод человека, а также для обеспечения их реализации в жизнь. Известно, что первые такие общественные договора были заключены в переселенческих колониях Новой Англии, которые постепенно трансформировались в конституции соответствующих американских штатов, а последующем (в 1787 г.) и в Конституцию Соединенных Штатов Америки [8].

Отсюда, чтобы выйти на правильные позиции отечественной постсоветской науки аграрного права необходимо органически вписаться в естественноисторические закономерности становления и развития всей юридической науки. На сегодня же представители отечественной науки аграрного права во главу своих рассуждений ставят не закономерности раз-

вития самой сферы становления и развития аграрных отношений, а некие искусственно созданные типологии деления отечественной системы права на основные и комплексные отрасли. Между тем первична не типология права и классификация его на основные и комплексные отрасли права, а сама реальная общественная жизнь, в том числе и в сельском хозяйстве. Как мы уже убедились, причем неоднократно, особенно в совместных международных научных конференциях по аграрному праву (в том числе, ставших широко известными, конференциях с представителями французских и североамериканских аграрных правовых школ), в развитых зарубежных школах на типологические, классификационные характеристики аграрного права почти не обращается никакого внимания. Те же французы, а также представители аграрных правовых школ США речь ведут просто об аграрном праве и вовсе не упоминают о том, что комплексной или еще какой отраслью права опосредуются аграрные отношения. Представляется, что для них важно другое, а именно справляется ли действующее у них аграрное право с возложенными задачами или нет [9, с. 118–124]. Да и в реальной жизни люди, когда они сталкиваются с юридическим правом, никогда не задумываются о природе аграрного права с точки зрения того, комплексно оно регулирует или еще как-то. Да, и относительно унифицированности или специализированности тех или иных нормативно-правовых актов, содержащих нормы аграрного права, от практикующих юристов мало чего можно услышать. Юридическое право в процессе жизнедеятельности людей появилось как система правил поведения, закрепленных в законах и других нормативных правовых актах, таким оно в понимании людей остается до сих пор. Надо лишь иметь в виду, что в историческом плане, в процессе развития общественной жизнедеятельности людей появилось множество разновидностей права. К современному периоду развития общественных отношений сложились пять широко известных типов права. Это – обычное право, религиозное право, моральное право, юридическое право и корпоративное право. Они образуют пять типов права по существенным признакам, то есть по тому, волю какой группы людей или всех граждан страны тот или иной тип права выражает. Известно и то, что в отличие от всех иных разновидностей права, только юридическое право выражает волю единственного источника власти, то есть государство образующего народа, понимаемого во многих странах как гражданское общество. Это воля оформляется общественным договором, исторически трансформирующимся в официальную конституцию гражданского общества.

К сожалению, представители науки отечественного аграрного права до сих пор не предприняли даже шага в направлении переосмысления теоретической (общей) части дисциплины «Аграрное право» в духе новых вызовов, возникших в связи с принятием Конституции Российской Федерации 1993 года. Один из важнейших вызовов Конституции Российской Федерации 1993 года сводится к тому, что она нацеливает всю теоретическую правовую науку на учет естественноисторических основ формирования юридической науки. Так, опираясь на труды многочисленных известных зарубежных и отечественных ученых, профессор МГУ М.Н. Марченко приходит к следующему выводу. Он пишет: «Конституция Российской Федерации 1993 года, в целях преодоления инерции доминировавшего в советский период легистского подхода к праву, отождествляющего право с любым велением официальной власти»... «нацеливает на использование естественно-правовой конструкции прирожденных и не отчуждаемых прав человека» [10, с. 5–10].

Ведь, действительно, впервые за всю историю отечественной конституционной практики Конституция Российской Федерации 1993 года в ст. 18 закрепляет: «Права и свободы человека и гражданина являются непосредственно действующими. Они определяют смысл, содержание и применение законов, деятельность законодательной и исполнительной власти, местного самоуправления и обеспечиваются правосудием». К сожалению, в наших учебниках по аграрному праву об этих положениях Конституции Российской Федерации речи вообще нет. Более того, в этих учебниках нередко употребляются такие понятия, как Конституция,

гражданское общество, местное самоуправление и т.д., но они употребляются в таком же смысле, какой был принят еще в советские времена. Так, в учебнике «Аграрное право» 1996 года читаем: «Конституция составляет фундамент для формирования и развития аграрного права, регулирует в общей форме в качестве основного закона государства и гражданского общества аграрные отношения, определяет параметры рыночной аграрной экономики, дает простор развития правовых институтов, относящихся не только к государственному, но и другим отраслям права» [5, с. 34–35].

В этой небольшой цитате много ошибок, которые могут быть обнаружены даже читающими ее студентами. Так, здесь ошибочно утверждается, что Конституция «регулирует в общей форме», что противоречит ст. 15 Конституции Российской Федерации, где предусматривается прямое конкретное действие всех ее положений. Далее здесь утверждается, что Конституция является «основным законом государства и гражданского общества». В современном мире признано, что конституция является основным законом не государства и гражданского общества, а только общества. Об этом подробную информацию можно найти в нормах международного права и в юридической литературе [8]. Да и само понятие «гражданское общество» в этом учебнике трактуется в духе гегелевской философии права. Об этом свидетельствует не только приведенная цитата, но и цитата в другом месте учебника. Так, здесь утверждается, что «общее положение об охране права частной собственности как высшей ценности гражданского общества выдвигается на первый план» [5, с. 37]. Однако в современном мире гражданское общество понимается не в духе гегелевской его трактовки, а в соответствии с учениями совсем других философов [11].

Короче говоря, имеющиеся учебники по аграрному праву Российской Федерации на сегодня не всегда правильно представляют и объясняют студентам правовую природу, цель и социальное назначение современного правового регулирования аграрных отношений. В этих вопросах наука аграрного права, как видно из отмеченных нами учебников, в основном, опирается не на современную теорию и методологию, а, главным образом, исходит из представлений, сложившихся еще в советские времена. Поэтому и мы считаем, что Российская аграрная правовая наука сегодня нуждается в фундаментальном переосмыслении как с позиции ценностей Нового времени, так и с учетом современной международно-правовой практики.

Библиографические ссылки

1. Раянов Ф.М. Предмет и система сельскохозяйственного права : учебное пособие. Уфа : изд. Башкирск. ун-та, 1980.
2. Раянов Ф.М. Учет специфики сельского хозяйства в правовом регулировании аграрных отношений // Государство и право. 1982. № 4.
3. Раянов Ф.М. Основы сельскохозяйственного права : учебное пособие. Уфа : издание Башкирского университета, 1984.
4. Раянов Ф.М. Развитие концепции правового регулирования аграрных отношений // Государство и право. 1985. № 4.
5. Аграрное право : учебник / под ред. Г.Е. Быстрова, М.И. Козыря. М. : Юрид. лит., 1996.
6. Боголюбов С.А., Бринчук М.М., Ведышева Н.О. Аграрное право : учебник / под ред. М.И. Палладиной, Н.Г. Жаворонковой. М. : Издательство «Проспект», 2011.
7. <http://euu.sci-lib.com/article0000035.html>
8. Раянов Ф.М. Философия права: дискурсивный анализ и новые выводы. М. : Юрлитинформ, 2017.
9. Раянов М.Ф. Очерки о сельскохозяйственном праве США // Правовые проблемы охраны окружающей среды, аграрного и земельного права : Межвуз. сб. науч. тр. Екатеринбург : Изд-во УрГЮА, 1997.
10. Марченко М.Н. Умеренный позитивизм и верховенство права в условиях правового государства // Государство и право. 1912. № 4.
11. Раянов Ф.М. Гражданское общество и правовое государство: проблемы понимания и соотношения. М. : Юрлитинформ, 2015.

References

1. Rayanov F.M. Predmet i sistema sel'skokhozyaystvennogo prava: uchebnoye posobiye (Subject and system of agricultural law: a tutorial). Ufa. Izd. Bashkirsk. un-ta, 1980.
2. Rayanov F.M. Uchet spetsifiki sel'skogo khozyaystva v pravovom regulirovaniy agrarnykh otnosheniy (Accounting for specifics of agriculture in legal regulation of agrarian relations), *Gosudarstvo i pravo*, 1982, No. 4.
3. Rayanov F.M. Osnovy sel'skokhozyaystvennogo prava. Uchebnoye posobiye (Basics of agricultural law). Ufa, izdaniye Bashkirskogo universiteta, 1984.
4. Rayanov F.M. Razvitiye kontseptsii pravovogo regulirovaniya agrarnykh otnosheniy (Development of the concept of legal regulation of agrarian relations), *Gosudarstvo i pravo*, 1985, No. 4.
5. Agrarnoye pravo: uchebnik (Agrarian Law: Textbook), pod red. G.Ye. Bystrova, M.I. Kozyrya. M. Yurid.lit., 1996.
6. Bogolyubov S.A., Brinchuk M.M., Vedysheva N.O. Agrarnoye pravo. Uchebnik (Agrarian Law. Textbook), Pod red. M.I. Palladinoy, N.G., Zhavoronkovoy. M.: Izdatel'stvo «Prospekt», 2011.
7. <http://eyu.sci-lib.com/article0000035.html>.
8. Rayanov F.M. Filosofiya prava: diskursivnyy analiz i novyye vyvody (Philosophy of Law: discourse analysis and new findings), M. Yurlitinform, 2017.
9. Rayanov M.F. Ocherki o sel'skokhozyaystvennom prave SSHA (Essays on agricultural law of the US), *Pravovyye problemy okhrany okruzhayushchey sredy, agrarnogo i zemel'nogo prava*, Mezhevuz. sb. nauch. tr. Yekaterinburg: Izd-vo UrGYUA, 1997.
10. Marchenko M.N. Umerennyy pozitivizm i verkhovenstvo prava v usloviyakh pravovogo gosudarstva (Moderate positivism and the rule-of-law under the rule-of-law state), *Gosudarstvo i pravo*, 1912, No. 4.
11. Rayanov F.M. Grazhdanskoye obshchestvo i pravovoye gosudarstvo: problemy ponimaniya i sootnosheniya (Civil society and the rule-of-law state: the problem of understanding and correlations). M. Yurlitinform, 2015.

Дата поступления: 20.01.2017

Received: 20.01.2017

УДК 340

РАЗМЫШЛЯЕМ О СУЩНОСТИ ПРАВА:
КОМПРЕХЕНДНЫЙ ПОДХОД**ЗАХАРЦЕВ Сергей Иванович**

доктор юридических наук, профессор кафедры теории и истории государства и права Московского государственного университета технологий управления им. К.Г. Разумовского, г. Москва, Россия. E-mail: sergeyivz@yandex.ru

САЛЬНИКОВ Виктор Петрович

доктор юридических наук, профессор, главный редактор журнала «Юридическая наука: история и современность», г. Москва, Россия. E-mail: Fonduniver@bk.ru

THINKING OF THE ESSENCE OF LAW:
COMPREHENDED APPROACH**ZAKHARTSEV Sergey Ivanovich**

Doctor of Law, Professor of the Chair of Theory and History of State and Law of the Moscow State University of Technologies and Management named after K.G. Razumovskiy, Moscow, Russia. E-mail: sergeyivz@yandex.ru

SALNIKOV Victor Petrovich

Doctor of Law, Professor, Editor-in-chief of the "Legal Science: History and Modernity" Journal, Honored Worker of Science of the Russian Federation, Honored Worker of Higher Education of the Russian Federation. E-mail: Fonduniver@bk.ru

Несмотря на то, что споры о понятии «право», о сущности права идут с давних пор, дискуссии по этому поводу не прекращаются. Более того, у каждого времени появляются свои подходы к решению вопроса о том, что есть право и как его познать,

Though, there have long been debates on the concept of "law", the essence of law, discussions on this issue continue. Moreover, every period brings its approaches in deciding the question of what is law and how to cognize it, new theories of

возникают новые теории познания права, различные взгляды к пониманию права. Рассматривая имеющиеся на сегодняшний день теории познания права и предлагаемые исследователями научные подходы к пониманию права, можно прийти к выводу о том, что каждая из этих теорий рассматривает право с той или иной стороны, однако, не оценивая право комплексно как сложное и противоречивое социальное явление. На основе изложенного авторы предлагают и формулируют новую теорию познания права, которой они дали название «компрехендная» (всеохватывающая) теория.

Ключевые слова: философия, философия права, право, теория государства и права.

knowledge of law, various views to understanding of law appear. Considering currently available theories of knowledge of law and scientific approaches to understanding of law, the authors conclude that each of these theories considers only one aspect of law, but it does not evaluate law comprehensively as a complex and controversial social phenomenon. Based on the above the authors propose and formulate a new theory of knowledge of law, which they call "comprehended" (all-encompassing) theory.

Key words: philosophy, philosophy of law, law, theory of state and law.

Как известно, за тысячелетия существования человека единого и устраивающего всех подхода к праву разработано не было. Это дало нам возможность поучаствовать в дискуссии о том, что есть право и как его познать. На основе проведенных нами исследований мы обосновали новый подход к праву и его познанию, названный нами компрехендным (от латинского *Comprehendo* – всеохватывающий).

Сущности данного подхода посвящена настоящая статья.

Вначале следует сказать, что право нам видится большим бриллиантом. Как известно, наиболее распространенная огранка бриллианта составляет 57 граней. И вот думается, что ученые видят ту или иную грань камня, подчас даже подробно рассматривают ее, при этом упуская из виду, что есть еще как минимум 56 граней этого же камня. То же происходит и с правом. Специалисты по одной грани этого феномена судят о нем как о целом. Очевидно, что получаемые таким образом теории со временем упрутся в неразрешимые противоречия. Далее появляются новые мыслители, которые также, иногда искренне полагая, что видят предмет целиком, заостряют взгляды на одном из проявлений предмета. Их теории также опровергаются другими концепциями, которые тоже далеки от совершенства. Исторически сколько было различных концепций понимания права? Казалось бы, не мало (позитивистская, естественная, договорная, психологическая, историческая, социологическая и т.д.). Однако их и не так много, как граней бриллианта.

Наши исследования позволили нам высказать предположение, что пока не будет создано значительное количество самостоятельных концепций, объективно и полно раскрывающих конкретные грани права, единого и общего понятия нам не удастся создать. Но как только количество определений права достигнет критической массы, оно перерастет в качество, в результате чего мы получим понимание права на уже совершенно новом уровне, может быть удивительным для нас всех.

Отсюда вопрос: если мы объединим все, что нам известно сейчас о праве, мы получим нечто большее и всех устраивающее? Судя по всему – нет. Пока мы лишь дошли до понимания того, что нельзя останавливаться только на одной концепции права, пытаться «делать» ее господствующей, главной. Надо стремиться объять право целиком, изучать право всеохватывающе. Такой компрехендный подход к изучению права в данном случае является наиболее подходящим. Надо сказать, что мы частично писали о компрехендном подходе в двух последних монографиях [11; 15], которые вызвали интерес и получили высокую оценку специалистов [19; 20; 28; 32; 33; 44].

Для указанного познания права нужна философия. Именно философия позволяет «подняться» над проблемой, оценить ее в историческом аспекте, в динамике, с учетом разви-

тия научных знаний о мире и бытии. Думается, что в философском плане значительное количество правовых исследований, хотя и имеющих глобальные цели, фактически представляют собой работу у подножия пирамиды. И наивно полагать, что «дистанцию огромного размера» мы преодолеем быстро. Причем подчас вместо подъема к знаниям работа ведется «по кругу». Например, более столетия назад Н.М. Коркунов подвел убедительный итог попыткам создания так называемой энциклопедии права. Он, в частности, написал: «Создать из энциклопедии науку наук, которая была бы вместе с тем и самостоятельной, особой наукой и обнимала бы собой содержание всех отдельных наук, оказалось невозможным» [21, стр. 33–34]. Вместе с тем, спустя столетие, к названной идеи предлагают вернуться заново.

Другой характерный пример. В настоящее время встречаются попытки объединить в интегральную теорию права теории естественного и позитивного права. Но ведь право – не только эти две теории. Значит, конструкция в таком виде обречена на провал. Философски подняться над проблемой и оценить, что объединение только указанных теорий будет совершенно не полным – получается не у всех.

Философских оценок требует современное отношение юридической науки к праву [34; 35; 36; 37; 38]. Так, в настоящее время отчетливо наблюдается, что о феномене «право» многие специалисты стали писать «возвышенно хорошо». Дескать, все, что связано с истинным правом – это справедливо и честно. А вот что несправедливо, тоталитарно, недемократично (хотя и содержится в правовых нормах) – это уже не право. Отсюда стали расхожими выражения – неправовой закон, антиправовая власть, антиправовые отношения и т.д. То есть, право, особенно в последнее время, стало идеализироваться.

Такой подход стал настолько распространенным в студенческой среде, что преподаватели ряда отраслевых дисциплин сетуют, что в вузах, в которых студентам внушается мысль о различии и противоречиях права и закона, крайне затруднительно приохотить будущих правоведов изучать кодексы и другой законодательный материал, так как многие студенты убеждены, что почти все это не является правом [23, с. 312].

Важно понять, что если будем смотреть на феномен права «через розовые очки» мы не приблизимся к пониманию права и его сущности. Следует признать, что если правовые нормы реформаторских законов приводят к массовому обнищанию населения, ущемлению потребностей в образовании и здравоохранении – то это правовой произвол. Произвол! Но именно правовой. Вместе с тем, применяемое популярное словосочетание «неправовой закон» выгораживает само право, как бы все объясняет и всех устраивает. При таких обстоятельствах право становится святыней, идолом, на который все молятся и не допускают критики. Мол: право – это по определению хорошо, честно, чисто, свободно от дурных примесей. О том же: право – это свобода, справедливость, равенство и ни как иначе. Например, В.С. Нерсесянц начал книгу о философии права так: философия права занимается познанием права как необходимой формы свободы, равенства и справедливости в общественной жизни людей [31, с. 1].

Но такое понимание права односторонне, а значит не объективно. Некритичность познания какого-либо явления противоречит самой сути философии. При некритичном исследовании истинных знаний не получишь.

Для философии права указанное положение таит в себе большую опасность. Некритичный подход доводит понимание какого-либо явления до гипертрофированных форм. Это неизбежно приводит к извращенному пониманию явления, сущности, концепции. Последующая критика, которая рано или поздно прорывается, подчас уничтожает не только сформированные подходы к изучаемому явлению, но и дискредитирует само явление, связанные с ним концепции и идеи.

Явный перегиб в одну сторону дает перенасыщение проблемой, в результате чего срывает «эффект маятника». В результате даже самые светлые и здравые идеи, приобретая гипертрофированную форму, подвергаются уже огульной критике, на длительный срок пре-

даются забвению и вытесняются другими концепциями, которые на поверку оказываются тоже не без изъянов.

Помимо того, философы права почему-то не всегда учитывают рефлексию философии. На протяжении всей истории развития человечества для философии было характерно постоянное переформулирование своих основных проблем. Одна концепция, вроде бы достаточно обоснованная, неизбежно сменяется другой, принципиально от нее отличающейся. Если специалисты, скажем, видят перспективы естественно-правовой теории как господствующей теории права в России на длительное время, то к данной теории тем более надо подходить более критично, осмысленно. Не только подчеркивать положительные характеристики этой теории, но и видеть определенные упущения, сложности применения с учетом сложившейся в России ментальности, правосознания и правовой культуры.

Предпринимаемые ныне попытки отгородить право от критики, думается, обречены. Даже если исходить из божественного происхождения права, то молиться будут Богу, а не праву. Что и естественно. Противопоставлять Бога праву либо дополнять Бога правом нелепо и бессмысленно [27].

Опять же, если попытаться как-то идеализировать право, создать такое право, к которому должны все стремиться, то его все равно не верно сводить до формы свободы, равенства и справедливости. Право значительно многогранней и неоднозначней, чем указанные выше категории. Причем точно определить указанные философские категории – сложнейший философский вопрос.

Право – это важное и необходимое явление общественной жизни. Но такими же по значимости являются и другие явления – культура, экономика и др. Возможна ли, например, идеальная справедливость в экономике, если, примитивно, один хочет подороже продать, а другой – подешевле купить? Возможна ли идеальная справедливость в правовом споре лиц при разделе имущества – справедливость у каждого своя. Возможна ли однозначная оценка произведений культуры (скажем, «Черного квадрата» Малевича), будет ли она полностью справедлива? При этом никто не пишет о неэкономной экономике, некультурной культуре и т.д.

Здесь следует сказать, что мы не отождествляем право и закон. Однако считаем в корне неверным эти понятия противопоставлять. Причем противопоставлять однобоко, односторонне, выгораживая право как явление, свободное от критики. Хочется спросить, почему пишут «неправовой закон», а не, например, «неправовое право»? Для чего обелять правовые нормы? Тем более, бывает так, что нормы, кажущиеся нам на сегодняшний день правовыми и во всех смыслах справедливыми, через исторический отрезок уже правовыми не кажутся. Например, реформы в России, проведенные в 1990-х годах и оформленные соответствующими правовыми нормами, первоначально казались именно правовыми, либеральными. Однако по прошествии уже небольшого количества времени они привели к значительным негативным последствиям: развалу государства, сепаратизму в России, национализму, обнищанию значительной части населения, вооруженным конфликтам и др. Неоднозначность результатов проведенных реформ признало и руководство страны. Сейчас очевидно, что нормы права, устанавливавшие ход указанных реформ, едва ли можно отнести к правовым (в том смысле, который закладывается отдельными учеными-идеалистами).

Но есть и обратные примеры. Приказ маршала Г.К. Жукова о защите Ленинграда любой ценой по своей жестокости, казалось бы, вряд ли уместится в правовые рамки. Однако ход истории объективно продемонстрировал высшую справедливость такого решения, правоту и правильность, то есть именно правовой характер. Сейчас всем очевидно, что если бы не удержали Ленинград, то количество убитых было бы в разы больше и вопрос победы над фашизмом оставался бы открытым. Надо сказать, что в истории человечества накопилось немало именно правовых норм, содержащих насилие и жестокость. Как верно по этому поводу написал В.З. Лившиц, для одних и тех же групп людей тот или иной закон олицетворяет ра-

венство и справедливость, он правовой, а для других групп – нет. Поэтому общего и однозначного критерия отличия правового закона от неправового не существует. При этом один и тот же закон может быть правовым и неправовым на разных этапах развития общества [24].

В связи с этим, концепция правовых и неправовых законов не может стать ориентиром для государственных органов и должностных лиц, применяющих право. Иными словами, данная концепция представляет собой некую умозрительную конструкцию, которая не может быть реализована при применении права. Здесь, на данном этапе в очередной раз ярко высвечивается вопрос именно научной, диалектической проверки идей и конструкций.

Глубокое исследование проблемы «правовых-неправовых» законов проведено О.Э. Лейстом. По его абсолютно справедливому мнению, серьезным препятствием на пути становления содержательных философских направлений изучения права в последние годы стала концепция, которая еще недавно называлась ее сторонниками «историко-материалистическая концепция различия и соотношения права и закона», а теперь переименована им в «либертарную». Закону, принятому государством, эта концепция противопоставляет право, сущность которого усматривается в свободе, равенстве и справедливости. На этом основано понятие «неправовой закон», не соответствующий представлениям о свободе, равенстве и справедливости. Исходя из такой концепции, в многовековой истории человечества вообще трудно найти «правовые законы». Если считать право воплощением свободы, равенства, справедливости, то история права начинается только с XVII-XVIII вв., а все предыдущее право (Законы Хаммурапи, Законы Ману, римское рабовладельческое право, все право Средних веков, в России – Русская правда, все Судебники и Уложения и т.п.) не должно считаться правом. Получается, что «либертарная концепция» как бы упразднила большую часть истории права. Отдавая должное теоретической смелости и последовательности основателя этой концепции В.С. Нерсисянца [29, с. 28–30, 46–49], отметим, что он упразднил и большую часть истории государства. Государство, по его мнению, конституируется только на основе «правовых законов», а все остальное, что до сих пор в истории считалось государством, было различными видами деспотизма, принципиально отличающимися от государства [23, с. 307-308].

Но дальше – больше. Как продолжил О.Э. Лейст свою мысль, на основе абстрактных рассуждений, противопоставляющих всегда хорошее право нередко плохому закону, трудно сформулировать какие-либо конкретные рекомендации современному законодателю, который принципиально признает идеи свободы, равенства и справедливости, но не всегда умеет воплотить их в законе. Кроме того, из поля зрения сторонников критикуемой концепции начисто выпало противоположное соотношение – хорошего закона и зыбкого, необеспеченного и потому плохого права. Пример такого соотношения – ст. 59 Конституции Российской Федерации о праве на замену военной службы альтернативной гражданской службой и невозможность реализовать это право из-за отсутствия законодательного определения порядка его осуществления. Сторонники различения права и закона не заметили, что право отличается от закона способностью реализовываться в конкретных правоотношениях, в правах и обязанностях членов общества и потому в праве не могут воплотиться чрезмерно общие формулировки (хорошего по замыслу) закона, не имеющие разработанного механизма их перевода в конкретные правовые отношения.

Кроме того, – как точно подметил, О.Э. Лейст, – из поля зрения сторонников различения права и закона начисто выпал также процесс реализации того и другого, ибо, по их мнению, право – идеи свободы, равенства и справедливости, а закон – тексты, которые могут этим идеям противоречить. Однако истории известны неплохие по литературному оформлению законы, тексты которых возвещают свободу, равенство и справедливость для того, чтобы замаскировать бесправие, террор, нарушение элементарных прав и свобод человека. Такова была Конституция СССР 1936 года, демократические положения которой носили декларативный характер и

являлись формой пропаганды в годы массовых репрессий. Была ли, по мнению сторонников либертарной идеи, эта Конституция «правовым законом»? [23, с. 309–310].

Полностью соглашаясь с названным ученым, хочется добавить один пример, ярко характеризующий однобокость и неточность подхода «к праву как к определенно хорошему явлению по отношению к плохому закону».

Конституцией Российской Федерации человек, его права определены как высшая ценность для Российского государства (ст. 2). Для реализации такого права изданы неплохие по содержанию законы. Казалось бы все верно? Действительно, к законам, по большому счету, претензий нет – все они соответствуют Конституции Российской Федерации, исполняют ее посыл о том, что права человека есть высшая ценность. Однако возникает вопрос, а верно ли само право о том, что человек и его права являются именно высшей ценностью? Что выше прав конкретного человека в России иных ценностей нет? Что, противопоставляя единичные интересы общим, приоритет должен быть у единичных? Что разве не является ценностью Родина, государство, Вера, наконец, жизнь и здоровье своих соотечественников?

Об этом еще в 1915 году писал известный русский юрист С.А. Котляревский. Он отмечал, что нет правового государства без сознания у граждан ценности права, без любви к праву, борьбы за право. Но нет и государства там, где не существует готовности в известные минуты жертвовать этой любовью, этой даже привычкой к уже достигнутому правовому укладу во имя обязанностей перед родиной, во имя ответственности за ее независимость, безопасность, во имя служения достойному ее историческому развитию. «В этом смысле гипертрофия правового инстинкта, известная, так сказать, политическая изнеженность может оказаться в борьбе за жизнь (а от этой борьбы в самой острой форме не застраховано ни одно государство) опасным качеством, если оно не уравновешивается достаточным запасом элементарного непосредственного патриотизма. С другой стороны, государство нуждается не только в готовности граждан принести себя в жертву, ему необходима их способность пережить эту жертву как подъем национального одушевления, ему должна быть присуща сила вызвать это одушевление. Получается странный парадокс: способность граждан жертвовать правовыми благами сама связана с высоким правовым уровнем государственной организации. Болезненная и опасная – с виду – дисгармония превращается в ту высшую гармонию, искать которой всюду велит заповедь жизни» [22, с. 373–374].

В России, на которую не менее два раза в век нападают завоеватели, жители которой выросли в общине, воспитывались из века в век коллективным трудом, особенно воспринимая слова: патриотизм, Отечество, самопожертвование ради других.

О том же, являясь выразителем мнения русского народа, говорит Русская Православная церковь. В Декларации о правах и достоинстве человека от 6 апреля 2006 года, принятой X Всемирным русским Национальным собором, говорится, что права и свободы неразрывно связаны с обязанностями и ответственностью человека. Личность, реализуя свои интересы, призвана соотносить их с интересами ближнего, семьи, местной общины, народа, всего человечества. Существуют ценности, которые стоят не ниже прав человека. Это такие ценности как вера, нравственность, святыни, Отечество. Когда эти ценности и реализация прав человека вступают в противоречие, общество, государство и закон должны гармонично сочетать то и другое. Нельзя допускать ситуаций, при которых осуществление прав человека подавляло бы веру и нравственную традицию, приводило бы к оскорблению религиозных и национальных чувств, почитаемых святынь, угрожало бы существованию Отечества. Русской Православной церкви опасным видится и «изобретение» таких «прав», которые узаконивают поведение, осуждаемое традиционной моралью и всеми историческими религиями.

Тем самым Русская Православная Церковь подтвердила мнение о том, что и поныне общественные интересы на Руси стоят, по меньшей мере, не ниже, чем интересы личные, собственные. Поэтому несомненно, что Конституция Российской Федерации должна провоз-

глашать высшей ценностью права не только конкретного человека, но и российского общества, значимость Отечества, его защиту от завоевателей.

Следует признать, что нормы Конституции Российской Федерации в части провозглашения прав конкретного человека высшей ценностью при недооценке значимости Родины и Отечества, не до конца корректны. При этом в законах содержатся нормы о защите государства и общества. То есть, по сути, нормы Конституции в данном случае являются образчиком того, что право бывает не просто несовершенно, но и хуже законов, его реализующих.

Таким образом, право не следует идеализировать. Оно представляет собой явление общественной жизни, человеческой жизни и отражает процессы, происходящие с людьми. Говоря о естественных правах человека (право на жизнь, свободу совести, перемещения, вероисповедания и т.д.) никто не будет спорить с тем, что все эти права появляются у человека после рождения, но ни как не до рождения. То есть право неразрывно связано с живым человеком, родившимся и тем самым появившимся в общественной жизни. Соответственно, нельзя отделять право от человека и общества. Право – не облако, витающее где-то вне людей. А поскольку право неразрывно связано с человеком и обществом, про него не следует говорить как о чем-то сверхъестественном, возвышенном. Оно просто отражает и общество в целом, и конкретных людей – их достоинства и их пороки.

Для нас была и остается загадкой, почему именно право подвержено такой идеализации среди правоведов (в основном теоретиков права). Экономисты, культуру, политику специалисты в этих областях оценивают более взвешенно и объективно, без иллюзий.

Возможно, сам феномен права содержит в себе постоянное стремление человека к доброте, честности, справедливости. Или может быть идеал из права создают ученые, несколько оторванные от конкретных правовых реалий, застопоренности многих правовых механизмов, волокиты в спорах, несправедливости, нечестности, подлых уловок, подкупа или давления на суд и т.д.? Заметим, что эти качества были и есть у права всегда, на протяжении всей истории. Они многократно описаны в литературе, исторических работах, да и самими юристами. Надо жить в реалиях. Нами был проведен социологический опрос пяти тысяч москвичей, россиян. Им был задан вопрос: «Что такое право, по Вашему мнению? Если затрудняетесь, то с каким словом (словами) у Вас ассоциируется право?»

Ответ сильно озадачил. 86 % опрошенных ответили, что право это запрет либо это слово ассоциируется в первую очередь с запретом и наказанием! 5 процента – затруднились. 9 процентов ответили иначе. Но приводить другие ответы, думается и не так важно за явным преимуществом понимания права через запрет чего-либо и наказания в случае неисполнения [15, с. 85].

Надо сказать, что нами ранее, при подготовке предыдущей монографии по философии права, опрашивалось две тысячи москвичей. Цифры были очень схожи. В частности, тогда для 83% опрошенных право ассоциировалось с запретом и наказанием [11, с. 50].

Что же получается? Ученые пишут о мере свободы, равенства и справедливости, а у людей, общества оно главным образом ассоциируется с запретом и наказанием? И почему запрет и наказание в праве более значимы для людей, чем обязательные установленные правила или узаконенный порядок осуществления каких-либо действий?

Конечно, желательно провести подобный опрос с максимальным учетом всех параметров опрашиваемых: возраста, образования, социального положения и пр. Разбивку ответов желательно тоже сделать по социальным группам. Это, конечно, даст возможность установить более точные результаты общественного мнения, нежели случайная выборка пяти тысяч москвичей.

Мы открываем нашим последователям широкий пласт научной работы. Особенно интересно провести такой опрос в наиболее развитых европейских странах и сравнить с полученными в России данными. Мы не исключаем, что в Западной Европе результаты могут быть другие. Но могут быть и примерно такие же, так как, по нашим наблюдениям, там раз-

виты не только законопослушание, но и законобоязнь. Так, не проводя исследования за границей, мы обнаружили цитату известного австрийского философа Ф. Хайека: «Осмысливая собственные права, мы понимаем чего нельзя делать» [26, с. 154].

С одной стороны хорошо, что право ассоциируется у россиян с запретом и наказанием, но не насилием и жестокостью. Однако, с другой стороны, запрет и наказание – не позитивная реакция человека. Они не радуют и как правило не вызывают положительных эмоций. Значит логично предположить, что право позитивных эмоций у большинства людей не вызывает. А говоря точнее, вызывает негативные [14; 41]. При этом даже если допустить, что при опросе конкретных слоев населения будут несколько иные результаты, то все равно 86 % ассоциирующих право с запретом и наказанием – это очень много.

Чем опасны запрет и наказание? В них не ищут спасения, защиты. К запрету можно привыкнуть как к необходимости. Но душа запреты не любит. И здесь важно понять, почувствовать разницу. Приведем элементарный пример. Всем понятна важность правил дорожного движения. Можно сказать, что правила дорожного движения регулируют правила поведения на дорогах и это хорошо. Можно сказать, что правила дорожного движения требуют вести себя на дорогах только так, а не иначе. Но можно сказать, что правила перечисляют, как запрещено вести себя на дороге, а за несоблюдение устанавливают наказание. Казалось бы, особой разницы нет. Все утверждение правдивы и справедливы, смысл по большому счету один и тот же. Однако в первой фразе чувствуется позитивный настрой к правилам, во втором – нейтральный. Но в третьей фразе слышится откровенно негативный настрой, из которого чувствуется, что соблюдать эти правила не хочется, если бы не опасность (строгость) наказания. Люди, воспринимающие право подобным образом, не ждут от него ни помощи, ни чего-либо хорошего. По этому поводу В.П. Малахов достаточно верно подметил, что правосознание негативно в том смысле, что вся его специфика обнаруживается в сфере запретов [26, с. 154].

Вместе с тем, применительно к российской ментальности именно с помощью строгих наказаний можно добиться уважение к праву в целом и правам окружающих в частности.

Однако на изложенное можно посмотреть и с другой стороны. Право в определенной мере – это протест общества на поведение человека. А можно сказать, что общество в определенной степени и формирует право в целом, и права конкретного человека в частности. Иными словами, сплошные диалектические переплетения и взаимозависимость. Отсюда во многом корни разрабатываемого нами направления компрехендного изучения права.

Признаемся, мы не до конца поняли мысль, высказанную В.М. Сырых и поддержанную О.Э. Лейстом, о том, что «...Признание закономерностей права как предмета общей теории права носит чисто формальный характер. Ибо никто еще в процессе изложения не выделил и даже не предпринимал попыток к тому, чтобы назвать конкретные закономерности права» [23, с. 307; 43, с. 40]. Но разве выявленные в процессе научных исследований существенные характеристики права (нормативность, официальное установление и охрана государством, системность, формальная определенность, авторитетность) в определенной мере не относятся к его закономерностям, исходя из чего формулируется *юридическое* (выделено нами – С.З., В.С.) понятие права?

Указанные признаки и есть проявления системных закономерностей права как юридического явления. Причем эти признаки, выявленные в ходе изучения права, в том или ином виде приводятся во всех учебниках общей теории государства и права, в том числе в книге О.Э. Лейста? В праве исследователями отмечались и другие закономерности.

Мы специально выделили слово «юридическое» потому, что здесь право рассматривается именно и только через призму юридических, а не философских знаний. Равно как хирургическую операцию можно смотреть исключительно с точки зрения медицины как совокупность действий по удалению злокачественных опухолей. Но можно и с философской точки зрения о том, хорошо ли в принципе хирургическое вмешательство, критерии допустимости

такого вмешательства, реальности сохранения качества жизни после операции и пр. То же самое и с юриспруденцией. Право – с юридической точки зрения имеет закономерности, достаточно подробно изученные теорией государства и права. С философской точки зрения вопрос стоит шире: это и ценность права, и познаваемость его норм, и правильность выбранных для познания методов, и гуманность права, и вопрос об изначальной справедливости ограничения прав других (таких же) людей, и допустимость насилия в праве, пределы насилия, и реальность получения нужного правового регулирования и т.д., и т.п.

Право, как и любой феномен, можно оценить через прошлое, настоящее и будущее. Если с прошлым правом более-менее понятно, то настоящее право напоминает философский вопрос: наполовину налитый стакан полупустой или полуполный? Будущее право достаточно туманно, так как нельзя сказать, что ученые в настоящее время абсолютно точно представляют себе, каким оно должно быть.

В предлагаемых современных концепциях (естественных, либертарных, интегральных, других) присутствует много идеализма. Однако человечеству пока не удалось и в ближайшем будущем, несомненно, не удастся создать идеального общества, хотя бы общества абсолютно справедливого. Вне идеального общества модели идеализированного права в полном объеме не реализуемы, они будут преломляться в самых разных направлениях, возможно, доходящих и до антиправовых. Примеры того, когда светлые идеи превращаются в беззаконие и террор всем известны.

Возможно, свет в конце тоннеля будет виден тогда, когда человечество придет к единому пониманию слова справедливость. Когда этот термин будет одинаково осознаваем человечеством, можно будет говорить о правовых концепциях, обеспечивающих его реализацию в жизни, бытии. Именно в таком случае нормы права могут быть справедливыми для всех. Однако справедливость – есть философская категория. За всю историю человечества единого и устраивающего всех понимание справедливости не создано [16; 17; 18; 47; 48]. Значит, под различное понимание справедливости будут и различные, вплоть до взаимоисключающих, подходы к праву, представления о том, каким право должно быть. Думается, что человечеству в своем развитии предстоит пройти немало ступеней, миновать не одно столетие, чтобы прийти к праву как всеобщему гаранту справедливости.

Надо учитывать и зависимость права от внешних факторов, например, от экономики. По Ф. Энгельсу право практически полностью зависит от экономики. Право зависит от экономики по позитивизму. Право частично, но тоже зависит от экономики по юснатурализму. Даже если признавать право некоей данностью, главенствующей и правящей в мире, без сильной экономики многие естественные права человека станут ничего не содержащими и не имеющими практического смысла лозунгами (право на достойную жизнь, право на уважение, право на защищенную старость и др.). То есть право, как минимум частично, в некоторой степени зависимо от экономики [13]. Этот вывод важен, ибо в таком случае надо объективно признать, что право не может быть полностью справедливым. Ведь экономика справедливой быть не может. И если право хотя бы частично зависит от экономики, то оно как минимум иногда по определению несправедливо. В целом, современному обществу еще далеко до таких высот, как свобода, равенство и справедливость. И конкретные правовые механизмы по достижению этих целей, идеалов (именно так их и следует рассматривать) пока не созданы [40].

Разработка таких правовых механизмов во многом может быть связана с универсализацией (если такое возможно) понятий справедливости, равенства и свободы. Здесь открываются широкие горизонты для философов, в том числе специализирующихся на философии права.

Причем в современном мире разработать, открыть, создать что-либо не достаточно. Не менее важно иметь возможность опубликовать свои достижения, высказаться, а далее – быть услышанным. Триединство – создать, рассказать, быть услышанным – научный идеал, подчас достигаемый, нередко достигаемый с опозданием, а иногда и не достигаемый вовсе.

Многие современные специалисты, познавая право, отталкиваются от какой-либо устраивающей их концепции происхождения права.

Однако мы бы предложили вначале оценивать сущность и содержание права. Это процесс весьма интересен.

Ведь право – это и защита от насилия, и насилие по принуждению исполнения норм, и регулятор насилия. Причем в каждом обществе с учетом его ментальности, традиций, культуры и других социальных факторов параметры регулирования насилия различны.

Право – это и реализация человеком потребностей, и их ограничение, и регулятор потребностей. При этом, если так можно выразиться, право обеспечивает жизнь человека человеческой.

Право – это и конкретные законы издаваемые государством, и бытие, не зависящее от конкретных законов и даже побуждающее издавать эти законы.

Право – это и разумный регулятор жизнедеятельности, и бессмыслица, абсурд, безрассудность (например, бессмысленные и комичные законы в прецедентном праве). Право показывает как интеллектуальность, так и безрассудство человечества.

Право стремится к справедливости, но одновременно допускает и несправедливость.

Право направлено на установление объективной истины, и в то же время – допускает ее неустановление.

Право динамично и, одновременно, противоречиво в своей динамике. Так, в зависимости от внешних общественных факторов одно и то же деяние может считаться преступлением, а может эффективным ведением дела (напр. спекуляция).

Право просто и понятно с точки зрения вечных ценностей (не убий, не укради), но в то же время трудно с точки зрения квалификации указанных деяний.

Право в ряде случаев формирует политику и, одновременно, является инструментом политики. При этом право не может решать все проблемы человечества, хотя многие почему-то его таким видят.

Право регулирует экономику и в то же время зависит от экономических процессов.

Подобные размышления можно продолжать и продолжать. В конечном счете, видится, что право – это, несомненно, сложное диалектическое многофакторное социальное явление, зависящее от объективных и субъективных факторов. К субъективным факторам, например, можно отнести самодурство лица, правомочного издавать правовые нормы (таких примеров много).

Таким образом, право – есть сложное социальное явление, многоаспектное и противоречивое, которое надо рассматривать без идеализации. Этот вывод лежит в основе формирования и формулирования нами теории комплексного изучения права.

Нас не вполне устраивают распространенные в наше время определения права, поскольку они, хотя и раскрывают черты права, но, во-первых, достаточно односторонни, а во-вторых, как уже отмечалось, рассматривают право идеалистично и не объективно.

Если право само по себе сложное и противоречивое социальное явление, то соответственно этими противоречиями пропитано и правовое бытие. Противоречивость правового бытия проявляется в принятии правовых законов в сфере экономики, которые практически всегда улучшают положение одних и, тем не менее, ухудшают положение других. Причем подчеркнем – в принятии именно правовых законов.

Или правоприменительная практика. Сейчас в мировую моду вошел так называемый состязательный процесс. Он считается наиболее демократичным, обеспечивающим равенство сторон и т.д. В ходе такого процесса стороны нередко предоставляют суду противоположные и взаимоисключающие сведения о предмете спора. Сие означает, что как минимум одна из сторон откровенно врет. В результате суд выносит решение. И указанное действие считается правовым! При этом решения суда зависят от хитрости сторон, изворотливости адвокатов, красноречия и т.д. Как все понимаем, решения суда отнюдь не всегда правильны. А право в

данных случаях, – что парадоксально! – по сути, выступает регулятором вранья, провокатором и стимулятором лжи, а вовсе не установления истины и справедливости. Некоторые процессуалисты (мы их поддерживаем) считают, что и в состязательном процессе суд должен устанавливать именно объективную истину [12]. Но это, увы, не меняет сущности права, которое своими нормами фактически регламентирует ложь (или возможность лжи) как минимум одной из сторон в суде.

Интерес к праву в последнее время, как нам кажется, в научной среде возрос. Появились содержательные работы, исследующие сущность права, предлагающие новые подходы к его познанию. Например, В.М. Шафиров обосновывает особый статус Конституции в познании и понимании права. Он пишет, что Конституция не является видом закона, она не может быть одновременно правом и давать название отдельной отрасли права. То есть, по мысли автора, Конституция имеет надотраслевой характер, общеправовой характер [46, с. 2–4]. Ю.П. Боруленков предлагает развить идеи постмодернистов, в частности Х.-Г. Гадамера, и пытается обосновать методологический статус герменевтики в юридическом познании [2; 3]. Ф.Х. Галиев, следуя за А.С. Ахиезером, предлагает к познанию права и правовой культуры подходить, используя философию синкретизма [4; 5; 6; 7; 8; 9].

Иногда в предлагаемых работах можно встретить достаточно резкую критику современного состояния соблюдения законности, а сами законы критикуются всегда и везде. При этом, что приятно, вместо огульной критики появляются конкретные и осмысленные предложения по совершенствованию законов и других нормативных правовых актов. Собственно, распространение и популяризация права тоже есть один из элементов правового бытия. Но опять же. Практически везде право идеализировано. Например, известная сентенция, что действующие законы плохие и тем самым не правовые.

Думается, что многие юристы осознанно или в силу моды в рассуждениях допускают методологическую ошибку. Они копируют в юриспруденции процедуру рассуждений и процедуру доказываний из естественных наук, где необходимы искусственные величины (например, «идеальный газ»). Появляются такие термины как «идеальное общество», «идеальное государство». А к термину «право» слово «идеальное» уже и не добавляется, так как многие стали считать, что право идеально по определению.

Допустимы ли такие грубые аналогии в гуманитарных науках? Полагаем, что нет, поскольку очевидно, что создать идеальные условия в обществе и государстве для всех принципиально невозможно. Принципиально невозможно создать и устраивающее всех право. Однако российского законодателя и его научной поддержки в лице ученых этот очевидный философский вывод перестал быть проблемой. В результате в России произошел целый парад законов, которые не исполнялись и никогда не могли быть исполненными в силу нереальности их требований. Самое поразительное, что авторы законов, пытаясь оправдать свои ошибки, заявляли, что законы приняты для идеального общества, до которого России еще далеко. На самом деле такое объяснение наглядно демонстрировало отход указанных авторов от основ философии и их же методологическую ошибку. В физике можно ставить опыт, имея в виду идеальные условия для какого-либо процесса или вещества. Однако в юстиции принимать законы исходя из идеальной идеи, что например, преступности больше нет, недопустимо. Такие законы не просто не смогут соблюдаться, но и обозлят общество, которое заставит законодателя внести коррективы. Но при этом может обостриться социальная обстановка в государстве и обществе, которую органы государственной власти могут не сдержать.

Нам кажется, что юристам – ученым и практикам – надо быть ближе к философии, обновляться на ней, и в силу этого больше сомневаться, смотреть на правовые явления критично. Шаг в этом направлении станет началом движения от наблюдаемого мифического правового идеализма в сторону правового реализма, комплексного изучения права.

Сейчас, наверное, не существует ни одной области общественных отношений, которые в той или иной степени не были урегулированы правом. Нормы права по своему отражают и характеризуют экономику, культуру, политику, историю, интеллект, образ мысли, отношение к человеку и т.д.

При таких обстоятельствах, право – есть одна из форм отражения бытия. А поскольку право немислимо без человеческого бытия – то это форма отражения общественного бытия, призванная регулировать возникающие общественные отношения.

Вопрос о возможности наличия правового бытия без человека тоже надо смотреть через призму реализма и объективности. Что это за такое бытие, где человека нет, но право есть? Между кем право регулирует отношения в безлюдном бытии? Нужно ли право в бытии без людей? На наш взгляд, ответы на эти и другие аналогичные вопросы очевидны. Правовое бытие, конечно, не может быть без человека. Право без человека лишается смысла.

В связи с этим, право не стоит рассматривать как некую полностью самостоятельную субстанцию.

Следующий момент связан с тем, через что познается право и правовая реальность [1; 25; 39; 42]. Сейчас в российской юридической науке достаточно распространено мнение В.С. Нерсеянца о том, что право познается через правовой закон [30, с. 64]. Как писал ученый, правовая либертарная гносеология в качестве искомой истины берет объективное научное знание о природе, свойствах и характеристиках правового закона, о предпосылках и условиях его утверждения в качестве действующего закона. Анализируя изложенное утверждение, А.Н. Чашин пишет, что, по мнению В.С. Нерсеянца, гносеологическое отличие либертаризма от юснатурализма здесь проявляется в том, что упор делается на закон, а не на право (для юснатурализма характерен акцент именно на естественное право). Отличие от легизма (юридического позитивизма) – в том, что последний изучает любой закон как право, а либертаризм в качестве права изучает только правовой закон, отделяя от права законы, противоречащие ему. Поиск истины для юснатурализма – в естественном праве, для легизма – в позитивном праве, для либертаризма – в правовом законе [45, с. 54].

Такая точка зрения сомнительна по той простой причине, что, как уже отмечалось, правовой закон – понятие очень субъективное. И то, что может считаться правовым для одной социальной группы, будет считаться неправовым для другой. В первом приближении нам представляется, что право более целесообразно оценивать в целом через его источники. Не следует выделять из права только законы или только правовые законы. Право надо оценивать целиком, с учетом каждого источника права, в том числе, такого, как правовой обычай, достаточно распространенного в мировой практике. Здесь любопытно привести высказывание директора Института философии РАН А.А. Гусейнова о его соприкосновении с правом. Он пишет: «Как директору института мне пришлось пару раз иметь дело с судом. У меня осталось самое тяжелое ощущение от всего этого. Рассматривая реальную ежедневную жизнь института, могу сказать: на 95, может быть, на 99 процентов все отношения в институте, его позитивная деятельность основаны на обычае, устоявшихся стереотипах поведения, устных договоренностях, здравом смысле – словом, на вещах, которые, если вынести их в суд, то они сразу же могут быть поставлены под сомнение» [10, с. 14]. А.А. Гусейнов также пишет, что насыщая российское общество юристами, мы нарушили историческую, характерную для нашего общества меру соотношения права и закона со справедливостью, нравственностью и обычаем [10, с. 14].

Комплексная и системная оценка права через источники права позволяет добиться, как нам кажется, большей объективности и честности его познания.

Правовое бытие диалектично, то есть содержит и внутренние противоречия. Наиболее ярко это проявляется в пределах правового регулирования общественных отношений. С одной стороны, общество стремится к максимальному урегулированию общественных отноше-

ний правом. Буквально так, чтобы на любую жизненную ситуацию, во-первых, была соответствующая правовая норма, а во-вторых, чтобы эта норма не была противоречивой, однозначно понималась и применялась. Движение в эту сторону видят и ощущают все. Правовой массив заметно увеличивается. За последнее время ушло в небытие понимание юриста как человека, если не знающего, то хотя бы ориентирующегося во всех законах. Потребовалась более узкая специализация на специалистов области уголовного, гражданского и административного права. Однако и там рост правового массива объективно обусловил необходимость еще более узких дифференциаций специальностей. Так, из гражданского права «выпестовались» специалисты по земельному, семейному, трудовому праву и т.д. Однако дальнейший рост законов и подзаконных нормативно-правовых актов продолжается, требуя еще более «узких» специалистов. Например, в настоящее время очень ценны юристы – специалисты по такой небольшой части административного права, как правилам дорожного движения. Правила дорожного движения, их применение, разбор дорожно-транспортных происшествий имеют тысячи нюансов. И такие нюансы значимы для людей.

Но, с другой стороны, для любого общества желательно, чтобы законы были известны, просты и понятны всем. Сейчас даже юристу не всегда под силу разобраться с множеством тонкостей современной правовой системы конкретного государства. В итоге большинство людей, как это ни парадоксально, перед нормами права достаточно беззащитны. Указанный вывод подтверждает бесчисленное множество примеров, когда образованные люди, имеющие при этом богатый жизненный опыт, легко оказывались обманутыми не только мошенниками, но и государственными чиновниками (теми же инспекторами ГИБДД), ловкими юристами.

В правовом бытии получился очередной парадокс и внутреннее противоречие. Общество и люди с одной стороны заинтересованы в том, чтобы все было четко регламентировано правом, а с другой стороны, уже не могут «переварить» уже имеющийся правовой массив. При этом право, увы, в силу объективных причин может действовать против человека и общества. Если еще недавно, фраза: «Невозможно сделать шаг, что-нибудь при этом не нарушив!», – воспринималась с юмором, то сейчас в ней слышится все больше трагизма. Причем в данном случае все – как обычные горожане, так и государственные чиновники, – находятся в принципе в одинаковых условиях. Государственные чиновники, служба которых регламентирована комплексом инструкций и приказов, также легко могут стать субъектами как административной, так и уголовной ответственности. Под стать сказанному русская народная поговорка: «Был бы человек, а статья найдется».

Таким образом, право и правовая реальность предстают сложными и диалектически противоречивыми явлениями.

Изложенное позволяет «крупными мазками» сформулировать теорию комплексного изучения права. Первоначально надо сказать, что актуальность формирования и формулирования этой теории вызвана необходимостью с философских позиций обратиться к понятию права, оценить его комплексно и честно, отказываясь от часто применяемого сегодня метода идеализации права. Указанная теория, по нашему замыслу, должна выполнить роль частной теории в философии права.

Как известно, любая теория изучает закономерности возникновения, функционирования и развития. С точки зрения философской теории познания объект – это то, на что направлено познание. Объект – это та часть реальности, на постижение которой направлены усилия исследователей. Этой реальностью выступают объективно существующие общественные отношения, регулируемые правом.

Предмет должен отражать главные, сущностные стороны объективной действительности. Основываясь на диалектической теории познания, предметом теории комплексного изучения права является само право как сложное, противоречивое, многоаспектное, динамично меняющееся социальное явление, оцениваемое без господства какой-либо правовой концепции.

Предмет теории компрехендного изучения права включает также:

-Закономерности диалектических сущностных противоречий в праве и правовом бытии (некоторые из них были названы).

-Закономерности влияния на адекватную и объективную оценку права и правовой реальности сторонних факторов (к таким факторам относятся экономика, политика, идеология, роль руководителя государства и др.)

Перспективы развития права в контексте правовой реальности.

Мы начали статью с того, что бриллиант получился из алмаза тогда, когда обосновали необходимость его 57 граней. Полагаем и надеемся, что как только перед исследователями права откроется примерно такое же множество граней и черт права, четко определится его сущность и предназначение. Это произойдет не сейчас, и, думается, не в ближайшее время.

Путь к познанию права лежит не через упорное обоснование какой-либо одной концепции права, чем нередко «грешат» многие ученые. Однако и не через интегральную теорию права, сводящуюся к попыткам взять «лучшее» из имеющихся правовых концепций, в основном из юснатурализма и позитивизма. Полностью не познав право, невозможно сказать, что в нем «лучшее», а что – «худшее». Речь идет и не об объединении разных правовых концепций. Смысл предложенного подхода нам видится в строго объективном, реальном, деидеализированном, деидеологизированном познании права, не допуская господства какой-либо концепции. Чем объективней мы будем оценивать право как сложное, противоречивое, многогранное социальное явление, четче вскрывать все его противоречия и изъяны, сильные и слабые стороны, возможности и пределы этих возможностей и т.д., – тем скорее мы придем к познанию права.

Библиографические ссылки

1. Бачинин В.А., Сальников В.П. Правовая реальность в контексте цивилизации и культуры. Методология причинного анализа : монография / под ред. В.П. Сальникова. СПб. : Фонд «Университет», 2005. (Серия «Наука и общество»).
2. Боруленков Ю.П. Юридическое познание (некоторые методологические, теоретические и праксеологические аспекты) : монография / под науч. ред. проф. В.Н. Карташова. М. : Юрлитинформ, 2014.
3. Боруленков Ю.П. Юридическое познание, доказательство и доказывание (методология, теория, практика) / под науч. ред. проф. В.Н. Карташова. М. : Юрлитинформ, 2016.
4. Галиев Ф.Х. Воздействие права на общественные отношения и синкретизм правовой культуры // Вестник Башкирского ун-та. 2013. Том 18. № 4. С. 1352–1356.
5. Галиев Ф.Х. О синкретизме правовой культуры // Правовое государство: теория и практика. 2013. № 4 (34). С. 36–73.
6. Галиев Ф.Х. Синкретизм правовой культуры и оптимизация общественных отношений // Вестник Башкирского ун-та. 2014. Том 19. № 1. С. 336–341.
7. Галиев Ф.Х. Синкретизм правовой культуры современной России: теоретико-методологическое и историко-прикладное исследование : дис. ... д-ра юрид. наук. М. : Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, 2014.
8. Галиев Ф.Х. Синкретизм правовой культуры современной России: теоретико-методологическое и историко-прикладное исследование : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М. : Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, 2014.
9. Галиев Ф.Х. Синкретизм современной правовой культуры : монография. Уфа : БашГУ, 2011.
10. Гусейнов А.А. У философов и юристов много общих тем // Философия права в начале XXI столетия через призму конституционализма и конституционной экономики / под ред. В.В. Миронова и Ю.Н. Солониной. М., 2010.
11. Захарцев С.И. Некоторые проблемы теории и философии права / под ред. В.П. Сальникова. М., 2014.
12. Захарцев С.И. Право и истина // Мир политики и социологии. 2012. № 9. С. 146–152.
13. Захарцев С.И. Экономика и право: проблемы соотношения // Правовое поле современной экономики. 2012. № 8. С. 49–54.

14. Захарцев С.И., Сальников В.П. Конвергенция в праве, русская ментальность и психология нищенства: философская и философско-правовая проблема // Мир политики и социологии. 2015. № 1. С. 166–180.
15. Захарцев С.И., Сальников В.П. *Философия. Философия права. Юридическая наука*. М., 2015.
16. Исмагилов Р.Ф. Право и справедливость в контексте исторических традиций // Мир политики и социологии. 2016. № 5. С. 87–92.
17. Исмагилов Р.Ф., Сальников В.П. Право и справедливость в европейских правовых дискуссиях первой трети XX века // Мир политики и социологии. 2016. № 7.
18. Исмагилов Р.Ф., Сальников В.П. Право и справедливость в европейских правовых дискуссиях середины XX– начала XXI веков // Мир политики и социологии. 2016. № 8.
19. Керимов Д.А. В развитие дискуссии о философии и праве. Рецензия на монографию С.И. Захарцева и В.П. Сальникова «Философия. Философия права. Юридическая наука» М.: Юрлитинформ, 2015. – 264 с. // Правовое поле современной экономики. 2015. № 1. С. 78–85.
20. Керимова Т.В. Классическая монография о философии и праве. Рецензия на монографию С.И. Захарцева и В.П. Сальникова «Философия. Философия права. Юридическая наука» М.: Юрлитинформ, 2015. – 264 с. // Юридическая наука: история и современность. 2016. № 5. С. 168–172.
21. Коркунов Н.М. *Лекции по общей теории права*. Переизд. СПб., 2004.
22. Котляревский С.А. *Власть и право. Проблема правового государства*. М., 1915.
23. Лейст О.Э. *Сущность права. Проблемы теории и философии права*. М., 2011.
24. Лившиц Р.З. *Современная теория права. Краткий очерк*. М., 1992.
25. Максимов С.И. *Правовая реальность: опыт философского осмысления*. Харьков : Право, 2002.
26. Малахов В.П. *Философия права*. М., 2008.
27. Масленников Д.В. Богочеловек и идея права // Мир политики и социологии. 2015. № 12. С. 167–172.
28. Масленников Д.В., Степашин С.В. *Философия права и компрехендная теория права*. Рецензия на монографию С.И. Захарцева и В.П. Сальникова «Философия. Философия права. Юридическая наука» // Юридическая наука. 2016. № 6. С. 177–179.
29. Нерсесянц В.С. *Теория государства и права*. М., 2001.
30. Нерсесянц В.С. *Философия права*. М., 1998.
31. Нерсесянц В.С. *Философия права*. М., 2011.
32. Покровский И.Ф., Гук А.И. Когда философия и право снова вместе. Рецензия на монографию С.И. Захарцева «Некоторые проблемы теории и философии права» / под ред. В.П. Сальникова. М.: Норма, 2014. – 208 с. // Мир политики и социологии. 2015. № 7. С. 184–190.
33. Покровский И.Ф., Исмагилов Р.Ф., Гук А.И. Действительно, философия и право снова вместе в исследованиях современных научных мыслителей. Некоторые идеи по поводу рецензии Д.А. Керимова и монографии С.И. Захарцева и В.П. Сальникова «Философия. Философия права. Юридическая наука». М.: Юрлитинформ, 2015. – 264 с. // Юридическая наука: история и современность. 2015. № 9. С. 196–200.
34. Раянов Ф.М. *Философия права: дискурсивный анализ и новые выводы*. М. : Юрлитинформ, 2017.
35. Раянов Ф.М. *Фундаментальные основы современной философии права* // Юридическая наука: история и современность. 2016. № 8.
36. Раянов Ф.М. Концепция устойчивого развития и российская государственно-правовая действительность // Право и политика. 2004. № 12 (60). С. 5–10.
37. Раянов Ф.М. *Юридическое право: время разбираться по существу*. Уфа : Издание БашГУ, 2001.
38. Раянов Ф.М. *Правовая организация общественной жизни: теория и практика* // Государство и право. 2004. № 12. С. 5–9.
39. Рожкова А.К. *Правовая реальность и правовой идеал: точки соприкосновения* // Известия ИГЭА. 2010. № 6. С. 164–168.
40. Ромашов Р.А., Ветютнев Ю.Ю., Тонков Е.Н. *Право – язык и масштаб свободы : монография*. СПб. : Алетей, 2015. (Толкование источников права).
41. Рохлин В.И., Захарцев С.И., Миронов М.А., Стуканов А.П. *Институт реабилитации в российском законодательстве / под общ. ред. В.И. Рохлина*. СПб., 2007.
42. Скоробогатов А.В., Краснов А.В. *Правовая реальность России: философско-правовой анализ* // Российский журнал правовых исследований. 2015. № 1(2). С. 79–85.
43. Сырых В.М. *Логические основания общей теории права*. Т. 1. М., 2000.

44. Хабибулин А.Г., Мурсалимов К.Р. Рецензия на книгу С.И. Захарцева «Некоторые проблемы теории и философии права» / под ред. В.П. Сальникова. М.: Норма, 2014. – 208 с. // Мир политики и социологии. 2015. № 9. 203–209.
45. Чашин А.Н. Современные правовые учения России / под ред. Т.Н. Радько. М., 2014.
46. Шафиров В.М. Конституция, отраслевое право, правоприменение // Российская юстиция. 2016. № 3. С. 2–5.
47. Экимов А.И. Аксиома соотношения справедливости и права // Мир политики и социологии. 2015. № 1. С. 13–23.
48. Экимов А.И. Справедливость и социалистическое право. Л. : ЛГУ, 1980.

References

1. Bachinin V.A., Sal'nikov V.P. Pravovaya real'nost' v kontekste tsivilizatsii i kul'tury. Metodologiya prichinnogo analiza, monografiya (The legal reality in the context of civilization and culture. The methodology of the causal analysis, monograph), pod red. V.P. Sal'nikova. SPb. Fond «Universitet», 2005. (Seriya «Nauka i obshchestvo»).
2. Borulenkov Yu.P. Yuridicheskoe poznanie (nekotorye metodologicheskie, teoreticheskie i prakseologicheskie aspekty), monografiya (Legal knowledge (some methodological, theoretical and praxeological aspects)), a monograph, pod nauch. red. prof. V.N. Kartashova. M. Yurlitinform, 2014.
3. Borulenkov Yu.P. Yuridicheskoe poznanie, dokazatel'stvo i dokazyvanie (metodologiya, teoriya, praktika) (Legal knowledge, evidence and proving (methodology, theory, practice)), pod nauch. red. prof. V.N. Kartashova. M. Yurlitinform, 2016.
4. Galiev F.Kh. Vozdeistvie prava na obshchestvennyye otnosheniya i sinkretizm pravovoi kul'tury (The impact of law to public relations and syncretism of legal culture), *Vestnik Bashkirskogo un-ta*. 2013. Tom 18. No. 4. Pp. 1352–1356.
5. Galiev F.Kh. O sinkretizme pravovoi kul'tury (On syncretism of legal culture), *Pravovoe gosudarstvo: teoriya i praktika*. 2013. No. 4 (34). Pp. 36–73.
6. Galiev F.Kh. Sinkretizm pravovoi kul'tury i optimizatsiya obshchestvennykh otnoshenii (Syncretism of legal culture and optimization of public relations), *Vestnik Bashkirskogo un-ta*. 2014. Tom 19. No. 1. Pp. 336–341.
7. Galiev F.Kh. Sinkretizm pravovoi kul'tury sovremennoi Rossii: teoretiko-metodologicheskoe i istoriko-prikladnoe issledovanie (Syncretism of legal culture of modern Russia: theoretical and methodological, historical and applied research), dis. ... d-ra jurid. nauk. M. Rossiiskaya akademiya narodnogo khozyaistva i gosudarstvennoi sluzhby pri Prezidente Rossiiskoi Federatsii, 2014.
8. Galiev F.Kh. Sinkretizm pravovoi kul'tury sovremennoi Rossii: teoretiko-metodologicheskoe i istoriko-prikladnoe issledovanie (Syncretism of legal culture of modern Russia: theoretical and methodological, historical and applied research), avtoref. dis. ... d-ra jurid. nauk. M. Rossiiskaya akademiya narodnogo khozyaistva i gosudarstvennoi sluzhby pri Prezidente Rossiiskoi Federatsii, 2014.
9. Galiev F.Kh. Sinkretizm sovremennoi pravovoi kul'tury, monografiya (Syncretism of modern legal culture, monograph). Ufa. BashGU, 2011.
10. Guseinov A.A. U filosofov i yuristov mnogo obshchikh tem (Philosophers and lawyers have a lot of common themes), *Filosofiya prava v nachale XXI stoletiya cherez prizmu konstitutsionalizma i konstitutsionoi ekonomiki*, pod red. V.V. Mironova i Yu.N. Solonina. M., 2010.
11. Zakhartsev S.I. Nekotorye problemy teorii i filosofii prava (Some problems of theory and philosophy of law), pod red. V.P. Sal'nikova. M., 2014.
12. Zakhartsev S.I. Pravo i istina (Law and truth), *Mir politiki i sotsiologii*. 2012. No. 9. Pp. 146–152.
13. Zakhartsev S.I. Ekonomika i pravo: problemy sootnosheniya (Economics and Law: correlation problems), *Pravovoe pole sovremennoi ekonomiki*. 2012. No. 8. Pp. 49–54.
14. Zakhartsev S.I., Sal'nikov V.P. Konvergentsiya v prave, russkaya mental'nost' i psikhologiya ni-shchenstva: filosofskaya i filosofsko-pravovaya problema (Convergence in law, Russian mentality and psychology of poverty: philosophical and philosophical and legal problem), *Mir politiki i sotsiologii*. 2015. No. 1. Pp. 166–180.
15. Zakhartsev S.I., Sal'nikov V.P. Filosofiya. Filosofiya prava. Yuridicheskaya nauka (Philosophy. Philosophy of Law. Jurisprudence). M., 2015.
16. Ismagilov R.F. Pravo i spravedlivost' v kontekste istoricheskikh traditsii (Law and Justice in the context of historical traditions), *Mir politiki i sotsiologii*. 2016. No. 5. Pp. 87–92.
17. Ismagilov R.F., Sal'nikov V.P. Pravo i spravedlivost' v evropeiskikh pravovykh diskussiyakh pervoi treti XX veka (Law and Justice in European legal discussions of the first third of the twentieth century). *Mir politiki i sotsiologii*. 2016. No. 7.

18. Ismagilov R.F., Sal'nikov V.P. Pravo i spravedlivost' v evropeiskikh pravovykh diskussiyakh serediny XX – nachala XXI vekov (Law and Justice in European legal discussions of mid XX - beginning of the XXI centuries), *Mir politiki i sotsiologii*. 2016. No. 8.
19. Kerimov D.A. V razvitie diskussii o filosofii i prave. Retsenziya na monografiyu S.I. Zakhartseva i V.P. Sal'nikova «Filosofiya. Filosofiya prava. Yuridicheskaya nauka» M.: Yurlitin-form, 2015. – 264 s. *Pravovoe pole sovremennoi ekonomiki*. 2015. No. 1. Pp. 78–85.
20. Kerimova T.V. Klassicheskaya monografiya o filosofii i prave. Retsenziya na monografiyu S.I. Zakhartseva i V.P. Sal'nikova «Filosofiya. Filosofiya prava. Yuridicheskaya nauka» (The classical monograph on philosophy and law. Review of the monograph of S.I. Zakhartsev and V.P. Salnikov "Philosophy. Philosophy of Law. Jurisprudence"). M.: Yurlitin-form, 2015. – 264 s. *Yuridicheskaya nauka: istoriya i sovremennost'*. 2016. No. 5. Pp. 168–172.
21. Korkunov N.M. Lektsii po obshchei teorii prava (Lectures on general theory of law). Pereizd. SPb., 2004.
22. Kotlyarevskii S.A. Vlast' i pravo. Problema pravovogo gosudarstva (Power and Law. The problem of the rule-of-law state). M., 1915.
23. Leist O.E. Sushchnost' prava. Problemy teorii i filosofii prava (The essence of law. Problems of theory and philosophy of law). M., 2011.
24. Livshits R.Z. Sovremennaya teoriya prava. Kratkii ocherk (Modern theory of law. Short essay). M., 1992.
25. Maksimov S.I. Pravovaya real'nost': opyt filosofskogo osmysleniya (Legal reality: experience of philosophical thinking). Khar'kov. Pravo, 2002.
26. Malakhov V.P. Filosofiya prava (Philosophy of law). M., 2008.
27. Maslennikov D.V. Bogochelovek i ideya prava (The God-man and the idea of law), *Mir politiki i sotsiologii*. 2015. No. 12. Pp. 167–172.
28. Maslennikov D.V., Stepashin S.V. Filosofiya prava i komprekhendnaya teoriya prava. Retsenziya na monografiyu S.I. Zakhartseva i V.P. Sal'nikova «Filosofiya. Filosofiya prava. Yuridicheskaya nauka» (Philosophy of law and comprehended theory of law. Review of the monograph of S.I. Zakhartsev and V.P. Salnikov "Philosophy. Philosophy of Law. Jurisprudence"), *Yuridicheskaya nauka*. 2016. No. 6. Pp. 177–179.
29. Nersesyants V.S. Teoriya gosudarstva i prava (Theory of state and law). M., 2001.
30. Nersesyants V.S. Filosofiya prava (Philosophy of law). M., 1998.
31. Nersesyants V.S. Filosofiya prava (Philosophy of law). M., 2011.
32. Pokrovskii I.F., Guk A.I. Kogda filosofiya i pravo snova vmeste. Retsenziya na monografiyu S.I. Zakhartseva «Nekotorye problemy teorii i filosofii prava» / pod red. V.P. Sal'nikova (When philosophy and law together again. Review of the monograph of S.I. Zakhartsev "Some problems of theory and philosophy of law" / ed. V.P. Salnikov). M.: Norma, 2014. – 208 s. *Mir politiki i sotsiologii*. 2015. No. 7. Pp. 184–190.
33. Pokrovskii I.F., Ismagilov R.F., Guk A.I. Deistvitel'no, filosofiya i pravo snova vmeste v issledovaniyakh sovremennykh nauchnykh myslitelei. Nekotorye idei po povodu retsenzii D.A. Kerimova i monografii S.I. Zakhartseva i V.P. Sal'nikova «Filosofiya. Filosofiya prava. Yuridicheskaya nauka» (Indeed, philosophy and law together again in studies of modern scientific thinkers. Some ideas on the review of D.A. Kerimov and monograph of S.I. Zakhartsev and V.P. Salnikov "Philosophy. Philosophy of Law. Jurisprudence "). M.: Yurlitininform, 2015. – 264 s. *Yuridicheskaya nauka: istoriya i sovremennost'*. 2015. No. 9. Pp. 196–200.
34. Rayanov F.M. Filosofiya prava: diskursivnyi analiz i novye vyvody (Philosophy of Law: discourse analysis and new findings). M. Yurlitininform, 2017.
35. Rayanov F.M. Fundamental'nye osnovy sovremennoi filosofii prava (The fundamentals of modern philosophy of law), *Yuridicheskaya nauka: istoriya i sovremennost'*. 2016. No. 8.
36. Rayanov F.M. Kontseptsiya ustoichivogo razvitiya i rossiiskaya gosudarstvenno-pravovaya deistvitel'nost' (The concept of sustainable development and the Russian state-legal reality), *Pravo i politika*. 2004. No. 12 (60). Pp. 5–10.
37. Rayanov F.M. Yuridicheskoe pravo: vremya razbirat'sya po sushchestvu (Juridical Law: the time to understand essentially). Ufa. Izdanie BashGU, 2001.
38. Rayanov F.M. Pravovaya organizatsiya obshchestvennoi zhizni: teoriya i praktika (Legal organization of social life: Theory and Practice), *Gosudarstvo i pravo*. 2004. No. 12. Pp. 5–9.
39. Rozhkova A.K. Pravovaya real'nost' i pravovoi ideal: tochki soprikosnoveniya (Legal reality and legal ideal: contact points), *Izvestiya IGEA*. 2010. No. 6. Pp. 164–168.
40. Romashov R.A., Vetyutnev Yu.Yu., Tonkov E.N. Pravo – yazyk i masshtab svobody, monografiya (Law is a language in the scope of freedom, monograph). SPb. Aleteiya, 2015. (Tolkovanie istochnikov prava).
41. Rokhlin V.I., Zakhartsev S.I., Mironov M.A., Stukanov A.P. Institut reabilitatsii v rossiiskom zakonodatel'stve (Rehabilitation Institute in the Russian legislation), pod obshch. red. V.I. Rokhlina. SPb., 2007.
42. Skorobogatov A.V., Krasnov A.V. Pravovaya real'nost' Rossii: filosofsko-pravovoi analiz (Legal reality of Russia: philosophical and legal analysis), *Rossiiskii zhurnal pravovykh issledovaniy*. 2015. No. 1 (2). Pp. 79–85.

43. Syrykh V.M. Logicheskie osnovaniya obshchei teorii prava (Logical base of general theory of law). T. 1. M., 2000.
44. Khabibulin A.G., Mursalimov K.R. Retsenziya na knigu S.I. Zakhartseva «Nekotorye problemy teorii i filosofii prava» / pod red. V.P. Sal'nikova (Review of the monograph of S.I. Zakhartsev "Some problems of theory and philosophy of law" / ed. V.P. Salnikov). M.: Norma, 2014. – 208 s. *Mir politiki i sotsiologii*. 2015. No. 9. Pp. 203–209.
45. Chashin A.N. Sovremennye pravovye ucheniya Rossii (Modern Russian legal doctrines), pod red. T.N. Rad'ko. M., 2014.
46. Shafirov V.M. Konstitutsiya, otraslevoe pravo, pravoprimerenie (Constitution, branch law, law enforcement), *Rossiiskaya yustitsiya*. 2016. No. 3. Pp. 2–5.
47. Ekimov A.I. Aksioma sootnosheniya spravedlivosti i prava (Axiom of ratio of equity and law), *Mir politiki i sotsiologii*. 2015. No. 1. Pp. 13–23.
48. Ekimov A.I. Spravedlivost' i sotsialisticheskoe pravo (Justice and socialist law). L. LGU, 1980.

Дата поступления: 20.01.2017

Received: 20.01.2017

УДК 342.736

ПРЕДСТАВИТЕЛЬНАЯ (ЗАКОНОДАТЕЛЬНАЯ) ВЛАСТЬ: ВОПРОСЫ ПОНЯТИЯ И СОДЕРЖАНИЯ

КАРАСЕВ Анатолий Тиханович

доктор юридических наук, профессор кафедры конституционного права Уральского государственного юридического университета, г. Екатеринбург, Россия. E-mail: a.t.karasev@mail.ru

САВОСЬКИН Александр Владимирович
*кандидат юридических наук, советник судьи Уставного Суда Свердловской области, г. Екатеринбург, Россия.
E-mail: savoskinav@yandex.ru*

В статье анализируются термины «представительная» и «законодательная» власть с учетом теории разделения властей. Делается вывод о тесной взаимной связи, но не взаимозаменяемости исследуемых терминов. Раскрывается представительная природа законодательной власти, рассматриваются основные свойства, позволившие уточнить ее понятие. В качестве признаков представительной власти проанализированы: выборность и представительство интересов народа; коллегияльность по составу и порядку выработки и принятия решений; особый характер связи народных представителей с избирателями. В качестве особых признаков законодательной власти обозначены три ее функции: законодательная, контрольная и финансовая. Сформулировано определение представительной (законодательной) власти как совокупности законодательных, контрольных, финансовых и иных полномочий, делегированных народом или его частью сво-

REPRESENTATIVE (LEGISLATIVE) AUTHORITY: ISSUES OF CONCEPT AND CONTENT

KARASEV Anatoly Tikhanovich

Doctor of Law, Professor, Professor of the Department of Constitutional Law of the Ural State Law University. E-mail: a.t.karasev@mail.ru

SAVOSKIN Alexander Vladimirovich
*Candidate of Sciences (Law), Associate Professor, Advisor to the Deputy Chairman of the Charter Court of the Sverdlovsk region.
E-mail: savoskinav@yandex.ru*

The article analyzes the terms «representative» and «legislative» authority related to the theory of separation of powers. The authors conclude that there is a close mutual connection, but these terms cannot be interchanged. The article reveals a representative nature of legislature and views the main properties, which allow clarifying its concept. As characteristics of representative authority are analyzed the following: electivity and representation of people's interests; collegiality in composition and order of development and decision-making; special nature of relations between people's representatives and voters. As special characteristics of legislative authority are defined three of its functions: legislative, controlling and financial. The definition of representative (legislative) authority is made as combination of legislative, supervisory, financial and other powers delegated by the people or its part to their elected representa-

им выборным представителям, объединённым в специальном коллегиальном учреждении (парламенте) на строго определённый срок.

Ключевые слова: принцип разделения властей, ветвь государственной власти, представительная власть, законодательная власть, выборность, коллегиальность деятельности.

tives, united in a special collegiate institution (Parliament) on a strictly fixed period.

Key words: principle of separation of powers, branch of the government, representative authority, legislative authority, electivity, collective activity.

Согласно классическому принципу разделения властей, в государстве должны действовать три ветви власти: законодательная – создающая законы, исполнительная – их исполняющая, судебная – контролирующая их исполнение и осуществляющая правосудие. Точного ответа на вопрос о количестве ветвей власти в правовой науке нет. Большинство авторов придерживаются концепции, закрепивший традиционный «трилистник». Можно согласиться с мнением Горобца В.Д., что «выделение иных ветвей власти – это искусственная градация, несущая в себе некоторые элементы публицистики и представляющая смешение разнопорядковых понятий» [1, с. 167]. Исторически теория разделения властей оформилась в конкретное учение в трудах Ш.-Л. Монтескье [2, с. 339–353] и Дж. Локка [3, с. 189–203]. Принцип разделения властей предполагает выделение трёх ветвей власти, каждая из которых независима от двух других. Непременным условием считается распределение ветвей между различными государственными органами. Благодаря принципу разделения властей в системе государственного управления устанавливается такой порядок взаимоотношений между органами государственной власти, который позволяет им сдерживать и контролировать друг друга, не допуская концентрации власти в руках одного лица или органа [4, с. 13]. Целью теории разделения властей является создание эффективного механизма функционирования государственных органов, обеспечение безопасности общества от произвола и злоупотреблений властей.

Разделение власти на три ветви в любом государстве должно сопровождаться:

- четким определением функций, компетенции и ответственности различных государственных органов;
- предоставлением реальной возможности контроля ветвей власти друг за другом;
- созданием эффективных механизмов, предотвращающих «узурпацию» власти какой-либо одной её ветвью.

Принцип разделения властей влечет создание противовеса каждому виду власти. Поскольку государственная власть едина, то её ветви постоянно взаимодействуют, что порождает борьбу, столкновение, соперничество. Уже в самой идее разделения властей заложено их противостояние. Ни в одной стране мира доктрина разделения властей в чистом виде не осуществляется [5, с. 18]. Более того, в государстве не может быть несколько различных по своей сущности властей, это исключается концепцией государственного суверенитета. Единство государственной власти при необходимости разграничения её ветвей порождает их взаимовоздействие, взаимозависимость и взаимопроникновение. Например, возможно так называемое делегированное законотворчество, т.е. принятие органами исполнительной власти актов, имеющих силу закона, или лишение законов их юридической силы верховными и конституционными судами [6, с. 2–3]. В свою очередь, парламент может осуществлять отдельные исполнительные и судебные функции. В одних странах он наделен полномочием на принятие обвинительного заключения и предания суду высших должностных лиц, в других – рассматривает дело в порядке импичмента в отношении главы государства по правилам судебного производства.

Термин «законодательная власть» тесно связан с термином «представительная власть», поскольку в демократических странах только представительный орган наделен исключительным правом принимать и изменять законы. Несмотря на неразрывную связь этих двух терми-

нов, они не подменяют друг друга. Категория «представительная власть» не может употребляться в отношении законодательной власти вообще, безотносительно к реализующим ее органам, поскольку законодательные полномочия при определенных обстоятельствах могут осуществлять и иные, не представительные учреждения, например, при делегированном законодательстве. И наоборот, представительное учреждение не обязательно наделяется законодательной властью. Тесная взаимосвязь терминов «представительная власть» и «законодательная власть» возникла сразу же после разработки принципа разделения властей [2, с. 290–291; 7, с. 72]. К XVII–концу XIX вв., когда идеи парламентаризма уже сформировались в известной доктрине разделения властей, парламенту, как законодательной власти, отводилось особое место [8, с. 12]. Причем уже тогда был сделан вывод о связи представительства народа с законодательной деятельностью, а закона – с народным волеизъявлением избирателей.

При совместном употреблении этих терминов в научной и учебной литературе термин «законодательная власть» обычно располагают в скобках после термина «представительная власть», тем самым подчеркивается не только его уточняющая роль, но и сущность парламента.

В науке конституционного права нет однозначности в подходах к пониманию представительной природы законодательной власти, к выделению свойств, присущих как ей в целом, так и представительным учреждениям в частности. Отсутствует и единство употребляемой терминологии: представительная власть, представительная природа, представительная демократия, представительность.

В работах, посвященных исследованию представительной природы, можно встретить ее узкое понимание, когда понятие «представительная природа» (представительность) связывается только с качественными характеристиками состава представительного учреждения. Представительная природа представительной власти выражается, таким образом, в соответствии между социальной, профессиональной, демографической, этнической структурами общества и депутатским корпусом законодательного органа. Однако еще в трудах государствоведов советского периода проводилась и обосновывалась мысль о том, что представительная природа органов власти раскрывается во всех сторонах их организации и деятельности и обеспечивается не только порядком их формирования, но и их составом, строением, взаимосвязью избирателей и представителей.

Отдельные авторы вообще отказываются от принципа выборности законодательного органа, называя главным признаком представительности особый набор функций государственного органа по представлению интересов народа, что дает основание утверждать, что представительностью обладает вся государственная власть и все органы, ее осуществляющие.

Учитывая различные подходы к проблеме представительной власти все же можно выделить следующие сущностные характеристики (черты), присущие представительному органу власти: выборность и представительство интересов народа; коллегиальность по составу и порядку выработки и принятия решений; особый характер связи народных представителей с избирателями.

Только в своей совокупности эти свойства дают качество представительности, позволяющее характеризовать соответствующие учреждения как органы народного представительства, реализующие представительскую функцию. Отдельные из перечисленных свойств лишь привносят определенные элементы отношений представительства в природу того или иного органа власти.

Представляется, что качество представительности имеет в своей основе особый порядок формирования органов публичной власти, обеспечивающий сосредоточение в них различных интересов граждан. Последнее может достигаться разными способами, но главным образом – путем проведения всеобщих, равных, прямых выборов при тайном голосовании. Именно через такое свойство как выборность органы народного представительства обнаруживают свое определяющее качество – представительность [8, с. 9].

Демократическое избрание депутатов позволяет гражданам выразить свою сопричастность с представительными учреждениями, способствует установлению непосредственной связи между народными представителями и избирателями. Выборность предопределяет особое место представительных органов власти среди других учреждений, их тесную связь с обществом. В результате орган народного представительства «чувствует действительные нужды народа, от имени которого он имеет нравственное основание говорить с гораздо большим авторитетом, чем какой бы то ни было другой орган государства» [9, с. 182].

Другое основное свойство органов народного представительства – это их коллегиальность по составу и порядку выработки и принятия решений. Коллегиальность по составу означает, что представительные учреждения являются собраниями депутатов, значительная численность которых способствует отражению в составе представительных органов власти социальной и демографической структуры общества. Таким образом, в деятельности представительных учреждений с большей или меньшей степенью адекватности реальному соотношению общественно-политических сил в государстве представлены интересы граждан, различных социальных общностей, национальных, политических, половозрастных, профессиональных и других групп граждан. Идеальный парламент должен быть «микромоделью общества», на что в частности направлены возрастные, половые, профессиональные и многие другие цензы и квоты, применяемые в различных странах при формировании парламентов.

Коллегиальность по порядку выработки и принятия решений в значительной степени способствует выявлению, согласованию и учету разнообразных интересов граждан в деятельности органов народного представительства. Для проявления качества представительности в природе органов публичной власти особое значение имеет не только то, как будет по существу решен тот или иной вопрос их компетенции, но и в каких формах он будет решен. Именно признак коллегиальности отличает представительные учреждения от иных единоличных органов власти, выбранных населением.

Отдельные авторы предлагают рассматривать в качестве органов народного представительства индивидуальные органы публичной власти (например, выборного главу государства) прежде всего в силу их непосредственного избрания народом и выражения выборным представителем воли и интересов граждан [10, с. 18]. Вместе с тем, единоличный глава государства пытается формулировать и выражать интересы общества с помощью класса государственных чиновников, а парламент, опираясь непосредственно на негосударственные объединения – корпус избирателей и партий.

Особый характер связи народных представителей с избирателями в совокупности с другими названными свойствами также составляет качество представительности органов публичной власти.

Черты, характерные для законодательной власти, дублируют черты представительной власти. Это объясняется тем, что органы законодательной власти, как правило, выполняют роль представительных органов. Однако соединение в одном органе качеств представительной и законодательной власти предполагает наличие особых функций присущих только законодательному органу власти: законодательной, контрольной и финансовой. Что же касается законодательной функции, то она заключается в том, что парламент обладает исключительным правом издавать законы, то есть нормативные акты, обладающие высшей юридической силой после Конституции. Никакой другой орган таким правом не обладает. Это право носит универсальный характер: закон может быть принят по любому вопросу в пределах полномочий государства.

На основании изложенного, самом общем виде представительная (законодательная) власть – это совокупность законодательных, контрольных и иных полномочий, делегированных народом или его частью своим выборным представителям, объединённым в специ-

альном коллегиальном учреждении (парламенте) на строго определённый срок. При этом представительная власть может осуществляться не только на общегосударственном уровне, но и на уровне субъектов федерации (в федеративных государствах соответственно).

Библиографические ссылки

1. Горобец В.Д. Доктрина разделения властей и права человека // Журнал российского права. 1998. № 4. С. 153–167.
2. Монтескье Ш.-Л. Избранные произведения. М., 1955.
3. Локк Дж. Сочинения. В 3 т. Т. 1. М., 1988 г.
4. Усанов В.Е. Разделение властей как основа конституционного строя и его роль в формировании парламентаризма в современной России // Государство и право. 2005. №12. С. 13–18.
5. Чиркин В.Е. Нетипичные формы правления в современном государстве // Государство и право. 1994. № 1. С. 18–22.
6. Умеренков Н.Е. Делегированное законодательство: зарубежный и российский опыт // Конституционное и муниципальное право. 2001. №2. С. 2–9.
7. Руссо Ж.-Ж. Трактаты. М., 1969.
8. Котелевская И.В. Современный парламент // Государство и право. 1997. № 3. С. 8–12.
9. Лазаревский Н.И. Народное представительство и его место в системе государственных установлений // Конституционное государство :сб. статей. СПб., 1905. С. 180–194.
10. Кириченко П.Н. Представительный характер Совета Федерации Федерального Собрания :дис. ... канд. юрид. наук. М., 2005.

References

1. Gorobec V.D. Doktrina razdelenija vlastej i prava cheloveka (The doctrine of separation of powers and human rights), *Zhurnal rossijskogo prava*, 1998, No. 4, pp. 153–167.
2. Montesquieu Sh.-L. Izbrannye proizvedenija (Selected works), M., 1955.
3. Locke J. Sochinenija (Writings), V 3 t., T. 1, M., 1988.
4. Usanov V.E. Razdelenie vlastej kak osnova konstitucionnogo stroja i ego rol' v formirovanii parlamentarizma v sovremennoj Rossii (Separation of powers as the basis of the constitutional system and its role in the formation of parliamentary in modern Russia), *Gosudarstvo i pravo*. 2005, No. 12, pp. 13–18.
5. Chirkin V.E. Netipichnye formy pravlenija v sovremennom gosudarstve (Atypical forms of government in the modern state), *Gosudarstvo i pravo*, 1994, No. 1, pp. 18–22.
6. Umerenkov N.E. Delegirovannoe zakonodatel'stvo: zarubezhnyj i rossijskij opyt (Delegated legislation: Russian and foreign experience), *Konstitucionnoe i municipal'noe pravo*, 2001, No. 2, pp. 2–9.
7. Russo J.-J. Traktaty (Treatises), M., 1969.
8. Kotelevskaja I.V. Sovremennyyj parlament (Modern parliament), *Gosudarstvo i pravo*, 1997, No. 3, pp. 8–12.
9. Lazarevskij N.I. Narodnoe predstavitel'stvo i ego mesto v sisteme gosudarstvennyh ustanovlenij (National representation and its place in the system of public service), *Konstitucionnoe gosudarstvo*, Sb. Statej, SPb., 1905, pp. 180–194.
10. Kirichenko P.N. Predstavitel'nyj harakter Soveta Federacii Federal'nogo Sobranija (The representative character of the Council of Federation of the Federal Assembly), dis. ...kand.jurid. nauk. M., 2005.

Дата поступления: 15.01.2017

Received: 15.01.2017

УДК 340.131.5

**НЕКОТОРЫЕ ПОСТУЛАТЫ
«СИЛЬНОГО ГОСУДАРСТВА»
В РЕШЕНИЯХ КОНСТИТУЦИОННОГО
СУДА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ**

КУКСИН Иван Николаевич

*доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Российской Федерации, профессор кафедры уголовно-правовых дисциплин Юридического института ГАОУ ВО «Московский городской педагогический университет», г. Москва, Россия.
E-mail: proffkuk-1944@ya.ru*

НОВОПАВЛОВСКАЯ Елена Евгеньевна

*кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры государственно-правовых дисциплин ФГКОУ ВО «Белгородский юридический институт Министерства внутренних дел Российской Федерации имени И.Д. Путилина», г. Белгород, Россия.
E-mail: novopavlovskayae@gmail.com*

В последнее время актуальным становится тема, связанная с проблемой становления «сильного государства», предпосылками формирования такого государства и с его базовыми характеристиками. Сильное государство вовсе не означает его авторитаризм либо тоталитаризм, как пишут некоторые авторы. Приоритетная функция современной России, как сильного демократического, правового государства, состоит в формировании развитого гражданского общества. Сильное государство – это, прежде всего, государство, способное управлять политическими и экономическими процессами, основывающее свою деятельность на определенных базовых принципах (легальности и легитимности власти, справедливости и др.). Авторами предпринята попытка рассмотреть отдельные постулаты сильного государства через призму решений Конституционного Суда Российской Федерации.

Ключевые слова: сильное государство, гражданское общество, политическая систем, конституционное судопроизводство, правовая неопределенность.

В последние годы все чаще в трудах ученых, характеризующих современное государство, встречается такая новая для него черта, как «сильное государство» [2, с. 101–103; 16, с. 57–61; 25, с. 28–31; 26, с. 47–56]. Имеются и специализированные диссертационные исследования, посвященные обоснованию концепции «сильного государства» [1].

Полагаем, что толчком введения в научный оборот такого термина как сильное государство, послужил ряд факторов. В частности, представители научного сообщества англо-

**SOME POSTULATES OF THE “STRONG
STATE” IN JUDGMENTS OF THE
CONSTITUTIONAL COURT OF THE
RUSSIAN FEDERATION**

KUKSIN Ivan Nikolaevich

*Doctor of Law, Professor, Honored Lawyer of the Russian Federation, Professor of the Department of Criminal Law Disciplines of the Law Institute of the SAEI HE «Moscow City Pedagogical University» Moscow, Russia.
E-mail: proffkuk-1944@ya.ru*

NOVOPAVLOVSKAYA Elena Evgenyevna

*Candidate of Sciences (Law), Associate Professor, Assistant Professor of the Department of State Law Disciplines of the FSGEI HE «Belgorod Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after I.D. Putilin», Belgorod, Russia.
E-mail: novopavlovskayae@gmail.com*

Lately, the theme, connected with the problems of establishment of the “strong state”, preconditions of such a state with its basic characteristics, has become topical. The strong state does not necessarily mean its autocracy or totalitarianism as some authors write. The top-priority function of modern Russia as a strong democratic, rule-of-law state lies in establishment of developed civil society. The strong state is, in the first place, the state that is able to control political and economic processes, and grounds its activity on definite basic principles (legality and legitimacy of power, justice, etc.). The authors made an attempt to view certain postulates of the strong state through the prism of judgments of the Constitutional Court of the Russian Federation.

Key words: strong state, civil society, political system, constitutional proceedings, legal uncertainty.

язычных стран (Великобритания, Канада, США), характеризуя государство, стали употреблять термины «слабое» [6, с. 72–74], «хрупкое», «уязвимое» государство [5, с. 57–65], что, безусловно, предполагает и наличие его антипода. Современные российские ученые при исследовании государства, используют термин «недееспособное государство» [8, с. 101] либо «слабое государство», выделяя и анализируя два вида последнего – дисфункциональное и несостоятельное государство, подвидами которого являются коллапсирующее, дефолтное, «упавшее» государство, государство с утраченным суверенитетом [20, с. 12].

Можно признать, что проблема построения сильного государства не нова и существует многие годы. При этом проблемы построения такого государства и существования сильной власти привлекали внимание не только юристов, но и историков, философов, писателей и др. Так, русский философ, публицист И.А. Ильин писал, что сильная власть в сильном государстве должна носить правовой характер, быть оформленной правом, подчиняться праву и укреплять всенародный правопорядок. По его мнению, власть не должна быть произвольной, тиранической и безграничной. У нее должны быть законные пределы, полномочия, запреты, причем «во всех своих инстанциях и проявлениях». Только при таких условиях «русский народ сможет и должен осознать свое правовое единство как субъекта права» [10, с. 415].

Сильное государство вовсе не означает авторитарность или даже тоталитарность его политического режима. Как верно заметил еще в 2008 г. в своем Послании Федеральному Собранию Президент Российской Федерации, гражданскому обществу необходимо сильное государство, «как инструмент развития и поддержания порядка, защиты и укрепления демократических институтов» [21]. Следует здесь добавить и то, что «сильное государство нельзя противопоставлять правовому государству, а тем более предлагать его взамен правового. Правовое государство также должно быть сильным, чтобы суметь защищать право своих граждан и обеспечить справедливый порядок в обществе» [22, с. 188]. Конституционный Суд Российской Федерации (далее – КС РФ) систематически подчеркивает значимость демократических институтов, способствующих, по его замечанию, выявлению и формированию воли российских граждан в рамках мирного конструктивного диалога между гражданским обществом и публичной властью (Постановление КС РФ от 19.12.2013 г. № 28-П, Постановление КС РФ от 13.05.2014 г. № 14-П). Так, в Постановлении от 14.02.2013 г. № 4-П, оценивая конституционность отдельных аспектов регламентации права на свободу мирных собраний, КС РФ указал, что поскольку данная свобода представляет собой одну из общепризнанных демократических ценностей, то она нуждается в особой защите. Это обусловлено тем, что посредством проведения мирных собраний достигается формирование и выражение мнений и требований разнообразных политических сил. Тем самым формируются необходимые предпосылки, призванные обеспечить обратную связь граждан и их объединений с институтами публичной власти (Постановление КС РФ от 14.02.2013 г. № 4-П). Именно развитие институтов гражданского общества, по верному замечанию КС РФ, делает полезным вовлечение граждан в государственные дела, в том числе их участие в суде (Определение КС РФ от 28.06.2012 г. № 1274-О).

При этом обязанностями государства, по мнению КС РФ, являются:

- нормативно определение надлежащего порядка и условий реализации демократических институтов, в ходе которых могут затрагиваться права и законные интересы широкого круга лиц и др. (Постановление КС РФ от 13.05.2014 г. № 14-П). О необходимости масштабного привлечения граждан к демократии писал в своем особом мнении и судья КС РФ В.О. Лучин. Обращаясь к положениям международно-правовых стандартов в области прав человека, он отмечал, что референдум, как одна из форм демократии, призвана обеспечивать широкое привлечение граждан к политической жизни государства, участие которых консолидирует демократию и укрепляет доверие граждан к властям (Постановление КС РФ от 11.06.2003 г. № 10-П);

- обеспечение при реализации демократических институтов гарантированного разумного и сбалансированного согласования интересов общества в целом и др.

Демократический правовой характер государства предполагает политическое взаимодействие гражданского общества и государства, целостность и устойчивость политической системы (Постановление КС РФ от 16.07.2007 г. № 11-П, Постановление КС РФ от 09.11.2009 г. № 16-П, Постановление КС РФ от 28.02.2012 г. № 4-П и др.).

Необходимость формирования единого, развитого гражданского общества обосновывают многие современные авторы. Так, П.В. Анохин называет это приоритетной функцией России как потенциально сильного государства, обращая при этом внимание на тот факт, что Россия в настоящий момент не должна быть разделенной по национально-этническому признаку. Рассуждая на эту тему, автор обосновывает целесообразность и необходимость отказа «от национально-территориального принципа построения федерации и в государственной политике, направленной на формирование единой российской нации, цементирующей основой которой является не национальность, а гражданство» [1, с. 9]. С этой точки зрения несколько перекликается и утверждение Ф.М. Раянова о том, что «рассуждать о подлинном федеративном государстве в недемократическом государстве – это такая же нелепость, что и очертя голову настаивать на федеративном государстве» [23, с. 73]. Обосновывая состоятельность концепции сильного государства, авторы обращают внимание на то, что только такое государство не только имеет возможности, но и способно использовать «более широкие и потенциально универсальные политические и культурные ориентации для оправдания и узаконения публичной власти, выходящих за пределы нормативного управления в границах отдельного государства и обеспечивающих всестороннюю легализацию и легитимацию государственной власти» [2, с. 103].

Возникает весьма закономерный вопрос: «Носит ли проблема обоснования тезиса «сильного государства» чисто теоретический характер либо она в равной степени имеет непосредственное значение для практики государственного строительства?». Ответ лежит в аргументированных обоснованиях тех факторов, которые предопределяют, в современных условиях, потребность общества в сильном и дееспособном государстве.

В последние годы в большинстве стран мира постепенно «укореняется твердое понимание необходимости созидания сильного государства» [11, с. 4]. По мнению известного американского философа, социолога и футуролога Френсиса Фукуямы, «построение сильного государства, заключается в создании новых правительственных учреждений и укреплении существующих» [27, с. 4]. Сильное государство следует воспринимать как государство, которое не только теоретически, но и практически имеет возможность и способно управлять политической системой и экономикой. Демократические институты в сильном государстве должны функционировать эффективно и согласованно. На этот факт неоднократно обращал внимание и КС РФ, отмечая, что основу любой демократической системы, с одной стороны, составляет свобода политической дискуссии, а с другой – взаимосвязанность и укрепление демократических институтов (Определение КС РФ от 07.07.2016 г. № 1358-О). Более того, КС РФ акцентирует внимание и на необходимости стимулирования «укрепления демократических основ российской государственности» (Постановление КС РФ от 28.02.2012 г. № 4-П, Постановление КС РФ от 24.12.2012 г. № 32-П).

Предпосылками построения сильного государства является и наличие множества глобальных проблем, многие из которых являются достаточно новыми и делающих мир чрезвычайно опасным. Они ставят под сомнения дальнейшее нормальное существование целых народов и стран, а порой таят в себе угрозу существования самой цивилизации. Построение сильного государства – это важнейшая проблема мирового сообщества, поскольку слабость и разрушение государства – источник многих наиболее серьезных мировых проблем, среди которых: увеличивающийся в мировом масштабе хронический дефицит энергоресурсов, загряз-

нение окружающей среды, имеющие разрушительный характер природные катаклизмы, увеличивающееся число техногенных аварий, появление ранее неизвестных, смертельно опасных заболеваний, имеющих нередко характер мировых эпидемий, наркомания, преступность, экстремизм, этнические и религиозные конфликты, международный терроризм и др. [27, с. 4]. В развитии приведенного положения можно утверждать, что сегодня не подвергается сомнению, что проблема формирования эффективного государства особенно актуализировалась в связи с ужасающим явлением, название которого – международный терроризм.

Особенно опасным для мирового сообщества сегодня является и распространение ядерного, а также иного оружия массового поражения. Например, власти КНДР заявили «о проведении первого в истории Северной Кореи испытания водородной бомбы и что эти испытания прошли на 100% успешно и были проведены исключительно с использованием северокорейских технологий» [4]. Не менее тревожным является и утвердительный ответ премьер-министра Великобритании Терезы Мэй на вопрос журналиста словацкого телеканала TV3 о готовности использовать ядерное оружие, как устрашающую силу против России [17]. Таким образом, контроль за подобными процессами, преодоление кризисных явлений, разрешение возникающих проблем, в том числе глобального характера, может осуществить только сильное государство, которое имеет соответствующие властные полномочия и наделено для их воплощения необходимыми финансово-материальными ресурсами.

Вторым фактором, обосновывающим концепцию сильного государства, является неоспоримый тезис о том, что современный мир характеризуется все возрастающей взаимосвязанностью и взаимозависимостью. Надо согласиться, что ни одна организация будь то региональная или международная не в состоянии обеспечить управление социумом, которое бы отвечало достижению всеобщего блага. Это под силу только государству и то с определенной оговоркой. Полностью поддерживаем утверждение видного советского и российского ученого Г.В. Мальцева о том, что «каким бы развитым ни было гражданское общество, оно никогда не утратит нужду в особой политической организации, способной решать крупные экономические и социальные проблемы универсального характера, охватывать единой системой регулирования и управления все элементы общества, придавать им согласованный характер» [14, с. 496]. Чтобы управленческую функцию реализовывать эффективно и на благо мирового порядка, под силу только дееспособному сильному государству, располагающему не только необходимыми силами и средствами, но и имеющему весьма широкую сферу международного влияния.

Третьим фактором в пользу сильного государства является то обстоятельство, что государство должно быть не только правовым, демократичным, но и социальным, идея которого по меркам истории утвердилась не так давно. На современном этапе развития государственности эта идея нашла свое законодательное закрепление на конституционном уровне целого ряда стран (Италия, Испания, Португалия, Российская Федерация, Франция, Швеция, Япония и др.). Этот факт позволил ученым утверждать, что «в настоящее время все развитые страны мира в большей или меньшей степени де-факто являются социальными государствами» [18, с. 612]. Немаловажную роль, и это нередко отмечали западные экономисты, сыграл Советский Союз, который вынуждал правящие круги Запада двигаться по пути создания «государства всеобщего благосостояния и благоденствия». Начиная с 1990-х годов, когда распался Советский Союз, и произошло крушение мировой социалистической системы, этот процесс пошел по пути затухания. Россия и Беларусь стали первопроходцами интеграционных процессов, базировавшихся на исторической общности, близости культурных традиций и стремлении народов вместе продвигаться к эффективному, в том числе, социальному развитию стран [13, с. 35–36].

Провозглашая нашу страну социальным государством, Конституция Российской Федерации в ст. 7 определила, что в таком государстве должны быть созданы условия, призванные обеспечить достойную жизнь и свободное развитие каждого человека. Политика социального государства предоставляет гражданам набор социальных прав и возлагает на госу-

дарство определенные обязанности (в частности, осуществлять поддержку инвалидов, семьи, материнства, отцовства, детства, развивать систему социальных служб, устанавливать и выплачивать государственные пенсии, пособия, предоставлять и иные социальные гарантии и др.). КС РФ неоднократно указывал на названные выше обязанности государства, реализуемые в лице его компетентных государственных и муниципальных структур (Постановление КС РФ от 29.03.2016 г. № 8-П, Постановление КС РФ от 12.04.2016 г. № 10-П, Постановление КС РФ от 19.07.2016 г. № 16-П и др.). Так в Постановлении от 26.04.2016 г. № 13-П КС РФ отметил, что приоритет конституционного предназначения местного самоуправления состоит в решении социально-экономических задач в пределах муниципального образования.

В современных условиях государству, которое ставит целью обеспечить высокий уровень социальной защищенности всех членов общества, необходимо быть сильным, прежде всего, в экономическом отношении, обладать мощным властным потенциалом, располагать значительными собственными материальными и финансовыми средствами (Постановление КС РФ от 26.04.2016 г. № 13-П).

К сожалению, как показывает правоприменительная практика, проблем при реализации у граждан их социальных прав еще предостаточно, и носят они не только правоприменительный, но и правотворческий характер. Ежегодно только тысячи граждан и их объединений обращаются в различные государственные и общественные структуры за защитой своих социальных прав. Направляют граждане свои жалобы и в КС РФ, оспаривая конституционность регламентации различных социальных прав [7, с. 1913] и направлений социальной политики российского государства в целом. Так, в I полугодии 2016 года в КС РФ поступило 537 индивидуальных и коллективных жалоб, в которых заявители просили проверить на соответствие Конституции Российской Федерации различные законоположения, затрагивающие право на социальную защиту и право на медицинскую помощь [24]. В порядке конституционного судопроизводства заявители оспаривали конституционность регламентации порядка: начисления страховых взносов в Пенсионный фонд Российской Федерации (Определение КС РФ от 23.10.2014 г. № 2346); установления и выплаты пенсий и доплат к ним (Постановление КС РФ от 19.11.2015 г. № 29-П), устанавливаемых, в том числе на льготных основаниях для отдельных категорий лиц – судей, военнослужащих, сотрудников органов внутренних дел и др. (Постановление КС РФ от 19.11.2012 г. № 27-П, Постановление КС РФ от 14.01.2016 г. № 1-П, Постановление КС РФ от 19.07.2016 г. № 16-П и др.); выплаты пособий и предоставления социальной помощи в иных формах (Постановление КС РФ от 06.02.2009 г. № 3-П, Постановление КС РФ от 01.04.2014 г. № 9-П, Постановление КС РФ от 01.07.2014 г. № 20-П) и др. [см. подробнее: 19, с. 98-106]. Практика КС РФ в данном случае выступает в качестве своего рода индикатора системы правового регулирования, ее качества и эффективности в целом [3, с. 28].

В пользу сильного государства говорит и тот фактор, что слабое государство само порождает многочисленные серьезные проблемы. Исследователи сущности слабого государства справедливо указывают, что «слабые, некомпетентные или несуществующие правительства являются источником серьезных проблем, особенно в развивающемся мире», что «слабость государства – и национальный, и международный источник проблем первого порядка» [27, с. 6, 8].

Слабость государственных институтов, прежде всего, проявляется в их неспособности регулировать и контролировать социальные процессы. Они проявляют беспомощность в решении возникающих перед обществом проблем. И как результат, это неизбежно ведет к тому, что эту роль стремятся взять на себя другие силы и структуры, в том числе и внешние. Представляется, что этот тезис хорошо подкрепляется политическими и экономическими процессами на Украине. Как заявил в интервью телеканалу RT министр иностранных дел России Сергей Лавров: «Нет никаких оснований не верить тому, что американцы правят балом на Украине» [12]. И сегодня, на примере Украины, очевидно, какие проблемы она создает, прежде всего, для Европы. Основными характерными чертами слабого государства можно

назвать: синдромом затяжного, хронического безвластия; не хватка, а порой и отсутствие материальных и финансовых ресурсов; неспособность осуществлять эффективное регулирование экономики государства; не способность надлежащим образом перераспределять доходы; вопиющее социальное неравенство и невозможность его преодолевать; бедность, унижающая человеческое достоинство; постоянно растущий уровень коррупции; зачастую грозящее вымирание значительной части населения и др. Слабые государства создают проблемы для других, прежде всего, соседних стран, поскольку они превращаются в источник массовой и практически неподдающейся контролю иммиграции, становятся поставщиком маргинализированных, люмпенизированных, и криминализированных элементов.

Пятым фактором, говорящим в пользу создания концепции сильного государства является слабость рыночной экономики. Опыт современных даже высокоразвитых стран говорит о том, что саморегулирующийся рынок на современном этапе исторического развития абсолютно невозможен. Этот тезис разделяют многие ученые [например: 14; 15]. Вера в то, что свободный рынок самостоятельно, без участия государства в состоянии «все расставить по своим местам» не имеет под собой никаких оснований. Более того, рыночная система не может обеспечить в принципе соблюдения такого принципа, как принцип справедливости. Эпоха господства свободного рынка с неизбежностью породила абсолютную, непререкаемую власть денег, которые стремятся нивелировать различия между нравственными и аморальными, истинными и ложными ценностями. Когда безраздельно господствует мораль «всё продаётся и всё покупается», обесмысливаются, в значительной степени утрачивают право на существование все иные мотивации, кроме экономической.

Таким образом, рыночные отношения, представляющие по своей структуре как сложное, многоуровневое явление, особенно нуждаются в эффективном регулятивном воздействии не только со стороны отдельных институтов гражданского общества, но главным образом и в первую очередь, со стороны сильного и дееспособного государства. При этом как не раз отмечал КС РФ, должен обеспечиваться баланс интересов всех участников рыночных отношений, согласованность частных экономических инициатив с интересами других лиц и общества в целом, включая потребности в предоставлении публично значимых услуг должного объема и качества (Постановление КС РФ от 20.12.2011 г. № 29-П). Именно на государство ложится бремя ответственности за создание условий продвижения общества по пути общественного прогресса и за реализацию крупномасштабных экономических проектов.

Вышеизложенное позволяет сделать некоторые выводы. Во-первых, государство представляет собой универсальный, многофункциональный и незаменимый инструмент, который может ответственно и разумно решать стоящие, как глобальные, так и региональные проблемы, давать ответы на вызовы современной эпохи. Успешное выполнение этой миссии возможно лишь при условии, что государство является сильным. Во-вторых, сильное, дееспособное государство – это государство, которое никогда не оставляет «стихийным силам те сферы жизнедеятельности общества, которые без государственного регулирования существовать не в состоянии» [9, с. 13]. В-третьих, развитому гражданскому обществу необходимо сильное правовое, демократическое государство. В-четвертых, сильное государство – это не миф, а объективная потребность современной России.

Библиографические ссылки

1. Анохин П.В. Концепция «сильного государства»: Исторический опыт и проблемы воплощения в условиях современной России : дис. ... д-ра юрид. наук. СПб., 2002.
2. Безкорвайная Ю.Е. Кризис легальности и легитимности государственной власти в контексте формирования «сильного» государства // Государство и право. 2011. № 7. С. 101–103.
3. Болгова В.В., Жеребцова Е.Е. Формы и средства жилищной политики в решениях Конституционного Суда Российской Федерации // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. Тамбов : Грамота, 2014. № 5 (43). Часть II. С. 24–29.

4. Бомба ко дню рождения вождя. URL: <http://www.gazeta.ru/army/2016/01/06/8010749.shtml> (дата обращения: 22.09.2016)
5. Грязнова Е.В. «Хрупкое» государство: критерии определения // Политика и общество. 2013. № 1 (97). С. 57–65.
6. Доронина Н.Г., Семилотина Н.Г. Информационные технологии и экономические отношения: проблемы международно-договорной унификации права в ЕАЭС // Журнал российского права. 2015. № 11. С. 69–81.
7. Жеребцова Е.Е. Социально-экономические права человека и гражданина в постановлениях Конституционного Суда Российской Федерации // Право и политика. 2009. № 9. С. 1912–1919.
8. Затонский В.А. Эффективная государственность / под ред. А.В. Малько. М. : Юрист, 2006.
9. Затонский В.А. Эффективная государственность в личностно-правовом измерении: Общетеоретическое исследование : дис. ... д-ра юрид. наук. Саратов, 2008.
10. Ильин И.А. О сильной власти / Собрание сочинений: в 10 т. / сост., вступ. ст. и коммент. Ю.Т. Лисицы. Т. 2. Кн. 1. М.: Русская книга, 1993.
11. Керимов А.Д., Куксин И.Н. Критерии силы государства // Право и образование. 2016. № 6. С. 4–16.
12. Кто правит бал на Украине? ГКДЖ http://www.bbc.com/russian/international/2014/04/140424_ugc_letters_lavrov (дата обращения: 23.09.2016).
13. Куксин И.Н., Мичулис Э.Ф. Формирование уголовно-правовой системы Союзного государства России и Белоруссии // Вестник Коми республиканской академии государственной службы и управления. Серия: Государство и право. 2015. № 19. С. 35–41.
14. Мальцев Г.В. Социальные основания права. М. : Норма, 2007.
15. Марченко М.Н. Государство и право в условиях глобализации. М. : Проспект, 2008.
16. Мирошниченко О.И. Основания легитимности государственной власти в современной России // Правовая политика и правовая жизнь. 2014. № 1. С. 57–61.
17. Мэй ответила на вопрос о готовности использовать ядерное оружие против РФ. URL: <https://ria.ru/world/20160728/1473091742.html> (дата обращения: 22.09.2016).
18. Новая философская энциклопедия: В 4 т. Т. III. Ин-т философии РАН, Нац. общ.-науч. фонд. М. : Мысль, 2001.
19. Новопавловская Е.Е. Защита основных прав и свобод человека и гражданина в Российской Федерации посредством конституционного судопроизводства: монография. Белгород: Бел ЮИ МВД России им. И.Д. Путилина, 2015.
20. Понкин И.В. Теория государственного управления: государство-диспотия // Административное право и процесс. 2015. № 4. С. 11–14.
21. Послание Президента Российской Федерации Федеральному Собранию. 5 ноября 2008 года. URL: <http://docs.cntd.ru/document/902126579> (дата обращения: 28.09.2016).
22. Раянов Ф.М. Проблемы теории практики правового государства. Уфа : «Гилем», 2013.
23. Раянов Ф.М. Федерация – не самоцель // Власть. 1996. № 3.
24. Статистика по решениям Конституционного Суда Российской Федерации // Официальный сайт Конституционного Суда Российской Федерации. URL: <http://www.ksrf.ru/ru> (дата обращения: 30.09.2016).
25. Тимофеев М.С. Идеи И.А. Ильина о сильном государстве // История государства и права. 2013. № 22. С. 28–31.
26. Тихомиров Ю.А. Оптимизация правовых регуляторов в социальной сфере // Право и социальное развитие: новая гуманистическая иерархия ценностей: монография / М.М. Аносова, А.А. Аюрова, Ю.Н. Беляева и др.; отв. ред. А.В. Габов, Н.В. Путило. М. : ИЗИСП, ИНФРА-М, 2015.
27. Фукуяма Ф. Сильное государство. Управление и мировой порядок в XXI веке (перевод с англ. яз.). М. : АСТ: ХРАНИТЕЛЬ, 2006.

References

1. Anokhin P.V. Kontseptsiya «sil'nogo gosudarstva»: Istoricheskiy opyt i problemy voploshcheniya v usloviyakh sovremennoy Rossii (The concept of a «strong state»: Historical experience and problems of realization in modern Russia), Dis. ... d-ra yurid. nauk, SPb., 2002.
2. Bezkorovaynaya Yu.E. Krizis legal'nosti i legitimnosti gosudarstvennoy vlasti v kontekste formirovaniya «sil'nogo» gosudarstva (The crisis of legality and legitimacy of the government in the context of the formation of a «strong state»), *Gosudarstvo i pravo*, 2011, No. 7, pp. 101–103.
3. Bolgova V.V., Zherebtsova E.E. Formy i sredstva zhilishchnoy politiki v resheniyakh Konstitutsionnogo Suda Rossiyskoy Federatsii (Forms and means of housing policy in the decisions of the Constitutional Court), *Istoricheskie, filosofskie, politicheskie i yuridicheskie nauki, kul'turologiya i iskusstvovedenie. Voprosy teorii i praktiki*, Tambov: Gramota, 2014, No. 5 (43), Chast' II, pp. 24–29.

4. Bomba ko dnyu rozhdeniya vozhdya (The bomb to the leader's birthday), URL: <http://www.gazeta.ru/army/2016/01/06/8010749.shtml> (accessed date: 22.09.2016).
5. Gryaznova E.V. «Khrupkoe» gosudarstvo: kriterii opredeleniya («Fragile» state: definition criteria), *Politika i obshchestvo*, 2013, No. 1 (97), pp. 57–65.
6. Doronina N.G., Semilyutina N.G. Informatsionnye tekhnologii i ekonomicheskie otnosheniya: problemy mezhdunarodno-dogovornoy unifikatsii prava v EAES (Information technology and economic relations: problems of international treaty unification of law in the EAEC), *Zhurnal rossiyskogo prava*, 2015, No. 11, pp. 69–81.
7. Zherebtsova E.E. Sotsial'no-ekonomicheskie prava cheloveka i grazhdanina v postanovleniyakh Konstitutsionnogo Suda Rossiyskoy Federatsii (Socio-economic human and civil rights in the decisions of the Constitutional Court), *Pravo i politika*, 2009, No. 9, pp. 1912–1919.
8. Zatonskiy V.A. Effektivnaya gosudarstvennost' (Efficient statehood), Pod red. A.V. Mal'ko, M. Yurist, 2006.
9. Zatonskiy V.A. Effektivnaya gosudarstvennost' v lichnostno-pravovom izmerenii: Obshcheteoreticheskoe issledovanie (Efficient statehood in legal personal dimension: Theoretical study), Dis. ... d-ra yurid. nauk, Saratov, 2008.
10. Il'in I.A. O sil'noy vlasti (On strong power), *Sobranie sochineniy: v 10 t., Sost., vstup. st. i comment, Yu.T. Lisitsy, T. 2, Kn. 1, M. Russkaya kniga*, 1993.
11. Kerimov A.D., Kuksin I.N. Kriterii sily gosudarstva (Criteria for state powers), *Pravo i obrazovanie*, 2016, No. 6, pp. 4–16.
12. Kto pravit bal na Ukraine? (Who reigns in Ukraine?), URL: http://www.bbc.com/russian/international/2014/04/140424_ugc_letters_lavrov (accessed date: 23.09.2016).
13. Kuksin I.N., Michulis E.F. Formirovanie ugolovno-pravovoy sistemy Soyuznogo gosudarstva Rossii i Belorussii (Formation of the criminal justice system of the Union State of Russia and Belarus), *Vestnik Komi respublikanskoj akademii gosudarstvennoy sluzhby i upravleniya. Seriya: Gosudarstvo i pravo*, 2015, No. 19, pp. 35–41.
14. Mal'tsev G.V. Sotsial'nye osnovaniya prava (Social grounds of law), M. Norma, 2007.
15. Marchenko M.N. Gosudarstvo i pravo v usloviyakh globalizatsii (State and law in the context of globalization), M. Prospekt, 2008.
16. Miroshnichenko O.I. Osnovaniya legitimnosti gosudarstvennoy vlasti v sovremennoy Rossii (Grounds for the legitimacy of state power in modern Russia), *Pravovaya politika i pravovaya zhizn'*, 2014, No. 1, pp. 57–61.
17. Mey otvetila na vopros o gotovnosti ispol'zovat' yadernoe oruzhie protiv RF (Mei answered the question about the readiness to use nuclear weapons against Russia), URL: <https://ria.ru/world/20160728/1473091742.html> (accessed date: 22.09.2016).
18. Novaya filosofskaya entsiklopediya (The New Encyclopedia of Philosophy): V 4 t., T. III, In-t filosofii RAN, Nats. obshch.-nauch. Fond, M. Mysl', 2001.
19. Novopavlovskaya E.E. Zashchita osnovnykh prav i svobod cheloveka i grazhdanina v Rossiyskoy Federatsii posredstvom konstitutsionnogo sudoproizvodstva (The protection of fundamental rights and freedoms of man and citizen in the Russian Federation by means of constitutional proceedings): monografiya, Belgorod: Bel YuI MVD Rossii im. I.D. Putilina, 2015.
20. Ponkin I.V. Teoriya gosudarstvennogo upravleniya: gosudarstvo-dispotiya (The theory of government: Despotic state), *Administrativnoe pravo i protsess*, 2015, No. 4, pp. 11–14.
21. Poslanie Prezidenta Rossiyskoy Federatsii Federal'nomu Sobraniyu, 5 noyabrya 2008 goda (The address of the President of the Russian President to the Federal Assembly), URL: <http://docs.cntd.ru/document/902126579> (accessed date: 28.09.2016).
22. Rayanov F.M. Problemy teorii praktiki pravovogo gosudarstva (Problems of theory and practice of the rule-of-law state). Ufa, «Gilem», 2013.
23. Rayanov F.M. Federatsiya – ne samotsel' (Federation is not a goal in itself) *Vlast'*. 1996. № 3.
24. Statistika po resheniyam Konstitutsionnogo Suda Rossiyskoy Federatsii, Ofitsial'nyy sayt Konstitutsionnogo Suda Rossiyskoy Federatsii (Statistics on the decisions of the Constitutional Court of RF), URL: <http://www.ksrf.ru/ru> (accessed date: 30.09.2016).
25. Timofeev M.S. Idei I.A. Il'ina o sil'nom gosudarstve (Ideas of I.A. Ilyin on a strong state), *Istoriya gosudarstva i prava*, 2013, No. 22, pp. 28–31.
26. Tikhomirov Yu.A. Optimizatsiya pravovykh regulatorov v sotsial'noy sfere, Pravo i sotsial'noe razvitie: novaya gumanisticheskaya ierarkhiya tsennostey (Optimization of legal controls in the social sphere, Law and social development: the new humanistic value hierarchy): monografiya, M.M. Anosova, A.A. Ayurova, Yu.N. Belyaeva i dr.; otv. red. A.V. Gabov, N.V. Putilo, M. IZiSP, INFRA-M, 2015.
27. Fukuyama F. Sil'noe gosudarstvo, Upravlenie i mirovoy poryadok v XXI veke (perevod s angl. yaz.) (Strong state. Management and world order in the XXI century), M. ACT: KhRANITEL, 2006.

УДК 340

**ЦЕННОСТНЫЕ ОРИЕНТИРЫ
РОССИЙСКОЙ ГОСУДАРСТВЕННОСТИ:
ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ****ЕНИКЕЕВ Рафаэль Наилевич***кандидат юридических наук, доцент кафедры теории государства и права Института права ФГБОУ ВО «Башкирский государственный университет», г. Уфа, Россия.**E-mail: rnenikeev@yandex.ru***VALUE ORIENTATIONS
OF THE RUSSIAN STATEHOOD:
HISTORY AND CONTEMPORANEITY****ENIKEEV Rafael Nailevich***Candidate of Sciences (Law), Assistant Professor of the Chair of Theory of State and Law of the Institute of Law of the FSBEI HE "Bashkir State University", Ufa, Russia.**E-mail: rnenikeev@yandex.ru*

Осмысливаются ценностные ориентиры, на которые опирается Российская государственность, как в прошлом, так и в настоящее время. Обосновываются пути нового фундаментального переосмысления ценностных основ организации общественной жизнедеятельности россиян в современной Российской Федерации. Автор исходит из того, что в современной Российской Федерации больше хотелось бы увидеть именно правовую государственность, основанную на действующую Конституцию. К их числу автор относит такие, прямо вытекающие из действующей Конституции, институты, как правовое государство, федеративное государство, положение о том, что человек, его права и свободы являются высшей ценностью. Эти институты и ценности, не смещаясь в теорию особого пути развития России, в то же время они входят в число общечеловеческих ценностей.

Ключевые слова: ценностный подход, особенности Российской государственности, теория особого пути развития России, общечеловеческие ценности, правовое государство, федеративное государство, права и свободы человека – высшая ценность.

The author of the article thinks through the value orientations that underpin the Russian statehood in the past and at the relevant time. The author gives reasons for new fundamental ways of rethinking value bases of the organization of social activity of Russians in the modern Russian Federation. The author issues from the desire to see in the modern Russian Federation the legal statehood that is based on the current Constitution. The author views such institutions directly coming out of the current Constitution as the rule-of-law state, federal state, the provision that the person and his\her rights and freedoms are the supreme value. These institutions and values, not shifting to the theory of the special path of Russia's development, at the same time, they are among the human values.

Keywords: value-based approach, peculiarities of the Russian statehood, theory of the special path of Russia's development, human values; rule-of-law state, federal state, human rights and freedoms - the supreme value.

Смысл и назначение нашего обращения к ценностным ориентирам Российской государственности можно объяснить несколькими доводами. Во-первых, в процессе работы со студентами нередко возникают вопросы такого рода: ценностные ориентиры Российской государственности во все времена ее многовековой истории остаются одними и теми же. И, во-вторых, если они меняются, то каковы эти ценностные ориентиры Российской государственности сегодня? На эти вопросы в учебниках по юридическим наукам ответа очень трудно найти. В то же время об особенностях, например, российской государственности к сегодняшнему времени уже написано много работ. А вот о ценностных ориентирах российской государственности, основанных на действующей Конституции Российской Федерации, этого не скажешь.

Конечно, каждая страна, особенно по сравнению с другими странами, имеет свои особенности. Одинаково похожих друг на друга стран, также как и совершенно одинаковых людей, трудно найти. Но, обращает внимание то, что когда заходит речь об особенностях России здесь, по нашему мнению, все идет, так или иначе, в гипертрофированных тонах. Создается даже впечатление, что у России на первом месте особенности, а о том, что мир развивается в

сторону глобализации и России также необходимо это учитывать, сторонникам особого пути развития России вообще не касается. Так, в одном из работ, посвященных особому пути развития России, читаем: «Чтобы понять ситуацию, в которой мы оказались, нужно рассмотреть историю России в аспекте мировой истории. Россия – особая страна. Отец наших реформаторов, Джеффри Сакс, не двусмысленно сказал, что у России иная анатомия, к ней нельзя подходить с той же меркой, что к западным странам [1, с. 203].

Когда я эту цитату прочитал своим студентам и попросил их высказаться по этому поводу, то группа студентов из 28 человек, по своим взглядам, разделилась на две части. Одна (меньшая) часть согласилась с тем, что Россия особая страна, а другая часть такую особенность России оценила в качестве основной причины ее экономического отставания от западных стран. Значительная часть студентов, современную Россию представляет в сообществе стран, уважающих общечеловеческие ценности и нормы международного права. От себя добавлю, что ссылка автора приведенной цитаты на Джеффри Сакса в таком контексте, что к России «нельзя подходить с той же меркой, что к западным странам» несколько не соответствует действительному его мнению по этому же вопросу. Так, в 1998 году Сакс негативно оценил ряд действий российских реформаторов. Он сказал: «Главное, что подвело нас, это колоссальный разрыв между риторикой реформаторов и их реальными действиями. И, как мне кажется, российское руководство превзошло самые фантастические представления марксистов о капитализме: они сочли, что дело государства – служить узкому кругу капиталистов, перекачивая в их карманы как можно больше денег и поскорее. Это не шоковая терапия. Это злостная, предумышленная, хорошо продуманная акция, имеющая своей целью широкомасштабное перераспределение богатств в интересах узкого круга людей» [2]. Так что даже вот такой небольшой эксперимент в студенческой группе показал, что современные россияне уже не так дружно поддерживают тезис об особости России. Они, все больше проникая в тенденции глобализации, не только видят сегодняшнюю Российскую Федерацию в сообществе мировых развитых государств, но и искренне хотят этого.

В связи со сказанным трудно согласиться и с некоторыми другими представителями отечественных обществоведческих наук, которые, проигнорировав закономерности глобализации, а также объективные потребности и России в международном сотрудничестве, все еще продолжают считать, что и современная Россия сохраняет государственно-правовые особенности византизма. Так, в работе, посвященной исторической судьбе России и подготовленной в связи с 1150-летием образования государственности в России, утверждается: «Вывод исследователей (речь идет об осмыслении природы современной России) далеко не прост: главный социальный продукт византизма – это тип индивидуального сознания, отличающегося склонностью мыслить вне пределов естественно-правовых категорий, отсутствием критического отношения к неправовым акциям государственной власти, податливостью манипулятивному давлению господствующих идеологов, покорностью силе авторитарного правления, способностью достаточно легко приспособляться к требованиям жестких политических режимов» [3, с. 135–136]. Руководствуясь таким подходом к особенностям современной России, в этой же работе дальше утверждается: «Формулируя разницу между западной и российской моделью управления, важно подчеркнуть, что вся система либеральной государственности построена на постулате «прав человека», т.е. «свобода от». Российское же государство складывалось под влиянием Византии при преимущественном преобладании начала обязанности над началом права» [3, с. 144]. Но, самое главное в этих рассуждениях заключается в том, что где-то открыто, а где-то молчаливо в них поддерживается мысль о том, что Россия и дальше должна не только не забывать этих своих особенностей, но и продолжать придерживаться такой особой линии развития. О том, что Византия функционировала в средневековье, а потом наступило Новое время и Россия уже живет в Новейшее время, в этой ра-

боте ничего и не сказано. И это при том, что сами авторы обозначили период своего исследования, включая 2012 год.

Размышляя о государственности за такой период истории России, вряд ли корректно не говорить ничего не только о ценностях Нового времени, но и о закрепленных в постсоветской Конституции Российской Федерации положениях, полностью соответствующих этим ценностям. Да и сама идеология византизма, также как и идеология особого пути развития России, впрочем, также как и марксистская идеология, культивируемая долгое время в России, все они не учитывают объективно складывающийся в любом обществе плюрализм интересов людей. «Любое общество объективно плюралистично, как по своей структуре, так и по образу жизни и мысли людей, проживающих в нем. В любом обществе всегда возникают определенные трения между различными интересами. Как найти согласование, увязку различных интересов? Здесь мы подходим к тому, что важнейшее социальное назначение любого государства как раз и заключается в регулировании различных общественных отношений, в стабилизации их» [4, с. 8]. Отсюда и государство, особенно современное государство, в своей деятельности не может опираться только на одну идеологию, какой бы она перспективной не звучала.

К тому же современная Россия – это федеративное государство. Такую форму государственного устройства поддерживает и большинство россиян, даже независимо от их многонациональности. Конечно, федерация – не самоцель. Как правильно пишет Ф.М. Раянов: «конечно, вовсе необязательно, чтобы все государства были федеративными. Возникнув на начальной стадии демократизации общества, идеи федеративного государства могут реализовываться, а могут и сразу трансформироваться в унитаристские идеи. Главное в государственоведении не устройство государства, а режим его функционирования» [5, с. 73]. Но, несмотря на это, поскольку многонациональный народ России на референдуме принял Конституцию и записал в ней федеративную форму Российского государства, это положение также должно быть обеспечено на практике. При этом принятая народом Конституция должна действовать реально, даже, несмотря на то, что современная Российская Федерация, как по форме устройства, так и по сути своей Конституции, не согласуется, ни с идеологией византизма, ни с идеологией особого пути развития России.

Мы бы здесь отметили еще одну ценностную позицию постсоветской Конституции Российской Федерации, которая также не согласуется ни с идеологией особого пути развития России, ни с идеологией византизма. Речь идет о позиционировании Конституцией Российской Федерации нашего современного российского государства в качестве правового государства. Несмотря на отмеченное уже выше влияние на российскую государственность византизма, в принципе отодвигающего «право» на задний план по сравнению с обязанностями россиянина, Россия все же, по своей Конституции, является правовым государством. Конечно, позиционирование России правовым государством в большей мере все еще остается лишь конституционной декларацией. В реальной жизни Российская Федерация, не без влияния того же византизма и идеологии особого пути ее развития, находится еще далеко от параметров подлинного правового государства. Но обозначенный Конституцией Российской Федерации вектор развития России в качестве именно правового государства, по нашему мнению, является совершенно верным. «Тяга к параметрам правового государства в нашем обществе просто огромна. Причем это не дань моде, получившей распространение на западе, а объективная потребность самой нашей жизни. В перспективе мы просто не можем не идти в направлении правового государства» [6, с. 71].

Действительно, получается, что если в процессе организации общественной жизни россиян больше ориентироваться на исторические традиции возвышения общественных интересов над личными интересами, на менталитет людей, населяющих Российскую Федерацию, то и ценностные ориентиры будут не те, которые впервые были закреплены в Конституции Российской Федерации 1993 года. Трудно здесь не согласиться с тем же Ф.М. Раяно-

вым, который подчеркивает, что: «Несмотря на то, что в действующей Конституции зафиксировано, что мы живем в правовом государстве, где права и свободы человека являются высшей ценностью, мы, не сумев организовать общественную жизнь на основе этих ценностей, и сегодня все еще ищем какие-то новые идеи и ценности, чтобы на их основе выйти на консолидированное развитие общества» [7, с. 7]. Но сегодня жить, полностью оглядываясь только на прошлое, вряд ли стоит: так мы и останемся отсталыми в социально-экономическом развитии. Пора уже понять, что «в России во все времена ее истории еще не было такой власти, которая бы отвечала требованиям времени, практики передовых стран. Россия всегда отставала и продолжает отставать, в первую очередь, в области государственной организации общественной жизни» [8, с. 100].

Одним словом, наши изыскания в области поиска ценностных ориентиров Российской государственности позволяют дать нам однозначный ответ: Российская Федерация, в соответствии со своей Конституцией, должна твердо встать на путь интеграции со всей цивилизованной общественно-политической практикой современного мира. Только такой путь приведет и Российскую Федерацию к прогрессу и благополучию ее многонационального народа, объединенного в одно единое и неделимое государство.

Библиографические ссылки

1. Проект Россия. М. : Эксмо, 2007.
2. Независимая газета. 1998. 31 декабря.
3. Историческая судьба России. К 1150-летию образования государственности России (862–2012 гг.). Екатеринбург : Изд-во Урал. гос. экон. ун-та, 2012.
4. Раянов Ф.М. Гарданов А.Ш. Размышления о государстве. Уфа, 1994.
5. Раянов Ф.М. Федерация – не самоцель // Власть. 1996. № 3.
6. Раянов Ф.М. Трудный путь к правовому государству. Уфа: Издательство «Башкортостан», 1999.
7. Раянов Ф.М. Правовая организация общественной жизни: теория и практика // Государство и право. 2004. № 12.
8. Раянов Ф.М. Государственно-правовые «болезни»: исторический диагноз. Уфа : НИИПП, 2005.

References

1. Proekt Rossiya (The project Russia). M. Eksmo, 2007.
2. *Nezavisimaya gazeta* (Independent newspaper), 1998, 31 dekabrya.
3. Istoricheskaya sud'ba Rossii. K 1150-letiyu obrazovaniya gosudarstvennosti Rossii (862–2012 gg.) (The historical fate of Russia. To the 1150th anniversary of the formation of the statehood of Russia (862–2012)). Ekaterinburg, Izd-vo Ural. gos. ekon. un-ta, 2012.
4. Rayanov F.M. Gardanov A.Sh. Razmyshleniya o gosudarstve (Reflections on the state). Ufa, 1994.
5. Rayanov F.M. Federatsiya – ne samotsel' (The federation is not a goal in itself), *Vlast'*. 1996. No. 3.
6. Rayanov F.M. Trudnyi put' k pravovomu gosudarstvu (A difficult path to the rule-of-law state). Ufa, Izdatel'stvo «Bashkortostan», 1999.
7. Rayanov F.M. Pravovaya organizatsiya obshchestvennoi zhizni: teoriya i praktika (Legal organization of public life: theory and practice), *Gosudarstvo i pravo*, 2004, No. 12.
8. Rayanov F.M. Gosudarstvenno-pravovye «bolezni»: istoricheskii diagnoz (State law "diseases": historical diagnosis). Ufa, NIIPP, 2005.

УДК 340

ИДЕЯ СУВЕРЕНИТЕТА В ФИЛОСОФСКО-ПРАВОВЫХ И ПОЛИТИКО-ПРАВОВЫХ КОНЦЕПЦИЯХ XIX ВЕКА**КЛИМЕНКО Оксана Алексеевна**

*сотрудник факультета подготовки следователей Орловского юридического института МВД России им. В.В. Лукьянова, г. Орел, Россия.
E-mail: oksikgol@mail.ru*

В современных условиях, осложненных событиями на международной арене, появляется повышенный интерес к взглядам представителей немецкой классической философии, а также философов постклассического периода второй половины XIX века на проблему суверенитета государства. В настоящее время взгляды И. Канта и Г.В.Ф. Гегеля на суверенитет становятся особо актуальными в связи с глобализационными процессами, протекающими в современном мире, которые вместе с позитивными изменениями для различных государств нередко влекут за собой и отрицательные последствия. Поэтому в наши дни появляется необходимость учета не только опыта ее классических трактовок, но и постклассических интерпретаций, которые в XX веке снова актуализировали проблемы аксиологического измерения понятия суверенитета, вопросы его источников, проблему возможных пределов.

Ключевые слова: суверенитет, немецкая классическая философия, И. Кант, Г.В.Ф. Гегель, постклассическая философия, Ю. Хабермас.

THE IDEA OF SOVEREIGNTY IN THE PHILOSOPHICAL AND LEGAL, POLITICAL AND LEGAL CONCEPTS OF THE XIX CENTURY**KLIMENKO Oksana Alekseevna**

Personnel of the Faculty of Investigators Training of the Orel Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.V. Lukyanov, Orel, Russia. E-mail: oksikgol@mail.ru

In modern conditions, complicated by developments in the international arena, there is a heightened interest to the views of the representatives of German classical philosophy and philosophers of the Postclassical period of the second half of the XIX century on the state sovereignty issue. At present, Immanuel Kant's and G.W.F. Hegel's views on sovereignty have become very actual due to globalization processes of the modern world, which along with positive changes for different countries often entail negative consequences. Therefore, today it is necessary to consider its classical interpretations as well as postclassical interpretations, which in the twentieth century mainstreamed the problems of axiological measurement of the concept of sovereignty, issues of its sources, and the problem of possible limits.

Key words: sovereignty, German classical philosophy, I. Kant, G.W.F. Hegel, postclassical philosophy, J. Habermas.

Конец XVIII–начало XIX вв. был отмечен теоретическим взлетом политико-правовой мысли, связанным с деятельностью представителей немецкой классической философии. В особенности труды И. Канта и Г.В.Ф. Гегеля оказали исключительное влияние на правовую мысль своего времени и во многом определили характер юридической мысли в последующие исторические эпохи вплоть до наших дней.

Развивая идеи Руссо, И. Кант трактовал государство как объединение множества людей, подчиненных правовым законам [4, с. 354]. В свою очередь право, по Канту, представляет собой совокупность условий, при которых произвол одного лица совместим с произволом другого лица с точки зрения всеобщего закона свободы. Право без принуждения образует понятие справедливости, а принуждение без опоры на право – понятие необходимости. Государство устанавливается посредством первоначального договора, где каждый отказывается от своей внешней свободы, чтобы получить ее вновь под эгидой государства при определяющей роли права.

Анализируя понятие суверенитета, Кант обосновывал различие между понятием народного суверенитета и государственного суверенитета, тем самым ставя под вопрос представления о субстанциальности и незыблемости последнего. Таким образом он выходит на идею всемирно-гражданского состояния, основанного на сопряжении народных суверените-

тов и возвышающегося на отдельными государственными суверенитетами во имя общей пользы. Автор «Критики практического разума», говорил не просто о том, что право может стать средством поддержания мира, но изначально вел речь именно о справедливом мире. Справедливый и устойчивый мир, в свою очередь, не может быть результатом временного и случайного баланса сил и межгосударственного договора. Его установление на длительную перспективу возможно в рамках того всемирно-гражданского состояния, о котором говорит Кант. «Идея всемирно-гражданского устройства, гарантирующего «объединение всех народов под эгидой публичных законов», обретает значение «истинного», императивного, а не просто временного состояния мира» [4, с. 110]. Разум требует наложить вето на войну как на систему постоянных убийств и нарушений прав личности: «Никакой войны не должно быть; ни войны между мной и тобой в естественном состоянии, ни войны между нами как государствами, которые внутренне хотя и находятся в законном состоянии, но внешне (во взаимоотношении) – в состоянии беззакония» [5, с. 391].

Для Канта вечный мир – это всего лишь долженствование, установка разума, требующего субъективно полагаемого предела развитию правовых принципов. «Вечный мир» в системе кантовских понятий – это искусственно полагаемый предел бесконечного совершенствования правового мышления, который необходимо поставить для того, чтобы обеспечить его целостность. Это в чистом виде – аналог «идеала чистого разума» теоретического познания и идеи блага практического разума. По Канту, разум знает, что ни теоретический, ни практический идеал не достижимы, однако, должен их полагать в качестве реальной цели, чтобы обеспечить целостность своей теоретической и практической способности.

Согласно тонкому замечанию Ю. Хабермаса, для Канта право является не просто средством для поддержания мира между государствами. Скорее, наоборот, мир между нациями он понимает как мир, справедливый изначально [13, с. 110]. Соответственно, можно трактовать этот теоретический посыл таким образом, что для Канта гипотетический изначальный мир является источником справедливости и права, а значит и высшим началом, легитимирующим суверенитет. Тогда идея «мирной, хотя еще не дружественной общности всех народов» [5, с. 389] оказывается не просто требованием морали, неким высшим принципом права. «Идея всемирно-гражданского устройства, гарантирующего «объединение всех народов под эгидой публичных законов», обретает значение «истинного», императивного, а не просто временного состояния мира» [13, с. 110].

Позволим себе здесь не согласиться с Ю. Хабермасом. В «Критике чистого разума» и в «Критике практического разума» Кант указывает на чисто субъективный характер теоретического и практического идеалов. Он подчеркивает искусственную природу самой границы познания и воли: произвольное перенесение разумом идеала из сферы субъективного долженствования в сферу объективной действительности неизбежно порождает иллюзии. В области же права Кант, напротив, попытался рассмотреть свой аналог «идеала чистого разума» в виде всемирно-гражданского устройства как нечто практически исполнимое. Полагаем, что это был лишь своего рода мыслительный эксперимент, произведенный великим философом права. Если же это не так, то из этого вовсе не следует, что мы должны апеллировать к букве кантовских произведений, а не к их внутренней логике.

Вместе с тем, сам кантовский текст, конечно же, дает основания говорить о том, что в научном творчестве автора трактата «К вечному миру» идея государственного суверенитета впервые подверглась систематической теоретической ревизии как последнее и абсолютное основание правовой жизни. Как нам видится, у Канта сохраняется дуализм между требованием безопасной жизни, которую, якобы, могут дать лишь международные гарантии против войны, и императивом сохранения национальной независимости. Кант специально подчеркивает, что речь идет о независимости народов, отличающихся друг от друга по языку, религии и образу жизни.

Данное противоречие отмечает и Ю. Хабермас: «Теря суверенитет своих государств, народы могут потерять и национальную независимость, которую они завоевали, следовательно, опасность угрожает и автономии своеобразных коллективных форм жизни народов. Если так прочесть кантовские тексты, то «противоречие» состоит в том, что граждане всемирной республики должны заплатить за гарантии мира и гражданской свободы ценой потери той субстанциональной свободы, которой они обладают, если принадлежат народу, организованному в национальное государство» [13, с. 116–117].

С учетом наметившегося у Канта противоречия между императивом безопасности и национальной свободы актуально прозвучала интерпретация понятия суверенитета в «Философии права» Гегеля, который настаивал на неизблемости основных постулатов его боденовской трактовки [6; 9]. Великий мыслитель приходил к их новому пониманию, основываясь на диалектическом понимании вопросов единства индивида и государства, государства и гражданского общества, целостности и дискретности государственного устройства.

Здесь важно иметь в виду саму идею государства в ее понимании автором «Философии права». Государство для Гегеля, прежде всего, является осуществлением духовной свободы, воплощенной как в обществе, так и в индивидах. И именно в таком качестве оно выступает как нечто нравственно целое и единое [3, с. 283]. В противоположность Руссо и Канту Гегель не выводит суверенитет из воли народа, а связывает его непосредственно с самой идеей государства. Здесь важно иметь в виду гегелевскую диалектику, согласно которой, государство само по себе не является некоторой конструкцией, возвышающейся над народом, а составляет его неотъемлемое содержание, подобно душе в отношении к отдельным органам тела. Однако при этом сам народ следует понимать не как агрегат индивидов (*vulgus*), а как внутренне дифференцированное и сложное образование (*populus*), т.е. как гражданское общество. На это обращает внимание и на этом настаивает сам Гегель в «Энциклопедии философских наук».

Конечно, такая точка зрения, т.е. в вопросах понимания государства и гражданского общества опираться лишь на труды Г. Гегеля, не является единственной. Так, профессор Ф.М. Раянов пишет, что «многие современные представители политической философии, рассуждая о теоретических сторонах проблемы гражданского общества и правового государства, отсылают читателя к трудам Д. Локка. Именно Д. Локк является бесспорным авторитетом в вопросах политической философии и для многих современных исследователей в области гражданского общества и правового государства» [10, с. 7].

Но в этой связи не можем не упомянуть и о наличии третьей точки зрения. Так, В.А. Бачинин и В.П. Сальников подчеркивают, что «гражданское общество представляет собой сложную, многомерную социальную целостность, которая, будучи открытой, самоорганизующейся системой естественно складывающихся социальных отношений между индивидами как частными лицами, активно обменивается веществом, энергией и информацией со своим главным контрагентом – государством. В гражданском обществе каждый человек предстает не как подданный государства, но как самоценный индивидуум, имеющий свои личные, частные жизненные цели, которые могут либо совпадать с интересами государства, либо противоречить им» [1, с. 133]. В качестве «души» общества государство для Гегеля есть, во-первых, тотальность, т.е. неразрывность и континуальность всех его членов, а, во-вторых, абсолютное самоопределение, т.е. самоопределение, не зависящее от внешних начал, а имеющее источник исключительно в себе самом. Эта самообоснованность составляет действительную субстанциальность государства.

В таком качестве государство выступает как одно, как единица. Поэтому оно подобно единому и единичному живому существу: «Идеализм, составляющий суверенитет, есть то же определение, по которому в животном организме его так называемые части суть не части, а члены, органические моменты, изоляция и для себя, пребывание которых есть болезнь» [3,

с. 317–318]. Эта субстанциальность, эта единичность, вытекающая из самой природы государства, и обозначается Гегелем как его суверенитет.

Слово «идеализм» означает здесь отнесенность к сфере идеального, которую Гегель противопоставлял сфере реального. Идеальное в его трактовке есть внутреннее содержание реального, но при этом такое содержание, которое само по себе активно, определяет реальное и проявляется в каждом его элементе как нечто снятое, но в тоже время сохраняющееся.

В государстве, таким образом, он усматривает два начала: духовное начало, выражающееся в его внутренней дифференциации и в связи с дифференцированным гражданским обществом; и начало жизни, души государства, которая делает возможным именно его целостность, воспроизводящая саму себя, т.е. суверенитет: «государство как духовное есть развертывание всех своих моментов, но единичность есть одновременно душевность и животворящий принцип, суверенитет, содержащий в себе все различия» [3, с. 316].

Суверенитет как такого рода единство и душа государства предполагает, что все функции государства могут иметь источник только в государственной власти и не могут быть частным достоянием отдельных лиц, сословий или корпораций. В последнем случае общество будет представлять собой не организм, а агрегат отдельных частей и не сможет называться государством в точном смысле этого слова. Поэтому для Гегеля средневековые политические образования, где царил всеобщий дух партикулярности, не являлись государствами в точном смысле этого слова. Суверенитет означает, что каждое правомочие имеет своей внутренней стороной государственную волю и интерес, которые составляют ее «идеальность» в указанном выше смысле.

Исходя из этого положения, отмечал Гегель, легко впасть в заблуждение, полагая, что суверенитет означает возможность творить любой произвол от имени государства, поскольку оно суверенно в своих действиях и функциях. Такому подходу немецкий философ противопоставляет идею права, именно в праве усматривая то разумное начало, которое придает позитивную направленность всевластию суверенитета. Правовой характер государства, по Гегелю, является, таким образом, необходимым моментом его суверенности.

В таком случае суверенитет может пониматься как выражение субъективности государственной власти. Но эта субъективность нуждается в персонификации. Такой персонификацией субъективности гражданского общества для Гегеля являлся судья. Персонификацию же суверенитета государства он связывает с образом монарха: «Но личность и субъективность вообще в качестве бесконечного, соотносящего себя с собой, обладает, далее, истиной, причем своей ближайшей, непосредственной истиной, как лицо, для себя сущий субъект, а для себя сущее есть также просто одно. Личность государства действительна только как лицо, как монарх. Личность служит выражением понятия как такового, лицо содержит одновременно его действительность, и лишь с этим определением понятие есть идея, истина» [3, с. 319].

При этом, по Гегелю, власть монарха будет властью суверена только в том случае, если она осуществляется в правовом контексте и ограничена правом и общественным представительством. Только конституционная монархия может быть связана с идеей суверенитета. Если внимательно присмотреться к гегелевской трактовке полномочий и прав монарха, то мы увидим, что за некоторыми исключениями (например, наследственность власти) его монарх полностью укладывается в современное общее понятие главы государства. Так что трактовка Гегелем соотношения суверенитета и суверена имеет не только историческое, но и актуальное значение.

Несколько в ином аспекте, чем «суверенитет, направленный во внутрь», Гегель характеризует «суверенитет, направленный во-вне». В отношении других государств любое независимое государство должно признаваться суверенным, пусть даже внутри его господствует дух партикуляризма, и суверенитет не связал воедино функции и интересы всех граждан. Здесь повторяются те же принципы, которые мы находили в начале «Философии права», в разделе «Абстрактное право» и «Моральность», где трактовались межличностные отношения. Природа

права и дух морали, как показал Гегель, требуют от нас относиться к другому человеку как к равной нам и свободной личности, независимо от того является ли этот человек значительным или ничтожным. Гегель в своей «Философии права» настаивал на том, что человек является субъектом права именно как абстрактная личность. Мы относимся к нему как к равному себе индивидууму не в силу его особых личностных качеств (глубины мышления, заслуг предков, цвета кожи и т.п.), а просто на основании того простого и совершенно абстрактного факта, что он является человеком. Именно отсюда вытекает формальная природа права. Отношение к человеку как к равному в силу присутствия у него конкретных качеств (например, трудолюбия) называется уважением, но это уже – категория морали, а не права. Другими словами, «в историческом плане необходимо различать естественные права, юридические права и права человека. Первоначально понятие «право» в основном и сводилось к естественным правам человека и по существу означало требование человека по отношению к действующей власти. По мере развития общества и государства появились специальные службы, рассчитанные на удовлетворение требований человека по отношению к государству, другим людям. Одновременно появилась и потребность в регулировании деятельности этих служб» [11, с. 6]. Суверенитет государства, появившись объективно и естественным путем, также стал правовым, т.е. параметры его определяются и защищаются правом в юридическом смысле.

Точно также суверенитет государства должен быть содержательным для самого народа, являющегося его источником, и совершенно формальным для внешнего ему субъекта: другого государства или личности, не являющейся его гражданином. Суверенитет народа для внешнего субъекта должен быть безотносительной и совершенно константной величиной, сознательно полагаемой абстракцией. Только так он может стать объектом формальных по своей природе правовых отношений. В противном случае суверенитет перестает быть элементом права и это открывает путь для радикально либеральной модели, предполагающей абстрактные права личности источником всякого права, включая и международное. В таком случае права личности получают приоритет перед правом национального суверенитета.

Если на межличностном уровне признание другого равным мне и свободным субъектом гарантируется принципами права и волей государства, то на уровне отношения суверенных государств, по Гегелю, таких гарантий быть не может. В отличие от Канта, более жестко различавшего народ и государство, Гегель видит в государстве само идеальное единство народа. А потому он не может разделить народный и государственный суверенитет и поставить над государством какое-либо надгосударственное образование или международное право.

Само понятие международного права Гегель считал ограниченным. Международное право, учил он, всегда основано на договорах, имеющих частное, не всеобщее значение: «Принцип международного права как всеобщего, которое в себе и для себя должно быть значимым в отношениях между государствами, состоит, в отличие от особенного содержания позитивных договоров, в том, что договоры, на которых основаны обязательства государств по отношению друг к другу, должны выполняться. Однако так как взаимоотношения государств основаны на принципе суверенности, то они в этом аспекте находятся в естественном состоянии по отношению друг к другу и их права имеют свою действительность не во всеобщей, конституированной над ними как власть, а в их особенной воле. Поэтому названное всеобщее определение остается долженствованием, и состояние между государствами колеблется между отношениями, находящимися в соответствии с договорами и с их снятием» [3, с. 365].

Примечательно, что продолжая это суждение, автор «Философии права» также вступает в полемику с Кантом: «Над государствами нет претора, в лучшем случае их отношения регулируются третейскими судьями и посредниками, да и то лишь от случая к случаю, т. е. согласно особенной воле. Кантовское представление о вечном мире, поддерживаемом союзом государств, который способен уладить любые споры, устранить в качестве признаваемой каждым отдельным государством власти всякие недоразумения и тем самым сделать невозможным решение их по-

средством войны, предполагает согласие государств, которое исходило бы из моральных, религиозных или любых других оснований и соображений, вообще — всегда из особенной суверенной воли ж вследствие этого оставалось бы зависимым от случайности» [3, с. 365].

Гегель всегда отстаивал идею абсолютной ценности государственного суверенитета. Государство в полной мере выявляет духовную природу общества, а потому над ним не может быть поставлена более высокая инстанция, которая бы несла в себе какое-либо более высокое содержание, чем то, которое заключает в себе государство. Полемизируя с Кантом, Гегель пишет: «Несколько государств, образуя союз, могут, правда, составить суд над другими государствами; между государствами могут возникнуть объединения, как, например, Священный союз, но эти союзы всегда только относительно и ограничены, подобно вечному миру. Единственный абсолютный судья, который всегда выступает, и выступает против особенного, есть в себе и для себя сущий дух, выступающий во всемирной истории как всеобщее и как действующий род» [3, с. 285].

По Гегелю, высшим судом для суверенных государств является только сама всемирная история, обращение к которой оказывается высшим результатом философско-правового исследования. И философия права Гегеля может стать наиболее глубоким теоретическим основанием для современных правоведов, стремящихся сохранить представление о суверенитете как высшей социально-правовой ценности.

Суммируя сказанное, можно отметить, что в «Философии права» Гегеля развивает классическую трактовку понятия суверенитета, заложенную в творчестве Марсилия Падуанского и Жана Бодена [2; 7; 8]. Идея суверенитета раскрывается им как институциональное проявление субъективности государства, обеспечивающей целостность его органов и самодостаточность в отношении других государств. Гегелевская концепция суверенитета основана на понимании государства как «души» гражданского общества, а потому не предполагает различия народного и государственного суверенитетов. Суверенитет, по Гегелю, является высшей ценностью для государства и народа и исключает существование какой-либо высшей наднациональной (международной) инстанции над государством. В качестве таковой может быть признан только суд истории.

Гегелевской философией права завершается классический период развития политико-правовой мысли. Постклассический период второй половины XIX века характеризуется либо попытками более глубоко освоить и адаптировать результаты классической правовой мысли Канта, Фихте, Гегеля, либо, наоборот, решительно размежеваться с ними. В первом случае мы имеем дело с достаточно радикальными формами реинтерпретации классического наследия, которые, тем не менее, никогда не порывали с ним полностью. Здесь следует, прежде всего, назвать учение о государстве К.Г. Маркса и марксистов. Маркс, с одной стороны, постоянно подчеркивал свою преемственность с рационализмом гегелевской диалектикой. Работа «К критике гегелевской философии права. Введение» стала одним из первых систематических обращений Маркса к проблемам права. С другой стороны, Маркс стремился возродить материалистическую позицию в науке о природе, дополнив ее материалистическим пониманием истории. Ф. Энгельс в труде «Происхождение семьи, частной собственности и государства» раскрывает историческую природу становления государства и историческую вариативность его основных форм. Соответственно и современная форма суверенного государства является не более, чем одной из его исторических, а потому преходящих, форм, связанных с классовой сущностью государства. Более того, в трактовке Маркса и марксистов законы исторического прогресса ведут к отмиранию государства и становлению надгосударственных форм самоуправления обществом, не связанным с традиционными формами суверенитета.

Иррационалистические тенденции классической философии права развивали в своих трудах представители «философии жизни»: А. Шопенгауэр, Ф. Ницше, В. Дильтей. Шопенгауэр предлагал проводить четкое различие между догосударственным состоянием человека,

когда его отношения к другому определялись нормами морали, и государственное состояние, когда действуют нормы права. Государство стремится обуздать изначально присущую человеку «волю к жизни» [14, с. 618]. При этом государство не создает право, а лишь «охраняет» его. Соединение стремлений государства с защитой права от посягательств изнутри, с защитой от внешних посягательств определяет то состояние, которое в правовой теории принято обозначать как суверенитет. Суверенитет есть, таким образом, форма рационального ограничения изначально иррациональной воли к жизни.

Эти установки развивались на рубеже XIX–XX вв. в трудах ведущих немецких правоведов. Так, у Р. Сменда, например, государство понимается как «часть духовной действительности», которую следует активно переживать, однако рациональному истолкованию она не поддается [16, s. 18]. Государство создает своего рода «совокупность жизни» и поэтому для него будет вполне легитимным отклонение от конституционного порядка. Потому что суверенитет, как форма, непосредственно (хотя и отрицательным образом) связанная с волей к жизни, выше рациональных конституционных конструкций [16, s. 26].

По Э. Кауфманну, образование правовых понятий должно происходить в соответствии с институциональным методом, который исходил бы от отдельных правовых институтов и «воплощающегося в них этического содержания» [15, s. 2]. Этот метод Э. Кауфман стремился использовать в постановке вопроса о применении права: «Справедливое решение может вынести или оценить только суверенная справедливая личность. В этом нет никакого субъективизма, но лишь сознание факта, что справедливость – это нечто творческое, а не механическое применение жёстких абстрактных норм» [15, s. 20]. Тем самым под предлогом «содержательности» правовых норм и «суверенности» правоприменителя обосновывался волюнтаристский подход в законотворчестве и судебной практике.

Проблема суверенитета государства продолжала оставаться в центре внимания правоведов и в XX столетии. Представители всех основных школ правовой мысли давали ей различные интерпретации в зависимости от своих теоретических и методологических установок. Одни из наиболее глубоких трактовок мы найдем в работах Г. Кельзена, Г. Радбруха, Дж. Роулза и др.

Она еще более актуализировалась в современных условиях в связи с глобализационными процессами, протекающими в современном мире, которые вместе с позитивными изменениями для различных государств, очень часто влекут за собой и отрицательные проявления, в первую очередь для суверенитета государств [12]. Однако сегодня нам нужно учесть не только опыт ее классических трактовок, но и постклассических интерпретаций, которые в XX веке снова актуализировали проблемы аксиологического измерения понятия суверенитета, вопросы его источников, проблему возможных пределов.

Библиографические ссылки

1. Бачинин В.А., Сальников В.П. Правовая реальность в контексте цивилизации и культуры. Методология причинного анализа : монография / под ред. В.П. Сальникова. СПб. : Фонд «Университет», 2005. (Серия «Наука и общество»).
2. Боден Ж. Шесть книг о государстве // Антология мировой правовой мысли. В 5-ти томах. Т. 2: Европа. V–XVII вв. М., 1999.
3. Гегель Г.В.Ф. Философия права. М., 1990.
4. Кант И. Основы метафизики нравственности. Критика практического разума. Метафизика нравов. СПб. : Наука, 1995.
5. Кант И. Учение о праве // Соч. в 8 т. Т. 6. М., 1994.
6. Клименко О.А. Становление понимания государственного суверенитета в эпоху Модерна (от идей Ж. Бодена до правовых оснований Вестфальского мира) // Мир политики и социологии. 2016. № 6.
7. Лупарев Г.П. Мыслитель-бунтарь Марсилиус Падуанский // Марсилиус Падуанский. Защитник мира. *Defensor pacis* / пер. с франц. Б.У. Есенова; науч. ред., вступ. ст., примеч. Г.П. Лупарева. М. : Дашков и Ко, 2014. С. 11–63.

8. Марсилиус Падуанский. Защитник мира. *Defensor pacis* / пер. с франц. Б.У. Есенова; науч. ред., вступ. ст., примеч. Г.П. Лупарева. М. : Дашков и Ко, 2014.
9. Мирзоев А.К. Суверенитет: генезис и концептуальная эволюция представлений в политико-правовой науке (исходные начала – Никколо Макиавелли и Жан Боден) // *Мир политики и социологии*. 2013. № 11. С. 149–157.
10. Раянов Ф.М. Гражданское общество и правовое государство – суть всей современной теории общественного развития // *Правовое государство: теория и практика*. 2015. № 1 (39).
11. Раянов Ф.М. Юридическое право: время разобраться по существу. Уфа, 2001.
12. Сальников В.П., Ивашов Л.Г., Дзегутанов Б.К. *Философия глобализации (Методологические основы геополитической доктрины России)* : монография / под общ. ред. В.П. Сальникова. СПб. : Фонд «Университет», 2006.
13. Хабермас Ю. *Расколотый Запад*. М.: Весь мир, 2008.
14. Шопенгауэр А. *Мир как воля и представление*. Т. 2. М., 1900.
15. Kaufmann E. *Die Gleichheit vor dem Gesetz im Sinne des Art. 109 der Reichsverfassung*. B., 1927.
16. Smend R. *Verfassung und Verfassungsrecht*. Hamburg, 1928.

References

1. Bachinin V.A., Sal'nikov V.P. *Pravovaya real'nost' v kontekste tsivilizatsii i kul'tury. Metodologiya prichinnogo analiza, monografiya* (The legal reality in the context of civilization and culture. The methodology of the causal analysis, monograph), pod red. V.P. Sal'nikova. SPb. Fond «Universitet», 2005. (Seriya «Nauka i obshchestvo»).
2. Boden Zh. *Shest' knig o gosudarstve* (Six books on the state), *Antologiya mirovoi pravovoi mysli. V 5-ti tomakh*. T. 2, Evropa. V–XVII vv. M., 1999.
3. Gegel' G.V.F. *Filosofiya prava* (Philosophy of law). M., 1990.
4. Kant I. *Osnovy metafiziki nrvstvennosti. Kritika prakticheskogo razuma. Metafizika npravov* (Fundamentals of metaphysics of morality. Critique of Practical Reason. Metaphysics of morals). SPb. Nauka, 1995.
5. Kant I. *Uchenie o prave* (The doctrine of law), *Soch. v 8 t.* T. 6. M., 1994.
6. Klimenko O.A. *Stanovlenie ponimaniya gosudarstvennogo suvereniteta v epokhu Moderna (ot idei Zh. Bodena do pravovykh osnovanii Vestfal'skogo mira)* (Formation of understanding of state sovereignty in the era of modernity (from Jean Bodin's ideas to the legal basis of the Peace of Westphalia)), *Mir politiki i sotsiologii*. 2016. No. 6.
7. Luparev G.P. *Myslitel'-buntar' Marsilii Paduanskii* (Thinker-rebel Marsilius of Padua), *Marsilii Paduanskii. Zashchitnik mira. Defensor pacis*, per. s frants. B.U. Esenova, nauch. red., vstup. st., primech. G.P. Lupareva. M. Dashkov i Ko, 2014, pp. 11–63.
8. Marsilii Paduanskii. *Zashchitnik mira* (Marsilius of Padua. Peace Defender), *Defensor pacis*, per. s frants. B.U. Esenova; nauch. red., vstup. st., primech. G.P. Lupareva. M. Dashkov i Ko, 2014.
9. Mirzoev A.K. *Suverenitet: genезis i kontseptual'naya evolyutsiya predstavlenii v politiko-pravovoi nauke (iskhodnye nachala – Nikkolo Makiavelli i Zhan Bodен)* (Sovereignty: the genesis and conceptual evolution of ideas in political and legal science (original source - Niccolo Machiavelli and Jean Bodin)), *Mir politiki i sotsiologii*. 2013. No. 11, pp. 149–157.
10. Rayanov F.M. *Grazhdanskoe obshchestvo i pravovoe gosudarstvo – sut' vsei sovremennoi teorii obshchestvennogo razvitiya* (Civil society and law-governed state - the essence of all modern theories of social development), *Pravovoe gosudarstvo: teoriya i praktika*. 2015. No. 1 (39).
11. Rayanov F.M. *Yuridicheskoe pravo: vremya razobrat'sya po sushchestvu* (Juridical Law: time to deal essentially). Ufa, 2001.
12. Sal'nikov V.P., Ivashov L.G., Dzhegutanov B.K. *Filosofiya globalizatsii (Metodologicheskie osnovy geopoliticheskoi doktriny Rossii)*, monografiya (Globalization Philosophy (Methodological bases of the Russian geopolitical doctrine): monograph), pod obshch. red. V.P. Sal'nikova. SPb. Fond «Universitet», 2006.
13. Khabermas Yu. *Raskoloty Zapad* (Riven West), M. Ves' mir, 2008.
14. Shopengauer A. *Mir kak volya i predstavlenie* (The World as Will and Representation), T. 2. M., 1900.
15. Kaufmann E. *Die Gleichheit vor dem Gesetz im Sinne des Art. 109 der Reichsverfassung*. B., 1927.
16. Smend R. *Verfassung und Verfassungsrecht*. Hamburg, 1928.

УДК 340.11

СУЩНОСТНЫЕ ГЛОБАЛИЗАЦИОННЫЕ ПРОЦЕССЫ В ПРАВЕ, КАК ФОРМА ОБЪЕКТИВАЦИИ ЮРИДИЧЕСКОЙ СВОБОДЫ

КОЗАЦКАЯ Варвара Эдуардовна

кандидат юридических наук, начальник кафедры гражданского права и процесса юридического факультета Академии ФСИН России, г. Рязань, Россия. E-mail: varvarasharova@yandex.ru

ТОЛЧЕНКИН Дмитрий Александрович

кандидат юридических наук, начальник кафедры теории государства и права, международного и европейского права юридического факультета Академии ФСИН России, г. Рязань, Россия. E-mail: DA_Tolchenkin@mail.ru

Определяя глобализационные процессы как тенденцию государственно-правовых процессов новейшей истории и руководствуясь концепцией укрепления международного права и верховенства права на национальном и международном уровнях, авторы рассматривают понятие и содержание правовой глобализации через характеристику сущностных процессов: рецепции, унификации, универсализации, стандартизации и гармонизации права, как форм ее объективации в условиях поиска оптимума юридической свободы, как состояния правовой системы, при котором субъекты правоотношений осуществляют свои правомочия, не выходя за рамки правового регулирования максимально удовлетворяя при этом свои законные интересы. С учетом отсутствия в современной юридической науке единства взглядов на сущность и содержание правовой глобализации, актуализируется идея разработки единого научного концептуального подхода к сущностным глобализационным процессам в праве.

Ключевые слова: глобализация права, правовая глобализация, юридическая свобода, оптимум юридической свободы, рецепция права, унификация права, универсализация права, стандартизация права, гармонизация права, конвергенция права, имплементация права, модельное право, инфильтрация права, диффузия права.

ESSENTIAL GLOBALIZATION PROCESSES IN LAW, AS A FORM OF OBJECTIFICATION OF LEGAL FREEDOM

KOZATSKAYA Varvara Eduardovna

Candidate of Sciences (Law), Head of the Chair of Civil Law and Procedure of the Department of Law of the Academy of Law and Administration of the Federal Penitentiary Service of Russia, Ryazan. E-mail: varvarasharova@yandex.ru

TOLCHENKIN Dmitry Alexandrovich

Candidate of Sciences (Law), Head of the Chair of Theory of State and Law, International and European Law of the Department of Law of the Academy of Law and Administration of the Federal Penitentiary Service of Russia, Ryazan. E-mail: DA_Tolchenkin@mail.ru

In this article, defining globalization processes, as a trend of state-legal processes of contemporary history, guided by the concept of strengthening international law and the rule of law at national and international levels, the authors examine the concept and content of legal globalization through characterizing essential processes of reception, unification, universalization, standardization and harmonization of law, as forms of its objectification in terms of finding the optimum of legal freedom, as a state of legal system under which legal entities shall exercise their powers, within the scope of legal regulation whereas satisfying their legitimate interests to the full. With a glance to the absence of unanimity of views on the essence and content of legal globalization in modern legal science, the idea of a single scientific approach to essential globalization processes in law is updated.

Key words: globalization of law, legal globalization, legal freedom, optimum of legal freedom, reception of law, unification of law, universalization of law, standardization law, harmonization of law, convergence of law, implementation of law, model law, infiltration of law, diffusion of law.

История второй половины XX века – первой четверти XXI века показала, что право может выступать в качестве инструмента глобализации и средства управления ее процессами, направленными на достижение оптимума юридической свободы в различных правовых системах, в системе международного и глобального права. Нет сомнений, что одной из главных мировых тенденций истории новейшего времени стал процесс глобализации. При этом отметим, что оптимум юридической свободы представляет собой такое состояние правовой системы, при котором субъекты правоотношений осуществляют свои правомочия, не выходя за рамки правового регулирования максимально удовлетворяя при этом свои законные интересы. Результатами правовой глобализации стало оформление таких правовых комплексов (комплексных отраслей права), как космическое право, корпоративное право, право средств массовой информации, интернет право, энергетическое право, экологическое право, транспортное право, ювенальное право, спортивное право и др., которые находят свое отражение в системе национального и международного права. При этом тенденцией в условиях правовой глобализации является взаимопроникновение частного и публичного права, смещение акцентов в ту или иную пользу, что приводит к появлению новой структуры права, к юридической типологии отраслей права, изменению критериев для их классификации, идентификации, что также отражается на развитии национального законодательства, юридической техники и правового сознания. Реализация внешнеполитического курса Российской Федерации, ориентированного на глобализационные процессы, закреплено в Концепции внешней политики Российской Федерации (утверждена Президентом Российской Федерации 12 февраля 2013 г.) и Указе Президента Российской Федерации от 7 мая 2012 г. № 605 «О мерах по реализации внешнеполитического курса Российской Федерации» [1]. Ключевым приоритетом для России являются интеграционные процессы с участниками ООН, СНГ, БРИКС, «Группы двадцати», ШОС, АТЭС, ОДКБ, ОБСЕ, ЕЭС. В очередной раз всемирная ценность Устава ООН была актуализирована 27 октября 2016 года на сессии дискуссионного клуба «Валдай», на котором Путин В.В. особо подчеркнул, что «... нужна система международного права, которая уважалась бы всеми странами, нужно вернуться к уставу ООН ... нужно с самого начала, чтобы все это помнили и уважали Устав ООН, нужна надежная система международного права, которая была бы гарантией от любых злоупотреблений силой». Для правовой системы России процессы правовой глобализации имеют конкретные результаты, свидетельствующие об определенных тенденциях развития правовой системы государства. Так, исходя из ежегодных отчетов МИД России о внешнеполитической и дипломатической деятельности государства за 2015 год особое значение приобрела концепция укрепления международного права и верховенства права на национальном и международном уровнях, в рамках которой отстаивался тезис о необходимости неуклонного соблюдения общепризнанных норм и принципов международного права, в т.ч. неприменения силы, невмешательства во внутренние дела государства, сотрудничества государств. Россия выступала за разработку ГА ООН универсальных конвенций на основе проектов статей Комиссии международного права ООН, прежде всего об ответственности государств. Отстаивали принцип мирного урегулирования международных споров.

Анализируя содержание правовой глобализации, следует отметить, что в юридической науке ее определяют по-разному. С одной стороны, под правовой глобализацией понимается процесс интеграции национальных правовых систем в единую систему юридических норм и политико-правовых институтов, включающих и учитывающих при правоприменении и разрешении конфликтов не только нормы международного права, но и нормы корпоративного права транснациональных субъектов мировой экономики, наднациональные экономические и финансовые правила деятельности государств и макроэкономических структур, межгосударственных союзов, общепризнанные правовые стандарты и ценности [2, с. 8–9]. С другой стороны, правовую глобализацию можно определить как процесс формирования новой, общемировой системы правовых норм, организующих и обеспечивающих глобальное межгосударственное взаи-

модействие в различных сферах жизни современного общества, в процессе которого международное право, национальное право, а также право международных хозяйственных объединений оказываются в состоянии тесной взаимозависимости» [3, с. 6]. Мы полагаем, что правовую глобализацию имеет смысл определять через сущностные процессы, способствующие ее объективации. В связи с этим, под глобализацией права понимается исторически обусловленный объективный, закономерный и необратимый процесс рецепции, унификации, универсализации, стандартизации и гармонизации права национальных правовых систем государств и правовых семей с целью достижения оптимума юридической свободы с учетом потребностей государств и мирового сообщества, а также ценностей международного и национального правового порядка, повлиявшего на развитие международного и глобального права. Правовая глобализация представляет собой процесс поиска оптимума юридической свободы в процессе международного сотрудничества по актуальным проблемам государств и их граждан. Глобализация, выступая объективно историческим, закономерным, незавершенным процессом, является важнейшим фактором универсализации культур, в том числе правового характера. При этом следует отметить, что в юридических исследованиях правовую глобализацию называют еще внешней конвергенцией права, под которой понимают процесс взаимодействия правовых систем различных государств, характеризующийся сближением, увеличением количества связей между элементами сближающихся объектов и определенной степенью согласованности воздействия этих элементов на общественные отношения. Результатом внешней конвергенции права выступает внешняя когерентность права, т.е. это фактическая, достаточно высокая степень связанности и согласованности правовых систем различных государств. Противоположным когерентности права является процесс внешней юридической дивергенции, т.е. сложный и многосторонний процесс взаимодействия правовых систем, выраженный в расхождении организации форм права, требований правовых норм, а также частей единых или близких правовых систем общества [4]. При этом цель конвергенции права совпадает с правовой целью государства – достижения оптимума юридической свободы. В продолжение исследования понятия правовой глобализации в контексте идеи оптимума юридической свободы и реализации ее культурнотранслирующей функции следует дать общую характеристику сущностным глобализационным процессам (формам ее выражения). В целом, правовая глобализация выражается в форме универсализации права, т.е. в выработке общего, всеобъемлющего подхода к праву, и в форме унификации, во включении в правовые системы государств единообразных норм [5], создание во внутреннем праве государств норм, согласованных, не противоречащих друг другу, схожих между собой, причем содержание их может не быть идентичным. Ярким примером универсализации права является концепция универсализации прав человека. Цель же унификации состоит в преодолении различий между национальными правовыми системами, а также в создании новых норм, восполняющих существующие пробелы в регулировании некоторых специальных вопросов, а также в ряде случаев выполнение международных обязательств. Существует два последовательных уровня унификации права: международный (уровень международного договора государств) и национальный, в рамках которого реализуется имплементация норм международного закона от 15.07.1995 № 101-ФЗ (ред. от 12.03.2014) «О международных договорах Российской Федерации» согласие Российской Федерации на обязательность для нее международного договора может выражаться путем: подписания договора; обмена документами, образующими договор; ратификации договора; утверждения договора; принятия договора; присоединения к договору; применения любого другого способа выражения согласия, о котором условились договаривающиеся стороны. Решения о согласии на обязательность для Российской Федерации международных договоров принимаются органами государственной власти Российской Федерации или уполномоченными организациями в соответствии с их компетенцией, установленной Конституцией Российской Федерации, Федеральным законом, иными актами законодательства Российской Федерации [6]. Под имплементаци-

ей норм международного права понимается процедура включения международно-правовых норм в национальную правовую систему с учетом правил юридической техники и международных обязательств государств. Имплементация – фактическая реализация международно-правовых обязательств на внутригосударственном уровне путем применения на территории государства норм международного права или установленных в соответствии с международными обязательствами норм национального права, осуществляемая следующими способами: прямое внедрение в правовую систему международных соглашений, путем перевода на государственный язык как отдельного правового акта национальной системы, с учетом аутентичности текста (в юридической литературе данный процесс называется инкорпорацией); приведение норм национального права в соответствии со взятыми международными обязательствами, глубокая юридико-техническая переработка законодательства, результатом которой является издание соответствующего нормативного правового акта (трансформация); общая, частная или конкретная отсылка к нормам международных соглашений без включения в текст внутригосударственных правовых актов, что требует обращения к первоисточнику [7]. Наиболее ярко унификация норм осуществляется в рамках международного частного права. К видам унификации норм международного частного права относят: создание государствами единообразных материальных норм; создание государствами единообразных коллизионных норм, отсылающих к праву страны, подлежащего применению в конкретном правоотношении.

Кроме того, одной из форм выражения правовой глобализации является гармонизация права, заключающаяся в сближении национальных правовых систем, в уменьшении и устранении различий между ними за счет заимствования правового опыта. Гармонизация права имеет место в условиях отсутствия международных договорных обязательств. При этом гармонизация права может происходить как стихийно, так и целенаправленно. Таким образом, одной из форм гармонизации права является его рецепция, являющаяся феноменальным историческим объективным, естественным, закономерным процессом взаимопроникновения правовых культур, являющимся предметом сравнительного правоведения, свидетельствующим о заимствовании проверенных временем правовых традиций и опыта, «правового духа», правового наследия цивилизаций, оказавших существенное влияние на развитие человечества и его глобализационных процессов. Еще Р. Иеринг писал, что «высший закон истории есть общение» [8], этим, видимо, обусловлена природа рецепции. Рецепция права является одним из способов развития национального права и во многом способствует оформлению правовых семей на политико-правовой карте мира. Предметом рецепции являются: нормы, институты, кодексы [9, с. 17], нормативный правовой материал, идейно-теоретическое содержание права [10, с. 206], содержание и форма права [11], система права, идеи, принципы, юридические конструкции, понятия, юридическая техника, основы толкования права [12], принципы правового регулирования [13, с. 692–693], правовая культура [14], юридическая практика, правовой опыт и др. Следует отметить, что рецепция права означает использование правового материала иностранного государства, в то время как имплементация права предполагает использование в национальном праве норм международного права. При этом особое место во взаимодействии международного и национального права занимает модельное право, которое служит способом правовой интеграции, как в международном, так и в национальном праве. В основе модельного права лежит модельный закон, под которым понимается рекомендательный законодательный акт, принимаемый законодательным институтом государства, государственного объединения или международной организацией в целях согласования нормативной ориентации субъектов законодательной деятельности членов соответствующего объединения [15]. В России появление модельного (типового, примерного) закона связано с формированием в 1992 г. Межпарламентской Ассамблеи СНГ, когда потребовалось сохранить общие правовые связи государств – участников СНГ. Согласно Положению о разработке модельных законодательных актов и рекомендаций Межпарламентской Ассамблеи государств-участников СНГ, принятому в г. Санкт-Петербурге 14.04.2005 Постановлением 25-8

на 25-ом пленарном заседании Межпарламентской Ассамблеи государств-участников СНГ, «О модельном законотворчестве в Содружестве Независимых Государств» (с изм. и доп. от 25.11.2008) под модельным законотворчеством понимается деятельность Межпарламентской Ассамблеи по разработке, принятию и опубликованию модельных законодательных актов, отвечающих целям сближения (унификации) законодательства государств-участников Межпарламентской Ассамблеи и задачам интеграционного развития СНГ.

Еще одним проявлением гармонизации права является правовая инфильтрация, под которой понимается экстрагирование (выборка) правовых норм, содержащихся в международных актах (договорах, конвенциях, декларациях) и в национальных нормативно-правовых актах одного государства во внутригосударственное право конкретного другого государства определенными способами. При этом выделяют два вида правовой инфильтрации: горизонтальную (правовая инфильтрация норм национального права одного государства во внутригосударственное право другого государства) и вертикальную (правовая инфильтрация норм международного права во внутригосударственное право) [16, с. 34]. Согласно другому определению, правовая инфильтрация представляет собой заимствование (взаимопроникновение) правовых норм, содержащихся в рамках международного права или национального законодательства, одних государств во внутригосударственное право других в установленной или приемлемой форме [17, с. 32]. Иным способом гармонизации права является диффузия права, которая основана на проникновении норм иностранного права в национальную правовую систему и предполагает применение единообразных категорий институтов и норм права, получивших в связи со своей эффективностью силу закона в том или ином государстве. Диффузия права служит единообразному толкованию права. Диффузией права называют стихийное проникновение правовых норм, действующих в иностранном государстве, в национальную систему права. Теория диффузии права была разработана профессором И. Уруджу. Диффузия права происходит вне зависимости от наличия взаимной договоренности между соответствующими субъектами международного права и стала возможной ввиду развития информационных технологий. При этом диффузии права способствует унификация права [18].

Помимо унификации, универсализации и гармонизации права уместно говорить и о правовой стандартизации, сущность которой заключается в приведении норм национального права в соответствие с международными правовыми стандартами (нормативным минимумом), например, международно-правовые стандарты прав и свобод человека, которые определяют необходимый уровень государственной правовой регламентации в конкретной сфере. Так, Всеобщая декларация прав человека 1948 г. стала одним из первых документов ООН, устанавливающих единые стандарты к которым необходимо стремиться государствам. Международные стандарты формируются на универсальном уровне (ООН) и на региональном (Совет Европы, Организация по безопасности и сотрудничеству в Европе, Евразийское экономическое сообщество и др.).

Таким образом, мы видим, что содержание правовой глобализации может быть раскрыто с помощью многих правовых процессов. В настоящей статье мы предприняли попытку идентификации сущностных процессов правовой глобализации, как форм ее объективации в условиях поиска оптимума юридической свободы, в то время как сегодня в юридической науке отсутствует единство взглядов на сущность и содержание исследуемых вопросов, что свидетельствует о проблеме единого научного концептуального подхода к сущностным глобализационным процессам в праве, претендуя быть современным перспективным научным направлением.

Библиографические ссылки

1. Собрание законодательства РФ. 07.05.2012. № 19. Ст. 2342.
2. Торосян В.Р. Правовая система России в условиях глобализации и межгосударственной унификации правовых стандартов : дис. ... кандидата юрид. наук. Ростов-на-Дону, 2009.

3. Щетинин С.А. Правовая глобализация: понятие и основные формы: теоретико-методологические аспекты : автореф. дис. ... кандидата юрид. наук. Ростов-на-Дону, 2009.
4. Третьякова О.Д. Юридическая конвергенция : дис. ... д-ра юрид. наук. Владимир, 2012.
5. Нерсисянц В.С. Процессы универсализации права и государства в глобализирующемся мире // Государство и право. 2005. № 5. С. 38–47.
6. Собрание законодательства РФ. 17.07.1995. № 29. Ст. 2757.
7. Юридическая техника: словарь-справочник / под ред. А.В. Малько. М., «Директ-Медиа», 2013. (http://gp.tti.sfe-du.ru/files/Litra/Slovar_yurid.technika.pdf).
8. Иеринг Р. Дух римского права на различных ступенях его развития. Ч. I. СПб., 1875.
9. Швецов Г.В. Преемственность в праве. М., 1983.
10. Косарев А.И. Римское частное право. М., 1998.
11. Головистикова А.Н., Дмитриев Ю.А. Теория государства и права. М., 2002.
12. Черданцев А.Ф. Теория государства и права. М., 1999.
13. Червонюк В.И. Теория государства и права. М., 2006.
14. Общая теория государства и права. В 3 т. Т. 2 / под ред. М.Н. Марченко. М., 2002.
15. Рыбаков В.А. Рецепция права: общетеоретический аспект // Вестник Омского университета. Серия «право». 2007. №4 (13). С. 5–12.
16. Мельниченко Т. А. Теоретические и нормативные основания правовой инфильтрации : автореф. дис. ... кандидата юрид. наук. Волгоград, 2006.
17. Кохман В.Н. Правовая инфильтрация норм международного права в уголовно-исполнительное законодательство Российской Федерации : автореф. дис. ... кандидата юрид. наук. Санкт-Петербург, 2010.
18. Доронина Н.Г. Диффузия в праве как направление унификации международного частного права: к вопросу об объекте информационного права // Журнал российского права. 2015. № 5. С. 125–134.

References

1. Sbranie zakonodatel'stva RF (Collection of the legislation of the Russian Federation), 07.05.2012. No. 19. St. 2342.
2. Torosyan V. R. Pravovaja sistema Rossii v uslovijah globalizacii i mezhgosudarstvennoj unifikacii pravovyh standartov (Legal system of Russia in conditions of globalization and international harmonization of legal standards), dis. ... kandidata jurid. nauk. Rostov-na-Donu, 2009, pp. 8–9.
3. Shchetinin S. A. Pravovaja globalizacija: ponjatie i osnovnye formy: teoretiko-metodologicheskie aspekty (Legal globalization: the concept and main forms: theoretical and methodological aspects), avtoref. dis. ... kandidata jurid. nauk. Rostov-na-Donu, 2009, p. 6.
4. Tretyakova O. D. Juridicheskaja konvergencija (Legal convergence), dis. ... d-ra jurid. nauk. Vladimir, 2012, 445 pp.
5. Nersesyants V. S. Processy universalizacii prava i gosudarstva v globalizirujushhemsja mire (The Processes of universalization of law and state in the globalizing world), Gosudarstvo i pravo. 2005, № 5, pp. 38–47.
6. Sbranie zakonodatel'stva RF (Collection of the legislation of the Russian Federation), 17.07.1995, No. 29, St. 2757.
7. Juridicheskaja tehnika: slovar'-spravochnik (Legal technique: the dictionary), pod red. A.V. Mal'ko. M., «Direkt-Media», 2013, p. 21. (http://gp.tti.sfe-du.ru/files/Litra/Slovar_yurid.technika.pdf).
8. Iering R. Duh rimskogo prava na razlichnyh stupenjah ego razvitija (The Spirit of Roman law at the various stages of its development. Part I), St. Petersburg, 1875.
9. Shvecov G. V. Preemstvennost' v prave (Continuity in law), M., 1983, p. 17.
10. Kosarev A.I. Rimskoe chastnoe pravo (Roman private law), M., 1998, p. 206.
11. Golovistikova A.N., Dmitriev Y.A. Teorija gosudarstva i prava (Theory of state and law), M., 2002, p. 127.
12. Cherdantsev A.F. Teorija gosudarstva i prava (Theory of state and law), M., 1999, p. 410.
13. Chervonyuk V.I. Teorija gosudarstva i prava (Theory of state and law), M., 2006, pp. 692–693.
14. Obshhaja teorija gosudarstva i prava. V 3 t. T. 2 (The General theory of state and law: In 3 volumes), pod red. M.N. Marchenko. M., 2002, Vol. 2, p. 293.
15. Rybakov V.A. Recepcija prava: obshheteoreticheskij aspekt (Reception of law: theoretical aspect), Vestnik Omskogo universiteta. Serija «pravo». 2007, No 4 (13), pp. 5–12.

16. Melnichenko T.A. Teoreticheskie i normativnye osnovaniya pravovoj infil'tracii (Theoretical and normative foundations for legal infiltration): avtoref. dis. ... kandidata jurid. nauk. Volgograd, 2006, p. 34.
17. Kochman, V.N. Pravovaja infil'tracija norm mezhdunarodnogo prava v ugovovno-ispolnitel'noe zakonodatel'stvo Rossijskoj Federacii (Legal infiltration of international law in criminal-executive legislation of the Russian Federation): avtoref. dis. ... kandidata jurid. nauk. Sankt-Peterburg, 2010, pp. 32.
18. Doronina N.G. Diffuzija v prave kak napravlenie unifikacii mezhdunarodnogo chastnogo prava: k voprosu ob ob#ekte informacionnogo prava (Diffusion in law as a direction for unification of international private law: to the question of the object of information law), Zhurnal rossijskogo prava, 2015. No. 5, pp. 125–134.

Дата поступления: 11.01.2017

Received: 11.01.2017

УДК 34.01

ОБ ЭТИМОЛОГИИ ПОНЯТИЯ «УТИЛИТАРИЗМ»

КОЛОСОВ Игорь Владимирович

аспирант Института права и национальной безопасности Федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации» (РАНХиГС), юрист (РАНХиГС, специалитет, 2015), г. Москва, Россия. E-mail: i.v.kolosov@yandex.ru

Этимология понятия «утилитаризм» восходит к понятию «полезность». Сравнительно-сопоставительный анализ понятия «утилитаризм» в русскоязычном и англоязычном вариантах позволяет говорить о том, что в упрощенной форме этимологию понятия «утилитаризм» можно выразить через следующий ряд понятий: «полезность» – «польза» – «облегчение» («успокоение») – «спокойствие» – «радость» – «удовольствие» – «счастье». В непосредственной взаимосвязи с генезисом понятия «утилитаризм» можно провести теоретический анализ использования права как формы реализации права, потому что за определенным набором символов скрывается представление о том или ином объекте материального мира, явлении или о каком-либо ином предмете, мысли, идее. При этом содержание данного понятия связано с самим вводимым понятием. Связь между ними должна прослеживаться четким образом, с тем, чтобы упростить процесс коммуникации, снизить транзакционные издержки передачи информации. Представляется, что благодаря такой связи полезность языка как такового возрастает.

Ключевые слова: утилитаризм, этимология, использование права, полезность, Иеремия Бентам.

ON THE ETYMOLOGY OF THE CONCEPT "UTILITARIANISM"

KOLOSOV Igor Vladimirovich

Postgraduate Student of the Institute of Law and National Security of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (RANEPA), Lawyer (RANEPA, 2015), Moscow, Russia. E-mail: i.v.kolosov@yandex.ru

The etymology of the concept "utilitarianism" goes back to the concept "utility". The contrastive-comparative analysis of Russian and English versions of the concept "utilitarianism" suggests that the etymology of the concept "utilitarianism" can be oversimplified through the following series of concepts "utility" - "benefit" - "relief" ("calm") - "tranquility" - "joy" - "pleasure" - "happiness". In close interrelation with the genesis of the concept "utilitarianism", it is possible to carry out a theoretical analysis of the use of law as a form of implementation of law, because every certain set of symbols conceals conceptions of a particular object of the material world, phenomenon or any other subject, thought, idea. In addition, the content of this concept is associated with the very concept. The link between them should be traced clearly, in order to simplify the process of communication, reduce transaction costs of information transfer. The author of the article believes that due to this link language usefulness as such increases.

Key words: utilitarianism, etymology, use of law, utility, Jeremy Bentham.

Современный мир, объективно существующая реальность, выражается при помощи понятий, категорий, определений. Взаимодействие между людьми, общение как таковое, возможно только благодаря тому, что за определенным набором символов скрывается представление (определение) о том или ином объекте материального мира, явлении или каком-либо ином предмете, мысли, идеи. При этом содержание данного понятия (дефиниенс) связано с самим вводимым понятием (дефиниендум). Связь между дефиниенсом и дефиниендумом должна прослеживаться четким образом, с тем, чтобы упростить процесс коммуникации, снизить транзакционные издержки передачи информации. Представляется, что благодаря такой связи полезность языка как такового возрастает.

Такая связь, безусловно, присутствует и в уже упомянутом понятии «полезность», что следует из этимологии данного понятия. Под полезностью (дефиниендум) следует понимать способность, возможность того или иного объекта, предмета (в том числе товара, услуги – блага) удовлетворять потребности человека, социальной группы, государства и других субъектов (дефиниенс) [1, с. 25]. При этом важно отметить, что законодательные акты, иные нормативные правовые акты могут быть оценены как благо, либо «антиблаго». Это связано с тем, что указанные акты, предоставляя определенные права и свободы, устанавливая определенное правовое регулирование общественных отношений, удовлетворяют потребности отдельных индивидов, либо ограничивают удовлетворение потребностей, вводя ответственность за совершение определенных действий, в функцию полезности которых эти блага входят, а также отдельных социальных групп, подавляющего большинства или всего народа в целом (за определенными исключениями). В частности, это было отмечено основоположником теории классического утилитаризма Иеремия Бентамом во «Введении в принципы морали и законодательства». Так, правило рассуждать о законе означает «представить все то благо и все то зло, которые должен повлечь за собою закон: чем больше благ, тем больше доводов в его пользу; чем больше зол, тем больше доводов против него» [2, с. 560].

Впервые в науке понятие «полезность» было использовано швейцарским математиком Даниэлем Бернулли [3, с. 56], а применительно к общественным наукам – Иеремия Бентамом [4, р. 352]. В переводе на русский язык термин «utility» был переведен как термин «польза» [2, с. 556-561]. Но почему именно этот набор из десяти символов: «полезность», а в англоязычном варианте: «utility» (иногда используется «usefulness») стал обозначать указанный дефиниенс? Рассмотрим как русский, так и англоязычный варианты.

Дефиниенс «полезность» происходит от понятия «польза», то есть полезность можно выразить как получение пользы. Представляется, что именно это значение термина вкладывалось Иеремия Бентамом в понятие «utility» во «Введении в принципы морали и законодательства», что получило отражение в русскоязычном переводе. Так, в указанной работе Иеремия Бентам под понятием «польза» («utility») понимает «свойство или способность какого-нибудь предмета предохранить от какого-нибудь зла или доставить какое-нибудь благо» [2, с. 557]. В связи с этим обратим внимание на этимологию понятия «пользы». Согласно этимологическому словарю Макса Фасмера [5], дефиниенс «польза» происходит из церковнославянского языка: «пóльза», диалектное «пóльга» – то же, архангельское наречие [6], украинское «пільга», что означает «облегчение, успокоение», аналогично польскому «ulga» – то же; древнерусское «польза» (начиная с Остромирово Евангелие (1056—1057), изд. А. Востоков, Петербург, 1843) [7, с. 1149], в свою очередь церковнославянское «пользевати» означает «быть полезным», «пользоваться нужным». Таким образом, этимология понятия «полезность», «польза», демонстрирующая происхождение от понятий, которые обозначают «облегчение, успокоение», логична, поскольку полезный материальный объект (товар, услуга и другое), а также определенное поведение могут удовлетворить потребность, тем самым «облегчив» ее, «успокоив». Так, например, потребность в еде может быть удовлетворена посредством продуктов питания. Потребление продуктов питания могут «успокоить» чувство

голода, «облегчить» данную потребность. Выпитый стакан воды может «облегчить» потребность в воде, если конечно человек (или животное) испытывает в настоящий момент данную потребность. В случае если не испытывает и (или) данное потребление не ограничено, то данный стакан воды перестает быть полезным, столь полезным, как например, алмазы [8]. И наоборот, вода становится намного более полезной, чем алмазы, в условиях доминирующей потребности в воде, при ее дефиците, поскольку «облегчению и успокоению» в данной ситуации подлежит именно потребность в воде, из-за того, что она является основополагающей, жизненно необходимой.

С учетом вышеизложенного, возникают дальнейшие вопросы по этимологии понятия «полезность». А именно, каковы дефиниенс и этимология понятий: «облегчить» и «успокоить»? Исходя из того, что облегчить означает сделать легче, то есть более легким, чем был ранее, продолжает проследиваться связь с удовлетворением потребностей – сделать их «легче», «более легкими», чем были ранее. Успокоить означает привести в состояние покоя, что в древнерусском и старославянском языках соответствует понятию «покой» [9], польское «рокој», «рокоју» означают «мир, комната» [5]. При этом другая ступень вокализма – старославянский «почити» («почить» – также означает «прекратиться», «стихнуть») родственно латинским «quies», «quiestis», что означает «спокойствие, сон, мир, отдых», в свою очередь, дополнение понятия окончанием «-syata» означает «обрадованный» [5]. Таким образом, исходя из этимологии понятий «полезность», «польза», возможно считать, что является полезным, то что приносит радость. При этом под радостью понимается такое чувство человека, которое выражает удовольствие, внутреннее удовлетворение, его веселое настроение [10, с. 841]. Исходя из этого, делаем вывод, что чувство радости, связанное с эмоциями, близкими к счастью, рассматривается всегда как чувство на фоне счастья, следовательно, концепт «радость» есть составная часть эмоционального концепта «счастье», присущего всем языкам [11, с. 3]. Учитывая это, важно отметить, что счастье по Иеремия Бентаму означает «любое состояние индивида, если только он согласится с тем, что определенное положение вещей приносит ему максимальное удовольствие» [12, с. 92–93], что подтверждает этимологию понятия «полезность», которая заключается в генезисе, который в упрощенной форме можно представить как: «полезность» – «польза» – «облегчение» («успокоение») – «спокойствие» – «радость» – «удовольствие» – «счастье».

Англоязычный вариант «utility» происходит от старофранцузского «utilitet», что и означает полезность (современный вариант «utilité»), которое в свою очередь происходит от латинских «utilitas» – «польза» и «uti», что означает использовать («to use»), наслаждаться («enjoy») [13]. Исходя из этого, как мы можем наблюдать, этимология терминов «полезность»/«utility» восходит к терминам «радоваться»/«enjoy» (наслаждаться), а также «счастье», что самым непосредственным образом передает сущность данного понятия, поскольку максимальное удовольствие (счастье), о котором писал Иеремия Бентам, достигается в едином концепте с радостью и наслаждением.

Проследив этимологию терминов «полезность»/«utility», возможно перейти к основному термину, а именно, термину «утилитаризм», который восходит к термину «utility» – полезность. Используя термин «Утилитаризм» («Utilitarianism») [14, р. 88] в названии одного из основных своих трудов (1861), Джон Стюарт Милль «подвел под общую черту» теорию утилитаризма, логически продолжив и завершив ее построение, начатое Иеремия Бентамом (классический утилитаризм), а также закрепив данный термин в науке. Вместе с тем, несмотря на уверенность самого Джона Стюарта Милля в том, что данный термин впервые был использован им в общественных науках (он знал, что не изобрел его, поскольку отмечал [14], что ранее данный термин был использован Джоном Гальтом (John Galt) в художественном произведении «Annals of the Parish: or, The chronicle of Dalmailing; during the ministry of the Rev. Micah Balwhidder, written by himself» (не переведено на русский язык в печать) (1821)

[15], в действительности данное понятие впервые было употреблено создателем теории – Иеремия Бенхамом в письме Джорджу Вильсону (George Wilson) (1781) [16, р. 96]. На основании вышеизложенного, проведя комплексное исследование этимологии термина «утилитаризм», возможно сделать вывод о том, что под термином «утилитаризм» упрощенно говоря, понимается теория полезности, а, с учетом генезиса данного понятия, теория счастья.

В тоже время, при изучении этимологии понятия «utility», в исследовательских целях мы отошли от ветви исследования, согласно которой, указанное понятие восходит к понятиям «пользевати» и «to use» (использовать). Вместе с тем это направление представляется значимым при изучении вопроса регулирования общественных отношений. Это связано с тем, что «использовать» означает употребить [17] в какое-нибудь дело, найти применение кому-либо, чему-либо с целью извлечения пользы, воспользоваться кем-нибудь, чем-нибудь для чего-нибудь [10]. При этом не стоит забывать, что право собственности согласно одному из подходов к его определению регулирует отношения между людьми по поводу принадлежности тех или иных объектов гражданских прав. Так, Бернхард Виндшейд писал: «Все права существуют лишь между одним лицом и другим, а не между лицом и вещью. Вещное право знает одни запретительные нормы; его содержание, следовательно, отрицательно. Оно состоит в том, что все должны воздерживаться от воздействия на вещь и не мешать подобному воздействию со стороны управомоченных лиц» [18, с. 56]. Следовательно, право устанавливает правила допустимого поведения, в том числе, к вопросу использования людьми тех или иных объектов гражданских прав для повышения их полезности и, возможно, достижения состояния счастья, приближение к такому состоянию.

Аналогично тому, как объекты гражданских прав могут использоваться полезным для субъектов гражданских прав образом, представляется, что право как таковое также может также являться предметом использования с целью повышения полезности. В рамках реализации права, как процесса воплощения правовых предписаний в поведении субъектов права осуществляется использование норм права, что связано с волей участников правоотношений, а соответственно, поступая определенным для них образом, применяя решение об использовании предоставленного им права, либо воздержание от этого, они могут максимизировать свою полезность.

С тем, чтобы оценить это, разберем три формы использования права.

Во-первых, использование права в качестве беспрепятственного осуществления действий в соответствии с субъективными правами, предоставленными свободами, непосредственно входящими в правовой статус гражданина (например, свобода совести, слова, собраний, шествий), в случае, если это является «нормальным благом», позволяет повысить общий уровень благосостояния населения (за некоторыми исключениями), поскольку индивиды, которым предоставлена возможность использования указанного права при отсутствии или минимальных транзакционных издержек смогут реализовать данное право, при условии, что данные действия для них являются полезными. Полезность таких индивидов при предоставлении им такого права (например, при принятии демократической конституции, закона, который это устанавливает) будет возрастать, при этом полезность других индивидов, в функции полезности которых предоставление указанного права отсутствует или занимает незначительное место не изменится (или незначительным образом увеличится) (за определенными исключениями).

Во-вторых, использование права при совершении юридически значимых действий на основе их правоспособности субъектами частного права (сделки, договоры), а также субъектами публичного права (издание нормативных и индивидуальных правовых актов) позволяет повысить полезность указанных субъектов, поскольку они (субъекты), даже при наличии транзакционных издержек, совершая юридически значимые действия (учитывая теорию рационального поведения) демонстрируют, что это является для них полезным, приносит выгоду.

ду, поскольку в противном случае, данные субъекты должны были бы воздержаться от совершения указанных юридически значимых действий.

В-третьих, осуществление участниками правоотношений определенного поведения, совершения определенных действий в соответствии с возможностями, которые предоставляет им право, приводит к тому, что данные лица сами, в рамках правовых норм, принимают решения в соответствии с их функцией полезности. Иными словами, неустановление запретов в той или иной сфере позволяет субъектам права действовать таким образом, чтобы максимизировать свою полезность. Вместе с тем посягательство другими субъектами права на осуществление этого поведения, совершения данных действий, должно пресекаться нормами права и обеспечиваться действиями правоохранительных органов, а также принудительной силой государства, иначе одни лица, максимизируя свою полезность, будут снижать полезность других лиц.

Библиографические ссылки

1. Фролова Т.А. Экономическая теория: конспект лекций. Таганрог : Изд-во ТТИ ЮФУ, 2010.
2. Антология мировой политической мысли. В 5 т. Т. I. Зарубежная политическая мысль: истоки и эволюция / Нац. обществ.-науч. фонд. Акад. полит. науки ; Руководитель проекта Г.Ю. Семигин и др. ; ред.-науч. совет : пред. совета Г.Ю. Семигин и др. М. : Мысль, 1997.
3. Вечканов Г.С. Микроэкономика. Краткий курс. 2-е изд. СПб. : Издательский дом «Питер», 2008.
4. Bentham J. The Principles of Morals and Legislation / Prometheus Books. 1988.
5. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка : в 4 т. Т. 3. / пер. с нем. ; 3-е изд., стереотип. М. : Азбука-Терра, 1996.
6. Подвысоцкий А.О. Словарь областного архангельского наречия. М. : Объединенное гуманитарное издательство, 2009.
7. Срезневский И.И. Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам. Т. 2. Петербург, 1893–1912.
8. В данном контексте имеется в виду «парадокс ценности» или «парадокс воды и алмазов».
9. Супрасльская рукопись. Изд. С. Северьянов. Петербург, 1904 // Памятники старославянского языка. Т. 2. № 1.
10. Ушаков Д.Н. Толковый словарь русского языка. М. : Альта-Принт, 2005.
11. Кирьякова О.И. Лексико-семантическая репрезентация концепта «радость» в английском и русском языках (на материале переводов художественных текстов XIX века) : автореф. дисс. ... канд. филол. наук. Москва, 2009.
12. Серебрянский Д.С. Классический утилитаризм: основные теоретические проблемы // Этическая мысль. 2011. Вып. 11.
13. Hoad T.F. The Concise Oxford Dictionary of English Etymology / Oxford University Press. 1993.
14. Mill J.S. Utilitarianism. Hackett Publishing Company, Inc. 2002.
15. Galt J. Annals of the Parish: or, The chronicle of Dalmailing; during the ministry of the Rev. Micah Balwhidder, written by himself. Serenity Publishers, LLC.
16. The Correspondence of Jeremy Bentham: Volume 3: January 1781 to October 1788. Published 1971: Continuum International Publishing Group Ltd.
17. В том числе, потреблять благо.
18. Дернбург Г. Пандекты. Т. 1. М., 1906.

References

1. Frolova T.A. Ekonomicheskaya teoriya: konspekt leksi (Economic theory: lecture notes). Taganrog. Izd-vo TTI YuFU, 2010.
2. Antologiya mirovoi politicheskoi mysli. V 5 t. T. I. Zarubezhnaya politicheskaya mysl': istoki i evolyutsiya (Anthology of world political thought. In 5 vols. V.I. Foreign political thought: the origins and evolution), Nats. obshchestv.-nauch. fond. Akad. polit. nauki; Rukovoditel' proekta G.Yu. Semigin i dr., red.-nauch. sovet: pred. soвета G.Yu. Semigin i dr. M. Mysl', 1997.
3. Vechkanov G.S. Mikroekonomika. Kratkii kurs (Microeconomics. Short Course). 2-e izd. SPb. Izdatel'skii dom «Piter», 2008.
4. Bentham J. The Principles of Morals and Legislation. Prometheus Books. 1988.

5. Fasmer M. Etimologicheskii slovar' russkogo yazyka: v 4 t. T. 3 (Dictionary of Russian language. In 4 vols. V.3), per. s nem. 3-e izd., stereotip. M. Azbuka-Terra, 1996.
6. Podvysotskii A.O. Slovar' oblastnogo arkhangel'skogo narechiya (Dictionary of Arkhangelsk regional dialect). M. Ob"edinennoe gumanitarnoe izdatel'stvo, 2009.
7. Sreznevskii I.I. Materialy dlya slovarya drevnerusskogo yazyka po pis'mennym pamyatnikam. T. 2 (Materials for the dictionary of ancient Russian language of written monuments. V.2). Peterburg, 1893–1912.
8. V dannom kontekste imeetsya v vidu «paradoks tsennosti» ili «paradoks vody i almazov» (In this context it is referred to "paradox of value" or "paradox of water and diamonds").
9. Suprasl'skaya rukopis (Suprasl'skaya manuscript). Izd. S. Sever'yanov. Peterburg, 1904. Pamyatniki staroslav'yanskogo yazyka. T. 2. № 1.
10. Ushakov D.N. Tolkovyi slovar' russkogo yazyka (Explanatory Dictionary of the Russian language). M. Al'ta-Print, 2005.
11. Kir'yakova O.I. Leksiko-semanticheskaya reprezentatsiya kontsepta «radost'» v angliiskom i russkom yazykakh (na materiale perevodov khudozhestvennykh tekstov XIX veka) (Lexico-semantic representation of the concept "joy" in English-Russian (based on translations of literary texts of the XIX century)), avtoref. diss. ... kand. filol. nauk. Moskva, 2009.
12. Serebryanskii D.S. Klassicheskii utilitarizm: osnovnye teoreticheskie problem (Classical utilitarianism: the main theoretical problems). Eticheskaya mysl'. 2011. Vyp. 11.
13. Hoad T.F. The Concise Oxford Dictionary of English Etymology / Oxford University Press. 1993.
14. Mill J.S. Utilitarianism. Hackett Publishing Company, Inc. 2002.
15. Galt J. Annals of the Parish: or, The chronicle of Dalmailing; during the ministry of the Rev. Micah Balwhidder, written by himself. Serenity Publishers, LLC.
16. The Correspondence of Jeremy Bentham: Volume 3: January 1781 to October 1788. Published 1971: Continuum International Publishing Group Ltd.
17. V tom chisle, potrebyat' blago (In particular, consume a benefit).
18. Dernburg G. Pandekty (Pandects). T. 1. M., 1906.

Дата поступления: 21.01.2017

Received: 21.01.2017

УДК 321(091); 34(091)

МАНИФЕСТЫ КАК ЗАКОНОДАТЕЛЬНЫЕ АКТЫ XVII–XIX ВВ. В СИСТЕМЕ РУССКОГО ПРАВА: ПОНЯТИЕ И МУЛЬТИ- ПРЕДИКАТЫ В «ФОРМЕ ПРАВА»

САГИНДЫКОВ Айнибек Нуrolлаулы

*аспирант кафедры истории государства и права
юридического факультета АНО ВО «Гумани-
тарный университет», г. Екатеринбург Россия.
E-mail: victoria777pobedina@yandex.ru*

Статья посвящена исследованию законодательных актов XVII–XIX вв. в системе русского права по вопросам понятия манифеста как законодательного акта и его мульти-предикатов в «форме права». Даются их определение, а также «формы права», «источника права» в виде: рода, вида, разновидности. В статье применяются общие и специальные методы познания, присущие философской, юридической, исторической наукам. Впервые высказывается авторская позиция по различным мнениям ученых по этой проблеме, и даются комментарии. Дана характеристика сходных качеств, свойств их

MANIFESTS AS LEGISLATIVE ACTS OF THE XVII–XIX CENTURIES IN THE SYSTEM OF RUSSIAN LAW: CONCEPT AND MULTI-PREDICATES IN "FORM OF LAW"

SAGINDYKOV Ainibek Nurollauly

*Postgraduate student of the Chair of History of
State and Law of the Faculty of Law of the ANO HE
"Liberal Arts University", Yekaterinburg, Russia.
E-mail: victoria777pobedina@yandex.ru*

This paper is dedicated to the study of legislative acts of the XVII–XIX centuries in the system of Russian law in connection to the issues of the concept of a manifest as a legislative act and its multi-predicates in "form of law". Their definition is given, as well as "forms of law", "law" in the form: genus, species, variety. The author of the article uses general and special methods of knowledge proper to philosophical, legal, historical sciences. For the first time the author's position is expressed on scientists' opinions on this issue and they are commented. The characteristics of similar qualities,

отличия и особенности. Предложения автора будут интересны для науки конституционного права, теории государства и права, истории государства и права. Предлагается при исследовании законодательных актов XVII–XIX вв. использовать комплексный подход. Ставится вопрос о целесообразности в контексте проведенного исследования, ввести в научный оборот использование категории «мульти-предикаты», которые представляют собой множественные признаки, позволяющие отнести акт к определенной категории в следующих ипостасях: «род», занимающий первое место в предложенной автором классификации; «вид», занимающий второе место; «разновидность» занимающей третье место. А также показана характеристика исследуемых актов как развивающая, конкретизирующая, детализирующая категории «род», «вид», «разновидность», что ведет к сведению их к такому понятию, как «форма права».

Ключевые слова: манифест, законодательный акт, форма права, род, вид, разновидность, источник права, мульти-предикаты.

properties, and their differences and peculiarities is given. The author's suggestions will be interesting for constitutional law, theory of state and law, history of state and law. It is proposed to use the comprehensive approach in the study of legislative acts of the XVII–XIX centuries. The author poses the question whether it is relevant in the context of this study, to put into scientific use the category of "multi-predicates" which represents multiple features allowing to relegate an act to a given category in the following forms: "genus", ranking first in the author's classification; "species" ranking second; "variety" occupying the third place. The characteristics of the acts in question is shown as developing, specifying, detailing the categories of "genus", "species", "variety", which leads to narrowing them down to the notion of "form of law".

Key words: manifest; legislative act; form of law; genus; species; variety; source of law; multi-predicates.

«Форма права» является разновидностью и порождается «источником права», является его материальным продолжением и вытекает из него, что позволяет нам говорить о «законодательном акте» как отдельной части, входящей в систему «источника права». В соответствии с исследованиями о законодательных актах XVII, XVIII, XIX вв. в системе источников русского права на примере манифестов, выявляется закономерность, что манифест является видом законодательного акта, т.е. «формы права». Манифест – это законодательный акт, который органично входит в «форму права». Тогда как «форма права» вливается в «источник права».

«Источник права» – как правовая категория идентифицируется с волей, но не оформленной. Тогда как «форма права» является оформленной волей, например, народа в виде законодательного акта, который является одним из видов «форм права», но он порождается, воплощается в действительность, обретает материальные рамки с помощью воли народа, что позволяет нам говорить о том, что «форма права» вытекает из «источника права».

Учёные выявили определенную иерархическую систему внутри категории «форма права» в виде рода, вида, разновидности. По-нашему мнению, род следует характеризовать как законодательный акт в рамках категории «форма права»; к виду следует отнести – например, манифесты и указы в рамках категории «формы права»; а к разновидностям можно отнести манифесты в различных сферах государственной и общественной жизни в рамках категории «формы права», например, манифесты, которые определяли основные вопросы в сфере организации высшей власти («Об отрешении от наследия... царевича Алексея Петровича» 1718 г. и «О короновании государыни императрицы Екатерины Алексеевны» 1723 г.); война Турции была объявлена манифестом от 22 февраля 1711 г. и т.п.

Манифесты – это «формы права». Во-первых, это подтверждается господствующей концепцией в науке. А именно юридическая наука определяет юридические факты и памятники законодательства как разные формы: манифесты, указы, грамоты, постановления и др. Вместе с тем, «... источники государства и права могут быть отдельными правовыми актами или выступать в комплексе института, отрасли, системы права. Специфическими источниками истории государства и права являются юридический быт, судебная практика, обычай,

юридические археологические источники» [1]. Во-вторых, ученые юристы определяют форму права как возможность взаимодействия частей правовой системы друг с другом, с окружающим миром. Главная характеристика формы права – социальной сущностью и содержанием. Таким образом, форма права и содержание позиционируются как неразрывные тесно связанные между собой категории. Что подтверждает Гегель: «содержание не бесформенно, а форма в одно и то же время содержится в самом содержании, и представляет собой нечто внешнее ему» [2, с. 298]. Вместе с тем, манифесты как законодательные акты имеют сходные качества, свойства внутри своей совокупности. Например, манифесты в области государственного строительства связаны с такими категориями: создание органов, определение предметов ведения и компетенции их, установление их структуры, порядка осуществления деятельности, определения их положение в иерархии и статуса, закрепления принципа вольного характера [3]. Но именно здесь главным фактором является категория, связанная с определением детализированного юридического статуса например с государственной гражданской службой, что явилось следствием систематизации законодательства и появлением свода законов Российской империи, в структуре коего был отражен «Устав о службе гражданской по определению от правительства и по выборам» [4]. В его составе были консолидированы действующие к началу 1830-х гг. узаконения о гражданской службе (1700-1800 гг. – 158; 1800-1825 гг. – 363; 1825-1831 гг. – 332), а в качестве основы данного устава выступили Генеральный регламент 1720 г., Табель о рангах 1722 г. и др. Положения устава были распределены по пяти разделам: (1) Правила о принятии на гражданскую службу и определения к должности; (2) О производстве в чины; (3) Об общих правах и обязанностях гражданской службы; (4) Об увольнении в отпуск, от должностей и от службы; (5) Об актах или доказательствах служебного поведения. 25 июля 1834 г. было утверждено Николаем I Положение о порядке производства в чины по гражданской службе, внесшее ряд принципиальных изменений в ее организацию, его же указ от 20 ноября 1835 г. «О расписании должностей гражданской службы по классам от XIV до V включительно» четко связал чины и должности. Так, например, статус председателя Государственного совета корреспондировался I классу Табеля о рангах, министра – II классу, товарища министра – III, директора департамента министерства и градоначальника – IV и т.д. Последующие преобразования в этой области государственного строительства произошли в своде законов Российской империи 1842 г., результатом было – издание 1857 г. Основными принципами, условиями приема на гражданскую службу были: установление возрастного образовательного и сословного цензов носящие комплексный характер и использование что нашло свое отражение при создании этой службы, так и оставить ее сословный фундамент [5].

В то же время, данные обстоятельства показывают, что манифесты имеют отличительные качества, свойства – особенности. Здесь уместно, на наш взгляд, привести мнение исследователя А. В. Белякова, который констатирует, что «к концу XVII в. в архиве Посольского приказа сконцентрировались документы великокняжеского и царского архива – духовные и договорные грамоты, акты избрания царей и поставления патриархов и другие немногочисленные остатки делопроизводства центрального управления XIV–XVI вв. [6] материалы ряда приказов, которые в силу различных причин, оказались подчинены Посольскому приказу (Малороссийский, Новгородский, Устюжский и др.) или находились в ведении одного лица, документы по сношениям с зарубежными государствами, а также внутрприказная документация самого Посольского приказа. В XVIII в. основной целью служащих Московского главного архива Коллегии иностранных дел являлось приведение в порядок актов таким образом, чтобы использовать их в повседневной работе. Учеными подтверждается мнение о том, что множество существовавших источников не могут дать ответ на все проблемы и вопросы даже по одному классу служащих Посольского приказа. В связи с этим необходим комплексный подход в их исследовании [7].

Другой пример. «Быстрый разворот в регулировании правовых отношений в области питейной реглации [8, с. 112] осуществился с выходом 1 августа 1765 года Манифеста «Об отдаче питейной продажи с 1767 года на откуп во всем государстве, кроме Сибирской губернии» [9], в соответствии с которым предварительно издан Устав о винокурении. Вместе с тем, есть, например, Манифест 14 декабря 1766 г., который провозгласил сбор депутатов данной Комиссии в Москве в июне 1767 г., носивший по взглядам характер «просвещенной» монархии Екатерины II» [10]. Другие исследователи отмечают, манифестов, связанных с монетным делом, было недостаточно, т.е. не было манифестов о монетном деле вообще до 1786 г. Следовательно, до воцарения Павла I позитивных явлений в этой сфере не считалось «достойными» издания Манифеста [11, с. 17].

Однако другой исследователь отмечает, что по Манифесту «Об устройстве гильдий и о торговле прочих состояний» от 14 ноября 1824 г. планировалось создать обновленные разряды: к ним относили мещан и ремесленников, которые относились к торгующим, что их особо выделяло из сословных групп, они имели всевозможные торговые права (мещане которые не входили в этот разряд, имели статус посадских) [12]. Вышеуказанная характеристика манифестов говорит о наличии общих и особенных (отличительных) качеств, свойств их юридической природы; имеют место акты-манифесты, которые требуют при их исследовании комплексного использования; вместе с тем, следует отмечать акты, которые вообще не считались «достойными» издания манифеста, но которым предварялось издание других актов – например, Устава и др. Манифест «Об учреждении министерств» от 8 сентября 1802 года, в соответствии с которым в России впервые были учреждены восемь министерств: военное, морское, иностранных дел, внутренних дел, коммерции, финансов, юстиции, народного просвещения. В свое время Петр I, создавая коллегии, создал фундамент разграничения отраслей государственного управления, которое нашло отражение в этом процессе. За сто лет появилось всего лишь четыре министерства. Статья XV Манифеста определила создание весьма необходимого органа государственного управления – Комитета министров, который весомое влияние оказало на всю систему государственной власти Российской империи [13]. Позже Комитет министров осуществлял свою компетенцию в соответствии законодательным актом «Высочайше утвержденных правил для Комитета министров» от 4 сентября 1805 г. [14]. «Выписки из правил, данных в руководство Комитету министров» от 31 августа 1808 г., [15, с. 181] и «Дополнительных статей к правилам, данным Комитету министров» от 11 ноября 1808 г. (Полное собрание законов Российской империи. Издание первое. Далее – ПСЗ-1) [16]. Эти акты определяли компетенцию кабинета министров, когда император отсутствовал, при этом он имел право решать неотложные дела. А также данный манифест определял статус еще двух учреждений, которые существовали ранее: «Ведомство» Государственного казначея и Экспедиции о государственных доходах, которые существовали «впредь до издания полного по сей части Устава» на основании Указа от 24 октября 1780 г. [17]. С 1802 по 1835 гг. была создана в Российской империи новая система управления министерствами, которую исследователь Е.С. Данилов разграничил на два основных этапа. Первый этап – со дня издания вышеуказанного акта. Второй этап этой реформы с 1810–1811 гг. В обозначенный период было издано три манифеста, которые стали юридической базой. Манифест «О разделении государственных дел на особые управления, со значением предметов, каждому управлению принадлежащих» от 25 июля 1810 года, «Высочайше утвержденное разделение государственных дел по министерствам» от 17 августа 1810 года и «Общее учреждение министерств» от 25 июня 1811 года [18].

«Общее учреждение министерств» стало основным нормативным актом реформы. В соответствии с «Общим учреждением министерств» была установлена единая вертикаль власти, а также персональная ответственность министра перед императором, который его назначал и смещал. А также были разграничены по отраслям местные органы управления. С этого момента пошёл процесс формирования ведомств – центральных государственных

учреждений с подчиненными им местными государственными органами и должностными лицами» [13]. Вышеприведенные примеры, ещё раз подтверждают факт комплексного использования при их исследовании.

На наш взгляд, комплексность – это те общие качества и свойства, которые характеризуют Манифест и демонстрируют его как класс «формы права», обладающий определёнными качествами, свойствами, характеристиками, помогающими определить его содержание и сущность как законодательного акта в системе русского права. Анализируемый акт относится к более широкой категории «род», которая исследует наиболее широкие качества, свойства. Вместе с тем, такие дефинитивные категории как «создают, определяют, устанавливают, закрепляют, упорядочивают, используют, детализируют, проектируют, консолидируют, разграничивают» пр. и образуют совокупность качеств, свойств, которые следует корреспондировать с категорией «род». Что корреспондируется с его содержанием, которое отражено в словаре русского языка: род – «разновидность чего-нибудь, обладающее каким-нибудь качеством, свойством» [19 с. 628]. Мы предлагаем обозначить их как «мульти-предикаты» – это множественные признаки, позволяющие отнести акт к определённой категории, в данном случае к «роду».

Следует отметить, что вышеперечисленные дефинитивные понятия корреспондируются и с категориями «вид», «разновидность». Энциклопедическое их содержание в словаре русского языка таково: вид – это «определение свойств какого-либо предмета» [19, с. 66]. На примере отдельных манифестов, указов и постановлений продемонстрируем соответствующие общие и отличительные свойства, присущие «виду». О «разновидности» будет сказано ниже.

Мы считаем, что вид следует определять как – видовое понятие, которое содержит все основные признаки того или иного явления, события и одновременно включает в себя особенное, характерное только для этого вида.

На примере манифеста «О разделении государственных дел на особые управления, с означением предметов, каждому управлению принадлежащих» [20] покажем сходные свойства таких категорий как «род» и «вид». (Далее по тексту – манифест «О разделении государственных дел...»). Общая характеристика такова, что манифест «содержал общие принципы и направления реформ. Манифест «О разделении государственных дел...», впервые определил создание нового правоохранительного органа – внутренней стражи, его юридические основы, к сожалению, были определены в самых общих чертах. Таким образом, совершенствование юридической базы намечалось только в будущем [21, с. 29, 32].

Вместе с тем, отличительные черты наиболее ярко проявляются при характеристике указов, например, в актах второй половины XVII в., закрепляющие нормы уголовного права. В первую очередь они исходили (именные, указы, манифесты) или внедрялись в практику верховной властью (сенатские указы «По высочайше утверждённому докладу»). Отдельно обращалось внимание на акты, разработанные Екатериной II, такие как указ «О суде и наказаниях за воровство разных родов», «Устав благочиния», манифест «О поединках» и т.д.

Во вторую очередь были сенатские указы, закрепляющие новые уголовно-правовые принципы и апробирующие их практику судопроизводства. Но большая их часть вошла в первое собрание «Полного собрания законов Российской империи» (тт. XVI–XXIII) [22, с. 206–207, 214–215]. За период с 1763 по 1767 гг. с целью уяснения характера доктринальной составляющей политики Екатерины II и ее влияния на законодательство до создания «Наказа Комиссии о сочинении проекта нового Уложения», в котором, в системном виде была изложена уголовно-правовая доктрина ее царствования. Обозначенные временные рамки были обусловлены несколькими причинами. Во-первых, на этот период приходится пик законодательной активности екатерининского царствования, когда в месяц издавалось в среднем, по подсчетам А.Б. Каменского, 22 законодательных акта. Во-вторых, в это время был принят целый ряд указов, кардинально реформирующих отдельные отрасли уголовного права и процесса (законодательство о малолетних, сужение сферы применения пытки при следствии и т.д.). О.А. Омельченко

показал прямую связь между последним источником и указом о трех видах воровства 1781 г., уголовно-правовой частью Устава благочиния 1782 г. и основными положениями Манифеста о поединках 1787 г. [23, с. 45–49, 156].

Другой пример, «... манифесты и именные указы императрицы, предваряя каждую значимую меру, являлись обращением монарха к народу. Они разъясняли цели и намерения правительства, воспитывали подданных в духе послушания и просвещения, утверждали ценности («общее благо», «преданность трону», «любовь к Отечеству»), милосердие, смягчение нравов и т.д.) Тексты всенародно оглашаемых законов составлялись по определенным «шаблонам». При этом власти умело использовали самые разнообразные средства для того, чтобы довести содержание этих законов до представителей различных сословий. На законодательном уровне определялся порядок рассылки манифестов по церквям с целью их оглашения, вводился контроль за тем, чтобы никаких задержек в этом процессе не было. Важной особенностью информирования о принятых Екатериной II законах являлось ежегодное издание сборников указов» [23]. «Внутри – и внешнеполитическая обстановка влияла на ход «пропагандистской» политики Екатерины II. В беспокойные для страны годы войн, социальных взрывов (крестьянская война), любого проявления оппозиционности властям (например, дворянская «фронда», издательская деятельность московских просветителей, объединившиеся вокруг Н.И. Новикова) усиливались государственные меры по укреплению лояльности монархии. К ним можно отнести «милостивые Манифесты» и указы о введении цензурного контроля, а также публикация правительством печатных материалов официального характера (комедии, автором которых была императрица, панегирические речи, литература, направленная против внешних врагов России и т.д.) В то же время повышалась нагрузка на идеологическую сторону, доносимых до населения официальных текстов или символов (триумфальные арки, монументы и т.д.). В их основе лежали идеи преданности трону и любви к Отечеству» [24].

Анализируемые манифест и указ относятся к категории «вид», что есть в соответствии со словарём русского языка «определение свойств какого-либо предмета» [19, с. 66], но, на наш взгляд, с помощью большего количества свойств, с целью указания на точное их место и детальное определение внутри рода. Вместе с тем, такие дефинитивные, уточняющие мульти-предикаты, как «исходят», «регулируют», «апробируют», «внедряют», «реформируют», «разъясняют», «воспитывают», «утверждают», «оглашают», «контролируют» и пр. показывают характерные отличительные свойства и образуют их совокупность, которая корреспондируется с категорией «вид», что позволяет поставить манифест, указ на второе место в предлагаемой нами классификации законодательных актов. Тогда как мульти-предикаты: «разграничивают», «создают», «регулируют», «определяют», фиксируют сходные свойства, характеристики исследуемых актов в совокупности, которые также корреспондируют категорию «вид».

Вместе с тем, категория «разновидность» – это, на наш взгляд, более детализированная характеристика категории «вид», менее широкая, чёткая, конкретная (но, в пределах «вида»), что в соответствии со словарём русского языка «разновидность – это «предмет или явление, представляющее собой видоизменение основного вида, категории» [19, с. 597]. Например, «Конфликтное развитие государственного строя России в ходе реализации принципов престолонаследия, введенных указом от 12 февраля 1722 г., показало необходимость не просто установления нормативных основ наследования престола, но и закрепления строгого порядка воспреемства трона, который бы наиболее соответствовал требованиям абсолютной монархии и отвечал принципам регулирования наследственных правоотношений, сложившихся в XVIII в. Акт о престолонаследии узаконил австрийскую или «полусалическую» систему. Императорская власть передавалась по наследству от отца к сыну, а в случае его отсутствия – к следующему, по старшинству, брату императора. Женщины допускались к наследованию лишь в случае полного отсутствия всех потомков мужского пола данной династии. Своим наследником Павел I «по праву естественному» назначил старшего сына Александра, а за

ним – все его потомство мужского пола. По пресечении потомства старшего сына право наследования престола переходит в род второго сына и так до последнего потомка мужского пола последнего сына. При пресечении последнего мужского поколения сыновей Павла I наследство переходит в женское поколение последнего царствовавшего императора, в котором также преимущество имеют лица мужского пола, с тем только обязательным условием, что «не теряет никогда права то женское лицо, от которого право непосредственно пришло». В случае пресечения прямой нисходящей линии престолонаследия (как по мужской, так и по женской линии) право престолонаследия могло перейти в боковую линию.

Кроме описания порядка престолонаследия, в Акте были прописаны вопросы, касающиеся статуса императорских супругов, совершеннолетия государя и наследника, опеки над малолетним государем и пригодности к престолу с религиозной точки зрения. Акт о престолонаследии 1797 г. исключает возможность наследования престола женой или мужем царствовавшей особы. «Если наследовать будет женское лицо, и таковая особа будет замужем, или выйдет, тогда мужа не почитать государем, а отдавать однако ж почести наравне с супругами государей, и пользоваться прочими преимуществами таковых, кроме титула». Браки членов императорской фамилии не признавались законными без разрешения царствующего государя. Однако в законе четко не прописана норма об устранении от наследования престола лиц, рожденных от браков, заключенных без разрешения монарха ...» [25].

Таким образом, «Акт о престолонаследии 1797 г. урегулировал проблему престолонаследия и создал строгий порядок воспреемства престола, который оставался неизменным до 1917 г. Фактически этот нормативный правовой акт явился первым шагом на пути формирования российской конституции, определив условия функционирования и передачи верховной власти. В качестве существенных условий, необходимых для наследника престола, а следовательно, предъявляемых к будущему императору, назывались: принадлежность к императорскому дому Романовых; происхождение от законного брака; равнородность брака родителей, т.е. чтобы супруг (или супруга) принадлежали к какому-нибудь царствующему (или царствовавшему дому); первородство по мужской линии (то есть сын стоит выше брата); исповедание православной веры» [25]. Такие дефинитивные, уточняющие мульти-предикаты, как «создают», «урегулируют», «устанавливают», «передают», «допускают», «назначают», «отдают», «используют», «воспреемство», «равнородность», «первородство», «исповедание» и пр. показывают характерные отличительные свойства и образуют их совокупность, которая коррелируется с категорией «разновидность».

В ходе проведенного исследования мы приходим к следующим выводам:

1) характеристика исследуемых актов как развивающаяся, конкретизирующая, детализирующая категории «род», «вид», «разновидность» ведёт к сведению их, прежде всего, к такому понятию, как «форма права»;

2) на наш взгляд, целесообразно в контексте проведенного нами исследования, ввести в научный оборот использование категории «мульти-предикаты» – это множественные признаки, позволяющие отнести акт к определённой категории в следующих ипостасях: «род», (который занимает первое место в нашей классификации); «вид», (занимающий второе место); «разновидность», (занимающее третье место), например, конституционные признаки для манифестов.

Библиографические ссылки

1. Гринев В.А. Типологизация источников права в российской историко-правовой историографии // Вестник Вятского государственного гуманитарного университета. Право. 2011. № 1. С. 24–25.
2. Гегель Г.В. Энциклопедия философских наук. Т. 1. М., 1974.

3. Брезицкая Л.А. Институционализация гражданской государственной службы в России (первая половина XIX в. URL : <http://cyberleninka.ru/article/n/institutsionalizatsiya-grazhdanskoy-gosudarstvennoy-sluzhby-v-rossii-pervaya-polovina-xix-v#ixzz3S09DBn9P>
4. Свод законов Российской империи. Т. 3. СПб., 1832.
5. Положение о порядке производства в чины по гражданской службе // ПСЗ-2. Т. 9. № 7224.
6. Опись царского архива XVI в. и архива Посольского приказа 28 1614 г. / под ред. С.О. Шмидта. М. : Изд-во вост. лит., 1960.
7. Беляков, А.В. «Служащие Посольского приказа второй трети XVII века» : автореф. ... канд. ист. наук. М., 2002. URL : <http://www.dissercat.com/content/sluzhashchie-posolskogo-prikaza-vtoroi-treti-xvii-veka#ixzz3bqJwBN4z>
8. Ерошкин Н.П. История государственных учреждений дореволюционной России. М. : Высшая школа, 1968.
9. ПСЗ I. Т. XVII. №. 12444.
10. ПСЗ. Т. XVII. № 12801.
11. Амплеева Т.Ю. История уголовного судопроизводства России (IX–XIX вв.) : автореф. ... д-ра. юрид. наук. М., 2009.
12. Амосова О.С. Правовой статус мещан Российской Империи (XVIII–XIX вв.) : автореф. ... канд. юрид. наук. Владимирюб 2005 ГКД Ж <http://lawtheses.com/pravovoy-status-meschan-rossiyskoy-imperii#ixzz3cJgBjf5y>.
13. Данилов Е.С. Административная политика российского государства в первой половине XIX века. URL : <http://cyberleninka.ru/article/n/administrativnaya-politika-rossiyskogo-gosudarstva-v-pervoy-polovine-xix-veka#ixzz3S09j2Efl>
14. Алексеев С.С. Основы правовой политики России : курс лекций. Екатеринбург. 1995.
15. Алексеев С.С. Наука права. Избранное. М., 2003.
16. ПСЗ-1. Т. XXVII. № 20406.
17. ПСЗ-1. Т. XXVIII. № 21096.
18. ПСЗ-1. Т. XXX. № 23262.
19. Ожегов С.И. Словарь русского языка. Государственное издательство иностранных и национальных словарей. М., 1953.
20. РГВИА. Ф. 1, оп. 1, Д. 687, л. 2–5, 103.
21. Фомин О.Е. Корпус внутренней стражи в правоохранительной системе Российской империи, 1811–1864 гг. : дис. ... канд. юрид. наук. М. : Юридический институт МВД, 1999, РГБ, 2003.
22. Румянцева М. Ф. Теория истории : учебное пособие. М., 2002.
23. Бабкова Г.О. Политика Екатерины II в области уголовного права : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2006.
24. Баклашов А.И. Екатерина II и общественное мнение : автореф. ... канд. ист. наук. М., 2009. URL : <http://cheloveknauka.com/ekaterina-ii-i-obschestvennoe-mnenie#ixzz3cK4 YONff>
25. Куанчалева Л.Ш., Скоробогатов А.В. Закон о престолонаследии 1797 г. как источник государственного права России URL : http://pravmisl.ru/index.php?id=1810&option=com_content&task=view

References

1. Grinev V.A. Tipologizatsiya istochnikov prava v rossiiskoi istoriko-pravovoi istoriografii (Typology of sources of law in the Russian historical and legal historiography), *Vestnik Vyatskogo gosudarstvennogo gumanitarnogo universiteta*. Pravo, 2011, No. 1, pp. 24–25.
2. Gegel' G.V. Entsiklopediya filosofskikh nauk (Encyclopedia of Philosophy). Т. 1. М., 1974.
3. Brezitskaya L.A. Institutsionalizatsiya grazhdanskoj gosudarstvennoj sluzhby v Rossii (pervaya polovina XIX v (The institutionalization of the civil state service in Russia (the first half of the XIX century). URL. <http://cyberleninka.ru/article/n/institutsionalizatsiya-grazhdanskoy-gosudarstvennoy-sluzhby-v-rossii-pervaya-polovina-xix-v#ixzz3S09DBn9P>.
4. Svod zakonov Rossiiskoi imperii (Code of Laws of the Russian Empire). Т. 3. SPb., 1832.
5. Polozhenie o poryadke proizvodstva v chiny po grazhdanskoj sluzhbe (Regulation on the order of promotion in the Civil Service), PSZ-2. Т. 9. No. 7224.

6. Opis' tsarskogo arkhiva XVI v. i arkhiva Posol'skogo prikaza 28 1614 g. (Inventory of the royal archive of the XVI century and the archive of Ambassador prikaz 28, 1614), pod red. S.O. Shmidta. M. Izd-vo vost. lit., 1960.
7. Belyakov, A.V. «Sluzhashchie Posol'skogo prikaza vtoroi treti XVII veka» (Employees of the Ambassador prikaz of the second third of the XVII century), avtoref. ... kand. ist. nauk. M., 2002. URL. <http://www.dissercat.com/content/sluzhashchie-posolskogo-prikaza-vtoroi-treti-xvii-veka#ixzz3bqJwBN4z>.
8. Eroshkin N.P. Istoriya gosudarstvennykh uchrezhdenii dorevolyutsionnoi Rossii (The history of public institutions of pre-revolutionary Russia). M. Vysshaya shkola, 1968.
9. PSZ I. T. XVII. No. 12444.
10. PSZ. T. XVII. No. 12801.
11. Ampleeva T.Yu. Istoriya ugolovnoho sudoproizvodstva Rossii (IX–XIX vv.) (The history of Russian criminal proceedings (IX–XIX centuries)), avto-ref. ... d-ra. jurid. nauk. M., 2009.
12. Amosova O.S. Pravovoi status meshchan Rossiiskoi Imperii (XVIII–XIX vv.) (The legal status of the lower middle class of the Russian Empire (XVIII–XIX centuries.)), avtoref. ... kand. jurid. nauk. Vladimir., 2005. URL. <http://lawtheses.com/pravovoy-status-meschan-rossiyskoy-imperii#ixzz3cJgBjf5y>.
13. Danilov E.S. Administrativnaya politika rossiiskogo gosudarstva v pervoi polovine XIX veka (Administrative policy of the Russian government in the first half of the XIX century). URL. <http://cyberleninka.ru/article/n/administrativnaya-politika-rossiyskogo-gosudarstva-v-pervoy-po-lovine-xix-veka#ixzz3S09j2Efl>.
14. Alekseev S.S. Osnovy pravovoi politiki Rossii, kurs lektsii (Fundamentals of the legal policy of Russia: Course of lectures). Ekaterinburg. 1995.
15. Alekseev S.S. Nauka prava. Izbrannoe (The science of law. Selection). M., 2003.
16. PSZ-1. T. XXVII. No. 20406.
17. PSZ-1. T. XXVIII. No. 21096.
18. PSZ-1. T. XXX. No. 23262.
19. Ozhegov S.I. Slovar' russkogo yazyka. Gosudarstvennoe izdatel'stvo inostrannykh i natsional'nykh slovarei (Dictionary of Russian language. State Publishing House of foreign and national dictionaries.). M., 1953.
20. RGVIA. F. 1, op. 1, D. 687, l. 2–5, 103.
21. Fomin O.E. Korpus vnutrennei strazhi v pravookhranitel'noi sisteme Rossiiskoi imperii, 1811–1864 gg. (Internal Guard Corps in the judicial system of the Russian Empire, 1811–1864), dis. ... kand. jurid. nauk. M. Yuridicheskii institut MVD, 1999, RGB, 2003.
22. Rumyantseva M.F. Teoriya istorii: uchebnoe posobie (Theory of history: Tutorial). M., 2002.
23. Babkova G.O. Politika Ekateriny II v oblasti ugolovnoho prava (Catherine the Great policy in the field of criminal law), dis. ... kand. jurid. nauk. M., 2006.
24. Baklashov A.I. Ekaterina II i obshchestvennoe mnenie (Catherine the Great and public opinion), avtoref. ... kand. ist. nauk. M., 2009. URL. <http://cheloveknauka.com/ekaterina-ii-i-obschestvennoe-mnenie#ixzz3cK4 YONfF>.
25. Kuanchaleeva L.Sh., Skorobogatov A.V. Zakon o prestolonasledii 1797 g. kak istochnik gosudarstvennogo prava Rossii (Law of Succession in 1797 as a source of Russian state law). URL. http://pravmisl.ru/index.php?id=1810&option=com_content&task=view.

Дата поступления: 22.01.2017

Received: 22.01.2017

УДК 34.01

АКТУАЛЬНЫЕ РОЛИ ОБЩЕСТВЕННОГО ДОГОВОРА КАК ТЕОРИИ СОВРЕМЕННЫХ ГОСУДАРСТВЕННЫХ И ПРАВОВЫХ СИСТЕМ

НАЗАРОВА Наталья Анатольевна

аспирант кафедры теории государства и права им. Г.В. Мальцева юридического факультета им. М.М. Сперанского Российской Академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, г. Москва, Россия. E-mail: natalien@list.ru

RELEVANT ROLES OF THE SOCIAL CONTRACT AS A THEORY OF CONTEMPORARY STATE AND LEGAL SYSTEMS

NAZAROVA Natalia Anatolyevna

Postgraduate student of the Maltsev Theory of State and Law Chair of the Speransky Law Department of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Moscow, Russia. E-mail: natalien@list.ru.

Актуальность теории общественного договора возрастает в XXI веке как основа для практики демократических принципов, трансформаций систем государства и права, геополитических альянсов и внутренней политики. Автор выделяет из классических и современных теорий контрактualизма 26 актуальных ролей общественного договора. Данный метод позволяет сгруппировать их по основным объектам, а именно: государственность, сознание гражданина, общественная польза, права граждан, принципы государства и общества, гарант государства и монополии государства. Результатом выступает практическая актуализация договорной теории и формулировка её конкретизированных возможностей применения в качестве инструментария государственно-правовых реформ и эволюций.

Ключевые слова: общественный договор, эволюция контрактualизма, роли договора, теория государства, теория права, современное государство, правовая система.

The social contract theory relevance increases in the twenty-first century as the basis for the practice of democratic principles, transformations of state and law systems, geopolitical alliances and domestic policy. The author exposes 26 relevant roles of the social contract from classical and modern contractualism theories. This method allows the author to group them by major objects, namely: statehood, citizen's consciousness, public benefit, citizens' rights, principles of state and society, state guarantor and state monopolies. The result is the social contract theory practical actualization and the verbalization of its specified ways of implementation as state legal reforms and evolutions tools.

Key words: social contract, contractualism evolution, contract roles, theory of state, theory of law, contemporary state, legal system.

Теории общественного договора принадлежит значительное место в науке, истории и практике государственной и правовой мысли. На сегодняшний день ученые выделяют не менее 10 договорных концепций, имеющих безусловный научный авторитет. Для наиболее эффективного сравнительного анализа различных теорий и методологий исследования роли общественного договора, а также их научного или прикладного применения в современных реалиях, в качестве первого шага видится крайне важным сформулировать ответ на вопрос о значении концепции общественного договора как теории современного государства и права в целом. И так как существует множество социальных, правовых и экономических срезов для рассмотрения поставленного вопроса, целесообразно ограничиться рядом наиболее приоритетных аспектов.

Во-первых, в XXI веке основанием для формирования большинства правовых систем, как государственных, так и международных, неизбежно сопровождающих возникновение и/или реорганизацию государственных форм (как конструктивного, так и деструктивного характера), выступали известные юридической науке классические теории происхождения государства – теологическая, патриархальная и чаще других именно теория общественного договора.

Во-вторых, система взаимоотношений на международном уровне, вопросы войны и мира, а также частные геополитические интересы государств и целых регионов до определенной степени управляются договорными принципами. Владение теорией и историей государственных взаимоотношений в системах регионов, безусловно, является основной для комплекса прогностических методов, который на сегодняшний день выступает в качестве одного из краеугольных камней геополитики. Система Евросоюза, регион Ближнего Востока, экономический блок БРИКС, военный блок НАТО, Таможенный союз и многие другие субъекты международной политики взаимодействуют с учетом или в нарушение принципов общественного договора. И, тем не менее, вне зависимости от степени соблюдения норм данной теории, ее значение и в социальном, и в экономическом, и в правовом контексте остается несомненным [1, с. 4].

В-третьих, если обратить внимание на первостепенную роль общественного договора во внутренней политике современных стран, то нужно признать многофакторность ее влияния на такие малые социальные группы, как чиновники, политические деятели, акционеры и руководство компаний с государственным участием, градообразующих предприятий. Потому что для специалиста в системе управления регионом, отраслью или социальным институтом важно владеть теоретической базой функционирования всей системы, чтобы осуществлять эффективное управление ее частью.

Однако почему именно системы общественного договора в XXI веке так широко распространены во всемирной практике совершенствования государственного строя? Чем обусловлена актуальность данной концепции?

В настоящее время в мире существует 193 государства-члена ООН, то есть международно признанных независимых государств. В соответствии с демократическим индексом на 2016 год из них 167 государств имеют в той или иной степени демократический строй [2, с. 2]. И среди многообразия теорий государства – теологической, патриархальной, позитивистской, органической, теории насилия и ряда других – именно концепция общественного договора в наибольшей степени отражает на практике государственного устройства принципы демократии.

Особую актуальность договорные теории (в частности неоконтрактивистские) получили с наступлением XXI века, когда многие государства стремятся или декларируют стремление иметь демократический строй и «войти в ряды» правовых государств. И в данной плоскости общественный договор является крайне удачным ответом на подобный запрос о государственном устройстве. Оставляя за скобками тот факт, что полное воссоздание такого договора в реальном мире не может быть реализовано, на практике встречаются довольно устойчивые частичные ее воплощения, к примеру, как демократия США [3, с. 2]. С другой стороны, правовой нигилизм вместе с игнорированием принципов общественного договора, а также государственное строительство в 2010-х гг. по некоторым другим теориям, в частности теологической теории в регионе Ближнего востока или теории насилия в ряде африканских стран крайне негативно отзывается и на благосостоянии граждан, и на стабильности целых регионов – что в качестве антитезы демонстрирует актуальность и релевантность идей общественного договора. Именно поэтому видится крайне важным определить, какие роли играет такая многоплановая концепция, чтобы в дальнейшем мог совершенствоваться аппарат оценки ее влияния на развитие будущей государственности Российской Федерации, странах СНГ и мира в целом.

В современной юридической науке можно выделить множество подходов и трактовок договорной концепции, основная часть которых возникла в периоды государственной и правовой мысли, принадлежащие новой и древней истории. Их можно условно поделить на три главных этапа становления данной концепции. Это античный период, период зарождения идеи. Это Новое время, когда сформировалась классическая мысль. И это 60-е гг. XX века, то есть время последней эволюции договорной мысли. Отметим, что эти теории и методологии отражают тот исторический и философский контекст, в котором возникли и оформились –

однако их значение и влияние на современные страны и эволюцию систем государственного строя в XXI веке очевидно. Предлагается рассмотреть указанные периоды «крупным планом», а затем выявить определенные мыслителями роли общественного договора.

Античный период знаменуется мыслями таких философов как Платон, Антифонт, Эпикур, Ликофрон и Протагор. Исходя из положений их трудов, представляется возможным выделить такие идеи как идея свободы выбора гражданства, идея разделение жизни государства на публичную и государственную, что вторит современным идеям контрактивизма в демократических странах. Так, например, образцом выступает принцип разделения власти в государстве на три ветви: законодательную, исполнительную и судебную [4, с. 92]. Вопреки тому, что с периода формирования идей договорной концепции в Античный период прошли тысячи лет, именно эти идеи создают для нас фундамент для современной реализации идей контрактивизма.

На следующем этапе плеяда философов Нового времени далее развили и оформили концепцию договорной концепции возникновения государства, а именно Томас Гоббс, Джон Локк и Жан-Жак Руссо. С одной стороны, в их работах явно прослеживается преемственность в теориях и методологиях договора; с другой стороны, видны различия в степени либерализма и предпочитаемых формах государственного правления [5, с. 16]. Следующий виток идей общественного договора принадлежит великому немецкому философу Иммануилу Канту.

После воплощения на практике государственности ряда принципов общественного договора в ходе Великой французской буржуазной революции и последовавшей за ней цепочке революционных движений, наступил период реакции. И более чем на 150 лет идеи общественного договора отошли на периферию философии и теории государства и права.

Важным этапом на пути развития концепции общественного договора стали 60-е гг. XX века, когда идеи данной концепции начали активно разрабатываться неоконтрактивистами, американскими учеными Джоном Ролзом, Джеймсом Макгиллом, Джеймсом Бьюкененом и Гордоном Таллоком. Разрабатываются новые идеи в развитии экономической и социальной мысли, вследствие чего формируется теория справедливости и концепция политического либерализма. Важно отметить влияние экономической мысли, которая дала новые силы для развития контрактивизма в этот период. Так, например, Бьюкенен в 1986 году был удостоен Нобелевской премии по экономике.

Итак, обобщим роли общественного договора в теории современного государства, сгруппируем их в смысловые блоки по объектам исполняемых договором ролей.

О государственности. Здесь мы начинаем с наиболее глобального значения общественного договора – источника государственности. Он также играет роль источника суверенитета, источника законодательной инициативы народа, источника социального и политического равенства [6, с. 30].

О сознании гражданина. Наиболее высокий уровень абстракции идеи договора, проработанный Иммануилом Кантом, а именно: утверждение легитимности государства в сознании гражданина; примат морального закона в сознании гражданина; и наконец, метафора договора с государством в сознании гражданина [7, с. 174].

Об общественной пользе. Здесь заметны две роли: фундамент для разработки общественно-полезных НПА и обоюдовыгодная система защиты прав гражданина и государства. Можно отметить, что всегда речь идет о пользе общества, поэтому можно отнести систему взглядов общественного договора в целом к подходу «государство для человека» [8, с. 61].

О правах граждан. Прежде всего, общественный договор может выступать по Локку системой перераспределения естественных прав [9, с. 24]. Далее, в зависимости от трактовки, речь в договоре идет о более частых правах: праве на свободу выбора государства, праве на свободу гражданства индивидом; право на защиту независимой судебной системой базовых прав человека (жизнь, свобода, собственность).

Принципы государства и общества. В этой группе могут быть указаны: принцип равной свободы, принцип равной доступности материальных благ [10, с. 189], принцип равной доступности социальных возможностей, принцип социального неравенства индивидов [11, с. 52]. Важно отметить, что данный блок ближе всех стоит к XXI веку и является отражением неоконтрактивистской мысли.

Гарант государства. Данные идеи общественного договора можно видеть в Конституциях демократических государств и важнейших НПА, где государство выступает как: гарант целостности и суверенности государства, гарант внутренней общественной безопасности, гарант внешнего мира с другими государствами, гарант социальной справедливости через объединение людей в группы, гарант защиты жизни и безопасности граждан, гарант защиты собственности граждан, гарант базовых прав и свобод граждан посредством публичных законов, и наконец, гарант народного права на расторжение/заключение договора. Что характерно, мы видим применение принципов общественного договора в самых разных сферах жизни общества – и социальной, и правовой, и военной, и политической, и экономической. То есть широкая концепция позволяет ей (гипотетически) выступать единственной платформой для целого государственного строя.

Монополии государства. Здесь можно рассматривать роль договора тройко, так как он присваивает государству в обмен на ряд гарантий, указанных выше, монополии на применение силы для поддержания внутреннего порядка, оборону от внешних врагов и законодательную деятельность. Таким образом, все силовые и законодательные системы граждане передают по договору государству.

Конечно, 26 вышеуказанных ролей общественного договора имеют место в практике государственного строя в самых разнообразных комбинациях. Множество факторов влияют на их сочетания: возраст государственности, исторический контекст, географический детерминизм, уровень научно-технического прогресса, национальные особенности, степень экономического развития и многое другое. Но, так или иначе, подобное число вариаций свидетельствует о непреходящей актуальности и множественности практических применений общественного договора как инструментальной теории современных государственных и правовых систем.

Библиографические ссылки

1. Горохов П.А., Вялых В.В. Современные модификации идеи общественного договора // Теория и практика общественного развития. 2013. №11.
2. The Economist Intelligence Unit [Электронный ресурс]. URL: <http://www.eiu.com/public/topicalreport.aspx?campaignid=DemocracyIndex2016>.
3. Мельник В.В. Владимир Владимирович Демократия vs “le contrat social” // Вестник Тюменского государственного университета. Социально-экономические и правовые исследования. 2012. № 8.
4. Материалисты Древней Греции / под ред. М.А. Дынника. М. : Госполитиздат, 1955.
5. Пискунов В.В. Концепт общественного договора: классические и современные формы : автореф. дис. ...канд. филос. наук. РГГУ, Москва, 2005.
6. Руссо Ж.-Ж. Об общественном договоре, или принципы политического права / пер. с франц. Л. Неманова. М. : Соцэкгиз, 1938.
7. Кант И. Метафизика нравов. Сочинения в 6 т. Т. 4. Ч. 2. Философ. наследие. М. : Мысль, 1965.
8. Гоббс Т. Левиафан, или материя, форма и власть государства церковного и гражданского. Сочинения в 2 т. М., 1991.
9. Локк Дж. Два трактата о правлении. Сочинения в 3 т. Т. 3. М. : Мысль, 1988.
10. Ролз Дж. Справедливость как честность // Логос. 2006. Т. 52. №. 1.
11. Бьюкенен Дж., Таллок Г. Расчет согласия: логические основания конституционной демократии // Фонд экономической инициативы. М. : Таурус Альфа, 1997.

References

1. Gorokhov P.A., Vyalykh V.V. Sovremennye modifikatsii idei obshchestvennogo dogovora (Modern modifications of the idea of the social contract), *Teoriya i praktika obshchestvennogo razvitiya*. 2013. No. 11.
2. The Economist Intelligence Unit [Elektronnyi resurs] (Electronic resource). URL: http://www.eiu.com/public/topical_report.aspx?campaignid=DemocracyIndex2016,8
3. Mel'nik V.V. Vladimir Vladimirovich Demokratiya vs "le contrat social" (Vladimir Vladimirovich Democracy vs "le contrat social"), *Vestnik Tyumenskogo gosudarstvennogo universiteta. Sotsial'no-ekonomicheskie i pravovye issledovaniya*. 2012. No. 8.
4. Materialisty Drevnei Gretsii (Materialists of Ancient Greece), pod red. M.A. Dynnika. M. Gospolitizdat, 1955.
5. Piskunov V.V. Kontsept obshchestvennogo dogovora: klassicheskie i sovremennye formy (Concept of the social contract: classical and modern forms), avtoref. dis. ... kand. filos. nauk. RGGU, Moskva, 2005.
6. Russo Zh.-Zh. Ob obshchestvennom dogovore, ili printsipy politicheskogo prava (On the social contract, or the principles of political law), per. s frants. L. Nemanova. M. Sotsekgiz, 1938.
7. Kant I. Metafizika нравов. Sochineniya v 6 t. T. 4. Ch. 2. Filosof. Nasledie (Metaphysics of morals. Works in 6 volumes. V. 4. Part 2. Philosophy heritage). M. Mysl', 1965.
8. Gobbs T. Leviatan, ili materiya, forma i vlast' gosudarstva tserkovnogo i grazhdanskogo (Leviathan, or materiality, the form and authority of the church state and civil state). Sochineniya v 2 t. M., 1991.
9. Lokk Dzh. Dva traktata o pravlenii (Two treatises on the government). Sochineniya v 3 t. T. 3. M. Mysl', 1988.
10. Rolz Dzh. Spravedlivost' kak chestnost' (Justice as honesty), *Logos*. 2006. T. 52. No. 1.
11. B'yukenen Dzh., Tallok G. Raschet soglasiya: logicheskie osnovaniya konstitutsionnoi demokratii (Calculation of consent: logical foundations of constitutional democracy), *Fond ekonomicheskoi initsiativy*. M. Taurus Al'fa, 1997.

Дата поступления: 23.01.2017

Received: 23.01.2017

КОНСТИТУЦИОННОЕ И МУНИЦИПАЛЬНОЕ ПРАВО. КОНСТИТУЦИОННЫЙ СУДЕБНЫЙ ПРОЦЕСС. АДМИНИСТРАТИВНОЕ ПРАВО И АДМИНИСТРАТИВНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ. ИНФОРМАЦИОННОЕ ПРАВО

УДК 340.14

**О ПРАВОВОЙ ДОКТРИНЕ
В ИСПОЛНИТЕЛЬНОЙ ВЕТВИ ВЛАСТИ**

ГИЛЬМУЛЛИН Айнур Разифович

*ведущий юрисконсульт юридического отдела
Правового управления «Казанский (Приволжский)
федеральный университет, г. Казань, Россия.
E-mail: Gilmullin_ainur@mail.ru*

**ON LEGAL DOCTRINE IN THE EXECUTIVE
BRANCH OF GOVERNMENT**

GILMULLIN Ainur Razifovich

*Leading legal counsel of the Law Division of the
Legal Department at Kazan (Volga Region) Feder-
al University, Kazan, Russia.
E-mail: Gilmullin_ainur@mail.ru*

Правовая доктрина является универсальным элементом идеолого-теоретического воздействия в сфере права, а также в области осуществления деятельности всего механизма российского государства, в том числе и на наиболее значимые её структурные элементы – ветви власти. Рассматривая влияние правовой доктрины в рамках исполнительной ветви власти, можно указать на её ключевую роль в разработке и таких правовых

Legal doctrine makes a universal component of ideological and theoretical impact in the area of law, as well as in the area of implementation of activities of the whole mechanism of the Russian state, including its most significant structural elements – branches of government. Considering the impact of legal doctrine in the context of the executive branch of government, we can point out its key role in developing, among others, such legal princi-

принципов, как: ответственность, эффективность, системность, результативность, прогностичность. Эти принципы, в свою очередь, служат ориентиром, как для правотворческой, так и для правореализационной деятельности. При осуществлении исполнительной власти правовая доктрина помогает определить баланс между различными административно-правовыми институтами и границы разумного правоприменения, между централизацией и децентрализацией власти, а также способствует надлежащему толкованию права. Правовая доктрина разрабатывает положения, которые способствуют обоснованию действующей формулы исполнительной власти. Можно не сомневаться, что при отсутствии такого научно-обоснованного, регулятивно-прикладного элемента правовой системы государства как – правовая доктрина, органы исполнительной власти в том виде, в котором они существуют сейчас в нашем государстве, существовали бы в принципе.

Ключевые слова: правовая доктрина, исполнительная власть, закон, системность, ответственность, элемент, государство, субъект.

ples as responsibility, efficiency, consistency, productivity, predictiveness. These principles, in their turn, serve as landmarks both for lawmaking and enforcement activities. When implementing executive powers, legal doctrine helps to define the balance between different administrative and legal institutions, as well as boundaries of reasonable law enforcement, between centralization and decentralization of power, and also contributes toward applicable interpretation of law. Legal doctrine works out provisions, which assist in grounding the incumbent mode of the executive branch of government. There can be no doubt that without such scientifically grounded, regulative and applied component of the legal framework of the state as legal doctrine, executive branch authorities would not have been there in the shape they now exist in our state.

Key words: legal doctrine, executive authority, law, consistency, responsibility, component, state, subject.

Как следует из содержания Конституции Российской Федерации, Правительство Российской Федерации олицетворяет собой высший коллегиальный орган исполнительной власти, который реализует ряд основных государственных функций и неизбежно испытывают влияние правовой политики, а её деятельность отражает в определенной степени процесс восприятия принятых законов в рамках общественного сознания. При этом надлежаще сформулированные положения правовой доктрины способствуют в деятельности органов исполнительной власти качественному толкованию и исполнению законов, выступая вспомогательным элементом практического применения.

Необходимо отметить, что в большей части субъектов Российской Федерации существует собственная система органов исполнительной власти, руководит которой высший исполнительный орган субъекта Российской Федерации [1, с. 34–38]. Независимо от названия данного высшего исполнительного органа субъекта Российской Федерации (президент в Республике Татарстан, глава, губернатор в областях и прочие), он, как правило, выполняет определённые функции, заключающиеся в координации и руководстве другими органами исполнительной власти субъекта.

Исполнительная власть строится на принципах административного права, характеризуется иерархичностью, системностью. Поэтому необходимо отразить данный аспект на примере взаимосвязи правовой доктрины и исполнительной ветви власти посредством административных категорий.

Административная реформа в России в своей основе была направлена на конструктивные и фундаментальные изменения исполнительной власти для придания ей большей эффективности и четкой системности. В этой связи будет правильным изложить связанные с доктринальным воззрением проблемы административно-правового характера.

Правовая доктрина помогает формировать юридические механизмы, в том числе и административно-правовые, которые могут быть использованы в рамках создания отдельного ее

направления – административной доктрины, обеспечивающей не только административную, но и конституционную реформы, направленные на улучшение всей исполнительной системы.

Правовая доктрина способствует совершенствованию системы законодательства в сфере административно-исполнительной власти через доктринальное изучение и обоснование ее содержания и функционирования.

В рамках правовой доктрины могут быть выражены основные принципы деятельности исполнительных органов, а также, отражая в своём содержании аспекты координации (соотносимости), основополагающие начала деятельности всего механизма государства и его части. В содержание правовой доктрины можно включить положения, которые способствовали бы нахождению пределов и ограничений для деятельности государственного аппарата. Кстати заметим, что в административном праве возможна личная интерпретационная деятельность должностного лица в пределах дискреционных полномочий, по усмотрению.

Правовая доктрина определяет цель совершенствования исполнительной системы через проработку категории «юридическая ответственность должностных лиц». Повысить уровень этой самой ответственности предлагается через свойство транспарентности деятельности государственных органов.

Правовая доктрина дополнительно позволяет исследовать и изучать соотношение частного и публичного интересов в праве, поскольку концепция приоритета прав и свобод человека и гражданина, как отмечается, «не получила приемлемого решения в административно-правовых институтах» [2, с. 220]. Поиск подобных принципов по соотношению и нахождению баланса в интересах есть первооснова для развития всей системы исполнительной власти и для правильного расставления акцентов в правовом регулировании общественных отношений.

Возможности правовой доктрины отражаются в поиске таких приоритетов осуществления полномочий исполнительной властью, как разграничение компетенции органов исполнительной власти в рамках децентрализации и централизации, поскольку и в настоящее время существуют серьезные проблемы в рамках данного явления. Власть делится по вертикали не всегда прямолинейно и очевидно.

Оптимизировав классификационные подходы к системе государственных органов и распределив их по категориям не только в доктринальном, но и в законодательном ключе, правовая доктрина сталкивается ещё с одной задачей, а именно, с необходимостью обоснования для властных институтов области применения регламентов по оказанию публичных услуг, которые в некоторых субъектах России находятся ещё не на должном уровне. Инструктивное мышление и формализм порой может быть преодолен только на уровне внедрения правильного понимания деятельности через научно обоснованную связь действий органов власти с их целями и социальным предназначением. В ином случае неизбежен бюрократизм и волокита.

Наконец, основная задача, которая стоит перед правовой доктриной в рамках исполнительной власти, заключается в том, чтобы повысить степень взаимосвязи и взаимодействия личности, институтов гражданского общества и органов исполнительной власти. Это не антагонистические, а взаимодействующие и взаимозависимые элементы. Нет оснований их противопоставлять, поскольку они одинаково нуждаются друг в друге. Личность не способна самостоятельно достичь целей, требующих властного сопровождения. Существование властных органов без общества не имеет смысла.

Правовая доктрина «перекидывает мосты» между общенаучными понятиями и правовой деятельностью органов исполнительной власти.

Такие категории, как *системность* и *эффективность* (выделено мной – Г.А.), в современной правовой жизни России стали довольно актуальными в силу их самой природы. Реформирование государственной системы требует перестройки правовой системы, а сделать

это с минимальными издержками невозможно без соподчинённости, слаженности и достаточной продуктивности вкладываемых ресурсов. В некоторых аспектах эффективность выходит на первый план, отодвигая требования системности. Это происходит потому, что, переходя на рельсы рыночной экономики, государство стало отдавать отчёт в большей мере фактору ограниченных ресурсов, получению результатов за минимальное количество времени, необходимости конкурентной борьбы и прочее.

Компетентность исполнительной власти, как представляется, это одна из основополагающих категорий данной ветви. Как отмечает М.П. Петров, «неопределённость компетенции становится причиной безответственности. Чем абстрактнее и многочисленнее положения закона, тем больше можно требовать с подчинённых в административном плане. Ответственность личная понимается в негативном плане, замещает объём правовой ответственности публичной власти в целом как системы, которая к тому же действует в неопределённых правовых рамках, что есть не что иное, как безответственность» [2, с. 233]. Поэтому определённость законодательных норм в плоскости их выполнения исполнительными органами власти является необходимой. Обеспечить такие запросы исполнительных властей в силах лишь чёткая, формально определённая и концептуально проработанная правовая доктрина. И здесь можно отметить ту роль правовой доктрины, которая выступает в осознании её взаимосвязи с реальной жизнью. Эффективность исполнения нормативных актов – залог развития данного органа и направления деятельности. Именно правовая доктрина способна конфигурировать, структурировать и предложить особые пути выполнения для исполнительной власти тех или иных правовых актов, предложить наиболее оптимальные алгоритмы их осуществления.

Правовая доктрина способна также концептуально разграничить компетенцию властей, в некотором роде индивидуализировав её путём закрепления основных догм и положений в своём содержании и тем самым способствуя облегчению разрешения поставленных перед исполнительной властью конкретных задач. Правовая доктрина в рамках исполнительной власти способна также упорядочить и правовую политику в исследуемой сфере. Правовая доктрина способна определить точку баланса и в таком явлении, как централизация и децентрализация публичной власти. Именно децентрализация, которая так насущна в современном мире, может предполагать не только определённые региональные полномочия, но и увеличивает степень ответственности исполнительной власти в целом. При этом, чем конкретнее положение закона, устанавливающего полномочия, права и обязанности, тем реальнее ответственность [2, с. 233.]. И правовая доктрина также действует и в данной сфере, разрабатывая, устанавливая и/или устранив неэффективные положения и правовые конструкции [3, с. 26].

Здесь стоит заострить внимание на том, что большинство элементов исполнительной власти, которые и напрямую взаимодействуют с гражданами, это обычные служащие всевозможных администраций, управлений, комитетов, отделов, филиалов и прочих управленческих ячеек. Эти служащие непосредственно не могут видеть ни направлений движения, ни самой цели правовой доктрины не потому, что выступают какими-то недалёковидными или малограмотными, а потому, что эта проблематика находится в компетенции вышестоящих инстанций и центральных руководителей. Здесь мы имеем в виду то, что большинство поправок и изменений, как в законотворческой, так и в административной сфере происходит без участия обычных служащих. Проекты новых должностных инструкций, проекты положений о комиссиях, типовые уставы филиалов государственных учреждений и прочие выраженные в текстовом формате программные и типовые документы разрабатываются в расчёте на первоначальные концептуальные положения, которые хотелось бы видеть в унифицированной форме в том или ином государственном органе. Именно в центральных аппаратах исполнительной власти разрабатываются основные документы, которые как раз и основаны на правовой доктрине со всеми своими концептуальными положениями и нормами. И лишь затем, когда будут пройдены все процедуры и одобрены окончательные тексты нормативного матери-

ала, все они (в виде официальных писем, указов, приказов, распоряжений, разъяснений и прочей форме) спускаются в нижестоящие инстанции в работу. И здесь может произойти недопонимание, в силу того, что составители различных нормативных актов или актов правоприменения могут быть прекрасно осведомлены о правовой доктрине, а конкретные служащие низшего и среднего звена видят только документы, присланные и отписанные руководством им в работу. Но в любом случае правовая доктрина в той или иной форме выступает регулятором правоотношений между гражданами (например, через порядок регистрации или оформления установленных документов и прочее), поскольку основы правовых положений не могут разрабатываться вне правовой доктрины.

Нельзя не отметить то обстоятельство, что для нормального функционирования государственной власти необходимо наличие открытого и взаимосвязанного правового пространства, которое не может существовать в условиях юридического вакуума. Правовая доктрина, в свою очередь, помогает органам государственной власти преодолеть и правовой, и информационный дефицит (имеется в виду недостаточность и информации именно о практике применения правовых конструкций и правовых институтов за рубежом). И эта проблема также является достаточно насущной как для данного исследования, так и для государственного строительства вообще. Как отмечается в научной литературе, даже наиболее положительные правовые начала в виде основных принципов правовой действительности и государственных основ нашего общества не могут существовать в условиях юридического вакуума, который сложился около самого значимого по своему характеру ветви власти – исполнительной [2, с. 240]. В этой связи состояние исполнительной власти во многом обусловлено качеством административного законодательства, его системными свойствами, адекватностью норм, потребностями современной системы государственного управления и прочими элементами, основу которых закладывает именно правовая доктрина [2, с. 240].

Сложности в деятельности исполнительной ветви власти сводятся порой к личностным факторам, являются производными от позиций и бюрократизма управленческих элит, которые не всегда поддаются чёткому правовому воздействию, поскольку существо данных проблем формируется не в правовой плоскости, а в сферах личностно-социальной, национальной и исторической, что отражается на внешних проявлениях осуществления деятельности исполнительной ветви власти, ее образе и традициях. В исполнительных органах, в отличие от законодательных, превалирует не транспарентность, а административный порядок, которому свойственна закрытость и возможность интерпретации решений. Преодолеть определённое «своеволие чиновников» исполнительной системы могут лишь доктринально обоснованные правовые пределы и чёткое закрепление полномочий исполнительной должности.

В рамках современного доктринального воззрения необходимо отметить и такое направление, как антикоррупционная деятельность всех государственных органов власти. И элементы борьбы с коррупцией появляются не только в рамках исполнительной ветви власти. Анализируя материалы научного исследования данной проблематики, мы можем говорить о том, что с момента появления самого «чиновничье-бюрократического аппарата» в России в XVI в. и до настоящего времени основные коррупционные проявления наблюдались именно в распределительной деятельности того или иного государственного органа, а управление и распределение – это по своей природе, исполнительно-распорядительная власть [4, с. 181]. В признанной на государственном уровне доктрине могут находиться безусловные элементы борьбы с различными отрицательными проявлениями человеческой природы. Как известно, коррупция – это в большей степени психологическое явление, имеющее правовые последствия. В рамках борьбы с коррупционными правонарушениями принимаются целые комплексы федеральных, ведомственных и локальных нормативно-правовых актов, направленных именно на разъяснения, предотвращение и наказание за совершение коррупционных преступлений [5]. Постоянная работа по концептуальному продвижению идей правовой док-

трины может способствовать существенному снижению уровня различных преступных проявлений. Исполнительная власть как нельзя лучше подходит для реализации целого комплекса правового материала, предложенного законодательной властью и научным сообществом.

Подводя итог, следует отметить, правовая доктрина содействует исполнительной ветви власти при толковании законодательных норм для достижения большей их эффективности, интерпретирует практику применения того или иного правового института в определённых условиях. В случае исключения из арсенала властных средств концептуальных положений, которые выдвигает извне правовая доктрина, исполнительная власть придёт в состояние стагнации, не будет способна ощущать интеллектуальной реакции на свою деятельность, что будет обусловлено именно исключением доктринального взгляда на сложившуюся практику и направления применения тех или иных правовых норм. Поэтому можно с полной уверенностью говорить о том, что правовая доктрина, в частности, выступает безусловным элементом исполнительной власти.

Правовая доктрина теоретически моделирует исходные параметры социально-целесообразного правомерного взаимодействия всего субъективного состава (госслужащего, руководящего состава) исполнительной власти и в силу этого является теоретико-правовым инструментом формирования должного и справедливого правомерного поведения субъектов права. Она способна, во-первых, дополнять регулятивный потенциал права; во-вторых, вместе с другими идеологическими средствами через творческий ресурс правосознания человека эффективно осуществлять разноуровневое воздействие на любую практику, прежде всего, практику оптимизации исполнительной власти и повышения эффективности его функционирования.

Библиографические ссылки

1. Коковихин А.Л. Взаимодействие органов исполнительной власти Российской Федерации и органов исполнительной власти субъектов Российской Федерации // Вестник Челябинского государственного университета. 2003. Т. 9. № 2. С. 29–31.
2. Петров М.П. Системность и эффективность правовой основы исполнительной власти как условие инновационного развития Российской государственности // Системность и эффективность правовых актов в современной России : монография / под ред. А.В. Малько, Р.В. Пузикова; М-во обр. и науки РФ [и др.]. Тамбов: Издательский дом ТГУ им. Г.Р. Державина, 2011.
3. Мироненко, М. Б. Принципы юридической ответственности в системе принципов права : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2001.
4. Голованова Е.И. Правовые основы борьбы с коррупцией в России в XVI - XIX вв. (Историко-правовое исследование) : дис. ... канд. юрид. наук. Москва, 2002.
5. Указ Президента Российской Федерации от 1 апреля 2016 г. № 147 «О Национальном плане противодействия коррупции на 2016–2017 годы» // Российская газета. 2016. 13 апр.

References

1. Kokovikhin A.L. Vzaimodejstvie organov ispolnitel'noj vlasti Rossijskoj Federatsii i organov ispolnitel'noj vlasti sub"ektov Rossijskoj federatsii (The interaction of Executive authorities of the Russian Federation and Executive authorities of the constituent entities of the Russian Federation), *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2003, T. 9, No 2, pp. 29–31.
2. Petrov M.P. Sistemnost i effektivnost pravovoy osnovy ispolnitel'noy vlasti kak usloviye innovatsionnogo razvitiya Rossiyskoj gosudarstvennosti, *Sistemnost i effektivnost pravovykh aktov v sovremennoy Rossii: monografiya* (Consistency and efficiency of the legal basis of executive authority as a condition of innovative development of the Russian statehood // Consistency and efficiency of legal acts in modern Russia: a monograph), pod red. A.V. Malko, R.V. Puzikova; M-vo obr. i nauki RF [i dr.]. Tambov: Izdatelskiy dom TGU im. G.R. Derzhavina, 2011.
3. Mironenko, M.B. Principy yuridicheskoy otvetstvennosti v sisteme principov prava (Principles of legal responsibility in the system of law principles), avtoref., dis... kand. jurid. nauk, Saratov, 2001.

4. Golovanova E.I. Pravovye osnovy bor'by s korrupciej v Rossii v XVI - XIX vv. (Istoriko-pravovoe issledovanie) (The legal framework of the fight against corruption in Russia in the XVI - XIX centuries), dis. ... kand. jurid. nauk, Moskva, 2002, 187 c.; Dul'nev M.V. Korrupciya i bor'ba s nej v Sovetskom gosudarstve v 1917–1991 gg.: istoriko-pravovoe issledovanie, dis. ... kand. jurid. nauk. Moskva, 2008.

5. Ukaz Prezidenta Rossiyskoy Federatsii ot 1 aprelya 2016 g. No 147 «O Natsionalnom plane protivodeystviya korrupsii na 2016–2017 gody» (Presidential Decree of April 1, 2016 № 147 "On the National Anti-Corruption Plan for 2016-2017"), *Rossiyskaya gazeta*, 2016, 13 apr.

Дата поступления: 12.01.2017

Received: 12.01.2017

**ГРАЖДАНСКОЕ И СЕМЕЙНОЕ ПРАВО.
ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКОЕ И МЕЖДУНАРОДНОЕ ЧАСТНОЕ ПРАВО.
ГРАЖДАНСКИЙ И АРБИТРАЖНЫЙ ПРОЦЕСС**

УДК 340

**ОСОБЕННОСТИ РЕАЛИЗАЦИИ ГАРАНТИЙ
НА СВОБОДУ ЛИТЕРАТУРНОГО,
ХУДОЖЕСТВЕННОГО, НАУЧНОГО,
ТЕХНИЧЕСКОГО И ДРУГИХ ВИДОВ
ТВОРЧЕСТВА**

ВИЛАЧЕВА Мария Николаевна

*аспирант Уральского института управления
РАНХиГС, г. Екатеринбург, Россия.*

E-mail: vilacheva.m@yandex.ru

**FEATURES OF IMPLEMENTING THE
GUARANTEES TO FREEDOM OF
LITERARY, ARTISTIC, SCIENTIFIC,
TECHNICAL AND OTHER KINDS OF
CREATIVITY**

VILACHEVA Maria Nikolaevna

Postgraduate Student of the Urals Institute of Administration of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Yekaterinburg, Russia. E-mail: vilacheva.m@yandex.ru

САВОСЬКИН Александр Владимирович

*Кандидат юридических наук, доцент, советник
заместителя председателя Уставного Суда
Свердловской области, г. Екатеринбург, Россия.*

E-mail: savoskinav@yandex.ru

SAVOSKIN Alexander Vladimirovich

*Candidate of Sciences (Law), Associate Professor,
Advisor to the Deputy Chairman of the Charter Court
of the Sverdlovsk region, Yekaterinburg, Russia.*

E-mail: savoskinav@yandex.ru

Конституция Российской Федерации признает приоритет прав и свобод человека и гражданина над всеми другими ценностями общества и государства. В ст. 2 Конституции РФ закреплено, что признание, соблюдение и защита прав и свобод человека и гражданина является обязанностью государства. Авторы придают большое значение свободе литературного, художественного, научного, технического и других видов творчества в системе прав и свобод человека и гражданина. Данная свобода получило свое отражение и в международно-правовых актах, таких как Всеобщая Декларация прав человека 1948 г. и Международный Пакт об экономических, социальных и культурных правах 1966 г. Реализация свободы творчества в первую оче-

The Constitution of the Russian Federation recognizes the priority of the rights and freedoms of man and citizen over all other values of the society and state. Article 2 of the Constitution of the Russian Federation establishes, that the recognition, observance and protection of human and civil rights and freedoms are the responsibility of the state. The authors give great importance to freedom of literary, artistic, scientific, technical and other kinds of creativity in the system of human and civil rights and freedoms. This freedom is reflected also in international legal acts such as the Universal Declaration of Human Rights 1948 and the International Covenant on Economic, Social and Cultural Rights, 1966. The implementation of freedom of creativity is primarily based on the guarantees embodied in the Constitu-

редь основывается на гарантиях, закрепленных Конституцией РФ. Таким образом, свобода творчества предполагает недопустимость идеологического однообразия, контроля и цензуры со стороны государства. Авторы называют свободу творчества как гарантируемую конституционными нормами возможность человека создавать литературные, художественные, научные и другие произведения.

Ключевые слова: права и свободы человека и гражданина, правовой статус личности, свобода творчества, творческая деятельность, конституционные гарантии, охрана творчества.

tion of the Russian Federation. Thus, freedom of creativity implies the inadmissibility of ideological uniformity, control and censorship by the state. The authors describe artistic freedom as man's ability guaranteed by constitutional norms to create literary, artistic, scientific and other works.

Key words: human and civil rights and freedoms, legal status of an individual, freedom of creativity, creative activity, constitutional guarantees, protection of creativity.

Конституция Российской Федерации провозглашает, что человек, его права и свободы являются высшей ценностью, а признание, соблюдение и защита прав и свобод – обязанностью государства. Признание права на личные интересы граждан, их уважение и охрана являются приоритетным направлением развития нормотворчества во всех сферах общественных отношений. Не является исключением правовая регламентация творческой деятельности. Именно свобода творчества представляет собой неотъемлемую часть духовной деятельности человека и общества, демократические традиции правового государства.

Ст. 44 Конституции РФ в ч. 1 закрепляет положение о том, что каждому гарантируется свобода литературного, художественного, научного, технического и других видов творчества, преподавания. Интеллектуальная собственность охраняется законом [3]. Свобода творчества юридически гарантируется всем, кто занимается творческим трудом. Творческая деятельность является одним из способов самовыражения личности, проявлением естественных прав человека. Право на занятие творческой деятельностью не ограничивается временем и возрастом, гражданством, дееспособностью, не зависит от конечной цели такой деятельности. Из этого следует, что государство одновременно должно обеспечивать правовую защиту свободы творчества и не вмешиваться в творческую деятельность граждан и их объединений, государственных и негосударственных организаций культуры.

В соответствии со ст. 10 Основ законодательства Российской Федерации о культуре каждый человек имеет право на все виды творческой деятельности в соответствии со своими интересами и способностями [4]. Право на охрану результатов творческой деятельности, как и другие права и свободы человека и гражданина, признается и гарантируется общепризнанными принципами и нормами международного права, исходя из положений ч. 1 ст. 17 Конституции РФ. Так, в ч. 2 ст. 27 Всеобщей декларации прав человека 1948 г. закреплено, что каждый человек имеет право на защиту его моральных и материальных интересов, являющихся результатом научных, литературных или художественных трудов, автором которых он является [1]. Кроме того, ст. 15 Международного пакта от 16.12.1966 г. «Об экономических, социальных и культурных правах» более детально регламентирует права, связанные с реализацией творческой деятельности [2]. Поскольку Российская Федерация является участницей рассматриваемых международных документов, следовательно, государство обязуется принимать соответствующие нормативные правовые акты, направленные на охрану прав на результаты творческой деятельности.

Однако недостаточно провозгласить общечеловеческие ценности и права, необходимо создать условия для их воплощения. Для эффективного обеспечения названных международных принципов на реализацию свободы творческой деятельности в первую очередь направлены положения Конституции РФ.

В соответствии со ст. 18 Конституции РФ права и свободы человека и гражданина, закрепленные в Конституции РФ, в том числе и права, связанные с осуществлением творческой деятельности, являются непосредственно действующими. Они определяют смысл, содержание и применение законов, деятельность законодательной и исполнительной власти, местного самоуправления и обеспечиваются правосудием. Ст. 29 Конституции РФ гарантирует свободу мысли и слова, запрещает цензуру. Важной предпосылкой для реализации свободы творчества является право свободно искать, получать, передавать, производить и распространять информацию любым законным способом. Возможность свободного выражения своих мыслей является неотъемлемой гарантией для осуществления свободного творчества. Поскольку свобода мысли и слова, прежде всего, выражается в форме художественного произведения, а значит, неразрывно связана с правом на занятие творческой деятельностью. Запрет на цензуру непосредственно связан со свободой массовой информации. Так же запрет цензуры распространяется на выражение своего мнения и убеждений, в том числе в форме литературных, художественных и иных творческих произведений. Тем самым все возможности для реализации творческой деятельности открыты. В то же время не должно быть злоупотребления этой свободой. Ч. 3 ст. 55 Конституции РФ предусмотрено законодательное ограничение прав и свободы человека и гражданина в целях защиты основ конституционного строя, нравственности, здоровья, прав и законных интересов других лиц, обеспечения обороны страны и безопасности государства [3]. Таким образом, безнравственное, разрушительное творчество должно быть запрещено. Ограничение связано с соблюдением прав других лиц, основ правопорядка и нравственности. Эти ограничения могут быть установлены только на основании соответствующего федерального закона.

Согласно ст. 64 Конституции РФ свобода творчества наряду с другими правами и свободами составляет основу правового статуса личности в Российской Федерации. Соблюдение прав и свобод формирует творческую личность и создает благоприятные условия для реализации творческой деятельности. Конституция РФ не просто дает свободу творческому проявлению личности, но и охраняет права на его результаты, устанавливая, что интеллектуальная собственность охраняется законом. Ч. 4 Гражданского кодекса Российской Федерации подробно регулирует вопросы, связанные с реализацией и защитой прав на результаты интеллектуальной деятельности и средства индивидуализации [7]. Конституционные принципы и гарантии охраны свободы творчества интеллектуальной собственности реализуются на отраслевом уровне в нормах гражданского, трудового, административного, уголовного законодательства. Указанная система законодательных актов призвана обеспечить гарантированную Конституцией РФ охрану интеллектуальной собственности и свободы творчества [6, с. 3].

Гарантии свободы научного и технического творчества нашли свое отражение в нормах Федерального закона от 23.08.1996 г. № 127-ФЗ «О науке и государственной научно-технической политике» [5]. В соответствии с его положениями органы государственной власти обеспечивают свободу доступа к научной и научно-технической информации, за исключением случаев, предусмотренных законодательством Российской Федерации в отношении государственной, служебной или коммерческой тайны. Указанные права являются предпосылкой для реализации творческой деятельности, поскольку без закрепления возможности доступа к уже существующим результатам творческой деятельности невозможно создание новых результатов.

Кроме того, Конституцией РФ предусматривается возможность государственного воздействия на свободу творческого процесса, поскольку Правительство Российской Федерации обеспечивает проведение единой государственной политики в области культуры, науки, образования. Правительство разрабатывает и осуществляет меры государственной поддержки развития определенных направлений культуры и науки, обеспечивает их финансирование, создает благоприятный налоговый режим и т.д. Названные меры оказывают существенное воздействие на развитие свободы творчества. Огромное влияние на творческую деятельность государственная политика оказывает в области научно-исследовательской и научно-

технической деятельности, поскольку современные научные исследования во многих областях знаний требуют максимальных материальных затрат, их осуществление невозможно без государственной поддержки.

Таким образом, в Конституции РФ заложены правовые основы и гарантии свободы творчества, которые включают в себя свободу литературного, художественного, научного, технического и других видов творчества. Вместе с тем обязанностью государства является создание условий для доступа к культурным ценностям и научным достижениям всем членам общества внутри государства, а также создание условий для международного сотрудничества в данной сфере. Реализация гарантий, закрепленных в Конституции РФ для свободного занятия творчеством, и соблюдение баланса интересов общества и граждан в частности обеспечивается конституционно-правовыми и отраслевыми принципами в соответствии с общепризнанными принципами и нормами международного права, что создает условия развития духовной жизни общества, научно-технического прогресса и становления демократического общества.

Библиографические ссылки

1. Всеобщая декларация прав человека (принята Генеральной Ассамблеей ООН 10.12.1948). URL: <http://www.consultant.ru/> (дата обращения: 04.11.2016).
2. Международный пакт от 16.12.1966 «Об экономических, социальных и культурных правах». URL: <http://www.consultant.ru/> (дата обращения: 04.11.2016).
3. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993) (с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30.12.2008 N 6-ФКЗ, от 30.12.2008 N 7-ФКЗ, от 05.02.2014 N 2-ФКЗ, от 21.07.2014 N 11-ФКЗ). URL: <http://www.consultant.ru/> (дата обращения: 04.11.2016).
4. Основы законодательства Российской Федерации о культуре (утв. ВС РФ 09.10.1992 N 3612-1) (ред. от 28.11.2015) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.01.2016). URL: <http://www.consultant.ru/> (дата обращения: 04.11.2016).
5. Федеральный закон от 23.08.1996 N 127-ФЗ (ред. от 23.05.2016) «О науке и государственной научно-технической политике» (с изм. и доп., вступ. в силу с 03.06.2016). URL: <http://www.consultant.ru/> (дата обращения: 04.11.2016).
6. Авдеева В.П. Проблемы конституционно-правового обеспечения свободы творчества и охраны интеллектуальной собственности в Российской Федерации : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Тюмень, 2009.
7. Бархатова Е.Ю. Комментарий к Конституции Российской Федерации. М. : Проспект, 2010. URL: <http://constitution.garant.ru/science-work/comment/5817497/> (дата обращения: 05.11.2016).

References

1. The Universal Declaration of human rights (adopted by the UN General Assembly 10.12.1948). URL: <http://www.consultant.ru/> (accessed date: 04.11.2016).
2. The International Covenant from 16.12.1966 "On economic, social and cultural rights". URL: <http://www.consultant.ru/> (accessed date: 04.11.2016).
3. The Constitution of the Russian Federation (adopted by popular vote 12.12.1993) (as amended, amended Laws of the Russian Federation on amendments to the Constitution of the Russian Federation from 30.12.2008 No. 6-FKZ, from 30.12.2008 No. 7-FCL from 05.02.2014 No. 2-FKZ, from 21.07.2014 No. 11-FCL). URL: <http://www.consultant.ru/> (accessed date: 04.11.2016).
4. Bases of the legislation of the Russian Federation on culture (app. The armed forces 09.10.1992 No. 3612-1) (ed. by 28.11.2015) (Rev. and EXT., joined. in force from 01.01.2016). URL: <http://www.consultant.ru/> (accessed date: 04.11.2016).
5. Federal law of 23.08.1996 No. 127-FZ (ed. from 23.05.2016) "On science and state scientific and technical policy" (Rev. and EXT., joined. in force 03.06.2016). URL: <http://www.consultant.ru/> (accessed date: 04.11.2016).

6. Avdeev V.P. Problemy konstitucionno-pravovogo obespechenija svobody tvorchestva i ohrany intellektual'noj sobstvennosti v Rossijskoj Federacii (Problems of constitutional-legal support of freedom of creativity and protection of intellectual property in the Russian Federation), avtoref. dis. ... kand. Yrid.nauk. Tyumen, 2009.

7. Barkhatova E.Yu. Kommentarij k Konstitucii Rossijskoj Federacii (Commentary to the Constitution of the Russian Federation). M., Prospect, 2010. URL: <http://constitution.garant.ru/science-work/comment/5817497/> (accessed date: 05.11.2016).

Дата поступления: 20.09.2016

Received: 20.09.2016

**УГОЛОВНОЕ ПРАВО И КРИМИНОЛОГИЯ.
УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОЕ ПРАВО.
УГОЛОВНЫЙ ПРОЦЕСС**

УДК 342.4

**ДИНАМИКА КОРРУПЦИОННЫХ
ПРЕСТУПЛЕНИЙ В 2012-2015 гг.
АНАЛИЗ СТАТИСТИЧЕСКИХ СВЕДЕНИЙ
ПОДРАЗДЕЛЕНИЙ МВД РФ (ЧАСТЬ 1)**

ПУДАКОВ Евгений Рустамович

кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовного права, процесса и криминалистики, Башкирского Института Социальных технологий (филиал) АТ и СО (Москва), начальник учреждения ФКУ ИК-13 УФСИН России по Республике Башкортостан, г. Уфа, Россия.

E-mail: evg-pudakov@yandex.ru

**DYNAMICS OF CORRUPTION-RELATED
CRIMES IN 2012-2015.
ANALYSIS OF STATISTICAL
INFORMATION OF SUBDIVISIONS
OF THE MIA OF RUSSIA (PART 1)**

PUDAKOV Evgeniy Rustamovich

Candidate of Sciences (Law), Assistant Professor of the chair of Criminal Law, Procedure and Forensics of the Bashkir Institute of Social Technologies (branch) of the AL and SR (Moscow), Head of the Institution FGI CC-13 of the FPS of Russia for the Republic of Bashkortostan, Ufa, Russia.

E-mail: evg-pudakov@yandex.ru

Основу криминологической характеристики коррупционной преступности обычно составляют данные уголовной статистики – её качественных и количественных свойствах. В практической деятельности наиболее часто используются статистические отчеты о преступности; карточки на совершенное преступление, на лицо, совершившее преступление, на обвиняемого, подсудимого; результаты обобщения уголовных дел и материалов о преступлениях; данные социально-экономической, социально-демографической и другой статистики; результаты криминологических исследований, а также изучения общественного мнения о преступности; сведения об различного рода правонарушениях. Данные источники первоначальной криминологической информации служат отправной точкой для изучения коррупционной преступности и познания ее существенных характеристик.

The basis of criminological characteristics of corruption-related criminality is usually criminal statistics of its qualitative and quantitative properties. In practice, the most commonly used statistics are statistical reports on criminality; cards on the committed crime, on the crime committer, on the accused, the defendant; results of generalization of criminal cases and materials on crimes; data of socio-economic, socio-demographic and other statistics; results of criminological researches and study of public opinion on crime; information on various types of offenses. These sources of original criminological information serve as a starting point for exploring corruption-related criminality and knowledge of its essential characteristics.

Ключевые слова: коррупционные преступления, дача взятки, получение взятки, посредничество, мошенничество, присвоение, растрата, служебный подлог, размер взятки, противодействие коррупции.

Key words: corruption-related crimes, bribery, bribe-taking, mediation, fraud, embezzlement, forgery, amount of bribe, corruption counteraction.

Коррупция существует, а в отдельных случаях и «пронизывает» различные уровни властных структур и практически все сектора жизнедеятельности государства. Представленные и детально изученные данные свидетельствуют о том, что в нашей стране практически нет государственных структур, неподверженных коррупции, а уровень коррупции фактически не изменился и можно согласиться с мнением Е. Панфиловой, о том, что в России существует «коррупционная стабилизация», вследствие чего позиции страны в рейтинге сильно не меняются, то есть кардинальных изменений не происходит.

Анализ приведённых ниже результатов борьбы с коррупционными преступлениями за последние пять лет, наглядно определяет общие направления противодействия коррупционным преступлениям со стороны правоохранительных органов и здесь необходимо акцентировать внимание на следующие моменты:

1. Динамика преступлений коррупционной направленности, выявленных сотрудниками подразделений органов внутренних дел с 2012 по 2015 гг. по России выглядит следующим образом [1]:

Таблица 1

Год	2012	2013	2014	2015
Зарегистрировано	49 513	42 506	32 204	32 455
+/- в %		-14,2	-24,6	+0,77
Раскрыто	43 095	41 308	31 412	29 645
+/- в %		-4,1	-24,2	-6,6

Сравнительный анализ указывает на значительное снижение зарегистрированных и раскрытых преступлений коррупционной направленности. Так, по сравнению с 2012 г. снижение зарегистрированных преступлений в 2015 г. составляет 35%, а количество раскрытых на 31%.

2. К числу наиболее распространенными преступлениями коррупционной направленности, выявленными подразделениями экономической безопасности и противодействия коррупции МВД РФ являются [2]:

Таблица 2

состав	год			
	2012	2013	2014	2015
мошенничество ч.ч. 3 и 4 ст. 159 УК РФ	9 120	8 854	4 812	4 370
присвоение или растрата ч.ч. 3 и 4 ст. 160 УК РФ	5 940	5 881	3 722	3 248
Преступления против интересов службы в коммерческих и иных организациях (ст.ст. 201, 204 УК РФ)	2 789	2 550	2 206	2 454
Преступления против интересов государственной власти, интересов государственной службы и службы в органах местного самоуправления (ст.ст. 285-289 УК РФ)	1 450	2 354	1 562	1 293
получение взятки ст. 290 УК РФ	5 398	5 948	5 219	5 394
дача и посредничество взятки ст.ст. 291, 291.1 УК РФ	3 052	5 003	5 871	6 663
служебный подлог ст. 292 УК РФ	6 945	6 398	3 573	2 819

В 2012 году было предварительно расследовано 36 719 уголовных дел (88,1% от общего числа находившихся в производстве), а в 2015 г. этот показатель составил – 90,9%. При этом, необходимо отметить значительно возросший размер причиненного материального ущерба

от коррупционных преступлений, который в 2012 г. составлял 12 052 296 руб., а в 2014 г., уже 32 641 374 руб.

По итогам 2015 года в структуре выявленных преступлений коррупционной направленности доминируют преступления, связанные с дачей и посредничеством взятки (ст.ст. 291, 291.1 УК РФ) – 6663 факта (21%). Второе место занимает получение взятки (ст. 290 УК РФ) – 5394 преступлений (17 %). Третье место у мошенничества, совершенного с использованием служебного положения (ч.ч. 3,4 ст. 159 УК РФ) – 4370 выявленных фактов, т.е. 13 % от всех коррупционных преступлений. На четвертом месте присвоение или растрата, совершенные с использованием служебного положения (ч. 3, 4 ст. 160 УК РФ) – 10 %. Замыкают лидерство – служебный подлог (ст. 292 УК РФ) – 9 %; преступления против интересов службы в коммерческих и иных организациях (ст.ст. 201-204 УК РФ) 8 %; преступления против интересов государственной власти, интересов государственной службы и службы в органах местного самоуправления (ст.ст. 285-289 УК РФ) – 4 % (см. Рис. 1.).

Кроме того, постоянному мониторингу и аналитической оценке подвергаются количественные показатели по преступлениям, предусмотренным ст.ст. 141, 141.1, 169, 174, 174.1, 178, 179 УК РФ.

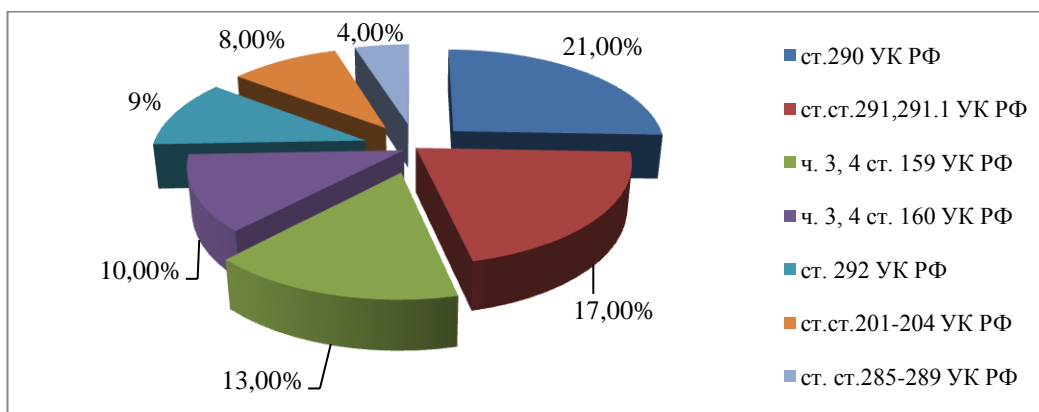

Рисунок 1 Структура преступлений коррупционной направленности в 2015 г.

3. Исследуя статистические сведения, как уже указывалось выше, можно сделать вывод о том, что за последние три года стали преобладать преступления, связанные со взяточничеством, вытеснив преступления, предусмотренные ч.ч. 3, 4 ст. 159 УК РФ. Так, в 2012 г. было зарегистрировано 9 120 фактов мошенничества, совершенного с использованием служебного положения, а по итогам 2015 г. число указанных противоправных действий более чем в два раза снизилось до 4 370 фактов. Вместе с тем, уровень взяточничества, составлявший в 2012 г. 9 561 преступление, увеличился до 13 703 фактов в 2015 г.. В их числе коммерческий подкуп (ст. 204 УК РФ) – 1 659, получение взятки (ст. 290 УК РФ) – 5 394, дача взятки (ст. 291 УК РФ) – 6 208, посредничество во взятке 455 (ст. 291.1 УК РФ).

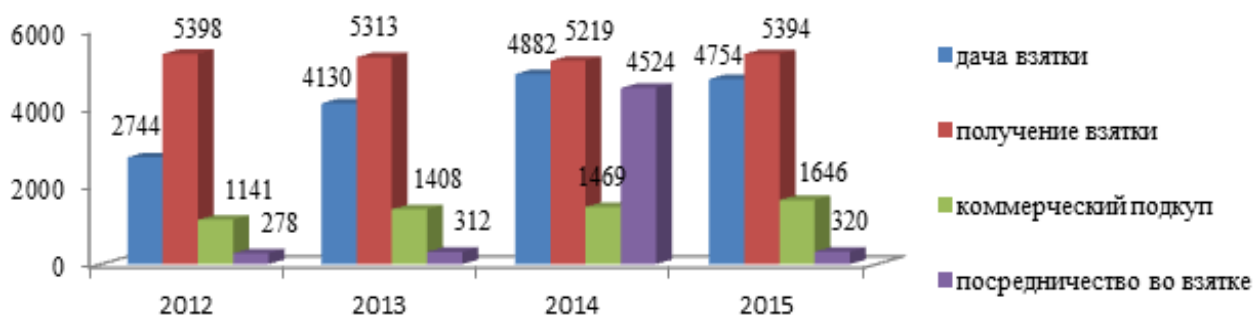

Рисунок 2 Динамика взяточничества в Российской Федерации

Таблица 3

год	Зарегистрировано фактов ст. ст. 204, 290-291.1 УК РФ по России	Динамика к предыдущему году, %	Доля в структуре всех коррупционных преступлений по России, %	Зарегистрировано фактов, выявленных органами внутренних дел ст. ст.204, 290-291.1 УК по ПФО	Темп прироста к предыдущему году, %	Доля в структуре всех коррупционных преступлений выявленных органами внутренних дел по ПФО, %
2012	9 561	-	19,3	2 102	-	20,7
2013	11 163	+16,7	26,3	2 492	+18,5	31,9
2014	11 165	+0,01	34,6	2 672	+7,2	44,4
2015	11 483	+2,8	35,4	2 628	-1,6	46,2

Данные о деяниях, предусмотренных ст.ст. 204,290-291.1 УК РФ

Представленные сведения, указывают на фактически двукратное увеличение преступлений связанных с взяточничеством, начиная с 2012 г., как в общем числе, так и доли в структуре всех коррупционных преступлений по России. При этом усилия сотрудников правоохранительных органов привели к увеличению в указанный период выявленных преступлений, связанных с дачей взятки с 2744 фактов в 2012 г. до 4754 фактов в 2015 г. Интересно заметить, что, в Приволжском Федеральном округе также наблюдается постепенное увеличение регистрации данных составов преступлений, начиная с 2012 г., где фактически каждое 4 преступление указанной направленности совершалось в этом территориальном образовании.

Таблица 4

Годы	2012	2013	2014	2015
Всего выявлено фактов преступлений коррупционной направленности	49 513	42 506	32 204	32 455
Удельный вес в общем количестве зарегистрированных преступлений, %	2,15	1,92	1,47	1,35
Темп прироста (снижения) к предыдущему году, %:	-	-16	-24,3	+0,77
Направлены в суд	13 632	10 829	10 397	10 326
Осуждены по уголовным делам коррупционной направленности	6 014	8 607	10 784	11 499
Всего по составам ст. 204, 290-291.1 УК РФ	3 585	4 934	6 472	7 517
к лишению свободы	605	837	1361	1504
к другим видам наказания	3 920	5 298	6 535	6 272
условно и с отсрочкой исполнения приговора	1 521	2 351	2 690	2 736

Анализ данных, приведенных в таблице, подтверждают значительный прирост взяточничества в общем количестве зарегистрированных преступлений в 2013 г. и за 2015 г. Кроме того, необходимо отметить и поступательное увеличение материалов уголовных дел, направленных на рассмотрение в суды. Вместе с тем, количество осужденных за коррупционные преступления позволяет сделать вывод о необоснованном применении условного осуждения, отсрочки исполнения наказания и иным видам наказаний (особенно к лицам, осужденным за получение взятки), так в 2012 г. осуждены к лишению свободы были 605 человек, а условно и с отсрочкой исполнения приговора – 1521 человек, а в 2015 г. к реальному наказанию были осуждены только 16,6% [3].

4. Размер полученной взятки по выявленным преступлениям (тыс. руб.)

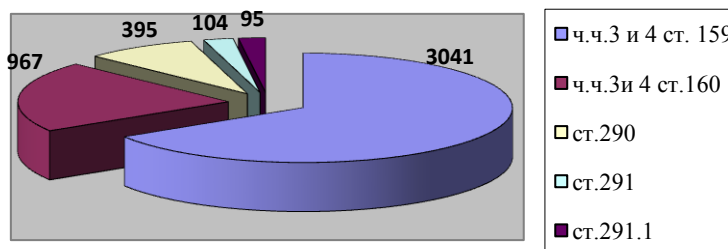

Таблица 5

		2013	2014	2015
Сумма взятки		904 954	697 236	1 305 835
в том числе	в значительном размере	26 017	30 110	31 083
	в крупном размере	132 462	129 130	188 251
	в особо крупном размере	624 737	462 574	963 363
	получение взятки ст. 290 УК РФ	803 800	566 976	969 233
	из них лицом, занимающим государственную должность ч. 4 ст. 290 УК РФ	11 640	14 322	3 771
дача взятки ст. 291 УК РФ		101 154	130 260	336 602
Сумма подкупа		728 865	229 796	331 892
Сумма незаконного вознаграждения		43 727	63 420	61 213

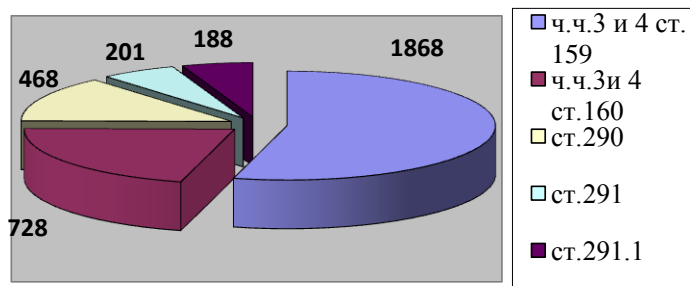
Об уровне коррупционных преступлений, совершенных в крупном или особо крупном размере, либо причинивших крупный ущерб в период в 2013–2015 гг. свидетельствуют следующие диаграммы.

Рисунок 3

2013 год

Рисунок 4

2015 год

Средний размер взятки в России на душу населения составляет за настоящий отчетный период 613 718 руб., 9 440 \$ США. Для сравнения, за прошлый отчетный период средний размер взятки составлял 218 400 руб., 5 600 \$ США, таким образом, произошел рост на 40,7 % среднего размера взятки в долларовом эквиваленте.

5. Проведённый анализ указывает на тенденцию резкого снижения числа выявленных фактов таких преступлений как присвоения или растраты (ч.ч. 3 и 4 ст. 160 УК РФ) и служебный подлог ст. 292 УК РФ. Так, в сравнении с 2012 г. уменьшение зарегистрированных фактов присвоения или растраты в 2015 г. составило на 45,3 %, служебный подлог на 59,4 %.

Исключением, из приведённых выше примеров, является несколько разнонаправленная динамика совершения преступлений против интересов государственной власти, интересов государственной службы и службы в органах местного самоуправления (ст.ст. 285-289 УК РФ): в 2012 г. зарегистрировано 1 450 преступлений, в 2013 г. произошёл рост на 38,5 % до 2 354 фактов, но к 2015 г. их количество составило 1 293 факта.

Исследования показывают, что отмечаемое снижение числа выявленных преступлений коррупционной направленности обусловлено не уменьшением уровня коррупции в стране, а недостаточно результативной работой правоохранительных органов, в условиях крайне высокой латентности коррупции.

6. Приведённая статистика подразделений экономической безопасности и коррупционных преступлений (ДЭБ и ПК МВД РФ) свидетельствует о следующих наиболее уязвимых сферах жизнедеятельности нашего общества [2].

Таблица 6

Отрасли	Коррупционные преступления, зарегистрированные в 2015 г.								
	всего	ч. ч. 3 и 4 ст. 159 УК РФ	ч. ч. 3 и 4 ст. 160 УК РФ	ст. 204 УК РФ	ст.ст. 285-289 УК, налоговые преступления	ст. 290 УК РФ	ст. 291 УК РФ	ст. 291.1 УК РФ	
Сельское хозяйство, охота	451	101	105	65	85	23	9	2	
Лесозаготовка; обработка древесины и производство изделий из дерева; целлюлозно-бумажное производство	297	71	40	10	162	39	18	14	
Производство и распределение электроэнергии, газа и воды	155	29	71	29	11	4	1	0	
Строительство	898	11	416	111	117	161	70	29	
Оптовая торговля	235	11	160	29	11	16	2	12	
Розничная торговля	447	1	65	172	64	129	10	106	
Транспорт	1579	1	193	156	267	837	181	560	
Связь	284	1	26	227	21	6	4	0	
Финансовая деятельность	1046	9	446	189	81	55	8	33	
в том числе	финансовое посредничество	884	9	419	145	22	43	6	30
	страхование	139	1	25	38	46	11	2	2
Операции с недвижимым имуществом	831	14	281	271	49	156	39	27	
Государственное управление и обеспечение военной безопасности; обязательное соц. обеспечение	8588	6	725	445	10	7176	1561	4265	
в том числе	государственное управление общего и социально-экономического характера	1 972	360	248	4	1 232	400	236	67
	деятельность по обеспечению общественного порядка и безопасности	5 012	117	29	2	4 836	705	3 652	90
	деятельность в области обязательного социального обеспечения	138	44	13	0	20	4	2	2
Образование	4 667	538	324	282	3 462	1 984	303	538	
Здравоохранение и предоставление социальных услуг	2725	256	185	133	2 058	937	283	256	
Деятельность общественных объединений	466	162	88	166	32	1	11	162	

Мотивировочные, информационные и результативные этапы деятельности государственных институтов и институтов гражданского общества по противодействию коррупции должны быть обоснованно подкреплены аналитическими и оценочными сведениями. Для

этого целесообразно использовать специфические критерии эффективности взаимодействия государства и институтов гражданского общества в сфере противодействия коррупции. К их числу могут быть отнесены обеспеченность, охрана и защита прав и свобод человека и гражданина, результативность общественного контроля, открытость и прозрачность деятельности органов власти и их должностных лиц, снижение уровня коррупции и т.д. Законодательному оформлению указанного механизма может способствовать принятие законов об общественном контроле, о парламентском контроле, о лоббировании и др. При этом за нарушения требований данных актов должна быть предусмотрена юридическая ответственность.

Библиографические ссылки

1. Статистические данные МВД России // URL : <https://mvd.ru/reports/item/1609734/> (дата обращения: 05.01.2017).
2. Статистические данные ЦСИ ФКУ «ГИАЦ МВД России» // URL: <http://10.5.0.16/csi/> (дата обращения: 10.01.2017).
3. Статистические данные судебного департамента // URL:<http://www.cdep.ru/> (дата обращения: 15.01.2017).

References

1. Statisticheskie dannye MVD Rossii (Russian Interior Ministry statistics), URL: <https://mvd.ru/reports/item/1609734/> (accessed date: 05.01.2017).
2. Statisticheskie dannye CSI FKU «GIAC MVD Rossii» (Statistical data SRC FGI "MIAC of the MIA of Russia»), URL: <http://10.5.0.16/csi/> (accessed date: 01.10.2017).
3. Statisticheskie dannye sudebnogo departamenta (Statistical data of the Judicial Department), URL: <http://www.cdep.ru/> (accessed date: 15.01.2017).

Дата поступления: 14.01.2017

Received: 14.01.2017

УДК 343.98

УСТАНОВЛЕНИЕ И АНАЛИЗ НЕГАТИВНЫХ ОБСТОЯТЕЛЬСТВ ПРИ РАССЛЕДОВАНИИ ПОДЖОГОВ ЧУЖОГО ИМУЩЕСТВА, ЗАМАСКИРОВАННЫХ ИНСЦЕНИРОВКАМИ

ФАЙЗУЛЛИНА Алина Анисовна

*кандидат юридических наук, старший преподаватель кафедры криминалистики Института права ФГБОУ ВО «Башкирский государственный университет», г. Уфа, Россия.
E-mail: lilialan@rambler.ru*

DETERMINATION AND ANALYSIS OF NEGATIVE FACTS IN THE COURSE OF INVESTIGATION OF ARSON OF PROPERTY, CONCEALED BY FRAMING-UP

FAYZULLINA Alina Anisovna

*Candidate of Sciences (Law), Senior Instructor of the Chair of Forensics of the Institute of Law of the Bashkir State University, Ufa, Russia.
E-mail: lilialan@rambler.ru*

В статье исследуются проблемы, возникающие в процессе выявления и анализа негативных обстоятельств при расследовании умышленного уничтожения или повреждения чужого имущества путем поджога. Рассмотрены наиболее часто встречаемые на практике виды инсценировок некриминального пожара, совершаемые с целью сокрытия признаков поджога: намеренное создание условий для возникновения пожара, имитирующих возгорание по тех-

The article dwells on the problems, which appear in the process of determination and analysis of negative facts in the course of investigation of intentional destruction of property by means of arson. The article studies the most common in practice types of frame-ups of non-criminal arsons, made with the aim of non-disclosure of arson's evidence: intentional creation of conditions for arson, which imitate flame formation on technical grounds, sponta-

ническим причинам, самовозгорание веществ и материалов, неумышленное нарушение правил пожарной безопасности, неосторожное обращение с огнем. Предложены практические рекомендации по установлению фактических данных, свидетельствующих об искусственном создании или изменении преступниками обстановки места пожара.

Ключевые слова: умышленное уничтожение, повреждение имущества, поджог, личность преступника, инсценировка, негативные обстоятельства, место происшествия, причина пожара.

neous inflammation of materials, unintentional violation of fire safety rules, careless handling of fire. The article suggests practical recommendations on determination of factual data, testifying artificial creation or changes in the scene of fire.

Key words: intentional destruction, damage to another's property, arson, criminal identity, framing-up, negative circumstances, scene of action, cause of fire.

Доминирующей чертой первоначального этапа расследования умышленного уничтожения или повреждения чужого имущества, совершенного путем поджога, является проблемно-ситуационный характер расследования ввиду отсутствия достаточных сведений об обстоятельствах, подлежащих установлению по делу, и прежде всего об элементах предмета доказывания. По делам данной категории основные трудности возникают при выявлении самого факта (события) поджога, как правило, хорошо замаскированного и носящего латентный характер, а также при установлении виновных лиц. На проблемный характер следственных ситуаций по делам о пожарах также указывает А.А. Умаев. Сущность одной из проблем, по его мнению, заключается в том, что на начальном этапе расследования отсутствуют достаточные данные для решения вопросов как о непосредственной причине загорания, так и об основной причине пожара [1, с. 126]. В зависимости от характера возможных причин возникновения пожара в данной ситуации могут быть выдвинуты общие типовые версии о причине пожара: совершен поджог чужого имущества; имеет место нарушение правил пожарной безопасности; имеет место неосторожное обращение с огнем; пожар произошел в результате действий сил природы либо по причинам техногенного характера; произошло самовозгорание веществ.

Версия о возникновении пожара в результате поджога чужого имущества может быть выдвинута следователем, когда в ходе первоначальных следственных действий выявлены признаки инсценировки некриминального пожара. Поджоги, совершаемые путем намеренного создания условий для возникновения пожара, имитирующих возгорание по техническим причинам, самовозгорание веществ и материалов, неумышленное нарушение правил пожарной безопасности, неосторожное обращение с огнем, относятся к наиболее трудно раскрываемым, поскольку в подобных случаях злоумышленники прибегают к искусственному созданию материальных следов, которые указывают на отсутствие признаков поджога. Такие поджоги совершаются путем преднамеренного выведения из строя каких-либо технических устройств (например, электрического, газового оборудования) или создания условий для их работы в пожароопасном режиме. Желая придать поджогу характер некриминального пожара, преступники специально оставляют включенными в окружении легковоспламеняющихся материалов электрические и газовые приборы, разведенные костры, непотушенные сигареты. «Наиболее часто встречаются: искусственно устроенные короткие замыкания в электрооборудовании; выведение из строя устройств автоматического отключения электронагревательных приборов (утюгов, тостеров, рефлекторов и др.); искусственное механическое торможение электродвигателей (вентиляторов и других устройств) или приведение их в состояние работы на двух фазах вместо трех» [2, с. 292–293].

Анализ следственной практики показывает, что нарушение правил пожарной безопасности как способ сокрытия факта совершения поджога чаще всего используется злоумышленниками при необходимости скрыть совершение другого преступления либо отвести подозрение от конкретного лица. Так, несовершеннолетний Л. совершил кражу из квартиры Д.,

а затем с целью сокрытия следов хищения поджег квартиру, инсценировав бытовой пожар. Для этих целей преступник использовал тостер, в котором перерезал пружинки, применяющиеся для поднятия рычагов, выбрасывающих поджаренные ломтики хлеба. Далее он набил тостер легкогорючими материалами (бумагой), а также разложил их вокруг него, и включил тостер в сеть. При несработавших рычагах тостер не отключился, продолжая греться вплоть до загорания бумаги внутри него, затем огонь перекинулся на наружную пожарную нагрузку, в результате чего возник пожар [3].

Выявление признаков инсценировок подобного рода в огромной степени зависит от тщательности работы эксперта при осмотре изъятых с места пожара вещественных доказательств. В частности, при исследовании обнаруженной пружинки тостера было установлено, что она не разрушилась в ходе пожара, а была специально перерезана злоумышленником с целью выведения из строя электронагревательного прибора и использования его для искусственного инициирования горения.

Поджигатели используют весьма хитроумные устройства для имитации технической причины пожара. Так, в одном из многоквартирных жилых домов г. Уфы преступники пытались имитировать аварийный режим работы электрооборудования в электрощитах, расположенных на втором и третьем этажах. На втором этаже возник пожар, в результате которого были повреждены электроустановочные приборы и кабели в электрощите. А в электрощите третьего этажа было обнаружено второе несработавшее устройство для поджога. Оно представляло собой два истлевших окурка, помещенных в наполненный спичками коробок. Провода в электрощите были обмотаны бумагой, которая должна была загореться от вспыхнувшего коробка. В щите также находилась пластиковая бутылка с бензином, в горловине которой было проделано несколько отверстий для выхода паров легковоспламеняющейся жидкости [4].

В практике расследования пожаров встречаются случаи, когда следователи, обнаружив на месте происшествия следы короткого замыкания электропроводки и получив заключение пожарно-технической экспертизы об имевшем место аварийном режиме работы электроприборов, что явилось технической причиной пожара, не расширяют круг исследуемых обстоятельств и версий о причине возгорания и необоснованно прекращают производство по делу. Между тем надо учитывать, что оставленный включенным электроприбор или непотушенная сигарета, обусловившие пожар якобы по неосторожности, могут быть средством тщательно спланированного поджога. В этой связи необходимо выяснить наличие и характер причинной связи между фактом пожара и деятельностью определенного лица, способствовавшей его возникновению, созданию умышленно или по неосторожности соответствующих условий для возгорания.

Так, при осмотре места происшествия в помещении торговой организации была изъята электропроводка со следами короткого замыкания, которое, согласно заключению эксперта, произошло до возникновения пожара. Это обстоятельство давало возможность обоснованно полагать, что пожар возник по указанной технической причине. Однако следователь, критически оценив собранные по делу материалы, тщательно проанализировал обстоятельства, характеризующие обстановку, сложившуюся на данном объекте до пожара. В частности, установлено, что в зоне расположения очага пожара отсутствовали горючие вещества и материалы, которые могли воспламениться от такого источника зажигания, как искрообразование и оплавление металлических частиц проводника, образовавшихся в результате аварийного режима работы электрооборудования. С целью восстановления объективной картины произошедшего был произведен дополнительный осмотр места пожара, в ходе которого обнаружен часовой механизм с остатками проводника, а в северо-западной части торгового зала, где находились товары, имелся прогар в полу. Следственным и экспертным путем было установлено, что злоумышленник с целью сокрытия хищения товаров устроил короткое замыкание, которое произошло в заданное им время, что позволило обеспечить ему алиби. А следы горючей жидкости, которую он пролил на пол, были выявлены при химическом исследовании изъятых проб древесины [5].

Приведенный пример свидетельствует о необходимости ситуационного подхода к изучению всех обстоятельств умышленного уничтожения (повреждения) чужого имущества путем поджога, начиная с анализа обстановки, предшествовавшей совершению преступления, и заканчивая оценкой собранных по делу доказательств.

В ситуации, когда преступник с целью сокрытия следов поджога инсценирует нарушение правил пожарной безопасности, неосторожное обращение с огнем или самовозгорание веществ, задачей следственных органов является выявление негативных обстоятельств, свидетельствующих об искусственном создании или изменении заинтересованными лицами обстановки места происшествия. А. Вейнгарт, говоря о негативных обстоятельствах по делам о поджогах, рекомендовал в протоколе осмотра места происшествия обязательно отмечать, каких следов и характерных признаков, часто встречающихся при пожарах, не замечено, например, что не обнаружено никаких средств для поджога, а при выяснении причины загорания устанавливать, не показался ли огонь в таких местах, в которые он при нормальных условиях попасть не мог [6, с. 62].

«Как показывает практика, грань между неумышленными и преднамеренно организованными пожарами может быть очень тонка» [7, с. 33]. Даже в том случае, когда виновник пожара задержан и отрицает свою вину в совершении поджога, достаточно сложно установить, поджег он чужое имущество умышленно или, к примеру, в результате неосторожного обращения с огнем. Для доказательства причинно-следственной связи между умышленными действиями преступника и возгоранием объекта, выявления признаков инсценировки некриминального пожара следователю необходимо определить момент начала пожара, длительность процессов горения, динамику пожара, последовательность различных событий.

Время начала пожара следует устанавливать с максимальной точностью не только с целью определения причины пожара, но и для правильной квалификации преступления. Как отмечает А.Б. Маханек, установление времени возникновения пожара необходимо, чтобы доказать связь между действиями подозреваемого и причиной пожара; связь между его действиями и наступившими последствиями; связь между причиной пожара и умышленными действиями поджигателя [8, с. 102]. Информация об обстоятельствах расследуемого события может быть получена в ходе допроса потерпевших и свидетелей, непосредственно наблюдавших возникновение пожара или оказавшихся на месте пожара после его возникновения. Свидетели могут дать ценные сведения о времени начала пожара, об особенностях распространения огня, о поведении тех или иных лиц до начала и во время пожара, о пострадавших от пожара и др. В рамках пожарно-технической экспертизы ставятся вопросы об установлении очага пожара, моменте загорания и других временных характеристиках преступления, технических данных, связанных с выяснением обстоятельств пожара, определением его непосредственной причины.

Таким образом, учитывая то обстоятельство, что раскрытие и расследование поджогов с целью уничтожения или повреждения чужого имущества представляет значительную сложность, существует необходимость технически квалифицированного ситуационного анализа имеющихся у следователя сведений об обстоятельствах возникновения и развития пожара. Целью проведения такого анализа является объективное, всесторонне обоснованное формирование перечня версий о причине пожара.

Библиографические ссылки

1. Умаев А.А. Исходные следственные ситуации по делам о пожарах: классификация, оценка и методы разрешения // Исходные следственные ситуации и криминалистические методы из разрешения: сборник научных трудов / отв. ред. В.П. Лавров. М., 1991. С. 125–132.
2. Чешко И.Д. Осмотр места пожара: методическое пособие. М.: ВНИИПО, 2015.
3. Уголовное дело № 1-855/2014 // Архив Ленинского районного суда г. Уфы Республики Башкортостан.
4. Уголовное дело № 1-158/2015 // Архив Советского районного суда г. Уфы Республики Башкортостан.

5. Уголовное дело № 1-921/2013 // Архив Демского районного суда г. Уфы Республики Башкортостан.
6. Вейнгарт А. О расследовании поджогов. Руководство для юристов и агентов страховых обществ. Варшава: Варшава, 1906.
7. Зернов С.И. Техничко-криминалистическое обеспечение расследования преступлений, сопряженных с пожарами: учебное пособие. М.: ЭКЦ МВД России, 1996. 128 с.
8. Маханек А.Б. Значение факторов времени при выяснении причин пожаров // Вестник криминалистики. 2005. Вып. 2 (14). С. 101–104.

References

1. Umaev A.A. Ishodnye sledstvennyye situacii po delam o pozharah: klassifikacija, ocenka i metody razreshenija (Initial investigation of the situation in cases of fire: classification, evaluation and solution methods), Ishodnye sledstvennyye situacii i kriminalisticheskie metody iz razreshenija: sbornik nauchnyh trudov / otv. red. V.P. Lavrov. M., 1991, pp. 125–132.
2. Cheshko I.D. Osmotr mesta pozhara: metodicheskoe posobie (Inspection of the fire place: Manual), M.: VNIPO, 2015.
3. Ugolovnoe delo № 1-855/2014 (Criminal case № 1-855 / 2014), Arhiv Leninskogo rajonnogo suda g. Ufy Respubliki Bashkortostan (Archive of the Leninsky District Court of Ufa of the Republic of Bashkortostan).
4. Ugolovnoe delo № 1-158 / 2015 (Criminal case № 1-158 / 2015), Arhiv Sovetskogo rajonnogo suda g. Ufy Respubliki Bashkortostan (Archive of the Soviet District Court of Ufa of the Republic of Bashkortostan).
5. Ugolovnoe delo № 1-921 / 2013 (Criminal case № 1-921 / 2013), Arhiv Demskogo rajonnogo suda g. Ufy Respubliki Bashkortostan (Archive of the Demskii District Court of Ufa of the Republic of Bashkortostan).
6. Weingart A. O rassledovanii podzhogov. Rukovodstvo dlja juristov i agentov strahovyh obshhestv (On arson investigation. Guide for lawyers and insurance companies agents), Warsaw: Warsaw, 1906.
7. Zernov S.I. Tehniko-kriminalisticheskoe obespechenie rassledovaniya prestuplenij, soprjazhennyh s pozharami: uchebnoe posobie (Technical and forensic software in investigations of crimes involving fire: Tutorial), M.: JeKC MVD Rossii, 1996.
8. Makhanek A.B. Znachenie faktorov vremeni pri vyjasnenii prichin pozharov (The value of the time factor in ascertaining the causes of fires), Vestnik kriminalistiki. 2005. Vyp. 2 (14). Pp. 101–104.

Дата поступления: 12.01.2017

Received: 12.01.2017

УДК 342.4

**УГОЛОВНО-ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ
ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ ЛЕГАЛИЗАЦИИ
(«ОТМЫВАНИЮ») ДЕНЕГ И ИНОГО
ИМУЩЕСТВА В КОНТЕКСТЕ
ОБЕСПЕЧЕНИЯ НАЦИОНАЛЬНОЙ
И МЕЖДУНАРОДНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ**

КРИВОВ Андрей Валерьевич

соискатель факультета подготовки кадров высшей квалификации ФГБОУВО «Российский государственный университет правосудия», судья суда Столбцовского района Минской области, г. Столбцы, Беларусь. E-mail: kriv899@mail.ru

**CRIMINAL ASPECTS
OF COUNTERMEASURES TO COMBAT
LEGALIZATION (“LAUNDERING”)
OF ILLEGALLY OBTAINED MONEY
AND OTHER PROPERTY IN THE CONTEXT
OF PROVISION OF NATIONAL
AND INTERNATIONAL SECURITY**

KRIVOV Andrey Valerievich

Degree-Seeking Student of the Department of Training of Personals of Higher Qualification of the FSBEI HE "Russian State University of Justice", Judge of Stolbtsovski District of Minsk Region, Stolbtsy, Republic of Belarus. E-mail: kriv899@mail.ru

Статья посвящена актуальным проблемам противодействия легализации («отмыванию») денег и иного имущества, полученного преступным путем. В ней исследуются международно-правовые стандарты и положения уголовного законода-

The given article is dedicated to the topical problems of countermeasures to combat legalization (“laundering”) of illegally obtained proceeds. The article researches international legal standards and statutes of criminal legislature of the Russian Fed-

тельства Российской Федерации в части розыска, ареста и конфискации денег и иного имущества, полученного преступным путем. Автором предлагаются научно-обоснованные принципы противодействия легализации преступных доходов, а также основные пути развития международного сотрудничества в борьбе с «отмыванием» денег. К числу последних следует отнести: ускорение сближения национальных законодательств между странами мирового сообщества в сфере борьбы с легализацией преступных доходов; оказание активной помощи при проведении оперативно-следственных мероприятий и судебных разбирательств; своевременное принятие мер по «замораживанию» или аресту имущества, полученного преступным путем, которое может стать объектом запроса о конфискации; осуществление без задержек конфискации имущества, являющегося доходом от преступной деятельности.

Ключевые слова: легализация («отмывание») денег, международно-правовые стандарты, уголовное законодательство Российской Федерации, совершенствование механизма противодействия.

eration with regard to detection, arrest and confiscation of criminally obtained money and other property. The author suggests scientifically grounded principles of legalization of illegally obtained proceeds, as well as the main ways of development of international cooperation in combating money laundering. Among the principles it is possible to name: acceleration of alignment of national legislations among countries of the world community in the sphere of combating legalization of illegally obtained proceeds; providing active help in the course of operative investigation measures and court trials; due measures of “freezing” or arrest of illegally obtained property, which may become the object of confiscation query; confiscation of illegally obtained proceeds without delays.

Key words: legalization (“laundering”) of money, international legal standards, criminal legislature of the Russian Federation, improvement of the mechanism of countermeasures.

В современных условиях одним из наиболее важных и перспективных направлений противодействия преступности является борьба с легализацией («отмыванием») денег и иного имущества, полученных заведомо преступным путем (далее – «отмывание» денег). Актуальность данной проблемы обуславливается тем, что на сегодняшний день, в условиях всеобщей глобализации и интеграции мирового сообщества, объемы доходов, получаемых преступниками и инвестируемых в легальную экономику, представляют угрозу как национальной, так и международной безопасности в военной, экономической, экологической и других сферах.

В этой связи борьба с «отмыванием» денег выходит на первый план среди задач, стоящих перед государствами в сфере борьбы с преступностью, поскольку она позволяет решить три очень важные задачи. Во-первых, обеспечить защиту легальной экономики от криминальных инвестиций. Во-вторых, подорвать финансовую основу деятельности преступных организаций. В-третьих, активизировать противодействие коррупционным преступлениям.

Следует отметить, что в настоящее время данная проблема является объектом особого внимания со стороны международных органов и организаций. В частности, Организацией Объединенных Наций и действующими под ее эгидой организациями постоянно акцентируется внимание на разработке конкретных механизмов оказания международной правовой помощи при расследовании преступлений, в том числе и по вопросам содействия в розыске, аресте и конфискации доходов от преступной деятельности. В документах, принятых в последнее время, отмечается тенденция наполнения конкретным содержанием норм рекомендательного характера, более глубокого, с точки зрения практических потребностей, исследования вопросов, розыска, ареста и конфискации доходов от преступной деятельности.

Так, еще с 18 по 20 июня 1994 г. проходившей под эгидой ООН Международной конференции по предупреждению отмывания денег и использования доходов от преступной деятельности и борьбе с ними (Курмайер, Италия) в качестве эффективных мер предупреждения преступности экономического характера названы конфискационные санкции и снятие банковской тайны при расследованиях. С учетом этого, к широкому внедрению в практическую

деятельность рекомендовано «расширение практики конфискации активов и возможность использования таких мер, как замораживание или арест активов», которые «должны допускаться также и в отношении доходов от преступлений, совершенных за границей» [1].

Аналогично в Конвенции ООН против транснациональной организованной преступности от 15 ноября 2000 г. указано, что государства участники принимают в максимальной степени, возможной в рамках их внутренних правовых систем, такие меры, какие могут потребоваться для обеспечения возможности конфискации доходов от преступлений, или имущества, стоимость которого соответствует стоимости таких доходов; имущества, оборудования или других средств, использовавшихся или предназначенных для использования при совершении преступлений [2].

Немаловажное влияние на развитие сотрудничества правоохранительных органов государств в борьбе с легализацией полученных преступным путем денежных средств и имущества, оказывают решения и рекомендации межправительственных организаций специальной компетенции.

Одной из таких организаций является упоминавшаяся выше Специальная финансовая комиссия по проблемам отмывания денег (FATF – Financial Action Task Force of Money Laundering). Рассмотрим более подробно организационный механизм деятельности данной организации. Так, к основным направлениям деятельности FATF относятся:

1. Разработка и совершенствование системы мер, направленных на борьбу с «отмыванием» денег. Основу этой системы образует Специальная программа FATF по борьбе с «отмыванием» денег;
2. Распространение рекомендаций FATF и оказание технической помощи государствам в разработке и экспертизе соответствующего законодательства с учетом рекомендаций FATF;
3. Проведение инспекций в государствах-членах FATF с целью оценки выполнения рекомендаций и состояния дел в сфере борьбы с «отмыванием» денег;
4. Проведение семинаров и конференций.

Так, в частности, рекомендация 7 определяет конечную цель борьбы с «отмыванием» денег – способствовать правосудию путем обеспечения конфискации доходов от преступной деятельности. С этой целью она предлагает:

- 1) выявлять, отслеживать и оценивать собственность, которая подлежит конфискации;
- 2) осуществлять профилактические меры, такие как замораживание средств и их изъятие с целью предотвращения любых сделок и операций с ними;
- 3) проводить для этого любые необходимые следственные действия.

Рекомендации 33 и 34 предлагает государствам расширять систему двухсторонних и многосторонних договоров, регулирующих вопросы оказания правовой помощи, используя взаимно разделяемые правовые концепции.

В рекомендациях 38 и 39 содержатся положения о необходимости наделения соответствующих национальных правоохранительных органов полномочиями для оперативного оказания правовой помощи по выявлению, замораживанию, изъятию и конфискации доходов от преступной деятельности. Кроме того, рекомендуется достижение и совместная реализация договоренностей между государствами по вопросам конфискации и раздела конфискованного имущества.

Как следует из пояснительного примечания к рекомендации 38, государствам необходимо принимать меры к разделу конфискованного с другими странами в случаях, когда конфискация явилась результатом совместных правоохранительных действий, или передавать средства от конфискации в специально созданные для этого национальные фонды. В последующем эти средства подлежат использованию на гуманитарные цели (развитие правоохранительных органов, здравоохранение, образование, и др.).

Несмотря лишь на рекомендательный характер, положения рассмотренного документа FATF оказали положительное влияние на международный и национальный законодательный процесс ряда государств, в том числе и Российской Федерации.

На его основе была принята Директива 2005/60/ЕС о предотвращении использования финансовой системы с целью отмывания доходов и финансирования терроризма [3, р. 5–6], обязательная для всех государств-членов ЕЭС. Большинство рекомендаций были непосредственно восприняты ей. В последующем на их основе многие государства, в том числе не входящие в Евросоюз, разработали и приняли соответствующие национальные законодательные акты. В целом, анализ указанных норм позволяет констатировать, что в них содержатся положения характеризующие международное сотрудничество:

1. Его правовую природу – международное сотрудничество в розыске, аресте и конфискации – акт международной правовой помощи;
2. Правовую регламентацию – нормами международного и национального права государств;
3. Содержание – обнаружение и обеспечение сохранности подлежащего конфискации имущества, денег и ценностей, полученных преступным путем, и (или) принадлежащих обвиняемому, а также доходов от преступной деятельности, их передача другому государству;
4. Цели – использование в уголовном судопроизводстве в качестве доказательств, возмещение причиненного преступлением ущерба или приведение в исполнение приговора суда.

Анализ изложенного материала позволяет констатировать необходимость выработки частной методики международного розыска денежных средств и имущества, полученных преступным путем. Ее основной смысл, мы предлагаем раскрыть в следующих положениях.

Так, согласно международным соглашениям (конвенциям), заключенным Российской Федерацией, основной формой международного сотрудничества, которая подлежит использованию для розыска и ареста за границей полученных преступным путем денежных средств и имущества, является направление за рубеж международных следственных поручений (международных ходатайств об оказании правовой помощи, запросов, поручений и т.д.) о розыскных и процессуальных действиях, исполнение которых позволяет:

- получить достоверную и полную информацию об имуществе и денежных средствах, полученных преступным путем и находящихся (или ранее находившихся и тем или иным способом использованных) за пределами Российской Федерации;
- собрать новые фактические данные (доказательства) об обстоятельствах, входящих в предмет доказывания и подлежащих установлению по конкретному уголовному делу;
- принять меры по обеспечению возмещения причиненного преступлением ущерба, общей и специальной конфискации.

Международный розыск как форма международного сотрудничества с одной стороны, и особая правовая процедура с другой, осуществляется в несколько этапов.

1. Заявление ходатайства о правовой помощи. Смысл ходатайства заключается в подготовке документов, составляющих в совокупности международное следственное поручение и его направление в установленном порядке за границу для исполнения.

Международное следственное поручение может быть направлено для исполнения только по возбужденному и находящемуся в производстве уголовному делу в пределах установленных уголовно-процессуальным законом сроков предварительного следствия.

Представляется, что в подобных случаях направление ходатайств о международной помощи по выполнению действий, в том числе розыскного характера, аналогичных предусмотренным действующим белорусским законодательством, является возможным и допустимым, поскольку, с одной стороны, не противоречит закону, а с другой стороны, отвечает интересам борьбы с преступностью, учитывая ее транснациональный характер. Однако, их направление возможно лишь в адрес компетентных органов стран, законодательство которых

допускает оказание правовой помощи на любой стадии уголовного процесса. Решение данного вопроса, например, достаточно полно регламентировано в упоминавшейся выше ст. 26 Конвенции СНГ об оказании правовой помощи по гражданским, семейным и уголовным делам 2003 г.

Кроме того, в целях достижения скорейшего успеха розыска и ареста денежных средств и имущества полученных преступным путем, текст международного следственного поручения должен состоять из:

- вводной части, в которой излагаются сведения о возбужденном уголовном деле, данные о виновных лицах и о квалификации содеянного ими;

- описательной части, содержащей подробное изложение установленных по делу обстоятельств с приведением имеющихся доказательств, а также данных, на основании которых требуется исполнение ходатайства об оказании международной правовой помощи, изложение содержания статей УК Российской Федерации (ст. 174 «Легализация (отмывание) денежных средств или иного имущества, приобретенных другими лицами преступным путем» и ст. 174.1 «Легализация (отмывание) денежных средств или иного имущества, приобретенных лицом в результате совершения им преступления») и данных о процессуальной стадии дела, а также иных необходимых сведений;

- запрашивающей части, включающей просьбы о выполнении необходимых следственных действий, предоставлении документов, проведении розыскных мероприятий и т.д.;

- заключительной части, с изложением просьб об обеспечении конфиденциальности, гарантий надлежащего использования полученных материалов, адресных данных запрашивающей стороны и возможных каналов связи.

2. Рассмотрение компетентными органами запрашиваемой страны поступившего от запрашивающей стороны международного следственного поручения о выполнении следственных действий, связанных с розыском и арестом полученных преступным путем денежных средств и имущества.

Результаты его рассмотрения сводятся к:

- а) его принятию полностью или частично;
- б) отказу в правовой помощи;
- в) невозможности исполнения до представления дополнительных доказательств, информации или уточняющих сведений.

В случае отказа в правовой помощи об этом письменно информируется запрашивающая сторона. При недостаточности оснований для принятия решения об этом уведомляется сторона-инициатор, у которой запрашиваются необходимые дополнительные документы и сведения.

Поэтому в международное следственное поручение о выполнении процессуальных действий по розыску и аресту находящихся за рубежом денежных средств и имущества, полученных преступным путем, подлежит включению максимальный объем информации и сведений об установленных фактических данных (доказательствах), необходимых и достаточных для его исполнения. Исходя из широко распространенной в мире законодательной практики, деятельность правоохранительных органов, связанная с ограничением права собственности, преодолением банковской и коммерческой тайны, изъятием и арестом любого имущества, допускается исключительно на основании судебных решений. Отсюда международные следственные поручения должны содержать информацию и доказательства, достаточные для его рассмотрения и оценки судом.

Данное положение имеет принципиальное значение, поскольку недостаток информации, представляемой запрашиваемой стороне, может привести к задержке или даже к невыполнению заявленного ходатайства целиком или частично, а равно повлечь его некачественное исполнение.

3. Непосредственное выполнение необходимых процессуальных действий, наложение арестов и принятие иных мер обеспечения сохранности обнаруженного имущества и денежных средств. Полученные при этом документы и доказательства представляются в компетентный орган, принявший решение об оказании правовой помощи.

В случае успешного принятия к исполнению международного следственного поручения, компетентные органы иностранных государств, в соответствии с национальным законодательством или международным договором, по запросу белорусской стороны о розыске и аресте в целях последующей конфискации по судебному решению денежных средств и имущества, осуществляют надлежащее оформление правовых решений и производят необходимые процессуальные действия:

- истребуют сведения о денежных средствах, движимом и недвижимом имуществе, о банковских счетах, подлинники или копии банковских и иных документов, необходимых для розыска, расследования и судебного рассмотрения уголовного дела;

- производят обыски, выемки и другие процессуальные действия, направленные на обнаружение и изъятие денежных средств, имущества, орудий преступления и иных средств, использованных при совершении правонарушения, и решают вопрос об их передаче запрашивающей стороне для приобщения к расследуемому уголовному делу;

- принимают меры к аресту либо иному ограничению в распоряжении имуществом или денежными средствами, в отношении которых у запрашивающей стороны в связи с расследованием по уголовному делу имеются данные о приобретении их преступным путем [4, с. 455].

В случае удовлетворения соответствующей просьбы в проведении процессуальных действий за рубежом могут принимать участие российских правоохранительных органов.

Исполненные материалы международных следственных поручений поступают в правоохранительные органы Российской Федерации, как правило, выполненными на государственном языке запрашиваемого государства. Исключение составляет сотрудничество с государствами-членами СНГ, в которых для этих целей используется русский язык. В связи с этим, для их использования органами предварительного расследования и судом, должен быть осуществлен их перевод и приобщение к уголовному делу, а также определена допустимость доказательств, полученных в процессе оказания правовой помощи.

Следует также отметить, что для сотрудничества по данному вопросу Российской Федерации с государствами даже в случае отсутствия международных договоров, следует исходить из того обстоятельства, что независимо от особенностей национальных правовых систем абсолютное большинство стран мира объективно заинтересованы в борьбе с транснациональной преступностью. При этом важным является тот факт, что многие страны, в соответствии с собственным законодательством, признают возможным исполнение именно судебных решений об аресте и конфискации полученных преступным путем денежных средств и имущества.

Правовым основанием с одной стороны, для оказания в таких случаях ими международной правовой помощи в конфискации денежных средств и имущества, полученных преступным путем, являются нормы их национального уголовно-процессуального и иного законодательства. С другой одним из путей обеспечения возможности приведения за рубежом и исполнение приговоров национальных судов о конфискации, могла бы послужить Европейская конвенция о международной действительности судебных решений по уголовным делам от 28 мая 1970 г.

Как показывает практика, эффективное применение принципа взаимности, при осуществлении конфискации и выдачи денежных средств и имущества, полученных преступным путем, является на сегодняшний день маловероятным (в отличие от ареста и выдачи преступников). В первую очередь это объясняется тем, что прецедентов его реализации, как свидетельствует опыт международного сотрудничества, пока еще не было. Дело в том, что доходы, полученные преступным путем на территории того или иного государства, уже оказываются

в той или иной степени внедренными в национальную экономику страны. Это в определенном смысле максимально снижает целесообразность их изъятия и передачи заинтересованной стороне. Поэтому механизм их экстрадиции должен содержать определенные элементы, взаимовыгодные запрашивающей стороне и, соответственно, запрашиваемой.

Вместе с тем, невыполнение международных обязательств представляет собой своеобразный урон политическому имиджу страны, в которой обнаружены денежные средства и имущество, полученные преступным путем, что является объективным нарушением принципов и норм международного права. Однако сбрасывать со счетов национальные интересы государства, было бы политически не совсем корректно. Хотя бы только потому, что это исторически определено особенностями национальных правовых систем.

Важно также, на что еще следует обратить внимание, это принципиальная невозможность исполнения в подавляющем большинстве стран англо-саксонской и романо-германской правовых систем приговоров иностранных государств о конфискации в качестве дополнительного вида наказания. Проведенное изучение этого вопроса свидетельствует, что не только международные правовые акты организационно-технически (в процедурном смысле), но и законодательства некоторых стран [5, р. 110–112] не предусматривают такой меры ответственности за совершение преступлений.

В связи с этим направление за рубеж ходатайств о правовой помощи о конфискации имущества, являющегося собственностью осужденного, является недопустимым (за исключением случаев, когда оно является составной частью доходов от преступной деятельности или приобретено за счет таковых). Возможно, разработка международной (национальной) методики оценки ущерба национальной экономике (в реальном и перспективном смысле) от денежных средств и имущества, полученных преступным путем, решила бы ряд вопросов, связанных с организационными, правовыми, информационными и даже политическими аспектами рассматриваемой проблемы.

Не самая последняя роль в этом принадлежит судебным органам, которые могли бы предусмотреть в целях максимального учета при изложении в судебном приговоре обоснования и решения об обращении в доход государства полученных преступным путем денежных средств и имущества, а также в судебном ходатайстве об его исполнении, согласовать требования национального законодательства (в первую очередь уголовно-процессуального) с законодательством иностранного государства (запрашиваемой стороны).

Представляется, что существенный потенциал в данной сфере международного сотрудничества содержится в дальнейшем развитии взаимодействия между национальными органами т.н. финансовой разведки и их зарубежными партнерами и в том числе в рамках специальных международных организаций (FATF, ЕАГ, группа «Эгмонт» и др.).

Исходя из вышеизложенного, представляется возможным сделать следующие принципы противодействия легализации преступных доходов:

- наличие соответствующей уголовно-правовой основы для деятельности правоохранительных органов;
- централизация управления правоохранительных органов с предоставлением подчиненным инициативы в определении способов выполнения поставленных им задач;
- умение анализировать обстановку, делать правильные выводы из нее и предвидеть ход событий (предвиденье);
- знание кадрового состава, его моральных и деловых качеств, умение опираться на подчиненных начальников;
- высокая организованность, оперативность и творчество в работе руководителя (начальника) компетентного правоохранительного органа;

- личная ответственность руководителей (начальников) правоохранительных органов за принимаемые решения, применение сил и средств и результаты выполнения задач, поставленных подчиненным структурным подразделениям.

Современный уровень интеграции мировой экономики, высокоразвитые финансовая и информационная системы, использование возможностей региональных военно-политических союзов и альянсов, являются хорошими предпосылками для развития международного сотрудничества в борьбе с «отмыванием» денег.

Для его эффективной реализации важно:

1) ускорить сближение национальных законодательств между странами мирового сообщества в сфере борьбы с легализацией преступных доходов;

2) оказывать активную помощь при проведении оперативно-следственных мероприятий и судебных разбирательств;

3) своевременно принимать меры по «замораживанию» или аресту имущества, полученного преступным путем, которое может стать объектом запроса о конфискации;

4) без задержек осуществлять конфискацию имущества, являющегося доходом от преступной деятельности.

Библиографические ссылки

1. Конвенция Совета Европы №141 «Об отмывании, выявлении, изъятии и конфискации доходов от преступной деятельности» от 8 ноября 1990 г. Действующее международное право. В 3 т. Т. 3. / сост. Ю.М. Колосов и Э.С. Кривчикова. М. : Изд-во МНИМП, 1997.
2. Конвенция Организации Объединенных Наций против транснациональной организованной преступности. Резолюция 55/25 Генеральной Ассамблеи от 15 ноября 2000 г. // Доклад Специального комитета по разработке Конвенции против транснациональной организованной преступности. A/55/383, para. 121.
3. Directive 2005/60/EC of the European and of the Council of 26 October 2005 on the prevention of the use of the financial system for the purpose of money laundering and terrorist financing (Text with EEA relevance) // Official Journal. L. 309. 25.11.2005. P. 15–36.
4. Криминалистика : учебник для вузов / Т.В. Аверьянова, Р.С. Белкин, Ю.Г. Корухов, Е.Р. Россинская; под ред. Р.С. Белкина. М. : Норма, 2015.
5. Кернер Х.-Х. Дах Э. Отмывание денег. М. : Междунар. отношения, 1996.

References

1. Konventsiya Soveta Evropy №141 «Ob otmyvanii, vyyavlenii, iz'yatii i konfiskatsii dokhodov ot prestupnoi deyatel'nosti» ot 8 noyabrya 1990 g. Deistvuyushchee mezhdunarodnoe pravo (Convention of the CE №141 "On laundering, exposure, withdrawal and confiscation of proceeds of crime" from November, 8 1990. Current international law), V 3 t. T. 3. Sost. Yu.M. Kolosov i E.S. Krivchikova. M. Izd-vo MNIMP, 1997.
2. Konventsiya Organizatsii Ob"edinennykh Natsii protiv transnatsional'noi organizovannoi prestupnosti. Rezolyutsiya 55/25 General'noi Assamblei ot 15 noyabrya 2000 g. (The United Nations Convention against Transnational Organized Crime. General Assembly resolution 55/25 of 15 November 2000), Doklad Spetsial'nogo komiteta po razrabotke Konventsii protiv transnatsional'noi organizovannoi prestupnosti. A/55/383, para. 121.
3. Directive 2005/60/ES of the European and of the Council of 26 October 2005 on the prevention of the use of the financial system for the purpose of money laundering and terrorist financing (Text with EEA relevance). *Official Journal*. L. 309. 25.11.2005. P. 15–36.
4. Kriminalistika (Forensics). Uchebnik dlya vuzov. T.V. Aver'yanova, R.S. Belkin, Yu.G. Korukhov, E.R. Rossinskaya, pod red. R.S. Belkina. M. Norma, 2015.
5. Kerner Kh.-Kh. Dakh E. Otmyvanie deneg (Money laundering), M. Mezhdunar. otnosheniya, 1996.

УДК 340

**ВОПРОСЫ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ
ИНФОРМАЦИОННОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ
ОРГАНОВ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ РОССИИ
В СОВРЕМЕННЫХ УСЛОВИЯХ**

ГАЛЯУТДИНОВ Рустем Флюорович

майор полиции, преподаватель кафедры специальной подготовки, Уфимский юридический институт МВД России, г. Уфа, Россия.

E-mail: rustiam777@rambler.ru

**ISSUES OF IMPROVING
THE INFORMATION SECURITY
OF THE INTERNAL AFFAIRS AGENCIES
OF RUSSIA IN MODERN CONDITIONS**

GALYAUTDINOV Rustem Flyurovich

Police Major, Instructor of the Department of Special Training of the Ufa Law Institute of the MIA of Russia, Ufa, Russia.

E-mail: rustiam777@rambler.ru

В статье анализируется эффективность использования информационных ресурсов в повседневной работе органов внутренних дел. Раскрываются основные причины недостаточного уровня информационной поддержки и информационного взаимодействия правоохранительных ведомств. Значимое внимание уделяется выработке мер по обеспечению информационной безопасности, а также вопросам нормативно-правового и ресурсного обеспечения деятельности органов внутренних дел. По данному направлению предлагается необходимый комплекс мероприятий. Также автор рассмотрел место информационных ресурсов МВД России в информационных ресурсах страны. Результатом работы стало определение основных функций государства на пути совершенствования и дальнейшего развития информационных ресурсов органов внутренних дел и обеспечения в целом национальной безопасности страны.

Ключевые слова: информация, информатизация, информационные ресурсы, информационно-вычислительная система, органы внутренних дел, обеспечение информационной безопасности.

The article analyzes the effectiveness of the use of information resources in daily work of internal affairs agencies. The main reasons of insufficient information support and insufficient information interaction of law enforcement agencies are revealed. Significant attention is paid to the development of information security measures, as well as to issues of regulatory and resource support for the activities of internal affairs agencies. In this area, the author proposes the necessary set of activities. The author also considers the position of information resources of the Ministry of Internal Affairs of Russia in information resources of the country. The study outcome is the definition of basic functions of the state on the path of improvement and further development of information resources of internal affairs agencies and in general national security efforts.

Key words: information, informational support, information resources, information computer system, internal affairs agencies, information security.

На сегодняшний день сложившаяся практика работы правоохранительных органов по предотвращению, выявлению и раскрытию преступлений, поиску, обнаружению и аресту преступников со всей наглядностью свидетельствуют о несомненной связи между достигнутым уровнем информационного обеспечения поддержки мер по борьбе с преступностью и их конечными результатами. В условиях сложной криминогенной обстановки, роста технического и финансового потенциала преступной среды, повышения изощренности совершаемых противоправных действий, совершенствование информационного обеспечения все больше становится одним из основных инструментов повышения эффективности правоохранительной деятельности, в том числе за счет предоставления возможности телекоммуникационного доступа к взаимосвязанной розыскной, ориентирующей, сигнальной и доказательственной информации, а также создания подразделений по предупреждению преступлений в сфере высоких технологий [1, с. 5].

Отличительная особенность эволюции современного общества – переход от индустриального типа развития к информационному типу. Информация становится таким же важным

ресурсом, как и любые материальные и энергетические блага. Процедура организации социально-экономических и научно-технических оптимальных условий для удовлетворения информационных потребностей и реализации прав граждан, органов местного самоуправления, организаций, общественных объединений на основе формирования и использования информационных ресурсов получает понятие информатизации [2, с. 264].

К настоящему времени в результате длительной целенаправленной работы в системе органов внутренних дел сформированы значительные информационно-вычислительные ресурсы. В ОВД установлено более 95 тыс. современных электронно-вычислительных машин и эксплуатируется свыше 3400 автоматизированных информационных систем (далее – АИС). В базах данных содержится около 230 млн объектов учета. Создано более 2400 локальных коммуникационных систем. В подразделениях органов внутренних дел разработано более 74 тыс. автоматизированных мест (далее – АРМ), через которые обеспечивается доступ к базам данных АИС, в том числе и по каналам связи. Каждый день автоматизированные системы фиксируют более 700 тыс. самых различных запросов. Общий объем информации, сосредоточенной в автоматизированных контурах АИС, составляет около 600 млн документов. При этом основной объем оперативно-справочной, розыскной и криминалистической информации хранится в федеральных и региональных базах данных общего пользования, созданных в Главном информационно-аналитическом центре МВД России (до ноября 2004 г. – Главный информационный центр) и Информационных центрах УВД субъектов РФ.

Осуществляется активное создание и развитие других составляющих информационно-вычислительной системы (далее – ИВС) и, прежде всего, специализированных территориально-обособленных автоматизированных систем, локальных АИС.

Таким образом, можно утверждать, что накопленные информационные ресурсы и созданный технический потенциал образуют основу информационно-вычислительной системы МВД России, и их применение прочно вошло в практику повседневной деятельности ОВД. В пользу этого говорят и статистические данные: в 1976 г. с помощью криминалистических, розыскных, оперативно-справочных учетов было раскрыто 4% преступлений, в 1996 г. – 25%, в 1999 г. – 43%, в 2002 г. – 60%, в 2008 и 2009 гг. – около 80%.

Развитие информационной поддержки МВД России связано как с созданием в нашем государстве информационного общества, исполнением мероприятий программы «Электронная Россия» (2002–2010 гг.), так и значительным ростом объема накапливаемой, обрабатываемой и хранимой информации в органах внутренних дел. Важные задачи развития информационных ресурсов закреплены Концепцией информатизации органов внутренних дел МВД России до 2012 г. [3] и новой редакцией Программы создания единой информационно-телекоммуникационной системы [4]. Основной задачей информатизации на будущее становится формирование единого информационного пространства, объединение информационных ресурсов различных государственных ведомств, обеспечение работы с информацией в реальном режиме времени.

Вместе с тем, как показывает анализ, эффективность использования имеющихся информационно-вычислительных ресурсов и в целом уровень информационной поддержки оперативно-служебной деятельности нельзя признать достаточными. В частности, эффективность использования федеральных и региональных банков данных общего пользования, как основного звена ИВС, существенно снижена из-за недостаточной полноты сведений, представляемых подразделениями ОВД в названные банки данных. В сочетании с задержками в представлении актуализирующих сведений, это приводит к тому, что в банках отсутствует часть информации, подлежащей постановке на учет, и, в то же время, содержатся данные, утратившие актуальность. Другим серьезным обстоятельством, отрицательно влияющим на эффективность применения информационных ресурсов работниками ОВД, является отсутствие непосредственной возможности доступа пользователей к рабочей информации в реаль-

ном масштабе времени. В структурном отношении ИВС МВД России в существующем виде характеризуется значительной степенью дезинтеграции. Большинство из развернутых в ОВД банков данных и АИС рассредоточены по службам и подразделениям и их информационное взаимодействие между собой осуществляется в крайне ограниченных рамках. В ряде случаев, особенно в звене районных органов, уровень компьютеризации информационной работы настолько низок, что их включение в автоматизированный системный контур практически невозможно.

В целом такое положение приводит к определенной беспорядочности и большим трудозатратам в процессе сбора, хранения и, главное, в использовании информации. В межведомственном аспекте следует также отметить недостаточную информационную согласованность автоматизированных информационных систем, функционирующих в ОВД, с автоматизированными системами других правоохранительных ведомств. Вместе с тем, организация такого взаимодействия, способствовала бы созданию информационно-аналитической базы, соответствующей основным тенденциям криминогенной обстановки в стране (терроризм, коррупция, преступления в сфере экономики, финансов и предпринимательства и др.).

Рассматривая характеристику текущего состояния ИВС МВД России, необходимо остановиться и на вопросе, имеющем принципиальное значение как в части повышения эффективности использования имеющихся в ОВД информационно-вычислительных ресурсов, так и в части дальнейшего развития ИВС. В настоящее время МВД России не располагает в полной мере развитой телекоммуникационной системой современного уровня, позволяющей реализовать широкий спектр новых информационных технологий с обеспечением необходимой степени информационной безопасности.

Отсюда следует, что проблема совершенствования информационного обеспечения деятельности ОВД является весьма актуальной и требует решения двух взаимосвязанных задач:

1. Повышение эффективности использования имеющихся в настоящее время в системе ОВД информационно-вычислительных ресурсов;

2. Развитие ИВС МВД России как интегрированной многоуровневой системы, обеспечивающей максимальную эффективность информационной работы за счет применения современных технических средств и технологий сбора, обработки, передачи и анализа информации.

Решение названных задач требует наличия соответствующей концептуальной платформы, отвечающей требованиям сегодняшнего дня в области информатики.

Основное направление развития ИВС заключается в создании единой структуры, которая позволит обеспечить эффективное функционирование баз данных и автоматизированных информационных систем на основе использования единых подходов и технологий информационного обмена на федеральном и региональном уровнях управления.

Значительное внимание должно быть уделено вопросам обеспечения информационного взаимодействия и безопасности в ИВС на всех стадиях работы с данными, а также вопросам нормативно-правового и ресурсного обеспечения.

Как отмечалось выше, одной из задач, требующих решения в целях совершенствования информационного обеспечения деятельности ОВД, является повышение эффективности использования имеющихся в настоящее время информационно-вычислительных ресурсов. По данному направлению предлагается конкретный комплекс мероприятий:

- повышение актуальности хранимой и обрабатываемой информации, в том числе, за счёт организации и усиления контроля нормативно-правового регулирования порядка обновления сведений в информационных базах данных;

- оцифровка или перевод в цифровой вид бумажных носителей информации, в том числе документов из архивных фондов;

- внедрение современных информационных технологий, успешно проявивших себя в повседневной деятельности ОВД различных уровней;

- пересмотр ведомственных нормативно-правовых актов, определяющих ответственных исполнителей и их функции по различным направлениям развития ИВС с целью обеспечения более эффективного проведения единой технической политики и перехода в перспективе к единой системе управления ИВС;

- оснащение современными программно-техническими комплексами;

- обеспечение с необходимым уровнем информационной безопасности удаленного доступа к базам и банкам данных общего пользования с терминалов, установленных в подразделениях органов внутренних дел;

- внедрение повсеместно автоматизированных систем, в том числе, интегрированного банка данных федерального уровня, автоматизированной системы учёта оружия, автоматизированных банков данных дактилоскопической информации федерального и межрегионального уровней.

Важно отметить, что ИВС, как интегрирующая инфраструктура, не поглощает в себя существующие АИС ОВД, а обеспечивает своими технологическими, программно-техническими, телекоммуникационными и другими средствами их полноценное и эффективное функционирование как в самостоятельном, так и в совместном режимах. Это означает, что множество разрозненных АИС ОВД всех уровней получают возможность с помощью ИВС объединять свои информационные ресурсы для решения своих задач. Совместное функционирование пользователей ИВС должно обеспечиваться интегрированной телекоммуникационной средой. Интеграция информационных ресурсов органов внутренних дел в сочетании с применением современных информационных технологий позволит обеспечить получение комплексной информации об интересующих объектах учета из различных источников с требуемой оперативностью и, тем самым, поднять уровень информационной поддержки деятельности ОВД на качественно новую ступень. Примером тому может служить внедренная информационная система фиксации обращений о происшествиях и преступлениях. В формировании базы, начиная с 2006 г., кроме МВД России, участвуют прокуратура, ФСБ, ФКНС, Министерство юстиции и МЧС.

Помимо своего внутриведомственного значения, решение системной стратегической задачи в виде интеграции обособленных информационных ресурсов создает необходимые предпосылки для расширения работ по взаимодействию информационных ресурсов МВД России с автоматизированными системами других правоохранительных и контрольно-надзорных ведомств РФ. Использование информационных ресурсов МВД России наряду с информационными ресурсами налоговых органов, органов статистики и регистрации имущества позволяет получить полную информацию о субъектах РФ.

Рассматривая уровень информационной обеспеченности, нельзя оставить без внимания еще один важный вопрос. Современные реалии таковы, что информационные ресурсы нередко становятся элементом использования недобросовестных пользователей. Неправомерное получение информации, организация несанкционированного доступа к закрытой для общего доступа информации, разглашение информации, носящей конфиденциальный характер, – характеристики сегодняшнего дня.

Подобное развитие ситуации предъявляет дополнительные требования к развитию информационной базы данных органов внутренних дел. Одной из основных задач становится предотвращение какого-либо неправомерного доступа к информации.

Исследования в этом направлении активно ведутся, в том числе отечественными аналитиками. На сегодня можно сформулировать следующие актуальные направления в сфере обеспечения информационной безопасности:

- мониторинг и прогнозирование информационных потребностей органов внутренних дел, включая потребность информации на международном уровне;

- координация деятельности различных государственных структур по предотвращению незаконной утечки информации через открытые сети;
- разработка и утверждение федеральной программы совершенствования информационных технологий;
- обеспечение безопасного подключения национальных сетей к мировым открытым сетям;
- определение перечня информации, не подлежащей передаче по открытым незащищенным каналам связи;
- организация контроля за соблюдением присвоенного статуса информации [5, с. 78].

Вышесказанное позволяет констатировать, что выработка государственной политики в области нормативно-правового регулирования, организация контроля и надзора в области информационного обеспечения, разработка мер координации работ различных государственных ведомств в этом направлении являются основными условиями обеспечения национальной безопасности страны.

Библиографические ссылки

1. Степанов О.А. Правовые основы обеспечения охранительной функции государства в условиях использования новых информационных технологий. М. : Изд. Акад. МВД России, 2000.
2. Большой юридический словарь / под ред. А.В. Малько. М. : Проспект, 2009.
3. Об утверждении Концепции информатизации органов внутренних дел РФ и внутренних войск МВД России до 2012 года. Приказ МВД России от 04.04.2009 № 280 // База данных «Нормативно-правовые акты МВД России».
4. Об утверждении новой редакции программы МВД России «Создание единой информационно-телекоммуникационной системы органов внутренних дел». Приказ МВД России от 20.05.2008 №435 // База данных «Нормативно-правовые акты МВД России».
5. Сайтов И.А., Миронов А.Е., Королев А.В. Противодействие важнейшая задача обеспечения информационной безопасности // Вестник национального антитеррористического комитета. 2002. № 2. С. 78–79.

References

1. Stepanov O.A. Pravovye osnovy obespechenia ochranitelnoi funktsii gosudarstva v usloviakh ispolzovania novykh informatsionnykh tekhnologii (Legal bases of maintenance enforcement functions of the state in the conditions of the use of new information technologies). M. Izd. Acad. MVD Russia, 2000.
2. Bolchoi uridisheski slovar (Big Law Dictionary), Pod red. A.V. Malko. M. Prospect, 2009.
3. Ob utvergdenii Konsepsii informatizatsii organov vnutrennih del RF I vnutrennih voysk MVD Russia do 2012 goda. Prikaz MVD Russia ot 04.04.2009 №280 (Approval of the Concept of Informatization of the Russian law-enforcement bodies and internal troops of the Russian Interior Ministry until 2012. Russian Interior Ministry Order dated 04.04.2009 №280), Basa dannyh Normativno pravovye akty MVD Russia.
4. Ob utvergdenii novoi redaksii programmy MVD Russia Sozdanie edinoy informatsionno-telekommunikatsionnoy sistemy organov vnutrennih del. Prikaz MVD Russia ot 20.05.2008 №435 (Approval of the amended program of the Russian Interior Ministry Creating a unified information - telecommunication system of law-enforcement bodies. Russian Interior Ministry Order dated 20.05.2008 №435), Basa dannyh Normativno pravovye akty MVD Russia.
5. Saitov I.A., Mironov A.E., Korolev A.V. Protivodeystvie vagneishay zadacha obespechenia informatsionnou bezopasnosti. Vestnik natsionalnogo antiterroristicheskogo komiteta (Countering the most important task of information security. *Herald of national anti-terrorism committee*, 2002, No. 2, pp. 78–79.

Дата поступления: 12.01.2017

Received: 12.01.2017

**КРИМИНАЛИСТИКА.
СУДЕБНО-ЭКСПЕРТНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ.
ОПЕРАТИВНО-РОЗЫСКНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ**

УДК: 343.985.5

**К ВОПРОСУ ЗАКОНОДАТЕЛЬНОГО
РЕГУЛИРОВАНИЯ УСЛОВИЙ
ПРОВЕДЕНИЯ ОПЕРАТИВНО-
РОЗЫСКНОГО МЕРОПРИЯТИЯ
«ОБСЛЕДОВАНИЕ ПОМЕЩЕНИЙ»**

ОМЕЛИН Виктор Николаевич

*доктор юридических наук, профессор, главный
научный сотрудник НИИ ФСИН России,
г. Москва, Россия. E-mail: nii.fsin.ru*

**TO THE ISSUE OF LEGISLATIVE
REGULATION OF CARRYING OUT OF
OPERATIONAL SEARCH MEASURES
«PREMISES SURVEY»**

OMELIN Victor Nikolaevich

*Doctor of Law, Professor, Chief Research Worker
of the Research Institute of the Federal Penitentiary
Service of Russia, Moscow, Russia.
E-mail: nii.fsin.ru*

ГАБЗАЛИЛОВ Вадим Фанилевич

*заместитель начальника кафедры профессио-
нальной подготовки ФГКОУ ВО «Уфимский юри-
дический институт Министерства внутренних
дел Российской Федерации», г. Уфа, Россия.
E-mail: Vadim-gagarin0@rambler.ru*

GABZALILOV Vadim Fanilevich

*Deputy Head of the Department of Professional
Training of the FSGEI HE "Ufa Law Institute of the
Ministry of Internal Affairs of Russia, Ufa, Russia.
E-mail: Vadim-gagarin0@rambler.ru*

Статья посвящена исследованию законодательно-го регулирования условий проведения оперативно-розыскного мероприятия «обследование помещений» как разновидности оперативно-розыскного мероприятия «обследование помещений, зданий, сооружений, участков местности и транспортных средств». Актуальность рассмотрения данного вопроса объясняется тем, что в соответствии с ч. 1 ст. 5 Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности» органы (должностные лица), осуществляющие оперативно-розыскную деятельность, при проведении обследования должны обеспечивать соблюдение прав человека и гражданина на неприкосновенность жилища. В статье уделяется также особое внимание вопросам классификации условий проведения указанного выше оперативно-розыскного мероприятия. Существующие проблемы рассмотрены авторами с учетом их научного опыта и практической деятельности в оперативных подразделениях органов внутренних дел, в том числе личного участия в подготовке и проведении данного оперативно-розыскного мероприятия.

Ключевые слова: оперативно-розыскные мероприятия, оперативно-розыскная деятельность, обследование помещений.

The given paper is devoted to the study of legislative regulation of conditions of carrying out of operational search measures «premises survey» as a type of operational search measures «premises, buildings, facilities, vantage grounds and vehicles survey». The urgency of the study is due to the fact that, in accordance with part 1 of art. 5 of the Federal Law «On operational search activities» bodies (officials), carrying out operational search activities, during surveys must ensure the human and civil right to inviolability of dwelling. The authors of the article also pay particular attention to the classification of conditions of operational search actions. The current problems are presented and discussed by the authors based on their scientific experience and practical activities in operational divisions of internal affairs agencies, including their personal participation in the preparation and carrying out of these operational search measures.

Key words: operational search measures, operational search activity, premises survey.

Условия проведения оперативно-розыскных мероприятий (далее – ОРМ) – это установленные Законом, а также иными нормативными (в том числе законодательными) правовыми актами определенные правила, соблюдение которых является обязательным при проведении таких мероприятий [1, с. 37].

В контексте данной статьи детальнее проанализируем некоторые аспекты законодательного регулирования условий проведения обследования помещений, как одного из вида ОРМ «обследование помещений, зданий, сооружений, участков местности и транспортных средств». Высокая значимость анализа законодательного регулирования условий проведения обследования помещений, определяется тем, что органы (должностные лица), осуществляющие оперативно-розыскную деятельность, при проведении обследования должны обеспечивать соблюдение прав человека и гражданина на неприкосновенность жилища (ч. 1 ст. 5 Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности» – далее ФЗ об ОРД).

По мнению Ю.Ю. Игнащенко, обследование помещений зданий, сооружений участков местности и транспортных средств представляет собой объединенные в одно два разных по порядку проведения и фактически самостоятельных ОРМ: обследование жилых помещений, ограничивающее конституционное право человека на неприкосновенность жилища, и обследование нежилых помещений, зданий сооружений, участков местности и транспортных средств, не ограничивающее указанное право. Поэтому с его точки зрения обследование помещений, зданий сооружений, участков местности и транспортных средств должно быть в ФЗ об ОРД разделено на два самостоятельных указанных ОРМ [2, с. 8].

Эти соображения не беспочвенны, так как действительно в п. 8 ч. 1 ст. 6 ФЗ об ОРД речь идет, об обследовании жилища и нежилых помещений, а также других объектов оперативной заинтересованности, например предметов и документов. По нашему мнению, в контексте конституционных гарантий прав человека и гражданина на неприкосновенность жилища (ст. 25 Конституции РФ) законодательное закрепление в ст. 6 ФЗ об ОРД указанных ОРМ в качестве самостоятельных ОРМ представляется обоснованным.

В юридической литературе были сделаны попытки классификации условий проведения обследования. Например, с точки зрения Ю.Ю. Игнащенко данные условия следует классифицировать на два вида:

1. Общие условия проведения обследования, когда указанное ОРМ проводится только после судебного разрешения;
2. Специальные условия обследования, когда указанное ОРМ может начаться до судебного разрешения с его последующим получением, а в некоторых случаях и без судебного решения [2, с. 13].

Определенно с указанной точкой зрения Ю.Ю. Игнащенко в вопросе классификации условий проведения обследования можно в целом согласиться.

ФЗ об ОРД предусматривает следующие общие условия проведения обследования, ограничивающего конституционные права человека и гражданина на неприкосновенность жилища:

- 1) наличие судебного решения для начала (ч. 2 ст. 8) и проведения обследования жилища (см. ч. 6 ст. 9);
- 2) наличие специальной информации для проведения обследования жилища (ч. 2 ст. 8);
- 3) наличие документально оформленного мотивированного постановления о проведении обследования жилища соответствующим руководителем органа, осуществляющего оперативно-розыскную деятельность (ч. 3 ст. 9);
- 4) запрет на разглашение сведений, которые затрагивают неприкосновенность частной жизни, личную и семейную тайну, честь и доброе имя граждан и которые стали известными в процессе проведения ОРМ, без согласия граждан, за исключением случаев, предусмотренных федеральными законами (ч. 8 ст. 5);

5) запрет на проведение обследования для принятия решений, предусмотренных пунктами 1-4, 6 и части 2 ст. 7 (ч. 9 ст. 8).

Касаясь общих условий проведения обследования, остановимся на некоторых вопросах, которые вызывают дискуссии в юридической литературе. С точки зрения А.А. Городилова предлагающего «не только начало производства отдельных оперативно-розыскных мероприятий, ограничивающих конституционные права граждан, осуществлять на основании судебной санкции, а ход этих мероприятий осуществлять под прокурорским надзором, но и заканчивать их с осуществлением определенной формы судебного контроля и прокурорского надзора» [3, с. 10].

По нашему мнению, данная точка зрения является не бесспорной и заслуживает дополнительного изучения. Представляется, что реализация указанных предложений отрицательно скажется на оперативности проведения обследования, особенно при проведении указанного ОРМ в случаях, которые не терпят отлагательства, а также при возникновении угрозы жизни, здоровью, собственности отдельных лиц. Сложившаяся практика получения судебного решения на проведение обследования жилого помещения на основании мотивированного постановления, в котором руководитель органа, осуществляющего ОРД ходатайствует перед судом о проведении рассматриваемого ОРМ, является на наш взгляд наиболее правильной. Тот факт, что решение о проведении указанного ОРМ принимается независимым и беспристрастным судьей, является гарантией осуществления конституционного принципа неприкосновенности жилища. В это же время рассматриваемое условие не исключает возможности уполномоченному прокурору воспользоваться правом, а также обязанностью осуществлять надзор за проведением ОРМ, которые ограничивают конституционные права человека и гражданина.

Рассматривая общие условия проведения обследования, обращает на себя внимание еще один проблемный аспект. В ст. 2 ФЗ об ОРД «Задачи оперативно-розыскной деятельности» помимо других указана задача розыска без вести пропавших. Розыскная работа, направленная на установление местонахождения, пропавших без вести, является сегодня немаловажной задачей подразделений органов внутренних дел, осуществляющих оперативно-розыскную деятельность [4, с. 115]. В условиях осложнения криминогенной обстановки связанной от части, в том числе и с экономическим кризисом, проблема розыска без вести пропавших стала в некоторой степени частью проблемы противодействия отдельным видам преступлений, в частности преступлениям против личности – убийствам, похищениям человека.

Реализация рассматриваемой задачи достигается путем организации проведения ОРМ, основанием для проведения которых, являются ставшие известными органам, осуществляющим ОРД, сведения, в том числе о лицах, без вести пропавших, и об обнаружении неопознанных трупов (п. 2. 4 ч. 1 ст. 7 ФЗ об ОРД). Вместе с тем, исходя из анализа ст. 8 ФЗ об ОРД при наличии информации или сведений о без вести пропавшем, у оперативных сотрудников органов осуществляющих оперативно-розыскную деятельность, сегодня отсутствует законодательная возможность проведение ОРМ (включая получение компьютерной информации), которые ограничивают конституционные права человека и гражданина на тайну переписки, телефонных переговоров, почтовых, телеграфных и иных сообщений, передаваемых по сетям электрической и почтовой связи, а также право на неприкосновенность жилища.

Наша точка зрения указывает на то, что отсутствие в ст. 8 ФЗ об ОРД регламентирующих предписаний по рассматриваемой проблеме ограничивает подразделения органов внутренних дел, осуществляющих оперативно-розыскную деятельность в решении задачи розыска без вести пропавших, т.к. отсутствует законодательная основа проведения всего комплекса ОРМ. Данная проблема приводит к тому, что зачастую сотрудники оперативных подразделений, осуществляющие розыск без вести пропавших не могут определить реальную причину, послужившую основанием безвестного исчезновения лица, а в отдельных случаях и причастность отдельных лиц к безвестному исчезновению, не в состоянии предупредить подготавливаемое преступление.

В аспекте улучшения розыскной работы, направленной на установление местонахождения без вести пропавших, вызывает интерес точка зрения Д.А. Гриневой в части дополнения ст. 8 ФЗ об ОРД предписанием, которое позволит осуществлять оперативным подразделениям весь комплекс ОРМ при розыске лиц пропавших без вести при криминальных обстоятельствах, в том числе ограничивающих конституционные права и свободы граждан [5, с. 48].

Факт криминальных обстоятельств при действующем регламенте получения судебного решения на проведение ОРМ, ограничивающих конституционные права человека и гражданина, постоянно будет являться объектом контроля и надзора, как руководителями органов, осуществляющих оперативно-розыскную деятельность, так и со стороны прокуратуры осуществляющей надзор за ОРД, а также судьями, утверждающими окончательное решение. По нашему мнению, именно в этом и проявляется истинная защита прав и свобод без вести пропавшего, а не нарушение конституционных прав и свобод человека и гражданина.

В контексте действующего ФЗ об ОРД специальные условия проведения обследования, которые ограничивают конституционные права человека и гражданина на неприкосновенность жилища, включают в себя две оперативно-розыскные ситуации.

Для первой оперативно-розыскной ситуации (ч. 3 ст. 8) характерны специальные условия, которые предусматривают наличие:

1) случаев, которые не терпят отлагательства и могут привести к совершению тяжкого или особо тяжкого преступления, или данных о событиях или действиях (бездействии), создающих угрозу государственной, военной, экономической, информационной или экологической безопасности Российской Федерации;

2) вынесенного одним из руководителей органа, осуществляющего ОРД мотивированного постановления о проведении ОРМ;

3) необходимого уведомления суда (судьи) о проведении обследования в течение 24 часов;

4) полученного органом, осуществляющим ОРД, в течение 48 часов с момента его начала, судебного решения о проведении обследования.

Для второй оперативно-розыскной ситуации характерны случаи, когда решаются вопросы обеспечения безопасности органов, осуществляющих оперативно-розыскную деятельность (ч. 10 ст. 8). Условия, характерные для данной оперативно-розыскной ситуации, сводятся к следующему:

1) организация проведения обследования без судебного решения;

2) наличие согласия гражданина, закрепленного в письменном виде.

Остановимся на некоторых нюансах реализации ч. 3 ст. 8 ФЗ об ОРД (первая оперативно-розыскная ситуация).

На наш взгляд в ч. 3 ст. 8 ФЗ об ОРД целесообразно уточнить один немаловажный аспект. Указанная норма допускает проведение обследования в особом порядке «при наличии данных о событиях и действиях, создающих угрозу государственной, военной, экономической, информационной или экологической безопасности Российской Федерации...». Таким образом, буквальное толкование содержания указанного предписания означает, что у органа, осуществляющего ОРД, должны быть достаточные данные и о событиях, и о действиях, создающих угрозу безопасности Российской Федерации. В противном случае проведение указанного ОРМ следует считать незаконным. Представляется, что это серьезное упущение законодателя с точки зрения юридической техники. Понятия «событие» и «действие» по своей природе разнообразны. Событие – это то, что произошло; тот или иной факт общественной или личной жизни [6, с. 766]. Действие – это поступки, поведение и т.д. [6, с. 159]. Именно поэтому мы полагаем, что в ч. 3 ст. 8 между словами «события» и «действия» должен использоваться разделительный союз «или».

Библиографические ссылки

1. Бобров В.Г. Оперативно-розыскные мероприятия. Основания и условия проведения оперативно-розыскных мероприятий : лекция. М., 2003.
2. Игнащенко Ю. Ю. Правовая регламентация обследования помещений, зданий, сооружений, участков местности, транспортных средств в оперативно-розыскной деятельности : автореф. дис. ...канд. юрид. наук. СПб, 2005.
3. Городилов А.А. Права и свободы личности в оперативно-розыскной деятельности и меры прокурорского надзора за их соблюдением : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Калининград, 2006.
4. Игуменов А.С. Об особенностях проведения опроса лиц, в ходе работы по розыску без вести пропавших, исчезнувших при криминальных обстоятельствах // Правовое государство: теория и практика. 2016. № 2 (44). С. 115–120.
5. Гринева Д.А. Розыск без вести пропавших лиц (правовой, оперативно-розыскной и криминалистический аспекты) : дис. ...канд. юрид. наук. Калининград, 2006.
6. Ожегов С.И., Шведов Н.Ю. Толковый словарь русского языка. М., 1992.

References

1. Bobrov V.G. Operativno-rozysknye meroprijatija. Osnovaniya i uslovija provedenija operativno-rozysknyh meroprijatij: lekcija (Operational search measures. Grounds and conditions of operational search actions: Lecture). M., 2003.
2. Ignashchenko Yu. Yu. Pravovaja reglamentacija obsledovanija pomeshhenij, zdaniy, sooruzhenij, uchastkov mestnosti, transportnyh sredstv v operativno-rozysknoj dejatel'nosti (Legal regulation of premises, buildings, terrain, vehicles survey in operational search activities), avtoref. dis. ...kand. jurid. nauk. SPb, 2005.
3. Gorodilov A.A. Prava i svobody lichnosti v operativno-rozysknoj dejatel'nosti i mery prokurorskogo nadzora za ih sobljudeniem (The rights and freedoms of the individual in the operational search activities and measures of prosecutor's supervision), avtoref. dis. ... kand. jurid. nauk. Kaliningrad, 2006.
4. Igumenov A. S. Ob osobennostjakh provedenija oprosa lic, v hode raboty po rozysku bez vesti propavshih, ischeznuvshih pri kriminal'nyh obstojatel'stvah (On peculiarities of persons' interrogation in the course of tracing missing persons who disappeared under criminal circumstances), *Pravovoe gosudarstvo: teoriya i praktika*, 2016, No. 2 (44), pp. 115–120.
5. Grinyova D.A. Rozysk bez vesti propavshih lic (pravovoj, operativno-rozysknoj i kriminalisticheskij aspekty) (The search for missing persons (legal, operational search and forensic aspects)), dis. ...kand. jurid. nauk. Kaliningrad, 2006.
6. Ozhegov S.I., N.Y. Shvedov. Tolkovyy slovar' russkogo jazyka (Dictionary of Russian language). M., 1992.

Дата поступления: 22.01.2017

Received: 22.01.2017

УДК 343.985.7

**СИТУАЦИОННОЕ МОДЕЛИРОВАНИЕ
В РАССЛЕДОВАНИИ ПРЕСТУПЛЕНИЙ,
СВЯЗАННЫХ С ФИНАНСИРОВАНИЕМ
ТЕРРОРИЗМА****ВОРОНИН Сергей Эдуардович***доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой криминалистики Сибирского института бизнеса, управления и психологии, г. Красноярск, Россия. E-mail: vorona64@inbox.ru***АБРАМОВА Алёна Алексеевна***аспирант Сибирского института бизнеса, управления и психологии. г. Красноярск, Россия. E-mail: alena-abramova-90@bk.ru*

Актуальность данной темы исследования напрямую связана со сложившейся обстановкой в стране и в мире. Так как терроризм приобрел глобальный, международный характер, то в целях противодействия терроризму, международное сообщество приняло ряд мер борьбы с его финансированием. В статье рассматриваются отдельные вопросы, касающиеся термина «финансирование терроризма». Показаны возможности метода ситуационного моделирования в расследовании преступлений, связанных с финансированием терроризма. Исследуются криминальные психотипы и преступное поведение лиц совершивших финансирование терроризма. Психотипологический подход в системе криминалистического знания остается одним из самых перспективных научных направлений в криминалистической науке. Полагаем, что выводы данного исследования могут быть использованы практическими работниками при расследовании уголовных дел по ст. 205.1 УК РФ.

Ключевые слова: ситуация, финансирование, терроризм, профиль, финансирование терроризма, ФАТФ, личность преступника, этимология, расследование, моделирование.

**SITUATIONAL MODELING IN THE
INVESTIGATION OF CRIMES RELATED
TO TERRORISM FINANCING****VORONIN Sergei Eduardovich***Doctor of Sciences (Law), Professor, Holder of the Chair of Forensics of the Siberian Institute of Business, Management and Psychology, Krasnoyarsk, Russia. E-mail: vorona64@inbox.ru***ABRAMOVA Alena Alekseevna***Postgraduate Student of the Siberian Institute of Business, Management and Psychology, Krasnoyarsk, Russia. E-mail: alena-abramova-90@bk.ru*

The relevance of this research topic is directly related to the current situation in the country and in the world. Since terrorism has acquired a global, international character, in order to counter terrorism, the international community has taken a number of measures to combat its financing. The article deals with some issues related to the term "terrorism financing". The possibilities of the method of situational modeling in the investigation of crimes related to terrorism financing are revealed. The authors view criminal psychological types and criminal behavior of persons who committed terrorism financing. Psychotypological approach in the system of forensic knowledge remains one of the most promising research areas in forensic science. The authors believe that the findings of this research can be used by practitioners in the investigation of criminal cases under Art. 205.1 of the Criminal Code of Russia.

Key words: situation, financing, terrorism, profile, terrorism financing, FATF, criminal identity, etymology, investigation, modeling.

В современных условиях терроризм как социальное явление оказывает негативное влияние на развитие государств всего мира. Террористическая угроза стала реальностью как в странах Востока, так и Запада, особенно на фоне глобальных миграционных процессов в современной Европе [7, с. 18]. Отдельного внимания заслуживает исследование факторов, благодаря которым терроризм не только существует, но и развивается. Среди таких факторов ведущее место занимает система финансирования терроризма. Вопрос финансирования тер-

роризма осознан мировым сообществом, признание степени его опасности нашло отражение в ряде программных документов международных организаций.

Этимологический анализ позволяет выявить подлинный смысл «финансирования», т.к. оно тесно связано с понятием «успешное завершение» какой-либо инициативы, операции: от латинского слова *finis* (граница, предел, конец) и старофранцузского глагола *finer* (довести до успешного конца, заплатить, уплатить). Поэтому смысл слова «финансировать» означает собрать средства, чтобы довести до успешного конца, завершить операцию, т.е. сделать так, чтобы покрыть потребности в ресурсах либо деньгами, либо ценностями. Отсюда вытекают основные элементы понятия финансирования: оно реализуется за счет заемных средств или авуаров (валюты, наличных денег, ликвидности, капиталов, доходов) и представляет их ассигнование.

Впервые понятие «финансирования терроризма» было введено в Конвенции о борьбе с финансированием терроризма (заключена 9 декабря 1999 года, в г. Нью-Йорке). Конвенция определила для всех стран-участниц ООН общепринятый термин и установила определенные признаки «финансирования терроризма». Рассматривая содержание данного понятия, можно сказать, что международное сообщество под финансированием терроризма понимает предоставление (полностью или частично) или сбор (полностью или частично) средств, необходимых для осуществления террористической деятельности.

В рамках Конвенции о борьбе с финансированием терроризма (заключена 9 декабря 1999 года, в г. Нью-Йорке) предметом преступления признаются активы любого рода, осязаемые или неосязаемые, движимые или недвижимые, независимо от способа их приобретения, а также юридические документы или активы в любой форме, в том числе в электронной или цифровой, удостоверяющие право на такие активы или участие в них, включая банковские кредиты, дорожные чеки, банковские чеки, почтовые переводы, акции, ценные бумаги, облигации, векселя, аккредитивы, но, не ограничиваясь ими. Международным сообществом признается, что в качестве метода финансирования могут быть использованы переводы денег на банковскую карту, передача денег в результате продажи, мены, дарения, предоставления кредитов и т.д. (п. 3 ст. 2 Международной конвенции о борьбе с финансированием терроризма).

Расширяя представление о понятии финансирования терроризма, Группа разработки финансовых мер борьбы с отмыванием (легализацией) денежных средств добытых преступным путем и финансированию терроризма (далее – ФАТФ) создала общепризнанный кодекс правил и норм, среди которых есть и указание на финансирование терроризма. В данном акте признается в качестве элементов финансирования терроризма поддержка террористов, экстремистов, а также их объединений как в процессе проведения террористических актов, так и в моменты их подготовки и обучения.

К сожалению, следует признать, что в настоящее время в России отсутствуют комплексные криминалистические исследования на монографическом уровне, посвященные проблеме финансирования терроризма. А значит, правоохранительные органы в современных правовых реалиях не имеют эффективных криминалистических методик борьбы с данным видом преступлений. Особенно это касается изучения личности террориста как важнейшего элемента криминалистической характеристики преступления данного вида.

Проблема личности преступника, безусловно, занимает одно из центральных мест в любой частной криминалистической методике расследования преступлений отдельного вида.

Ученые-криминалисты традиционно высоко ценят исследования многих наук, в том числе психологических, в области изучения свойств личности преступника и подчеркивают их важность для использования в своей науке [2, с. 55]. Однако как отмечал В.К. Гавло, «криминалистику и ее методику в первую очередь интересуют такие данные о личности субъекта преступления, которые указывают на закономерные связи между нею и совершенным преступлением, проявляющиеся вовне в различных следах-последствиях содеянного.

В этом плане личность следует изучать как слеодообразующий объект, источник информации о совершенном преступлении и как средство его раскрытия» [8, с. 197].

Мы согласны также с тем, что эти «данные о личности преступника целесообразно объединить в две группы: сведения о личности, имеющие доказательственное значение, и сведения о личности, имеющие тактическое значение» [3, с. 121]. Следует заметить, что процесс раскрытия и расследования преступления неразрывно связан и с решением задачи по выявлению причин и условий его совершения, с выполнением в рамках криминалистической деятельности профилактических функций. В круг объектов профилактического криминалистического воздействия входят и некоторые участники процесса расследования, в частности, обвиняемый, в адрес которого чаще всего направлено индивидуальное профилактическое воздействие. Следовательно, в плане изучения личности необходимо выделить и третью группу: сведения о личности, имеющие профилактическое значение.

Какие же данные о личности преступника могут иметь доказательственное значение?

В большинстве случаев ученые–криминалисты, отвечая на этот вопрос, называют социально-демографические, физические, психологические, биологические и другие особенности и свойства личности, которые отразились в материальной обстановке (материальные) и сознании людей (идеальные) и оказали существенное влияние на характер преступления. Различным свойствам личности принадлежит неодинаковая роль в преступном поведении. Так, навыки и умения могут существенно влиять на выбор того или иного объекта (предмета) преступного посягательства, того или иного способа совершения и сокрытия преступлений. Большинство криминалистов полагают, что чем теснее связь преступника с предметом преступного посягательства, тем сложнее и изощреннее, как правило, действия по совершению и сокрытию преступлений. Именно поэтому в криминологии и криминалистике давно предпринимаются попытки создания типологии преступника по отдельным видам преступлений.

И здесь уместно сказать о проблеме построения психологического портрета, который является частным случаем применения ситуационного моделирования в расследовании преступлений отдельного вида. Как известно, основной целью использования психологического портрета является стремление криминалиста «сузить круг подозреваемых и дать более четкое направление расследования». Ситуационное моделирование личности организатора финансирования террористической деятельности, на наш взгляд, напрямую связано с проблемой типологии преступников и их психологическим профилированием. Обратимся к научным данным, накопленным и обработанным за два столетия юридической наукой по этому вопросу.

Уже достаточно давно не только в криминологии, но и в криминалистике существуют попытки создания типологии преступника по отдельным видам преступлений. И это не случайно: личность расхитителя не может не отличаться от личности убийцы или насильника. В криминалистике эта проблема нашла отражение в попытке создания розыскной модели, которая состоит из признаков, имеющих системообразующее значение. Розыскная модель получила соответственно и свое название – «профиль преступника».

Термин «профиль преступника» вначале применялся криминалистами ФБР для описания особенностей и специфических деталей действий («индивидуального порядка») при совершении преступлений. Специалисты, занимающиеся расследованием таких преступлений, как изнасилование и убийство, показали, что можно делать вывод об образе жизни, криминальных особенностях и месте постоянного проживания «серийного преступника» на основании данных, свидетельствующих о том, где, когда и как были совершены ими преступления. Несмотря на то, что эти выводы делались на основе данных, полученных агентами ФБР при расследовании многих преступлений, а также из специальных интервью осужденных за такого рода преступления, они вытекали из дедуктивных заключений, то есть основывались на законах формальной логики.

Опыт каждодневной практики ФБР постепенно сформировал концепцию так называемой «внутренней логики преступления». Ее принципы можно проиллюстрировать, например, предположением, что хорошо разработанное и организованное преступление совершается лицом, которому вообще свойственно тщательно планировать и формировать свою жизнь [9, с. 84]. Данное положение особенно должно быть учтено в психологическом портрете организатора финансирования терроризма, которым, безусловно, не становятся случайные люди и в поведении которого можно проследить определенные психологические закономерности, обуславливающие статус лидера данной преступной группировки. К сожалению, в отечественной криминалистике подобные опыты создания психологических профилей проводились только в отношении серийных сексуальных убийц. Эта попытка была предпринята на основе изучения данных, имеющихся в государственном научном центре (ГНЦ) социальной и судебной психиатрии им. В.П. Сербского. Исследование построено на анализе материалов историй болезни лиц, которые обвинялись в совершении серийных сексуальных убийств и проходили комплексную психолого-психиатрическую экспертизу в ГНЦ на протяжении последних 25 лет. Была разработана анкета, которая включала 196 вопросов и была нацелена на получение персональной (демографической), биографической, психологической, сексологической, криминалистической, виктимологической и психологической информации.

Понятно, что эти полученные данные и разработанные методики не могут быть применены к личности организатора финансирования террористической деятельности, не отвечающей главному системообразующему признаку, лежащему в основе этих методик – серийности совершенных преступлений. Именно отсутствие этого признака и затрудняет использование при формировании портрета организатора так называемую «основополагающую (каноническую) коррекцию». Суть этой процедуры состоит в анализе связи между двумя группами переменных величин. Другими словами, это попытка выведения сложных регрессивных уравнений, которые содержат ряд переменных критериев, а также определенное число прогностических переменных величин. На одной стороне этого уравнения находятся необходимые для следователей переменные величины, извлеченные из информации о преступлении, на другой – характерные особенности преступника, имеющие поисковую ценность.

Так, если $A1...n$ означает действие преступника (включая, например, время, место и выбор потерпевшего), а $C1...m$ означает особенности преступника, то возникает эмпирический вопрос об установлении весовых отношений между $F1...n$ и $K1...m$ в уравнении следующего вида:

$$F1A1+...+FnAn = K1C1+...+KmCm [11, с. 18].$$

Вполне очевидно, что связь между функциями $F1$ и $K1$ прямо пропорциональна, то есть увеличение информационных данных о времени, месте и, например, предмете преступного посягательства в исправительных учреждениях ведет к увеличению данных о характерных особенностях преступника.

В ряду признаков, которые могут быть положены в основу психологического профиля организатора преступного сообщества, относятся так называемые личностные различия. Исследования этого плана строятся на сравнительном анализе особенностей людей, совершивших разные преступления. Авторы такого рода исследований склонны считать, что имеется какая-то особая причина, толкающая человека на путь совершения особого вида преступлений. Работы Г.Ю. Айзенка, вскрывающие личностные различия между особыми типами преступников, возможно, являются наиболее типичными для этого направления исследований. Применение результатов этих работ на практике сталкивается с неразрешимыми проблемами. Тем не менее, трудно не согласиться, что личность индивида так или иначе не отражается в способе совершения преступления. Проблема заключается лишь в том, чтобы идентифицировать «реальные» переменные A и C , действительно имеющие прямую связь с личностными особенностями преступника.

Как показывают исследования, по сравнению с другими преступниками, организаторы финансирования террористической деятельности являются более адаптированными, т.е. более приспособленными к различным социальным ситуациям и их изменениям: лучше ориентируются в социальных нормах и требованиях, особенно в своей социальной среде. Во многом такой высокой степени адаптивности преступников способствует исламский фактор. Ислам является не только Мировой авраамической религией, но и сравнительно молодой цивилизационной культурой, объединяющей сегодня 1,5 млрд человек на Земле. Ученые-исламоведы, во многом, объясняют радикализм современного Ислама «болезнями роста» этой самой «молодой» Мировой религии, возраст которой 1,5 тыс. лет. Чаще всего, организаторам финансирования не свойственны такие черты, как агрессивность поведения, которые отмечаются у насильственных преступников. Безусловно, у таких лиц отмечается высокий уровень интеллекта, они обладают достаточно хорошими экономическими знаниями и знаниями в области финансовой деятельности. Лидерское положение в преступной группе организаторов финансирования террористической деятельности во многом способствует глубокая вера в Аллаха и хорошее знание Корана.

По мнению В.М. Быкова, с которым можно согласиться, центральное звено (А) в ОПС – это преступная деятельность группы. Первая ядерная страта (Б) – это отношение каждого члена преступной группы к ее преступной деятельности. Вторая страта (В) – это характеристика межличностных отношений, опосредствованных содержанием преступной деятельности группы. Поверхностный слой (Г) – это межличностные отношения между членами группы, основанные на личных эмоциональных связях и выбора, не связанные непосредственно с самой преступной деятельностью группы [1, с. 58].

Последний, так называемый поверхностный слой, на наш взгляд, очень хорошо проанализировала в своем диссертационном исследовании «Личность женщины в механизме преступления и ее значение для криминалистической методики расследования преступления отдельного вида» Л.Ю. Кирюшина [10, с. 97]. Так, исследуя гендерные особенности преступной деятельности банды, организованной в 2000 году на Алтае некоей гражданкой Скосырской, Л.Ю. Кирюшина обратила внимание на старые, всем хорошо известные, но по-прежнему, достаточно надежные и эффективные методы управления, применяемые ею в этом организованном преступном сообществе, наводившем ужас на водителей-дальнобойщиков в течение многих лет на всей территории Алтайского края. В подчинении у этой женщины-главаря было 29 мужчин – «отпетых» убийц и грабителей. Периодически меняя любовников и фаворитов, гр.Скосырская достаточно умело манипулировала членами своей банды, грамотно распределяя роли в проводимых преступных акциях, долгое время, оставаясь недосягаемой для правоохранительных органов. Она активно руководила поиском и хранением оружия и боеприпасов, изготовлением масок, распределяла обязанности и роли между участниками банды, обеспечивала сбыт и дележ похищенного имущества, подыскивала места его хранения. При совершении многочисленных разбойных нападений она всегда оставалась в автомобиле, опасаясь быть опознанной кем-либо. Всего преступной группой под руководством гр. Скосырской было совершено 34 разбойных нападений.

В этом же научном исследовании Л.Ю. Кирюшина отметила и чрезвычайную агрессивность женщин-преступниц, несколько не уступающую, а иногда и намного превосходящую мужскую агрессию. Та же гр. Скосырская иногда своей жестокостью поражала даже «видавших виды» мужчин – членов банды, когда сама лично, несколько не брезгуя при этом, отрубала пальцы только что убитым дальнобойщикам, чтобы снять золотые кольца и перстни с еще неостывшихtrupов [10, с. 99].

В рамках нашего исследования особый интерес представляет типология лидеров ОПС, данная в свое время В.М. Быковым. Он предлагает классифицировать лидеров преступного сообщества на следующие психотипы:

1. Лидер – вдохновитель: авторитарный универсальный;
2. Лидер – вдохновитель: авторитарный ситуативный;
3. Лидер – организатор: демократичный универсальный;
4. Лидер – организатор: демократичный ситуативный;
5. Лидер – организатор: смешанный универсальный;
6. Лидер – организатор: смешанный ситуативный [1, с. 141].

Даже беглого, поверхностного взгляда на типологию преступников, предложенную В.М. Быковым, достаточно, чтобы понять: в качестве классификатора для своей научной системы автор использовал криминальную ситуацию. По сути, мы имеем дело с одной из первых, в целом удачной, попыток психологического профилирования преступников, предпринятых еще в советской криминалистике, с использованием метода ситуационного анализа [6, с. 23].

А теперь с помощью метода ситуационного моделирования попытаемся построить психологический портрет современного организатора финансирования террористической деятельности в России, выявив при этом типичные эндогенные и экзогенные свойства личности преступника, позволяющие в полной мере осуществить научную экстраполяцию. В качестве примера представляем психологические профили двух наиболее ярких представителей организаторов финансирования террористической деятельности [4, с. 17].

С точки зрения ситуационного моделирования особый интерес, на наш взгляд, представляет личность главаря северокавказского бандподполья Саида Бурятского, который, как известно, «преуспел» не только в организации резонансных террористических актов, но также и финансировании ваххабитской деятельности на Северном Кавказе.

Психологический портрет Саида Бурятского:

Саид Бурятский (Александр Александрович Тихомиров) родился 10 февраля 1982 года в городе Улан-Удэ Бурятской АССР. Бурят по матери, русский по отцу Тихомиров многие годы воспитывался отчимом-чеченцем. В школе учился посредственно, был обычным и даже незаметным ребенком. Со взрослыми и учителями вел себя предельно вежливо. В подростковом возрасте несколько лет проучился в буддистском дацане. В 15 лет принял Ислам и взял имя Саид. В последующие годы прошел успешное обучение в исламских университетах Египта и Кувейта. Посещал лекции известных ученых шейхов Махмуда Мисри и Мухаммада Юсри. Известен своей исключительной религиозностью и прилежанием в учебе. Знал наизусть 40 хадисов на арабском языке. Долгое время работал в организации «Дар ум-Акрам». Тесно сотрудничал с религиозным издательством «Умма».

В начале 2008 года Саид получил видеописьмо из Чечни от известного арабского полевого командира Муханнада и решает присоединиться к северокавказскому вооруженному бандподполью. В 2009 году Саид тайно прибывает в Чечню. Он отлаживает каналы финансирования террористической деятельности, используя свои обширные связи с бурятскими бизнесменами. Также Саид придумывает достаточно хитроумные схемы обложения податями бизнесменов Северного Кавказа. Параллельно занимается подготовкой шахидов и изготовлением поясов «смертников».

17 августа 2009 года Саид Бурятский организовал и лично участвовал террористическом акте в Назрани. Автомобиль со взрывчаткой протаранил ворота ГОВД и взорвался на территории отдела милиции. В результате взрыва мощностью от 400 до 1000 кг в тротиловом эквиваленте погибли 25 сотрудников милиции, 260 человек были ранены. Здание Назрановского ГОВД в результате теракта было полностью разрушено. 2 марта 2010 года Саид Бурятский был убит в результате проведенной спецоперации в Ингушетии.

По оценкам специалистов, Саиду были присущи такие поведенческие черты характера, как, чрезвычайная собранность, расчетливость, пониженный уровень эмоциональности, умение слушать собеседника, подчеркнутая холодность и часто «деланное» спокойствие при принятии ответственных решений, азиатское умение излагать простые мысли с подчеркнуто

важным и весьма значительным видом. В качестве черты характера была отмечена также и холодная, расчетливая жестокость. Являясь ортодоксальным салафитом, Саид отдавал приказы на устранение кяфилов – врагов Ислама практически не задумываясь.

Психологические свойства личности. По типу характера Саид являлся интровертом меланхолического склада. Только в юности у него проявился достаточно высокий уровень интеллекта при окончании исламского университета. В процессе обучения в Египте проявил незаурядные математические способности. Имел яркую предпринимательскую жилку, которая позволила ему в 2009 году отладить финансирование всего северокавказского бандподполья. Он придумал весьма оригинальную схему отмывания нелегальных доходов от наркотиков и оружия, используя оффшорные компании в мусульманских странах, официально исповедующих ваххабизм (салафизм). Саид всегда отличался достаточно высоким уровнем психической адаптации, позволяющим принимать ему, как лидеру, необходимые волевые решения в чрезвычайных ситуациях. Также обладал большой целеустремленностью, решительностью, настойчивостью, выдержкой и самостоятельностью при принятии важных стратегических и тактических решений в деятельности бандподполья.

С точки зрения показателей экстраверсии и нейротизма по Айзенку: по оценкам специалистов, Саид при жизни не отличался особой общительностью, как и все эпилептики, склонные к интроверсии и аутизму. Со слов очевидцев, длительное общение с «братьями по вере», чрезвычайно угнетало и утомляло Саида. Этому общению он всегда предпочитал уединение и молитвы.

С точки зрения акцентуации характера по системе П.Б. Ганнушкина и на основании имеющихся данных Саид, безусловно, являлся эпилептоидом конституционально-депрессивного типа. В течение всей его недолгой жизни у него было зафиксировано несколько приступов эпилепсии. Будучи абсолютным эпилептоидом, он почти всегда находился в мрачном расположении духа, был крайне осторожен по отношению ко всему незнакомому; привержен к строгим правилам, аккуратности и порядку. Очевидно, именно отсюда его исключительное прилежание в учебе, которая позволила добиться ему таких успехов в изучении Корана и стать безусловным лидером ваххабитского движения на Северном Кавказе. Известный публицист Гейдар Джемаль, неоднократно выражавший свои симпатии террористам, назвал Тихомирова «...символом нового поколения в эпопее кавказской войны, в жилах которого течет русская и бурятская кровь».

Для наиболее полного представления личности преступников осуществляющих финансирование терроризма следует рассмотреть психологический портрет другого террориста – Самера Салех ас-Сувейлема (Хаттаба).

По данным российских спецслужб наиболее успешным финансистом террористической деятельности на территории Северного Кавказа был Самер Салех ас-Сувейлем, известный как полевой командир в Чечне Хаттаб. Хаттаб был иорданским евреем по матери. Он родился 14 апреля 1969 года на территории Саудовской Аравии. Его отец был старейшиной кочевого бедуинского племени, которое кочевало на границе Саудовской Аравии и Иордании. С детства Хаттаб отличался острым умом и творческим воображением. Очень любил лицедейство. Имеются факты, что Хаттаб в детстве устраивал домашние театральные постановки, чем развлекал своих родственников.

В 1987 году родные отправляют Хаттаба на учебу в США (г. Нью-Йорк). Однако очень скоро Хаттаб попадает в ваххабитскую организацию арабов-мигрантов, заражается идеями «салафийя», бросает колледж и уезжает на священную войну «газават» в Афганистан. В 1987 году он принял участие в активных боевых действиях под Джелалабадом и Кабулом, был тяжело ранен в живот. В результате взрыва гранаты он потерял несколько пальцев на обеих руках, поэтому его прозвали «Однорукий арабом». С 1995 по 2002 гг. Хаттаб являлся одним из руководителей вооруженных формирований самопровозглашенной Чеченской рес-

публики Ичкерия на территории Российской Федерации. Активно проповедовал идеи «салафийя» и религиозной священной войны («газават»). Являлся бессменным главным бухгалтером и кассиром террористических организаций «Исламская международная миротворческая бригада» и «Высший военный маджлисуль шура объединенных сил моджахедов Кавказа». В рамках настоящего диссертационного исследования особый интерес представляет именно эта деятельность Хаттаба. Именно Хаттаб организовал бесперебойное зарубежное финансирование закупки боеприпасов и обустройства лагерей по подготовке боевиков и шахидов на территории Чечни. И только ликвидация Хаттаба в результате спецоперации российских спецслужб 20 марта 2002 года, наконец-то, остановило этот финансовый поток из-за рубежа.

По версии российских спецслужб, Хаттаб являлся «двойным» агентом спецслужб США и Саудовской Аравии. Вероятнее всего, Хаттаб был завербован ЦРУ США еще в 1987 году. Полагаем, именно спецслужбы США и Саудовской Аравии являлись главными источниками финансирования террористической деятельности полевых командиров на территории Чечни. Отголоски финансовой деятельности Хаттаба (правда, уже не в таком объеме), мы до сих пор можем наблюдать на территории Дагестана и Ингушетии.

По оценкам специалистов, Хаттабу присущи такие черты характера, как, расчетливость, пониженный уровень эмоциональности, агрессивность, фанатичная религиозность в сочетании с довольно прагматичным светским мышлением. Говоря о психологических свойствах личности, следует дать характеристику по типу характера. Так, Хаттаб являлся экстравертом холерического склада. Однако, даже по тем скудным данным, которыми мы располагаем, Хаттабу была свойственна так называемая «мозаичная» акцентуация характера. То есть, вкрапление в акцентуацию гипертима акцентуации истероидного типа. Полагаем, именно этим фактом объясняется склонность Хаттаба к жестоким театральным постановкам с отрезанием голов российским военнопленным. Экспертами при жизни у него был отмечен достаточно высокий уровень интеллекта (выше среднего) при наличии неоконченного среднего образования. Имел достаточно высокий уровень психической адаптации, позволяющий принимать ему необходимые волевые решения в критических ситуациях. Всегда отличался большой целеустремленностью, решительностью, настойчивостью, выдержкой и самостоятельностью при принятии важных стратегических и тактических решений в деятельности ваххабитов. Мог сплотить вокруг себя и возглавить большую группу людей.

С точки зрения показателей экстраверсии и нейротизма по Айзенку, Хаттаб всегда отличался невероятной общительностью и, одновременно, повышенной тревожностью и склонностью к фрустрации. Имея акцентуацию «мозаичного» типа, Хаттаб во время своей недолгой жизни проявил достаточно большие артистические способности, что, обычно, свойственно психопатам истероидного типа [5, с. 86].

Сказанное выше позволяет сделать вывод, что психопатии истероидного типа – наиболее распространенный вид аномалии характера, встречающийся среди лидеров радикальных исламских организаций. А это означает, что криминалисту, приступающему к расследованию таких сложных преступлений, связанных с финансированием терроризма, необходимо вооружиться, кроме религиоведения, еще фундаментальными знаниями в области судебной психиатрии и юридической психологии. Что же касается психологического профиля ваххабита, то здесь ситуация осложняется тем, что отсутствует самая главная детерминанта, необходимая для выведения уравнения канонической корреляции – серийность преступлений, если только не считать устойчивым признаком совершения преступлений исследуемого вида приверженность лица учению салафитов (салафия). Выстраивая психологический профиль российского ваххабита, авторы предлагаемой статьи основывались на материалах уголовных дел, возбужденных по признакам статьи 205 «Террористический акт», 205.1 «Содействие террористической деятельности» УК РФ. При этом в своем исследовании авторы умышленно

не касались проблемы шахидов, которая требует самостоятельного изучения и выходит за рамки исследовательских задач настоящей статьи.

Библиографические ссылки

1. Быков В.М. Криминалистическая характеристика преступных групп : монография. Ташкент : Изд-во ВШ МВД СССР. 1986.
2. Воронин С.Э., Ахмедшин Р.Л., Алексеева Т.А. Психотипологический подход в системе криминалистического знания аспекты : монография. Красноярск : Изд-во Сибирского института бизнеса, управления и психологии, 2015.
3. Воронин С.Э., Воронина Е.С., Железняков А.М. Организация преступного сообщества: уголовно-правовые и криминалистические аспекты. Красноярск : Изд-во Сибирского института бизнеса, управления и психологии, 2015.
4. Воронин С.Э. Использование полиграфа и метода психологического профилирования в расследовании преступлений, связанных с религиозным экстремизмом // Российский следователь. 2016. № 3. С. 16–19.
5. Воронин С.Э., Кузнецова С.М. Психологический портрет организатора преступного сообщества // Вестник Казанского юридического института МВД РФ. 2016. № 1 (23). С. 80–87.
6. Воронин С.Э. Ситуационное моделирование в судебной экспертизе. Красноярск : Изд-во Красноярского государственного аграрного университета, 2013.
7. Воронин С.Э. Теория и практика расследования преступлений в сфере миграционной безопасности : монография. Красноярск : Изд-во Сибирского института бизнеса, управления и психологии, 2015.
8. Гавло В.К. Теоретические проблемы и практика применения методики расследования отдельных видов преступлений. Томск : Изд-во Томского университета, 1985.
9. Кантер Д. Психологический профиль преступника : сборник научных трудов «Проблемы использования нетрадиционных психофизиологических методов в раскрытии преступлений». Москва: Изд-во ВНИИ МВД России, 1995.
10. Кирюшина Л.Ю. Личность женщины в механизме преступления и ее значение для криминалистической методики расследования преступлений отдельного вида : дис. ... канд. юрид. наук. Барнаул, 2007.
11. Hazelwood R.R., Buzgess A. Practical aspects of rape investigation: a multi-disciplinary approach. Amsterdam, 1987.

References

1. Bykov V.M. Criminalisticheskay haracteristica prestupnih grup (Forensic characterization of criminal groups), monografia, Tashkent, Izd-vo VSh MVD SSSR, 1986.
2. Voronin S. U., Ahmedshin R.L., Alekseeva T.A. Psihotipologicheski podhod v sisteme criminalisticheskogo znania aspekti (Psychotypological approach in the system of forensic knowledge aspects), Krasnoyarsk, Izd-vo Sibirskogo instituta biznesa, upravlenija i psihologii. 2015.
3. Voronin S.E., Voronina E.S., Zheleznyakov A.M. Organizacia prestupnogo soobchestva: ugolovno-pravovye i criminalisticheskie aspekti (Organization of a criminal community: criminal, legal and forensic aspects), Krasnoyarsk, Izd-vo Sibirskogo instituta biznesa, upravlenija i psihologii, 2015.
4. Voronin S.E. Ispol'zovanie poligrafa i metoda psihologicheskogo profilirovania v rassledovanii prestuplenii, svzannih s religioznim extremismom (Using a polygraph and psychological profiling method in the investigation of crimes related to religious extremism), Rossijskij sledovatel', 2016, No. 3. pp. 16–19.
5. Voronin S.E., Kuznetsova S.M. Psihologicheski portret organizatora prestupnogo soobchestva (Psychological portrait of the organizer of a criminal group), Vestnic Kazanskogo juridicheskogo instituta MVD RF. 2016, No. 1 (23), pp. 80–87.
6. Voronin S.E. Situazionnoe modelirovanie v sudebnoi expertise (Situational modeling in forensic expertise), Krasnoyarsk, Izd-vo Krasnojarskogo gosudarstvennogo agrarnogo universiteta, 2013.
7. Voronin S.E. Teoria i practica rassledovania prestuplenii v sfere migracionnoi bezopasnosti (Theory and practice of the investigation of crimes in the sphere of migration security), Krasnoyarsk, Izd-vo Sibirskogo instituta biznesa, upravlenija i psihologii, 2015.

8. Gavlo V.K. *Teoreticheskie problemi i practica primeneniya metodici rassledovaniya otdelnih vidov prestuplenii* (Theoretical problems and practice of the technique of investigation of certain types of crimes), Tomsk, Izd-vo Tomskogo universiteta, 1985.
9. Kanter D. *Psihologicheski profil' prestupnitsa* (Psychological profile of the perpetrator), sbornik nauchnykh trudov «Problemy ispol'zovaniya netraditsionnykh psihofiziologicheskikh metodov v raskrytii prestuplenij». Moskva: Izd-vo VNII MVD Rossii, 1995.
10. Kiryushina L.Y. *Lichnost' dgenchini v mehanizme prestuplenia i ie znachenie dlai criminalisticheskoi metodici rassledovaniya prestuplenii otdel'nogo vida* (Woman personality in the crime mechanism and its implications for forensic techniques of the investigation of certain types of crimes), dis. ... kand. jurid. nauk, Barnaul, 2007.
11. Hazelwood R.R., Buzgess A. *Practical aspects of rape investigation: a multi-disciplinary approach*, Amsterdam, 1987.

Дата поступления: 14.01.2017

Received: 14.01.2017

УДК 343.1

ОЧНАЯ СТАВКА: НЕПРОЗРАЧНЫЕ ПЕРСПЕКТИВЫ, НЕЭФФЕКТИВНАЯ ТАКТИКА И СОМНИТЕЛЬНАЯ ПОЛЬЗА

ПОЛСТОВАЛОВ Олег Владимирович

доктор юридических наук, профессор кафедры криминалистики Института права ФГБОУ ВО «Башкирский государственный университет», г. Уфа, Россия. E-mail: Polstovalov74@mail.ru

В статье раскрываются основные проблемы очной ставки как средства доказывания, ставится под сомнение ее необходимость в существующем виде с точки зрения сложившейся актуальной практики досудебного производства по уголовному делу и требований международных стандартов, поднимается проблема де бюрократизации уголовного правосудия. Автор предпринимает сравнительно-исторический метод в исследовании сложившейся правовой традиции, обращает внимание на международно-правовые стандарты обеспечения права обвиняемого лично допрашивать того, кто дает против него показания, в контексте положений Пакта о гражданских и политических правах, Конвенции по защите прав человека и основных свобод, решений Европейского суда по правам человека и приходит к выводу о смещении вектора значимости очной ставки с преодоления существенных противоречий в показаниях ранее допрошенных лиц к обеспечению требований международно-правовых норм и сложившейся в отношении России практики ЕСПЧ. В статье особое внимание уделено фактической стороне правоотношений, возникающих в ходе производства очной ставки.

FACE-TO-FACE INTERROGATION: NON-TRANSPARENT PERSPECTIVES, INEFFECTIVE TACTICS AND DOUBTFUL ADVANTAGE

POLSTOVALOV Oleg Vladimirovich

Doctor of Law, Professor of the Chair of Forensics of the Institute of Law of the FSBEI HE "Bashkir State University", Ufa, Russia. E-mail: Polstovalov74@mail.ru

The article views the main problems of face-to-face interrogation as a means of proving, disputes its necessity in its current form from the point of view of present topical practice of pretrial proceedings on a criminal case and requirements of international standards, brings up the problem of red tape reduction of criminal justice. The author uses a comparative and historical method in the research of present legal tradition, pays attention to international legal standards of providing the accused with the right to interrogate the person who witnesses against him/her, in the context of statements of the Covenant on Civil and Political Rights, the Convention for the Protection of Human Rights and Fundamental Freedoms, verdicts of the European Court of Human Rights, and comes to the conclusion that the vector of significance of face-to-face interrogation has been shifted from overcoming major contradictions in testimonies of previously interrogated people to provision of requirements of international legal norms and present practice of the European Court of Human Rights in regard to Russia. The article pays special attention to the factual side of legal relations that appear in the course of face-to-face interrogation.

Ключевые слова: очная ставка, доказывание по уголовному делу, международные стандарты, практика ЕСПЧ, бюрократизм уголовного правосудия.

Key words: face-to-face interrogation, proving in a criminal case, international standards, practice of the European Court of Human Rights, criminal justice bureaucracy.

В российском уголовном судопроизводстве существует немалое количество рудиментарных процедур и вновь насаждаемого преимущественно из-за внутриведомственного недоверия параллельного с законом документооборота и формализма. При этом, такие процедуры могут быть как предусмотренными законом, так и являться плодом творения лица начальствующего, волюнтаристски добавляющего бюрократии в и без того чрезвычайно дорогостоящий уголовный процесс.

Разумеется, дебюрократизация должна идти по всем направлениям, если принимать за точку опоры рациональность и профессионализм законодателя и правоприменителя. Не будем вдаваться в подробности о профессионализме и добросовестности нашей бюрократии, поскольку более иллюстративным показателем этого выступает качество нормативных правовых актов и количество принимаемых абы как в контексте той или иной политической конъюнктуры изменений и дополнений в действующее уголовное и уголовно процессуальное законодательство. Административный аппарат нашего самого справедливого и суверенно-демократического государства в мире в зеркале творимого, в особенности в последнее время, законодательства в сфере уголовного правосудия выглядит, мягко говоря, «не очень». Однако даже случившиеся в законодательстве изменения, нацеленные на сокращение избыточной бюрократической волокиты, удивительным образом превращаются преимущественно по воле главного надзорного ведомства и его территориальных органов в еще более заадминистрированную и потому еще более дорогостоящую процедуру. Особенно это явственно наблюдается на примере расширения пределов доказывания требованиями о дублировании сведений посредством разных средств доказывания с трех-, четырехкратным пересечением: например, установленные обстоятельства в показаниях в их соответствии с обстановкой на месте происшествия и проведенными экспертизами по известной только прокуратуре логике еще и проверяются на месте; с необходимостью свидетельствующий об инсценировке кражи факт того, что по установленным в ходе осмотра места происшествия размерам ящик с товарно-материальными ценностями не проходит в пролом двери, требуют дублировать не устанавливающим ничего нового следственным экспериментом и пр. Бюрократизация проявляется и в том, что в настоящее время освобожденные законом от необходимости привлечения понятых при производстве, скажем, осмотра места происшествия следователи обязаны их отсутствие «компенсировать» применением средств технической фиксации хода и результатов следственного действия. Казалось бы: используй видеозапись и живи спокойно! Ан нет, по данным опроса следователей в настоящее время по воле прокуратуры становится обязательным и присутствие понятых, и фото- или видео-фиксация.

Как представляется, вектор дебюрократизации досудебного и судебного производства по уголовному делу в современных условиях затянувшегося экономического кризиса становится как никогда перспективным, поскольку разумное сокращение бюджетных расходов в связи с необходимостью упразднения процедур, которые никак не связаны с качеством работы правоохранительных и судебных органов и не определены международными стандартами по взятым Россией на себя обязательствам, на руку всем. Однако нельзя не разделять опасений В.В. Лунеева, который пишет о том, что «если законодателей от науки и практики криминального цикла, а также самих законодателей не интересует фактическая и позитивная эффективность той или иной нормы или кодекса (УК РФ, УПК РФ, УИК РФ) в целом; если при разработке и принятии новых норм, не прогнозируются возможные нежелательные результаты их действия; если предлагаемые правовые новеллы рождаются методом «умной головы»

на основе неких логических умозаключений и некритичного списывания с законов других стран, которые выставляются ими более цивилизованными, и если основную роль при принятии законов играют продажные лоббисты от криминала, то о каком учете криминальных, криминогенных и коррупциогенных реалий в законодательстве может идти речь. Более того, озвучивание прогнозируемых криминальных последствий действия предлагаемых порочных законов может парализовать «передовое», выгодное, а иногда и доходное предприятие» [1, с. 23]. Разумная, а не оголтелая дебиюрократизация досудебного судопроизводства представляется делом весьма доходным, поскольку, как известно, деньги сэкономленные есть деньги заработанные. Однако бюрократическая машина множит внутриведомственное недоверие и оправдывает свое существование ростом пустого бумаготворчества без сколько-нибудь заметного прогресса в качестве досудебного и судебного производства по уголовному делу.

Попытаемся обратить внимание на одно известное еще и дореволюционному правоприменителю следственное действие – очную ставку, которая по истине «расцвела» по факту применения во всех коннотационных красках и эмоционально поданных обвинительных речах советского периода сталинского тоталитаризма. Как представляется, это следственное действие по материалам практики дня сегодняшнего превратилось в обременительную полубязанность, результатом выполнения которой в лучшем случае остается ситуация «все остались при своих». К какому устранению противоречий она ведет усилением воздействия фактора личного присутствия в обществе победившего безразличия и цинизма, на сколько она необходима и целесообразна в современных условиях, каким международным стандартам отвечает и, наконец, является ли столь незыблемой российской правой традицией, которая выделяет нас среди всех прочих стран тем, что в досудебном производстве мы готовы проводить ее, даже не ожидая никакого конструктивного результата, но рискуя многим?

Очная ставка имеет достаточно большую историческую ретроспективу в отечественном законодательстве и производстве по делу, но не такую древнюю, как полагают отдельные авторы. В литературе встречается утверждение, что известный в Русской правде «свод» (ст. 16 краткой редакции) стал прообразом современной очной ставки [2, с. 105]. Это весьма смелое допущение, поскольку свод представлял собой процесс отыскания того, у кого находится в незаконном владении вещь, а его регламентация на уровне обычая привела к тому, что в Русской правде подробного описания свода мы не встречаем [3, с. 57]. Общее правило о том, что свод ведется лицом до третьего покупателя, даже не дает намека на весьма отдаленную аналогию с очной ставкой. Другое дело, когда речь идет о свидетеле-очевидце, именуемым в Русской правде как по Пушкинскому, так и по Троицкому списку (ст. 29) «видок», то процесс противопоставления «слово противу слову» очевидцев действительно напоминал очную ставку. В частности в ст. 29 Пушкинского списка говорится: «Аще придет кровав мужь на двор или синь, то видока ему не искати, но платити продажа 3 гривны; аще ли не будет на нем знаменья, то привести ему видок слово противу слову; кто ли будет почал, то тому платити 60 кун; еще ли кровав придет, или будет сам почал, а вылизуть послуши (послухи – *уточн. О.П.*), то то ему платежь, оже и били» [4, с. 412]. При этом противопоставление сказанного видоком и явившемся, как видно, так же было возможно, но в для удовлетворения требований истца принципиально важным было при отсутствии явных телесных повреждений, чтобы сказанное ими совпадало слово в слово. Однако в полной мере очной ставкой подобное противопоставление «слова противу слову» (в переводах это порой обозначают, напротив, как «слово в слово») вряд ли можно назвать, поскольку во многом исход разрешения спора зависел не от устранения противоречий в сказанном, а от того, чья была инициатива в драке, какие имелись на теле телесные повреждения («кровав мужь») и кто располагал свидетелями-очевидцами и послухами-поручителями за доброе имя. Имеющиеся комментарии к сказанному и перевод на более современный русский язык ст. 29 по существу позволяют нам более точно понять норму Русской правды: «Если на [княжеский] двор придет чело-

век в крови или с синяками, то ему нет нужды ставить очевидцев, и виновный платит ему 3 гривны продажи; если же на истце не будет знаков, то он должен представить очевидцев, которые бы подтвердили его показание слово в слово; тогда зачинщику драки платить 60 кун истцу. Если же истец придет в крови, а явятся свидетели, которые покажут, что он сам начал драку, то сосчитать ему то за платеж, как с зачинщика, хотя его и побили» [5, с. 351].

В ст. 14 «О татиных речех» Судебника 1497 г. говорилось: «А на кого тать возмолвит, ино того опытати: будет прирочной человек з доводом, ино его пытати в татьбе; а не будет на него прирока з доводом в какове деле в прежнем, ино татиным речем не верити, дати его на поруку до обыску». Даже прямой оговор со стороны вора не предполагал необходимости проверки сказанного по типу очной ставки. Если обличение татем подтверждалось другими доказательствами («прирочной человек з доводом»), то его пытали в татьбе, а если нет, то сказанному воров не было необходимости верить. И в этом документе мы не обнаруживаем хоть сколько-нибудь похожие на очную ставку процедуры. Разумеется, поединок между ответчиком, который, если являлся престарелым, малолетним, имеющим увечья, или попом, или монахом, или монашкой, или женщиной, то мог прибегнуть к помощи наймита, и послухом (свидетелем), который не мог обратиться к чьему бы то ни было посредничеству, ничего с очной ставкой общего не имеет (ст. ст. 48, 49, 52 Судебника). Вместе с тем, если послух (свидетель) давал показания против истца, то тот проигрывал дело (ст. 51 Судебника 1497 г.) [6, с. 56, 61–62]. При этом Судебник 1497 г. подобно Псковской судной грамоте и в отличие от Русской правды уже не содержал различий между послухами и видоками, объединив всех свидетелей-очевидцев (а другими, кроме очевидцев, свидетельствующие и не могли быть в силу ст. 67 Судебника) под общим понятием «послух». Судебник 1550 г. сохранил положения о наймитах, но уже позволял проводить судебный поединок между свидетелями, поддержавшими показания истца и теми свидетелями, которые эти показания не поддержали (с. 15 Судебника) [6, с. 99]. Если не строго подходить к сути вопроса, то думается, что именно такой поединок по форме может считаться с очень большой долей условности предшественником очной ставки.

Не вдаваясь в существо провозвестников очной ставки в древней и средневековой Руси, отметим, что всякие прямые аналогии с современным следственным действием не совсем корректны ввиду различия типов процесса и необходимости рассмотрения данного средства доказывания в соответствующем историческом контексте. Однако здесь важно обратить внимание на отсутствие однозначной и устойчивой правовой традиции, которая берет свое начало разве что в XIX веке. В Уставе уголовного судопроизводства 1864 г. очная ставка упоминается дважды: согласно ст. 452 Устава «очные ставки даются свидетелям в тех случаях, когда от разъяснения противоречий в их показаниях зависит дальнейшее направление следствия», а в ст. 726 говорится, что «каждый свидетель может быть передопрошен в присутствии других свидетелей или поставлен с ними на очную ставку, но без повторения присяги» [7, с. 247, 266]. Выдающийся русский юрист Л.Е. Владимиров очную ставку рассматривал в качестве средства обследования предполагаемого виновника, отнеся ее к категории испытаний в двух вариантах «очная ставка с жертвою преступления» и «очная ставка со свидетелями» [8, с. 193–194]. Современное Л.Е. Владимирову законодательство, признававшее «оговор подсудимым посторонних лиц» несовершенным доказательством, предполагало также, что «сила оговора уменьшается, если подсудимый, до отыскания оговоренного, отправлен будет в ссылку, или умрет, так что невозможно будет удостовериться в справедливости оговора чрез очную ставку» [8, с. 57].

На заре становления советского государства УПК РСФСР 1922 и 1923 годов в отношении очной ставки отличались разве что нумерацией статей: «Обвиняемые, – указывалось в ст. 140 УПК РСФСР 1922 г., – допрашиваются порознь, причем следователь принимает меры к тому, чтобы обвиняемые по одному и тому же делу не могли сообщаться между собой. В случае надобности следователь устраивает очную ставку между обвиняемыми, а также между обвиняемыми и свидетелем», и абсолютно аналогичную формулировку мы встречаем

в ст. 137 УПК РСФСР 1923 г. Те же положения касались как допроса свидетелей порознь, так и очной ставки между ними «в случае надобности» (ст. 166 УПК 1922 г., и ст. 163 УПК 1923 г.). Правило, согласно которому каждый свидетель мог «быть передопрошен в присутствии других свидетелей или поставлен с ними на очную ставку» (ст. 294 УПК 1922 г. и ст. 240 УПК 1923 г.), было фактически дословно за вполне понятным исключением указания «без повторения присяги» воспроизведено из положений ст. 726 УУС. Случаи надобности были весьма расплывчатыми и в отличие от ст. 452 УУС 1864 г. не строго привязанными к необходимости разъяснения противоречий в ранее данных показаниях. Более того, в период репрессий 1930-х гг. очная ставка приобрела в обвинительных речах по самым резонансным делам характер не столько убедительного доказательства, сколько заметной части патетической риторики вокруг претенциозно поданных преследовательских аргументов. По делу о троцкистско-зиновьевском центре в ходе поддержания обвинения в отношении И.Н. Смирнова и других подсудимых А.Я. Вышинский говорил: «Я хочу напомнить, что очная ставка с Сафоновой на предварительном следствии, в основном воспроизводящая то, что мы имели здесь на суде, очень характерна. Смирнов не решается отрицать доказательств, приводимых Сафоновой, он измышляет каучуковую форму лжи, он знает, что Сафонова клеветать не будет. Сафонова – его бывшая жена, с которой он никаких счетов не имеет, и на личные счета он сваливать не может. Он говорит: «Не помню», «очевидно, такой разговор мог быть». Его спрашивают: «Был разговор об организации террора?» – «Не был, а мог быть». Такая же животная трусость им руководит сейчас, когда он, маскируясь, говорит: «Мне на это нечего отвечать» [9, с. 420]. Какая блестящая риторика, сколько эмоционально поданной лжи и полуправды, искажающей до неузнаваемости реализацию права обвиняемого на защиту, где даже заявления о том, что И.Н. Смирнов забыл отдельные факты и чего-то не мог вспомнить, преподносятся как «каучуковая форма лжи», свидетельствующая о трусости подсудимого.

С принятием УПК РСФСР 1960 г. право следователя проводить очную ставку между двумя ранее допрошенными лицами уже напрямую было связано с существенными противоречиями в их показаниях, что было значительно конкретнее «случаев надобности». В ст. 162 УПК РСФСР говорилось: «Следователь вправе произвести очную ставку между двумя ранее допрошенными лицами, в показаниях которых имеются существенные противоречия». Редакционное перемещение условия производства очной ставки в начало предложения в ст. 192 УПК РФ в принципе ничего не меняет: «Если в показаниях ранее допрошенных лиц имеются существенные противоречия, то следователь вправе провести очную ставку». В любом случае об очной ставке законодатель упоминает в контексте возникающего права у следователя на ее производство. Но так ли свободен следователь как тогда при доминировании принципа объективной истины всесторонности, полноты и объективности исследования обстоятельств дела (ст. 20 УПК 1960 г.), так и теперь уже без него, упоминаемого фрагментарно в отдельных статьях, но преимущественно без полноты (ч. 1 ст. 33, ч. 2 ст. 154, ст. 239.1, ч. 2 ст. 325 УПК РФ) и один раз без всесторонности (ч. 4 ст. 152 УПК РФ)? В любом случае формально у следователя руководящего начала всесторонности, объективности и еще реже упоминаемой полноты в исследовании обстоятельств дела нет, но многое в современном судопроизводстве определяется фактической стороной возникающих правоотношений. Вопрос факта здесь имеет определяющее существо необходимости и целесообразности производства очной ставки значение. В настоящее время сложилась устойчивая тенденция отношения прокуратуры к органам расследования, которую можно назвать «презумпцией недобросовестности» или «стремлением перестраховаться от нежелательных эксцессов». При таком подходе многое, что формально определено как право следователя, превращается в его полуобязанность в связи с дискреционным полномочием прокурора по «ветированию» обвинительного заключения и поступившего к нему вместе с ним уголовного дела по формуле «о возвращении уголовного дела следователю для производства дополнительного следствия, изменения объема обви-

нения либо квалификации действий обвиняемых или пересоставления обвинительного заключения и устранения выявленных недостатков со своими письменными указаниями» (п. 2 ч. 1 ст. 221 УПК РФ). Этот Дамоклов меч прокуратура использует с максимумом доступных ей преференций по бюрократизации досудебного уголовного судопроизводства. Опрошенные нами следователи подчеркивают «перестраховочную позицию прокуратуры», выражающуюся в требованиях производства следственных действий, которые не только не являются обязательными в полном смысле духа и буквы закона, как очная ставка, но и явно направлены на доказывание уже доказанных в достаточном объеме и качестве фактов.

От части необходимость производства очной ставки, как считают Д.Н. Кожухарик и Т.Г. Кудрявцева, определена п. 3е ст. 14 Международного пакта о гражданских и политических правах и п. 3d ст. 6 Конвенции о защите прав человека и основных свобод, в которых, по их убеждению, предусмотрена «норма о праве обвиняемого допрашивать показывающих против него свидетелей (право на очную ставку) и праве на вызов и допрос его свидетелей на тех же условиях, какие существуют для свидетелей, показывающих против него» [10]. Как представляется, такое прямое отождествление права допроса того, кто дает против тебя показания, и очной ставки выглядит весьма спорным, если обратить внимание на конкретные формулировки международных правовых актов и публичный характер производимых следственных действий. Право обвиняемого «допрашивать показывающих против него свидетелей или иметь право на то, чтобы эти свидетели были допрошены, и иметь право на вызов и допрос свидетелей в его пользу на тех же условиях, что и для свидетелей, показывающих против него», установленные п. 3 «d» ст. 6 Конвенции о защите прав человека и основных свобод [11] и п. 3«e» ст. 14 Международного пакта о гражданских и политических правах [12] действительно теснейшим образом связаны с очной ставкой. Однако эти положения, во-первых, не предполагают расширительного толкования [13, с. 84], а во-вторых, в свете имеющихся решений ЕСПЧ создают иллюзорную альтернативу «допрашивать показывающих против него свидетелей **или иметь право на то, чтобы эти свидетели были допрошены** (выделено мной – О.П.)», тогда как в действительности право на личный допрос обвиняемым показывающего против него носит принципиальный характер. В контексте сказанного обращает на себя внимание известное Постановление Европейского Суда по правам человека от 17 февраля 2011 г. по делу «Кононенко (Kononenko) против Российской Федерации», в п. 66 которого ЕСПЧ отметил, «что заявитель не имел возможности допросить свидетеля Ш. во время следствия или в судебном разбирательстве ... , что власти Российской Федерации не оспаривали того, что заявитель возражал против оглашения показаний свидетеля Ш., данных на стадии предварительного следствия, и **не усматривает оснований полагать, что он отказался от своего права на очную ставку с этим свидетелем** (выделено мной – О.П.)»[14]. Кроме того, в п. 69 Постановления Европейского Суда по правам человека был признан факт того, что «заявитель не имел возможности перекрестного допроса свидетеля, показания которого имели решающее значение для его осуждения, и ... что национальные власти не приняли все разумные меры для обеспечения явки этого свидетеля в суд», в связи с чем Европейский Суд заключил, что «права заявителя на защиту были ограничены в степени, несовместимой с гарантиями, предусмотренными пунктом 1 и подпунктом «d» пункта 3 статьи 6 Конвенции. Соответственно, имело место нарушение этих положений». Следствием принятого ЕСПЧ решения по делу «Кононенко (Kononenko) против Российской Федерации» стало то, что Президиум Верховного Суда РФ постановил возобновить производство по данному уголовному делу ввиду новых обстоятельств[15]. Эта позиция ЕСПЧ по существу стала фактически частью правовой системы России, но сколько-нибудь заметных изменений в институте очной ставки мы по-прежнему не наблюдаем. Иными словами, обязательность ее производства по-прежнему остается вопросом факта в ситуации, когда свидетель, показывающий против обвиняемого, может не явиться в суд, и такое следственное действие в досудебном про-

изводстве якобы в полной мере реализует право подвергающегося уголовному преследованию лица допрашивать того, кто дает против него показания. Оговорка «якобы», разумеется, связана с тем, что обвиняемый на очной ставке может задавать вопросы показывающему против него свидетелю лишь с одобрения следователя, поскольку, как установлено в ч. 2 ст. 192 УПК РФ, «лица, между которыми проводится очная ставка, могут с разрешения следователя задавать вопросы друг другу». С точки зрения международных стандартов куда правильнее была бы специальная оговорка для подозреваемого, обвиняемого: «Следователь предоставляет подозреваемому, обвиняемому задавать вопросы показывающему против него участнику процесса. Следователь отклоняет наводящие вопросы и вопросы, не имеющие отношения к уголовному делу. Отклоненные вопросы заносятся в протокол». Таким образом, де юре и де факто очная ставка является обязательной исключительно в случаях, когда на стадии расследования подозреваемому, обвиняемому необходимо предоставить возможность допросить показывающего против него участника процесса, поскольку здесь в духе международных стандартов важнее говорить не о свидетеле в контексте национального уголовного процессуального права, а о свидетельствующем против. Разумеется, право на участие в перекрестном допросе может быть реализовано и в суде, но в случае неявки и невозможности привода свидетеля или потерпевшего в суд, отсутствие очной ставки по ключевым свидетелям в досудебном производстве действительно создает реальную угрозу утраты доказательственной ценности полученных сведений-показаний обвинительного характера без их процессуальной «апробации» вопросами того, против кого они даны.

Помимо прочего, нельзя не отметить и тот факт, что обвиняемый в России больше, чем обвиняемый в контексте так называемого скрытого преследования свидетелей, когда фактически причастное к преступлению лицо долго участвует в процессе в таком качестве с возложением на него обязанности давать показания, например, против лидера преступной группы. С.А. Шейфер, справедливо увязывая закрепленное в УПК РФ право свидетеля пользоваться помощью адвоката с требованиями Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод от 4 ноября 1950 г., отмечает, что это легальное притязание «приобретает особую значимость тогда, когда в отношении свидетеля применяются акции, которые можно интерпретировать как скрытое проявление уголовного преследования (обыск, выемка, очная ставка и т.п.)» [16, с. 177]. В подобных ситуациях сложно фактически сузить право подвергающегося уголовному преследованию допрашивать того, кто показывает против него до процессуальной фигуры подозреваемого, обвиняемого. И тем не менее, подобная практика «скрытого преследования» есть вопрос факта. Подавляющее большинство свидетелей являются таковыми в собственном смысле слова, а потенциальные среди них подозреваемые и обвиняемые встречаются не так уж часто.

Доказывание без всесторонности, полноты и объективности, при парадоксальном в смысловом расхождении с реальной действительностью доминировании особого порядка производства по уголовным делам в связи с согласием обвиняемого с предъявленным обвинением и реализацией института досудебного соглашения о сотрудничестве уже не то, что было прежде, и ценность очной ставки как средства преодоления существенных противоречий в ранее данных показаниях не имеет однозначного ориентира на установление истины по делу. К слову, если в результате ее производства случится нечто обратное запланированному следствием установлению действительных обстоятельств содеянного и получается совершенно обратный эффект, когда показывающий против обвиняемого свидетель согласится с высказанной на очной ставке вымышленной версией произошедшего подвергающегося уголовному преследованию лица, то и в этом случае процессуальный результат преодоления противоречий в ранее данных показаниях будет получен. Законодатель, судя по редакции норм о правовом регулировании производства очной ставки, индифферентен к какому типу преодоления противоречий ведет очная ставка. Более того, риски получить эффект прямо

противоположный установлению истины путем преодоления противоречий в ранее данных показаниях весьма велик, например, при производстве очной ставки между обвиняемым с богатым преступным опытом и несовершеннолетним свидетелем, с которым непосредственного или с его близкими родственниками уже «поговорил по душам» защитник с их согласия, реализуя предоставленное ему п. 2 ч. 3 ст. 86 УПК РФ право.

Скепсис по поводу эффективности очной ставки в установлении истинного характера произошедшего события, изобличения лица или лиц причастных к совершению преступления выражают опрошенные следователи, которые, тем не менее, подчеркивают, что их право на производство этого следственного действия по воле прокуратуры нередко, в особенности, если речь идет о показаниях против обвиняемого, приобретает характер обязанности. В случае с обвиняемым подобная практика понятна с точки зрения международных стандартов в обеспечении обвиняемому права допрашивать того, кто показывает против него. Однако если обвиняемый сам отказался давать показания, то в контексте формулы «если в показаниях ранее допрошенных лиц имеются существенные противоречия» очная ставка даже в целях обеспечения права допрашивать показывающего против просто невозможна за отсутствием оснований к ее производству. Однако риск нарушения международных стандартов от этого не снижается. Как представляется, с учетом того, что преодоление противоречий никак напрямую не связано ни с охранительным судопроизводством в целом, ни с частным его проявлением обеспечения права обвиняемому допрашивать того, кто дает против него показания, следовало бы вернуться к формуле УУС 1864 г. о «случаях надобности». Кроме того, прерогатива по производству очной ставки должна перейти к стороне защиты, а следователь будет лишь отдельным постановлением разъяснить право обвиняемому допрашивать на очной ставке того, кто показывает против него, обличает его в содеянном своими показаниями.

В остальных случаях очные ставки между свидетелями или свидетелем и потерпевшим, думается, должны быть заменены возможностью предъявлять фрагменты протоколов ранее допрошенных лиц, что существенно сократит избыточную пустую и безрезультативную бюрократию уголовного процесса. И этот подход как некое общее правило может стать в целом универсальным, за исключением случаев тайного преследования, когда обретение свидетелем статуса обвиняемого должно автоматически влечь все процессуальные последствия, в том числе связанные с реализацией права допрашивать показывающего против него. Но стоит ли в очередной раз дыры дефектов практики правоприменения латать конъюнктурными изменениями и дополнениями в Уголовно-процессуальный кодекс России – вопрос риторический. Более того, фрагментарное сохранение очной ставки с обвиняемым в случае реализации его права допрашивать лично показывающего против него даже в предлагаемом нами варианте – без таковой между свидетелями – есть лишь полумера, поскольку в контексте сложившейся практики является хотя и слабой, но все-таки гарантией для стороны защиты в изобличении недобросовестного свидетельствующего против. Одновременно очная ставка в данном случае остается средством предупреждения возможных эксцессов неявки изобличающего свидетеля в суд. Глобальное решение проблемы видится в том, чтобы обеспечить надлежащий механизм перекрестного допроса в суде и явки свидетельствующего против в суд. Иными словами, лучшим решением было бы упразднение очной ставки вообще с перенесением центра тяжести реализации права обвиняемого допрашивать показывающего против него в судебное разбирательство. Однако такое возможно не на частном уровне и исключительно с очной ставкой, а если досудебное производство в целом будет существенно сокращено и качественно реорганизовано по аналогии, к примеру, с полицейским дознанием Германии.

Как отмечал в свое время М.С. Строгович, результат очной ставки возможен тройкий: во-первых, следователь может уличить одного из участников следственного действия во лжи и таким образом устранит противоречие в показаниях; во-вторых, одно из допрашиваемых лиц или они оба могут понять допущенную ими ошибку в прежних показаниях и исправить

ее и, в-третьих, оба допрашиваемые могут остаться «при своих показаниях, но следователь либо убедится, в чем причина разногласия, какие показания правильны, а какие неправильны, либо же найдет путь для выяснения этого в процессе дальнейшего следствия посредством получения и исследования новых доказательств». При этом, М.С. Строгович в контексте современного ему времени был оправданно оптимистичен: «При правильном проведении очной ставки она всегда дает какой-либо полезный результат. Встречающиеся же в следственной практике случаи, когда вся очная ставка сводится к тому, что допрошенные на очной ставке лица лишь повторяют свои ранее данные показания, означают неправильное, неумелое, чисто формальное проведение очной ставки» [17, с. 114]. Однако времена изменились кардинально, и следователь чаще всего бессилён качественно разрешить противоречия в показаниях ранее допрошенных лиц установлением истинного положения вещей посредством производства этого следственного действия и становится заложником сложившейся конъюнктуры его фактической необходимости, усиливаемой еще и правилом о том, что «оглашение показаний допрашиваемых лиц, содержащихся в протоколах предыдущих допросов, а также воспроизведение аудио- и (или) видеозаписи, киносъемки этих показаний допускаются лишь после дачи показаний указанными лицами или их отказа от дачи показаний на очной ставке» (ч. 4 ст. 192 УПК РФ). Как показывает современная практика досудебного производства по уголовному делу, очная ставка в подавляющем большинстве случаев оказывается безрезультатной или вовсе влечет утрату полученных достоверных сведений не по вине следователя, а связи с тем, что защитник еще до ее производства «опросил свидетельствующего против с его согласия», т.е. побеседовал с ним, а иногда и с его близкими родственниками «по душам». В скептическом отношении к познавательному потенциалу очной ставки мы не одиноки [18, с. 56]. Вместе с тем, в связи с имплементацией международных стандартов в области реализации права обвиняемого допрашивать того, кто показывает против него, сменился и вектор значимости очной ставки, сместившись от устранения противоречий в ранее данных показаниях к реализации означенного легального притязания в досудебном производстве.

В системе средств доказывания очная ставка занимает в современной практике уголовного судопроизводства одно из самых заметных мест. С уверенностью можно утверждать, что по воле прокуратуры, стремящейся к минимизации рисков при поддержании обвинения в суде из-за хронического недоверия к органам предварительного расследования, ее производство превратилось в «полуобязанность» следователя, дознавателя, разумеется, если в показаниях ранее допрошенных лиц имеются существенные противоречия. Особенно печально, что в последние годы она все чаще становится обременительной формальностью не по вине следователя, а ввиду того, что никакой «эффект присутствия» в обществе победившего цинизма не может конструктивно воздействовать на лучшего с тем, чтобы склонить его к сообщению правдивых сведений. В лучшем случае по ее итогам «все остаются при своих». Имплементация международных стандартов в российскую правовую систему добавляет «пикантности» сложившейся кризисной ситуации с очной ставкой.

Библиографические ссылки

1. Лунеев В.В. Проблемы уголовного права и других наук криминального цикла // Уголовное право. Актуальные проблемы теории и практики : сборник очерков / под ред. В.В. Лунеева. М. : Издательство Юрайт, 2010. С. 15–52.
2. Прокофьева С.М. Становление и развитие института доказательств в России // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2013. № 5 (58). С. 102–107.
3. Российское законодательство X-XX веков. В 9 т. / под общ. ред. О.И. Чистякова. Т. 1. Законодательство Древней Руси / отв. ред. тома В.Л. Янин. М. : Юрид. лит., 1984.
4. Правда Русская. I. Тексты. / под ред. Б.Д. Грекова. М.-Ленинград : Изд-во Академии наук СССР, 1940.

5. Правда Русская. II. Комментарии. / под ред. Б.Д. Грекова. М.-Ленинград : Изд-во Академии наук СССР, 1947.
6. Российское законодательство X-XX веков. В 9 т. / под общ. ред. О.И. Чистякова. Т. 2. Законодательство периода образования и укрепления Русского централизованного государства / отв. ред. тома А.Д. Горский. М. : Юрид. лит., 1985.
7. Устав уголовного судопроизводства от 20 ноября 1864 г. // Полное собрание законов Российской Империи. Собрание второе. Т. XXXIX. Отделение второе. 1864. СПб.: Типография II Отделения Собственной Е.И.В. Канцелярии, 1867. С. 215–306.
8. Владимиров Л.Е. Учение об уголовных доказательствах. Части: общая и особенная. 3 изд., изм. и закон. СПб. : Издание книжного магазина «Законоведение», 1910.
9. Вышинский А.Я. Дело троцкистско-зиновьевского террористического центра // Судебные речи. Четвертое издание. М. : Государственное издательство юридической литературы, 1955. С. 382–424.
10. Кожухарик Д.Н., Кудрявцева Т.Г. Очная ставка и вопросы ее процессуального проведения // Российский следователь, 2015, № 20. Доступ из Справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
11. Конвенция о защите прав человека и основных свобод ЕТС № 005 (Рим, 4 ноября 1950 г.) (с изм. и доп. от 21 сентября 1970 г., 20 декабря 1971 г., 1 января 1990 г., 6 ноября 1990 г., 11 мая 1994 г.) // Собрание законодательства Российской Федерации от 8 января 2001 г. № 2, ст. 163.
12. Международный пакт о гражданских и политических правах (Нью-Йорк, 16 декабря 1966 г.). Доступ из Справ.-правовой системы «Гарант».
13. О применении международных стандартов прав человека при подготовке национальной и международной защиты (на примере анализа ситуации в связи с уголовным и административным преследованием лиц, принимавших участие в несанкционированном митинге 19 декабря 2010 года в Минске, Республика Беларусь) // Международное право для защиты общественных интересов : сборник материалов выпускников проекта «Дистанционное обучение адвокатов правам человека». М. : Изд-во ООО «Микопринт», 2013. С. 74–132.
14. Постановление Европейского Суда по правам человека от 17 февраля 2011 г. Дело «Кононенко (Kononenko) против Российской Федерации» (жалоба № 33780/04) (Первая секция). Доступ из Справ.-правовой системы «Гарант».
15. Постановление Президиума Верховного Суда РФ от 23 ноября 2011 г. № 264-П11. Доступ из Справ.-правовой системы «Гарант».
16. Шейфер С.А. Доказательства и доказывание по уголовным делам: проблемы теории и правового регулирования. М. : Норма: Инфра-М, 2010.
17. Строгович М.С. Курс советского уголовного процесса. Т. 2. Порядок производства по уголовным делам по советскому уголовно-процессуальному праву. М. : Изд-во «Наука», 1970.
18. Желтобрюхов С. Очная ставка не оправдывает себя как следственное действие // Российская юстиция. 2008. № 1. С. 56.

References

1. Luneev V.V. Problemy ugolovnogo prava i drugih nauk kriminal'nogo cikla (Issues of criminal law and other sciences of the criminal course), *Ugolovnoe pravo. Aktual'nye problemy teorii i praktiki: sbornik ocherkov*, pod red. V.V.Luneeva. M. Izdatel'stvo Jurajt, 2010, pp. 15–52.
2. Prokofeva S.M. Stanovlenie i razvitie instituta dokazatel'stv v Rossii (Formation and development of evidence institute in Russia), *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta MVD Rossii*, 2013, № 5 (58), pp. 102–107.
3. Rossijskoe zakonodatel'stvo X-XX vekov (Russian legislation in the X-XX centuries), V 9 t. Pod obshh. red. O.I. Chistjakova. T.1. *Zakonodatel'stvo Drevnej Rusi*. Otv. red. V.L.Janin. M. Jurid. lit., 1984.
4. Pravda Russkaja. I. Teksty (Pravda Russkaia. I. Texts), Pod red. akademika B.D. Grekova. M.-Leningrad. Izd-vo Akademii nauk SSSR, 1940.
5. Pravda Russkaja. II. Kommentarii (Pravda Russkaia. II. Comments), Pod red. B.D.Grekova. M.-Leningrad. Izd-vo Akademii nauk SSSR, 1947.
6. Rossijskoe zakonodatel'stvo X-XX vekov (Russian legislation in the X-XX centuries), V 9 t. Pod obshh. red. O.I. Chistjakova. T. 2. *Zakonodatel'stvo perioda obrazovaniya i ukrepleniya Russkogo centralizovannogo gosudarstva*. Otv. red. toma A.D.Gorskij. M. Jurid. lit., 1985.

7. Ustav ugovornog sudoproizvodstva ot 20 nojabrja 1864 g. (Charter of Criminal justice of November 20, 1864), *Polnoe sobranie zakonov Rossijskoj Imperii*. Sobranie vtoroe. Tom XXXIX. Otdelenie vtoroe. 1864. SPb.: Tipografija II Otdelenija Sobstvennoj E.I.V. Kanceljarii, 1867. pp. 215–306.
8. Vladimirov L.E. Uchenie ob ugovolnyh dokazatel'stvah (The doctrine of criminal evidence), Chasti: obshhaja i osobennaja. Tret'e izdanie, izmenennoe i zakonchennoe. SPb.: Izdanie knizhnogo magazina «Zakonovedenie», 1910.
9. Vyshinskij A.Ja. Delo trockistsko-zinov'evskogo terroristicheskogo centra (Case of the Trotsky-Zinoviev terrorist center), *Sudebnye rechi*. Chetvertoe izdanie. M.: Gosudarstvennoe izdatel'stvo juridicheskoy literatury, 1955, pp. 382–424.
10. Kozhuharik D.N., Kudrjavceva T.G. Ochnaja stavka i voprosy ee processual'nogo provedenija (Face-to-face interrogation and procedural issues of its realization), *Rossijskij sledovatel'*, 2015, № 20. Dostup iz Sprav.-pravovoi sistemy «Konsul'tantPlyus».
11. Konvencija o zashhite prav cheloveka i osnovnyh svobod (Convention for the Protection of Human Rights and Fundamental Freedoms), ETS № 005 (Rim, 4 nojabrja 1950 g.) (s izm. i dop. ot 21 sentjabrja 1970 g., 20 dekabrja 1971 g., 1 janvarja 1990 g., 6 nojabrja 1990 g., 11 maja 1994 g.). *Sobranie zakonodatel'stva Rossijskoj Federacii ot 8 janvarja 2001 g.*, № 2, st. 163.
12. Mezhdunarodnyj pakt o grazhdanskih i politicheskikh pravah (International Covenant on Civil and Political Rights), (N'ju-Jork, 16 dekabrja 1966 g.). Dostup iz Sprav.-pravovoi sistemy «Garant».
13. O primenenii mezhdunarodnyh standartov prav cheloveka pri podgotovke nacional'noj i mezhdunarodnoj zashhity (na primere analiza situacii v svjazi s ugovolnym i administrativnym presledovaniem lic, primavshih uchastie v nesankcionirovannom mitinge 19 dekabrja 2010 goda v Minske, Respublika Belarus') (On the application of international human rights standards in the preparation of national and international protection (for example, analysis of the situation in connection with criminal and administrative prosecution of persons who took part in an unauthorized rally December 19, 2010 in Minsk, Republic of Belarus), *Mezhdunarodnoe pravo dlja zashhity obshhestvennyh interesov*. Sbornik materialov vypusnikov proekta «Distancionnoe obuchenie advokатов pravam cheloveka». M. Izd-vo OOO «Mikoprint», 2013, pp. 74–132.
14. Postanovlenie Evropejskogo Suda po pravam cheloveka ot 17 fevralja 2011 g. Delo «Kononenko (Kononenko) protiv Rossijskoj Federacii» (zhaloba № 33780/04) (Pervaja sekcija) (The European Court of Human Rights judgment of 17 February 2011. Case "Kononenko (Kononenko) vs the Russian Federation" (complaint № 33780/04) (First Section), Dostup iz Sprav.-pravovoi sistemy «Garant».
15. Postanovlenie Prezidiuma Verhovnogo Suda RF ot 23 nojabrja 2011 g. № 264-P11 (Resolution of the Presidium of the Supreme Court of the Russian Federation of November 23, 2011 № 264-P11), Dostup iz Sprav.-pravovoi sistemy «Garant».
16. Shejfer S.A. Dokazatel'stva i dokazyvanie po ugovolnym delam: problemy teorii i pravovogo regulirovanija (Evidence and proving in criminal cases: problems of theory and legal regulation), M. Norma, Infra-M, 2010.
17. Strogovich M.S. Kurs sovetskogo ugovolnogo processa. T. 2: Porjadok proizvodstva po ugovolnym delam po sovetskomu ugovolno-processual'nomu pravu (Course of Soviet criminal procedure. V. 2. The procedure in criminal cases under Soviet criminal procedure law), M. Izd-vo «Nauka», 1970.
18. Zheltobruhov S. Ochnaja stavka ne opravdyvaet sebja kak sledstvennoe dejstvie (Face-to-face interrogation does not proves its value as an investigative action), *Rossijskaja justicija*, 2008, № 1, p. 56.

Дата поступления: 20.11.2016

Received: 20.11.2016

УДК 340

**АНАЛИЗ АДВОКАТОМ МАТЕРИАЛОВ,
СВЯЗАННЫХ С НАЗНАЧЕНИЕМ
СУДЕБНЫХ ЭКСПЕРТИЗ**

ЭКСАРХОПУЛО Алексей Алексеевич
доктор юридических наук, профессор кафедры конституционного и административного права юридического факультета Санкт-Петербургского филиала Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики», Санкт-Петербург, Россия.
E-mail: a.exarkhopulo@mail.ru

В современных условиях вопросы оценки адвокатом обоснованности назначения и производства судебной экспертизы на основе анализа процессуальных документов, касающихся принятия соответствующего решения, становятся особо актуальными. Этим обусловлены предлагаемые в работе рекомендации по оценке обоснованности вынесения постановления о проведении судебной экспертизы и правильности формулировки вопросов на ее разрешение и сформулированные автором критерии оценки качества исходных материалов, передаваемых на исследование. Оценивая качество сравнительных образцов, адвокату следует помнить, что инициатор назначенной экспертизы, не вполне разбирающийся в правилах их отбора и представляющий эксперту для сравнения некачественные образцы, неизбежно закладывает ошибку и в результаты предстоящей экспертизы. Поэтому адвокату важно вовремя обнаружить недостатки сравнительного материала, предложенного эксперту для исследования, и соответствующим образом на это отреагировать, заявляя о дополнении или замене некачественных образцов. Или после окончания экспертизы поставить вопрос об исключении экспертного заключения из числа доказательств по делу как недопустимого. В случае затруднений с самостоятельной оценкой качества образцов адвокату следует обратиться за консультацией к специалисту.

Ключевые слова: адвокат, судебная экспертиза, основания назначения экспертизы, исследуемые материалы, сравнительные образцы.

**THE LAWYER'S ANALYSIS
OF MATERIALS RELATED TO
COMMISSIONING OF EXPERT REVIEWS**

EXARKHOPULO Aleksei Alekseevich
Doctor of Sciences (Law), Professor of the Chair of Constitutional and Administrative Law of the Department of Law of the St. Petersburg Branch of National Research University "Higher School of Economics", Saint-Petersburg, Russia.
E-mail: a.exarkhopulo@mail.ru

In modern conditions the issues of the lawyer's assessments of reasonableness in commissioning and performing of expert examinations based on the analysis of procedural documents relating to the relevant decision, become particularly important. The proposed recommendations of assessing reasonableness in rendering the decision to commission expert examinations are stipulated by the foregoing as well as the criteria formulated by the author for assessing the quality of original materials submitted for analysis. While assessing the quality of comparative samples, the lawyer should remember that the initiator of the commissioned examination, who is not quite knowledgeable in the rules for their selection and gives unsatisfactory samples to the expert, inevitably lays down an error in the results of the upcoming examination. Therefore, the lawyer must timely discover shortcomings of the comparative material that is proposed to the expert for investigating and appropriately respond to it, claiming for complementing or replacing unsatisfactory samples. Alternatively, after the examination he/she must raise the question of exclusion of the expert opinion from the list of case evidences as inadmissible. In case of difficulties with exercise of judgment of samples quality, the lawyer should seek specialist's advice.

Key words: lawyer, forensic examination, grounds for commissioning of expert reviews, materials under examination, comparative samples.

С материалами судебных экспертиз адвокату приходится работать, давая им оценку, на разных стадиях уголовного процесса. В зависимости от объема доступной для изучения информации, содержащейся в материалах дела, адвокат решает и различные задачи, связанные с защитой прав и интересов представляемого им лица. На этапе предварительного расследова-

ния возможности адвоката в этом смысле ограничены теми материалами, с которыми адвокат (защитник) вправе знакомиться. Среди них, прежде всего, постановление о назначении экспертизы (п.1 части 1 ст. 198 УПК РФ). Из текста постановления (из описания обстоятельств дела во вводной его части или из формулировки вопросов эксперту) всегда можно понять, были ли у следователя правовые основания для назначения судебной экспертизы, определяемые потребностью в специальных познаниях, или возникший вопрос можно решить без обращения к сведущим лицам.

Профессионально подготовленному следователю оценить потребность в специальных познаниях обычно не составляет особого труда. Тем не менее, некоторые следователи обращаются к экспертизе для ответа на вопросы, необходимость постановки которых трудно бывает объяснить даже с точки зрения здравого смысла. Поэтому в вынесенных ими постановлениях можно встретить, к примеру, и такие шедевры следственного «творчества»:

«Назначить по настоящему уголовному делу комплексную судебно-медицинскую экспертизу... На разрешение экспертов поставить следующие вопросы:

- Каковы параметры полового члена П. (длина, толщина ...) в эрегированном и не эрегированном состоянии?

- Имеются ли на половом члене П. какие-либо отличительные особенности? ... расположение сосудов, наличие крайней плоти, родинок, шрамов и иных примет.¹

Вряд ли этот абсурд нуждается в комментариях.

И постановление о назначении экспертизы и протокол ознакомления с ним участников процесса содержат, как правило, достаточно информации, чтобы оценить, прежде всего, соблюдение прав, закрепленных в ч. 1 ст. 198 УПК РФ. Среди них важнейшее – это право знакомиться с постановлением о назначении экспертизы до начала ее производства. Любая необоснованная задержка с выполнением данного требования закона лишает их возможности реализовать и другие права, предусмотренные ст. 198 УПК (право заявлять отвод эксперту, дополнять перечень вопросов и др.), и поэтому должна расцениваться как нарушение прав обвиняемого (подозреваемого) на защиту [7, с. 418–419].

Разумеется, если задержка не была вызвана причинами, объективно препятствующими реализации прав участников процесса. Например, когда заинтересованное лицо, на момент вынесения постановления о назначении экспертизы еще не имело статус ни подозреваемого, ни обвиняемого. В таких случаях следователь обязан ознакомить их с постановлением сразу после задержания либо вынесения постановления о привлечении в качестве обвиняемого, что вытекает из п. 9 Постановления Пленума Верховного Суда РФ «О судебной экспертизе по уголовным делам» № 28 от 21.12.2010 г. [2].

Ознакомившись с вынесенным постановлением, адвокат еще до начала экспертизы может получить информацию, достаточную для заявления ходатайств, способных повлиять на будущее ее производство. В частности, об отводе назначенному следователем эксперту и его замене другим экспертом, о производстве экспертизы в конкретном экспертном учреждении, о дополнении перечня поставленных на ее разрешение вопросов и т.д. (ст. 198 УПК РФ).

Особое внимание адвокату следует обращать на формулировки вопросов, поставленных на разрешение эксперта. Диапазон ошибок, которые при этом допускаются, причем, не только следствием, но и судом, в том числе рассматривающим гражданские дела, весьма широк: от просто безграмотных формулировок, до постановки абсурдных или в принципе не решаемых экспертным путем вопросов. Приведу пример.

Так, по делу № ... для установления признаков подделки подписей арбитражный суд назначил судебно-техническую экспертизу, на разрешение которой поставил ряд вопросов, в том числе и такой: «Соответствуют ли подписи, учиненные на договоре аренды №..., приложениях №№ 1, 2 и Плане поэтапной передачи помещений, подписям заместителя генерального директора г-на С.?».

Не нужно быть экспертом, чтобы понять бессмысленность предложенной судом формулировки, поскольку рассуждать о «соответствии» подписей, без конкретизации, что следует понимать под «соответствием» и по каким параметрам это соответствие эксперт должен устанавливать, бессмысленно. Ответом на вопрос будет, к примеру, утверждение о соответствии сравниваемых подписей друг другу по цвету красителя, которым они исполнены, по транскрипции, по месту расположения отдельных штрихов, по конфигурации росчерка, и так до бесконечности. Для установления подобного «соответствия» специальные познания не требуются, а полученный ответ никак не приблизит суд к решению проблемы распознавания подлога подписей.

Возвращая в суд полученные материалы без исполнения, руководитель судебно-экспертного учреждения совершенно обоснованно указала, что судебная экспертиза вопросы «соответствия» подписей друг другу не решает.

Помимо обоснованности постановки перед экспертом вопросов, анализ постановления о назначении экспертизы дает информацию и для проверки законности получения и достоверности тех исходных материалов, которые следователь предоставляет эксперту для исследования. Если для экспертизы представлены материалы, полученные в результате проведения тех или иных следственных действий, то адвокату желательно ознакомиться с содержанием соответствующих протоколов. Такая возможность у адвоката существует всегда, если к проведению данного следственного действия был привлечен его подзащитный.

По протоколу можно судить о соблюдении правил, следование которым при работе с доказательствами не только гарантируют достоверность полученной в результате проведения следственного действия информации, но и позволяет предотвратить возможность подмены или смешения обнаруженных следов [5, с. 174], совершаемых умышленно или непреднамеренно. Протокольное описание хода и результатов следственного действия после его сопоставления с текстом постановления о назначении экспертизы, где перечислены исследуемые материалы, позволяет убедиться в том, что следователь намерен передать эксперту на исследование именно те документы, материалы и вещественные доказательства, которые были обнаружены при производстве осмотра, обыска и т.д.

Поэтому адвокату важно оценить работу следователя, прежде всего, с позиций возможного влияния допущенных им ошибок на результаты предстоящей экспертизы. Для этого необходимо внимательно ознакомиться с описанием в протоколе всего, что, так или иначе связано с обнаружением, фиксацией и изъятием доказательств, передаваемых на экспертное исследование, учитывая при этом:

Во-первых, обязательность описания места обнаружения следов. Это требование вытекает из содержания ч. 2 ст. 180 УПК РФ, где говорится, что в протоколе описывается все обнаруженное при осмотре...и в том виде, в каком оно наблюдалось в момент осмотра, то есть непосредственно на месте обнаружения. Более конкретно требование обязательного указания в протоколе места обнаружения следов и иных вещественных доказательств сформулировано в Инструкции о порядке изъятия, учета, хранения и передачи вещественных доказательств по уголовным делам... [1]. В параграфе 8 настоящей Инструкции особо отмечается, что в протоколе должны быть указаны точные сведения о «местах их обнаружения».

Во-вторых, обязательность полного и подробного описания самих обнаруженных следов. Это положение также содержится в упомянутой выше Инструкции, требующей, чтобы в протоколе указывались «точные наименования, количество, мера, вес, серия и номер, другие отличительные признаки каждого изымаемого объекта» (параграф 8 Инструкции) [1].

Следует помнить, что существенные расхождения в описании обнаруженных следов и иных вещественных доказательств с их описанием в постановлении о назначении экспертизы способны породить сомнения в том, что эксперт исследовал именно те объекты, которые ра-

нее были обнаружены при производстве следственного действия и затем переданы эксперту для исследования.

В-третьих, протокол должен содержать сведения о средствах и методах, с помощью которых следы были обнаружены и зафиксированы (зафиксированы). Это требование сформулировано в ч. 5 ст. 166 и ч. 3 ст. 180 УПК РФ.

Для наглядности приведу пример того, как несоблюдение перечисленных правил дали повод сомневаться в достоверности изъятых при проведении следственного действия материалов, ставших позже объектами экспертизы, и соответственно основание говорить о недопустимости использования полученного экспертного заключения в качестве средства доказывания.

По делу о грабеже следователем была назначена трассологическая экспертиза следов обуви, обнаруженных на месте происшествия. Протокольная запись в описательной части ограничивалась только ориентировочным указанием на место их обнаружения («площадка 4 этажа») и описанием цвета («следы обуви бурого цвета»).

Никаких иных сведений описательная часть протокола не содержала. Ни количество, ни размеры, ни форма, ни особенности отобразившегося в следах строения подошвенной части обуви в протоколе указаны не были. Не были описаны в протоколе ни способы их выявления, закрепления, копирования, ни конкретные технические средства, использованные для этих целей.

Содержание заключительной части протокола, не добавив к имеющейся информации о следах ничего нового, породило лишь дополнительные вопросы, и первым среди них стал вопрос о том, куда делись обнаруженные на «площадке 4 этажа» следы «бурого цвета». Вопрос возник именно потому, что в заключительной части протокола имелась запись о приобщении к нему только «трех светлых дактилопленок» с фрагментами следов обуви, изъятых с лестничной площадки 4 этажа, без описания их цвета. При этом в протоколе появились новые сведения об изъятой с места происшествия еще одной дактилопленке – со следами обуви из прихожей, о которых ранее ничего не было известно, впрочем, как и о том, когда, кем и с применением каких технических средств «следы из прихожей» были обнаружены и зафиксированы.

И только из текста сопроводительного письма, направленного в экспертное учреждение вместе с подлежащими исследованию следами, стало ясно, что эксперту предстояло исследовать вовсе не те следы, которые были обнаружены на месте происшествия, и упоминавшиеся в протоколе как следы «бурого цвета». Из сопроводительного письма следовало, что на экспертизу передавались дактилопленки, на которых имелись следы, «образованные веществом серого цвета», а не «бурого».

И, тем не менее, трассологическая экспертиза сомнительных следов неизвестного происхождения, была назначена и проведена [8, с. 206–220], что, впрочем, не помешало суду использовать ее результаты для вынесения обвинительного приговора.

Надо сказать, что далеко не всегда адвокату на предварительном следствии предоставляется возможность ознакомиться с протоколами следственных действий, результаты которых впоследствии становились объектами экспертного исследования. И, тем не менее, даже располагая ограниченным кругом документов, связанных с назначением судебных экспертиз, у адвоката остается немало возможностей для выполнения своих функций по защите интересов тех участников процесса, которых он представляет [4].

Так, анализ постановления о назначении судебной экспертизы еще до начала ее проведения позволяет выявить противоречия в реквизитах документов, представляемых эксперту для исследования, которые дают основания поставить вопрос о достоверности исходных данных. Выявление таких противоречий может быть использовано адвокатом для заявления ходатайств об исключении сомнительных документов из числа исследуемых объектов. А в случае отказа в их удовлетворении, у адвоката появляются основания для заявления требований

о признании недопустимым доказательством экспертного заключения как полученного с использованием недостоверных исходных данных.

Приведу пример. В одном из постановлений о назначении судебно-медицинской экспертизы, вынесенном следователем 06 июля 2011 года по уголовному делу № ..., среди указанных в нем материалов, представленных в распоряжение эксперта, оказался акт судебно-медицинского обследования № 394 «А» от 11 июля 2011 года. Иными словами следователь вынес постановление о назначении экспертизы, приложив к нему документ, который мог быть оформлен только через пять дней.

Ничем иным кроме изготовления указанного постановления задним числом, объяснить противоречия в датах было невозможно. Как невозможно их объяснить и технической ошибкой или опечаткой, поскольку в деле был подшит и сам акт № 394 «А», датированный 11.07.2011 года, и как минимум два протокола, в которых упоминалось постановление о назначении экспертизы и именно от 06 июля 2011 года.

В криминалистике это называется «виновной осведомленностью» (в данном случае «осведомленностью» следователя о еще не наступившем событии), которая служит надежным признаком лжи или подлога. При обнаружении таких признаков всегда можно ожидать, что фальсификацией постановления о назначении экспертизы дело не ограничилось. И действительно, анализ экспертных материалов показал, что акт судебно-медицинского обследования № 394 «А» эксперт дословно переписал в свое Заключение. Из чего следовало, что по назначенной задним числом экспертизе никто никакого исследования не проводил, а постановление, датированное по глупости или недосмотру следователя шестым июля 2011 года, послужило ему лишь «прикрытием» для оправдания нарушения закона.

При изучении постановления о назначении экспертизы не менее важно для адвоката обращать внимание на данные об эксперте (специальность, квалификация, опыт экспертной работы и др.) и на сведения о специализации того учреждения, которому поручено проведение экспертного исследования. Это тем более важно при назначении экспертизы в учреждении, которое по своему профилю экспертным не является. Давая заключения и формулируя выводы, эксперты, не обладающие нужной квалификацией и опытом, способны ввести в заблуждение и следствие и суд. Особенно, когда ни тот ни другой не отличаются компетентностью в области судебной экспертизы, либо просто готовы закрыть глаза на ошибки эксперта, поскольку сформулированные им выводы вполне согласуются с их собственной позицией. Таким экспертам необходимо вовремя заявлять отвод, поскольку они, сами того, порой, не понимая, дают заключения, в которых ответы на поставленные вопросы создают лишь иллюзию их решения. Прежде всего, это относится к исследованиям, требующим знания теоретических основ и методологической сути идентификационных экспертиз. Приведу пример.

При расследовании уголовного дела по обвинению П. в сексуальном насилии над несовершеннолетней К. возник вопрос о том, каким конкретно фотоаппаратом снимались кадры с обнаженной потерпевшей? У обвиняемого П. при обыске был изъят телефон «Нokia 73», оснащенный фотокамерой. Требовалось установить, данным ли фотоаппаратом или каким-то иным делались порнографические снимки, фигурирующие в деле в качестве вещественных доказательств. Несмотря на то, что и в городе, где расследовалось дело, и в областном центре имелись специализированные экспертно-криминалистические учреждения, располагающие всем необходимым для производства фототехнической экспертизы, следователь назначил ее проведение в М-ском Государственном Университете, поручив специалистам в области компьютерной техники. Проводил экспертизу заведующий «Медиацентром» г-н М., имеющий высшее образование по специальности «Учитель информатики».

Вполне естественно, что эксперт дал заключение в полном соответствии с уровнем своей профессиональной подготовки. Из формулировки полученного от него ответа на поставленный перед ним идентификационный вопрос следовало, что «все фотографии сняты

камерой телефона модели «NOKIA № 73». Но так может ответить только человек, не понимающий разницы между индивидуальным тождеством и групповой принадлежностью.

Для любого специалиста, знакомого с теорией криминалистической идентификации, вывод эксперта вовсе не означал, будто бы для съемки обнаженной К. использовался именно тот телефон, который следователь изъясил у обвиняемого. Им мог оказаться любой телефон, указанной экспертом модели.

Плохо, когда эксперт не разбирается в теории идентификационной экспертизы, но еще хуже, когда судья, решающий судьбу человека, не понимает, что эксперт, отвечая на вопрос об индивидуальном тождестве телефона, фактически установил лишь его групповую принадлежность. На криминалистическом языке это означает не более чем вероятность использования для съемки К. камеры телефона, принадлежащего обвиняемому. Не заметив криминалистического невежества эксперта, судья с готовностью восприняла выводы «*учителя информатики*» как источник достоверных сведений. Сославшись на «*заключение судебно-технической экспертизы телефона..., о том, что ... с помощью фотоаппарата данного телефона сделаны снимки тыловой камерой со вспышкой ...*», чего реально в заключении не было, судья констатировала в приговоре: «*Обвиняемый происходящее снимал на камеру своего сотового телефона «Нокия» ...*» (выделено мной – А.Э).

При анализе постановления о назначении экспертизы особого внимания от адвоката требуют сравнительные образцы, представляемые для производства идентификационных исследований. Они также подробно описываются в постановлении. По этому описанию можно высказать некоторые суждения об их качестве, прежде всего, с точки зрения соответствия предъявляемым к образцам требованиям сопоставимости, несомненности происхождения и достаточности. Соблюдение этих требований полностью зависит от следователя или суда, на которых лежит обязанность готовить материалы для проведения назначаемой ими экспертизы, особенно почерковедческой, для которой, как правило, требуется подготовить значительное число отличающихся большим разнообразием образцов: свободных, условно-свободных и экспериментальных. Пренебрежительное отношение к этим требованиям или непонимание их важности, негативно сказывается на результатах экспертного исследования.

Авторы научно-практического комментария к УПК РФ, подготовленного под общей редакцией Председателя Верховного Суда РФ В.М. Лебедева, предупреждали, что «недоброкачественность образцов, представленных эксперту для сравнительного исследования, может подорвать доказательственное значение заключения эксперта» [6, с. 279].

К чему может привести использование некачественных образцов иллюстрирует следующий пример:

В гражданском деле, рассмотренном одним из районных судов С.-Петербурга, истец А. заявила требования к должнику К. (ответчику) о возврате суммы, переданной ему по договору займа. В свою очередь ответчик представил в суд расписку, из которой следовало, что сумма долга была кредитору возвращена незадолго до начала рассмотрения искового заявления. Истица же, настаивая на существовании долга, утверждала, что никаких расписок не подписывала и денег не получала. Суд назначил почерковедческую экспертизу, отобрав у истицы образцы ее подписей прямо в зале суда. Проведение экспертизы было поручено одной из наиболее опытных экспертов – почерковедов с более чем 30-летним стажем работы по данной экспертной специальности. По результатам проведенного исследования эксперт дала вероятностное отрицательное заключение, отчасти подтверждавшее слова А. о подделке ее подписи под распиской, представленной ответчиком.

Позже выяснилось, что долг ответчик возвращал истице осенью, встретившись с ней в открытом кафе у метро. Истица ставила свою подпись под распиской, будучи одета в меховое пальто, при температуре около +6 градусов, положив тонкий лист расписки непосредственно на пластиковый стол, то есть на жесткую подложку.

Ничего этого эксперт, проводившая исследование, разумеется, не знала. Через какое-то время после дачи ею заключения, эксперт, узнав про то, в каких условиях могло происходить подписание спорного документа, заявила, что, если бы она была изначально осведомлена об этих условиях, то она непременно отказалась бы давать заключение на основании исследования лишь тех образцов, которые были отобраны судом в зале заседаний. И такое решение эксперта имело бы все основания, поскольку изготовление рукописных текстов в условиях низких температур, не говоря уже про иные необычные условия их выполнения, ведет к таким изменениям признаков почерка, которые легко перепутать с признаками подражания почерку другого лица. В частности, к снижению координации движений, которая выражается в изломах и извилистости штрихов, в угловатости овалов; к снижению темпа движений; к неравномерной протяженности движений по горизонтали и вертикали и другим изменениям признаков привычного письма [3].

Вся эта информация на очередном заседании была доведена до сведения судьи, которая при вынесении окончательного решения отказалась принимать во внимание результаты проведенной почерковедческой экспертизы, посчитав их не вполне достоверными.

Доказательственное значение результатов почерковедческой экспертизы оказалось сомнительным именно потому, что эксперт вынуждена была использовать только те сравнительные образцы, которые ей были переданы судом, не зная, что они не отвечают предъявляемым требованиям. Именно это обстоятельство и привело к даче ошибочного заключения, притом, что само исследование проводилось на должном научно-методическом уровне и с использованием научно обоснованных методов и методик. Причина подобных непреднамеренных ошибок в том, что, эксперт, получив готовые материалы и не имея достаточных оснований запрашивать дополнительные сведения об условиях, определяющих сопоставимость и несомненность происхождения сравнительных образцов, обязана была исходить из доброкачественности тех, которые ей были представлены. То есть, полагаясь на компетентность в этом вопросе суда.

Оценивая качество сравнительных образцов, адвокату следует помнить, что инициатор назначенной экспертизы, не вполне разбирающийся в правилах их отбора, и представляющий эксперту для сравнения некачественные образцы, неизбежно закладывает ошибку и в результаты предстоящей экспертизы. Поэтому адвокату важно вовремя обнаружить недостатки сравнительного материала, предложенного эксперту для исследования, и соответствующим образом на это отреагировать, заявляя о дополнении или замене некачественных образцов. Либо, дождавшись окончания экспертизы, поставить вопрос об исключении экспертного заключения из числа доказательств по делу как недопустимого. В случае затруднений с самостоятельной оценкой качества образцов адвокату следует обратиться за консультацией к специалисту, тем более, что такую возможность ему предоставляет закон (п. 3 ч. 1 ст. 53 УПК РФ).

Примечания

¹. Здесь и далее все примеры приводятся по материалам конкретных уголовных и гражданских дел.

Библиографические ссылки

1. Инструкция о порядке изъятия, учета, хранения и передачи вещественных доказательств по уголовным делам, ценностей и иного имущества органами предварительного следствия, дознания, судами (утверждена Прокуратурой СССР, МВД, КГБ, Верховным Судом СССР № 34/15 18.10.89 г. с изменениями, внесенными совместным приказом МВД России, Минюста России, Минздрава России, Минэкономики России, ГТК России, ФСБ России, ФПС России от 9 ноября 1999 года. NN 840, 320, 388, 472, 726, 530, 585. URL: <http://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/1205854/#ixzz4VoNWX5nx>

2. Постановление Пленума Верховного Суда РФ «О судебной экспертизе по уголовным делам» № 28 от 21.12.2010 г. // Российская газета. Федеральный выпуск № 5375 (296). 2010. 30 декабря.
3. Бродская А.Б. О возможности установления факта выполнения рукописи в условиях низких температур // Криминалистика и судебная экспертиза : Межведомственный научно-методический сборник. Вып.7. Киев : Минюст Украины, 1970.
4. Макаренко И.А. Защитник как гарант соблюдения прав и законных интересов несовершеннолетнего обвиняемого // Закон и право. 2006. № 12. С. 29–30.
5. Научно-практический комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу РСФСР. Изд. 2-е, перераб. и доп. / под общ. ред. Предс. Верховного Суда РФ В.М. Лебедева ; науч. ред. засл. деят. науки РФ, проф. В.П. Божьев. М. : Издательство «Спарк», 1997.
6. Научно-практический комментарий к УПК РФ. 4-е изд., перераб. и доп. / под общ. ред. Предс. Верховного Суда РФ, засл. юриста РФ, д.ю.н., проф. В.М. Лебедева ; науч. ред. засл. деят. науки РФ, проф. В.П. Божьев. М. : Издательство «Юрайт», 2008.
7. Научно-практический комментарий к УПК РФ. 9-е изд., перераб. и доп. / под общ. ред. Предс. Верховного Суда РФ, засл. юриста РФ, д.ю.н., проф. В.М. Лебедева ; науч. ред. засл. деят. науки РФ, проф. В.П. Божьев. М. : Издательство «Юрайт», 2014.
8. Эксархопуло А.А. Специальные познания и их применение в исследовании материалов уголовного дела. СПб. : Издательский дом С.-Петерб. гос. ун-та, 2005.

References

1. Instruktsiya o poryadke iz"yatiya, ucheta, khraneniya i peredachi veshchestvennykh dokazatel'stv po ugovolnym delam, tsennosti i inogo imushchestva organami predvaritel'nogo sledstviya, doznaniya, sudami (utverzhdena Prokuraturoi SSSR, MVD, KGB, Verkhovnym Sudom SSSR № 34/15 18.10.89 g. s izmeneniyami, vnesennymi sovmestnym prikazom MVD Rossii, Minyusta Rossii, Minzdrava Rossii, Minekonomiki Rossii, GTK Rossii, FSB Rossii, FPS Rossii ot 9 noyabrya 1999 goda (Instruction on the procedure of withdrawal, registration, storage and transfer of evidence in criminal cases, items of value and other property by the investigating authorities, inquiry, courts (approved by the USSR Prosecutor's Office, the Interior Ministry, the KGB, the Supreme Court of the USSR № 34/15 18.10.89 as amended by the joint order of the Russian Ministry of Internal Affairs, Ministry of Justice of Russia, Russian Ministry of Health, Ministry of Economy of Russia, State Customs Committee of Russia, the Russian Federal Security Service, the Federal Border Service of Russia). NN 840, 320, 388, 472, 726, 530, 585. URL: <http://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/1205854/#ixzz4VoNWX5nx>
2. Postanovlenie Plenuma Verkhovnogo Suda RF «O sudebnoi ekspertize po ugovolnym delam» № 28 ot 21.12.2010 g. (Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation "On forensic examination in criminal cases» № 28), *Rossiiskaya gazeta*. Federal'nyi vypusk № 5375 (296). 2010. 30 dekabrya.
3. Brodskaya A.B. O vozmozhnosti ustanovleniya fakta vypolneniya rukopisi v usloviyakh nizkikh temperatur (On the possibility of establishing the fact of making the manuscript at low temperatures), *Kriminalistika i sudebnaya ekspertiza*, Mezhhvedomstvennyi nauchno-metodicheskii sbornik. Vyp.7. Kiev. Minyust Ukrainy, 1970.
4. Makarenko I.A. Zashchitnik kak garant soblyudeniya prav i zakonnykh interesov nesovershennoletnego obvinyaemogo (Defender as a guarantor of the rights and legitimate interests of juvenile defendants), *Zakon i pravo*, 2006, No. 12, pp. 29–30.
5. Nauchno-prakticheskii kommentarii k Ugolovno-protsessual'nomu kodeksu RSFSR (Scientific-practical commentary to the Criminal Procedure Code of the RSFSR). Izd. 2-e, pererab. i dop., pod obshch. red. Preds. Verkhovnogo Suda RF V.M. Lebedeva, nauch. red. zasl. deyat. nauki RF, prof. V.P. Bozh'ev. M. Izdatel'stvo «Spark», 1997.
6. Nauchno-prakticheskii kommentarii k UPK RF (Scientific-practical commentary to the Code of Criminal Procedure of RF). 4-e izd., pererab. i dop., pod obshch. red. Preds. Verkhovnogo Suda RF, zasl. yurista RF, d.yu.n., prof. V.M. Lebedeva, nauch. red. zasl. deyat. nauki RF, prof. V.P. Bozh'ev. M. Izdatel'stvo «Yurait», 2008.
7. Nauchno-prakticheskii kommentarii k UPK RF (Scientific-practical commentary to the Code of Criminal Procedure of RF). 9-e izd., pererab. i dop., pod obshch. red. Preds. Verkhovnogo Suda RF, zasl. yurista RF, d.yu.n., prof. V.M. Lebedeva, nauch. red. zasl. deyat. nauki RF, prof. V.P. Bozh'ev. M. Izdatel'stvo «Yurait», 2014.

8. Eksarkhopulo A.A. Spetsial'nye pozvaniya i ikh primenenie v issledovanii materialov ugolovnoogo dela (Special knowledge and its application in the study of materials in criminal cases). SPb. Izdatel'skii dom S.-Peterb. gos. un-ta, 2005.

Дата поступления: 23.01.2017

Received: 23.01.2017

УДК 343.1 + 343.9

НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ ПРОИЗВОДСТВА ДОЗНАНИЯ В СОКРАЩЕННОЙ ФОРМЕ

ЗАЙНУЛЛИН Руслан Ильдарович

кандидат юридических наук, доцент кафедры криминалистики Института права ФГБОУ ВО «Башкирский государственный университет», г. Уфа, Россия. E-mail: zaynullin083@yandex.ru

В настоящей статье автором анализируется институт дознания в сокращенной форме, рассматриваются его криминалистические аспекты. Признавая необходимость внедрения упрощенной уголовно-процессуальной формы производства предварительного расследования в целях процессуальной экономии, автор выявляет и обосновывает наличие множества проблем реализации внедрения подобной формы производства по уголовному делу. Анализируются проблемы, связанные как с самим процессуальным порядком производства дознания в сокращенной форме, так и с пределами и предметом доказывания. Делается обоснованный вывод, что введение такого института упрощенной уголовно-процессуальной формы предварительного расследования, как дознание в сокращенном виде, является весьма неудачным ввиду своей не продуманной регламентации и отсутствием действительно уникальной и особенной процедуры.

Ключевые слова: предварительное расследование, дознание, дознание в сокращенной форме, предмет доказывания, пределы доказывания.

SOME ISSUES OF PERFORMANCE OF SUMMARY INQUIRY

ZAYNULLIN Ruslan Ildarovich

Candidate of Sciences (Law), Assistant Professor of the Chair of Forensics of the Institute of Law of the FSBEI HE "Bashkir State University", Ufa, Russia. E-mail: zaynullin083@yandex.ru

In the given article, the author analyzes the institute of summary inquiry, including some of its forensic aspects. Recognizing the need to introduce simplified criminal procedure forms for preliminary investigations in the aims of procedural economy, the author identifies and justifies the existence of many problems of implementing the introduction of this form of criminal proceedings. The author analyzes the issues related to procedural order of performance of summary inquiry as well as proving limits and facts in proof. The author concludes reasonably that the introduction of such an institute of simplified criminal procedure forms of preliminary investigations, as summary inquiry, is highly ineffectual because of its poor regulation and the lack of a truly unique and special procedure.

Key words: preliminary investigation, inquiry, summary inquiry, fact in proof, proving limit.

Реалии сегодняшнего дня таковы, что существует крайняя необходимость внедрения оптимальных процедур судопроизводства, результатом осуществления которых является сокращение временных, материальных, интеллектуальных и иных затрат при достижении его целей и задач. В условиях построения рыночной экономики, как основы существования и развития нашего государства и общества, российское уголовно-процессуальное законодательство должно соответствовать ее принципам и законам, то есть, как говорится, «закон должен быть экономным». Вместе с тем, эффект от процессуальной экономии на практике зачастую вступает в противоречие как с назначением уголовного судопроизводства, так и

с некоторыми общечеловеческими ценностями. Ярким примером подобного эффекта является дознание в сокращенной форме.

Причины введения подобной упрощенной уголовно-процессуальной формы производства предварительного расследования в анализе и обосновании не нуждаются. Хорошо понятен замысел законодателя, заключающийся в упрощении и ускорении предварительного расследования преступлений небольшой и средней тяжести, в большинстве своем являющимися так называемыми «бытовыми преступлениями», в целях оптимального достижения назначения уголовного судопроизводства в разумный срок. Однако сама реализация такого стремления законодателя породила множества проблем.

Одним из условий производства дознания в сокращенной форме в соответствии с п. 2 ч. 2 ст. 226.1 УПК РФ является признание вины подозреваемого. Вместе с тем, как справедливо отмечает Н.Н. Ковтун закрепление признания вины в качестве одного из условий производства дознания в сокращенной форме противоречит принципу презумпции невиновности, поскольку вину устанавливает исключительно суд путем вынесения приговора [4, с. 47]. Кроме того, сама формулировка рассматриваемого условия ненавязчиво вызывает ассоциативную связь с неизвестным постулатом «признание – царица доказательств». Думается, более правильным было бы установление в качестве условия для производства дознания в сокращенной форме не признание вины, а согласие с предъявленным обвинением, как это сделано в отношении особого порядка принятия судебного решения, регулируемого гл. 40 УПК РФ.

Еще одной из проблем дознания в сокращенной форме, на которую обращают внимание ученые-процессуалисты, является непомерная, гипертрофированная роль потерпевшего, от мнения которого, по сути, зависит выбор формы публичного производства по уголовному делу [1, с. 15, 2, с. 264–265]. В таком случае происходит неоправданное ограничение процессуальной самостоятельности дознавателя. В этой связи, нам импонирует высказанное предложение об исключении процедуры согласования с потерпевшим и оставления за ним права на обжалования постановления дознавателя о производстве дознания в сокращенной форме в порядке ст. 125 УПК РФ [3, с. 15].

Но больше всего проблем вызывают вопросы предмета и пределов доказывания при производстве дознания в сокращенной форме. В соответствии со ст. 226.5 УПК РФ предмет доказывания является усеченным по сравнению с общим предметом доказывания, установленного ст. 73 УПК РФ. При производстве дознания в сокращенной форме достаточным будет установление следующих обстоятельств: событие преступления, характер и размер причиненного им вреда и виновность лица в совершении преступления. Как видно, в предмет доказывания не вошли многие обстоятельства: обстоятельства, исключающие преступность и наказуемость деяния; обстоятельства, смягчающие и отягчающие наказание; обстоятельства, способствующие совершению преступления; обстоятельства, характеризующие личность обвиняемого и т.д.

Очевидно, что усеченный предмет доказывания по замыслу законодателя должен был стать уникальной особенностью дознания в сокращенной форме, отличающей его от других уголовно-процессуальных форм расследования. Другой вопрос, является ли он таковым фактически?

В соответствии с ч. 1 ст. 226.7 УПК РФ в обвинительном постановлении указываются обстоятельства, предусмотренные в ч. 1 ст. 225 УПК РФ, то есть обстоятельства, предусмотренные ст. 73 УПК РФ. Подобный парадокс полностью нивелирует эффект усеченного предмета доказывания, поскольку дознаватель вынужден в любом случае устанавливать обстоятельства, предусмотренные общим предметом доказывания. Более того, без установления некоторых обстоятельств, не входящих в усеченный предмет доказывания, дознаватель вообще не может начать производство дознания в сокращенной форме. Например, в данном случае речь может идти об установлении возраста подозреваемого или факта владения им языком,

на котором ведется уголовное судопроизводство, которые относятся к обстоятельствам, характеризующим его личность. Как известно, дознание в сокращенной форме не может производиться в отношении несовершеннолетнего подозреваемого, лица, не владеющего языком, на котором осуществляется уголовное судопроизводство.

Не будем забывать и тот факт, что как подозреваемый, так и потерпевший в любой момент могут отказаться от сокращенной формы дознания. В таком случае производство дознания осуществляется в общем порядке. Конечно же, этот факт подлежит обязательному учету дознавателем, и, исходя из конкретной следственной ситуации, доказывание производится им, так сказать, «с запасом».

Таким образом, как мы видим, стремление законодателя упростить и ускорить процесс доказывания путем установления сокращенного, усеченного предмета доказывания по факту не привело к желаемому результату.

Много вопросов возникает и при анализе пределов доказывания при производстве дознания в сокращенной форме. Так, пределы доказывания определены в ст. 226.5 УПК РФ, а именно:

1. Дознаватель обязан произвести только те следственные и иные процессуальные действия, не производство которых может повлечь за собой невозможную утрату следов преступления или иных доказательств;

2. Не проверять доказательства, если они не были оспорены подозреваемым, его защитником, потерпевшим или его представителем;

3. Не допрашивать лиц, от которых в ходе проверки сообщения о преступлении были получены объяснения;

4. Не назначать судебную экспертизу по вопросам, ответы на которые содержатся в заключении специалиста по результатам исследования, проведенного в ходе проверки сообщения о преступлении;

5. Не производить иные следственные и процессуальные действия, направленные на установление фактических обстоятельств, сведения о которых содержатся в материалах проверки сообщения о преступлении, если такие сведения отвечают требованиям, предъявляемым к доказательствам.

При более детальном анализе, сразу же возникают следующие вопросы: каким образом дознаватель должен оценивать ситуации, при которых возможна невозможная утрата следов преступления или иных доказательств? А самое главное, каких доказательств по делу, учитывая усеченный предмет доказывания? Понимается ли под этим, в том числе возможная невозможная утрата доказательственной информации об обстоятельствах, не входящих в предмет доказывания при производстве дознания в сокращенной форме? Если да, то какой смысл в установлении такого усеченного предмета доказывания? Не является ли право производства следственного действия усмотрением дознавателя, которое должно зависеть от конкретной следственной ситуации, а не от уголовно-процессуальной формы предварительного расследования? Имеет ли вообще практический смысл ограничивать пределы доказывания?

Как бы не пытались законодатели ограничить пределы доказывания при производстве дознания в сокращенной форме, они в любом случае будут стремиться к своей полноте, поскольку будет существовать объективная необходимость в наличии достаточной и значимой доказательственной информации для правильного разрешения уголовного дела.

В этой связи, нам представляется правильной и интересной точка зрения, согласно которой доказывание при производстве дознания в сокращенной форме отличается не его пределами, а, прежде всего, глубиной исследования каждого обстоятельства, входящего в его предмет [5, с. 22].

Как видно, вопросов возникает множество, в том числе и с криминалистической точки зрения. Все это, приводит нас к мысли, что введение такого института упрощенной уголовно-процессуальной формы предварительного расследования, как дознание в сокращенном виде,

является весьма неудачным ввиду своей не продуманной регламентации и отсутствием действительно уникальной и особенной процедуры.

Думается, что вообще в целом стоит с крайней осторожностью подходить к вопросам внедрения различных упрощенных процедур осуществления уголовного судопроизводства. Очевидно, что там, где решается судьба человека, затрагиваются его основные права и свободы, нет места для банальной простоты и легкости. Порядок уголовного преследования лица априори должен быть сложным и продуманным, содержать систему гарантий, сдержек и противовесов. Оптимальность порядка уголовного преследования лица должна достигаться только за счет достижений современной науки и техники, научной организации труда и т.д., а не вечным стремлением к упрощению и простоте. В ином случае мы рискуем оказаться в условиях квази-правосудия.

Библиографические ссылки

1. Александров А.С., Лапатников М.В. Сокращенное дознание: новеллы УПК РФ и сложности их применения // Уголовный процесс. М. : изд-во «Аktion-МЦФЭР». 2013. № 4. С. 15
2. Александров А.С., Сафин Р.Р., Юнусов Р.Р. К вопросу о создании сокращенной формы досудебного производства по уголовному делу // Актуальные проблемы экономики и права. 2012. № 4. С. 264–265.
3. Белавин А.А., Бочинин С.А. Проблемы сокращенной формы дознания // Российский следователь. М. : изд-во «ИГ Юрист». 2016. № 13. С. 15.
4. Ковтун Н.Н. Дознание в сокращенной форме: коллизии и лакуны нормативного регулирования // Российская юстиция. М. : изд-во «ИГ Юрист». 2013. № 12. С. 47.
5. Мичурина О.В., Химичева О.В. Предмет и пределы доказывания при производстве дознания в сокращенной форме: замысел законодателя и практический результат // Российский следователь. М. : изд-во «ИГ Юрист». 2016. № 5. С. 22.

References

1. Aleksandrov A.S., Lapatnikov M.V. Sokrashhennoe doznanie: novelty UPK RF i slozhnosti ih primeneniya (Summary inquiry: Novels of the Code of Criminal Procedure and the problems of their application), *Ugolovnyj process*, M, izd-vo «Aktion-MCFJeR», 2013, № 4, pp. 15
2. Aleksandrov A.S., Safin R.R., Junusov R.R. K voprosu o sozdanii sokrashhennoj formy dosudebnogo proizvodstva po ugovolnomu delu (On the issue of creating a summary form of pre-trial proceedings in a criminal case), *Aktual'nye problemy jekonomiki i prava*, 2012. № 4, pp. 264–265.
3. Belavin A.A., Bochinin S.A. Problemy sokrashhennoj formy doznaniya (Problems of summary form of inquiry), *Rossijskij sledovatel'*, M., izd-vo «IG Jurist», 2016, № 13, pp. 15.
4. Kovtun N.N. Doznanie v sokrashhennoj forme: kollizii i lakuny normativnogo regulirovaniya ((Summary inquiry: collisions and regulatory gaps), *Rossijskaja justiciya*, M., izd-vo «IG Jurist», 2013, № 12, pp. 47.
5. Michurina O.V., Himicheva O.V. Predmet i predely dokazyvaniya pri proizvodstve doznaniya v sokrashhennoj forme: zamysel zakonodatelja i prakticheskij rezul'tat (Fact in proof and limits of proving while performing a summary inquiry: legislator's idea and the bottom line), *Rossijskij sledovatel'*, M., izd-vo «IG Jurist», 2016, № 5, pp. 22.

Дата поступления: 24.01.2017

Received: 24.01.2017

УДК 343.1

СОВРЕМЕННЫЕ ПРОБЛЕМЫ СУДЕБНО-ЭКСПЕРТНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В РОССИИ**ЛАТЫПОВ Вадим Сагитьянович**

кандидат юридических наук, заместитель начальника кафедры уголовного процесса ФГКОУ ВО «Уфимский юридический институт Министерства внутренних дел Российской Федерации», г. Уфа, Россия.
E-mail: Vadi-Latypov@yandex.ru

MODERN PROBLEMS OF FORENSIC EXPERT ACTIVITIES IN RUSSIA**LATYPOV Vadim Sagityanovich**

Candidate of Sciences (Law), Deputy Head of the Department of Criminal Procedure of the FSFGEI HE "Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia", Ufa, Russia.
E-mail: Vadi-Latypov@yandex.ru

Проблема использования специальных познаний при расследовании и судебном рассмотрении уголовных дел постоянно привлекала к себе внимание ученых и не оставляет равнодушным практиков. Вместе с тем, действующее процессуальное законодательство и нормативная база, регламентирующая судебно-экспертную деятельность в России, нуждается в дополнительных научных исследованиях. Сказанное предопределило необходимость правового анализа судебно-экспертной деятельности на современном этапе развития законодательства, выявления актуальных вопросов, возникающих в данной сфере и предложение дальнейших путей совершенствования. Выявлены отдельные аспекты, подлежащие совершенствованию в проекте Федерального закона «О судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации». Автор предлагает совершенствовать действующий уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации, а также проект Федерального закона «О судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации», что позволит решить ряд проблем, возникающих у правоприменителей в процессе осуществления судебно-экспертной деятельности.

Ключевые слова: производство экспертиз, заключение эксперта, экспертное исследование, доказательство, иной документ, негосударственное экспертное учреждение, судебно-экспертная деятельность, сведущие лица, специальные знания.

The problem of the use of special knowledge while investigating and trying criminal cases constantly draws attention of scientists and practitioners. At the same time, the current procedural legislation and normative base regulating forensic expert activities in Russia need additional scientific researches. The foregoing predetermined the necessity of legal analysis of forensic expert activities at the present stage of legislation development, recognition of the topical issues arising in this sphere and suggestions of further ways of improvement. Certain aspects, which are subject to improvement in the Draft Federal Law "On forensic expert activities in the Russian Federation", are revealed. The author initiates legislation in order to improve the current Code of Criminal Procedure of the Russian Federation, as well as the Draft Federal Law "On forensic expert activities in the Russian Federation" that will allow to solve a number of problems of law enforcement officials arising in the course of implementation of forensic expert activities.

Key words: performance of expert examinations, expert opinion, expert research, proof, other document, non-state expert institution, forensic expert activities, experts, special knowledge.

Достаточно пристальное внимание со стороны законодателя в последнее время уделяется вопросам правовой регламентации уголовного судопроизводства на первоначальных стадиях уголовного процесса, в ходе которых закладывается фундамент доказательственной базы, являющейся основой законного, обоснованного и справедливого приговора суда.

Система доказывания должна быть основана на защите прав и законных интересов участников уголовного судопроизводства, а одним из неоспоримых средств доказывания выступает судебная экспертиза. Нельзя не согласиться с Е.А. Зайцевой, которая утверждает, что: «Судебная экспертиза играет приоритетную роль в деле внедрения достижений науки и

техники в уголовном процессе, повышении в целом культуры процессуальной деятельности правоохранительных органов. Специфика экспертизы как правового явления, как следственного действия состоит в самом процессе получения итогового документа, отражающего результаты исследования – заключения эксперта; в особенностях правового статуса участников данного следственного действия, и, прежде всего – его центральной фигуры – эксперта; в сложности оценки заключения эксперта как доказательства. К этим вопросам и в целом к проблемам правового института судебной экспертизы проявлен заметный интерес со стороны ученых и практических работников» [1, с. 6].

Научно-технический прогресс последних лет оказывает огромное влияние на все сферы человеческой жизни, не является исключением и сферы преступной деятельности (подверглись изменению характер и способы совершения), что как следствие влечет за собой и изменения в отдельных отраслях права, к примеру, возникновение новых составов преступления: ст.ст. 159.1-159.3, 159.5-159.6 УК РФ и многих других.

За последнее время увеличилось количество совершенных преступлений, в том числе преступлений имущественного характера, раскрытие которых требует четко отлаженной методики расследования с созданием неоспоримой доказательственной базы. По официальным данным МВД РФ о состоянии преступности на период с января по декабрь 2016 года: зарегистрировано 2160,1 тыс. преступлений. Рост регистрируемых преступлений отмечен в 8 субъектах Российской Федерации. Почти половину всех зарегистрированных преступлений (43,7%) составляют хищения чужого имущества, совершенные путем: кражи – 871,1 тыс., грабежа – 61,5 тыс., разбоя – 11,4 тыс. Каждая четвертая кража (27,0%), каждый двадцать первый грабеж (4,8%), и каждое одиннадцатое разбойное нападение (9,0%) были сопряжены с незаконным проникновением в жилище, помещение или иное хранилище. [6].

В свою очередь сбор доказательственной базы немыслим без судебно-экспертной деятельности, теоретическому и практическому совершенствованию которого уделяли научные труды такие видные ученые как Т.В. Аверьянова, Ф.Г. Аминев, Р.С. Белкин, С.Ф. Бычкова, А.И. Винберг, С.М. Даровских, Е.П. Гришина, А.М. Зинин, Ю.Г. Корухов, А.В. Кудрявцева, Н.П. Майлис, И.А. Макаренко, В.Н. Махов, В.С. Митричев, В.Ф. Орлова, Ю.К. Орлов, Е.Р. Россинская, Е.В. Селина, А.А. Тарасов и многие другие. Не умаляя их заслуг в становлении и развитии института судебной экспертизы в уголовном процессе, формированию общей теории судебной экспертизы, следует отметить, что проблема далеко не исчерпала себя в теоретическом и практическом плане. Предлагаем в настоящем исследовании сформулировать основанные, на наш взгляд, проблемы, возникающие у правоприменителей при назначении и производстве судебной экспертизы.

Одной из основных проблем судебно-экспертной деятельности в настоящее время являются длительные сроки проведения судебных экспертиз. Это, как правило, обусловлено недостаточным количеством или полным отсутствием соответствующих экспертов на территории ряда субъектов Российской Федерации, а также низким техническим оснащением экспертных учреждений. Государственные экспертные учреждения вынуждены перегружать своих экспертов, что приводит к созданию очередей экспертных исследований и неразрывно ведет к нарушению принципа разумности сроков уголовного судопроизводства. Выход из сложившейся ситуации видится в производстве отдельных видов экспертиз в негосударственных экспертных учреждениях, но только в случае внесения соответствующих изменений в правовую базу, регламентирующую производству судебно-экспертной деятельности в России [3, с. 136]. Отчасти указанную проблему сможет решить подготовленный Минюстом России законопроект «О судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации» [4].

Следующей проблемой, как никогда остро стоящей в настоящее время, принято выделять вопрос оплаты проведенных по инициативе правоохранительных органов судебных экспертиз. Лица, назначающие экспертизы (следователи, дознаватели) вынуждены затрачивать

определенное количество времени на определение экспертного учреждения, способного по своим техническим возможностям и ресурсам сведущих в интересующей области лиц произвести необходимую экспертизу, к тому же в их же обязанности (интересы следствия) входит и изыскание материальных возможностей на оплаты столь необходимых экспертиз. Речь идет о сложных и затратных экспертных исследованиях.

Возможно, упоминаемые в отдельных научных работах внебюджетные фонды, аккумулирующие в себе денежные средства для органов предварительного расследования и дознания по оплате экспертиз, помогут решить возникшую финансовую проблему, но на наш взгляд это решение требует дополнительных серьезных исследований.

Следующим, принципиально важным вопросом, подлежащим решению, является отсутствие законодательной регламентацией профессиональных и квалификационных требований к лицам, осуществляющим производство судебной экспертизы вне государственных судебно-экспертных учреждений, хотя данное требование закреплено еще в 2006 года в определении Верховного Суда Российской Федерации [5]. Так, Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации отменила обвинительный приговор в отношении М. В обосновании своего решения Судебная коллегия, в частности, указала, что экспертизы были поручены не государственным экспертам, а «независимому эксперту З., которая не представила документов, подтверждающих ее статус эксперта, ее квалификацию, сертификат компетентности, а поэтому заключения экспертиз нельзя признать допустимыми доказательствами, т.к. они даны лицом, не имеющим права на производство судебных экспертиз по уголовным делам». На основании изложенного, целесообразно внести изменения в ст. 195 УПК РФ, в которой следует отразить обязанность лица, назначающего судебную экспертизу негосударственному эксперту отражать в постановлении (определении) о назначении экспертизы сведения о его компетентности с последующим приобщением к материалам уголовного дела заверенных копий документов.

Считаем, что не будет лишним отразить позицию Верховного Суда Российской Федерации и в проекте Федерального закона «О судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации», предусмотрев обязанность лиц, осуществляющих производство судебных экспертиз вне зависимости от их принадлежности государственным или не государственным экспертным учреждениям информацию о своей компетентности и надлежащей квалификации.

Резюмируя изложенное, отметим, что судебно-экспертная деятельность является неотъемлемой частью доказательственного процесса, аргументированное, грамотное и составленное в правовом поле заключение эксперта не может вызывать сомнений ни у стороны защиты, ни у стороны обвинения и всегда будет являться надежной опорой для принятия справедливого, полного и всестороннего судебного решения [2].

Библиографические ссылки

1. Зайцева Е.А. Концепция развития института судебной экспертизы в условиях состязательного уголовного судопроизводства : дис. ... д-ра юрид. наук. Москва, 2008.
2. Латыпов В.С. Актуальные вопросы применения института специальных знаний в уголовном судопроизводстве России: уголовно-процессуальный аспект : монография. М. : Юрлитинформ, 2016.
3. Латыпов В.С. К вопросу о «легализации» негосударственных экспертных учреждений // Правовое государство: теория и практика. 2015. № 3. С. 132–138.
4. О судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации [Электронный ресурс] : проект Федерального закона № 306504-6 (ред., принятая ГД ФС РФ в I чтении 20.11.2013). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс». (дата обращения: 02.02.2017).
5. Определение Верховного Суда Российской Федерации от 19 июля 2006 г. № 87-о06-18 [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс» (дата обращения: 01.02.2017).
6. Состояние преступности – январь-декабрь 2016 года // Министерство внутренних дел Российской Федерации. URL:https://xn--b1aew.xn--p1ai/upload/site1/document_news/009/338/947/sb_1612.pdf (дата обращения: 02.02.2017).

References

1. Zaitseva E.A. Kontseptsiya razvitiya instituta sudebnoi ekspertizy v usloviyakh sostyazatel'nogo ugovnogo sudoproizvodstva (The concept of development of the institute of judicial examination in the conditions of competitive criminal legal proceedings), *dis. ... d-ra jurid. nauk, Moskva*, 2008.
2. Latypov V.S. Aktual'nye voprosy primeneniya instituta spetsial'nykh znaniy v ugovnom sudoproizvodstve Rossii: ugovno-protsessual'nyi aspekt (Topical issues of application of the institute of special knowledge in criminal trial of Russia: criminal procedure aspect), *monografiya. Moskva, Yurlitinform*, 2016.
3. Latypov V.S. K voprosu o «legalizatsii» negosudarstvennykh ekspertnykh uchrezhdenii (To the question of "legalization" of non-state expert institutions), *Pravovoe gosudarstvo: teoriya i praktika*, 2015, No 3, pp. 132–138.
4. O sudebno-ekspertnoi deyatelnosti v Rossiiskoi Federatsii (On forensic expert activities in Russia), *proekt Federal'nogo zakona No 306504-6 (red., prinyataya GD FS RF v I chtenii 20.11.2013). Dostup iz sprav.-pravovoi sistemy «Konsul'tantPlyus»*, (accessed date 02 February 2017).
5. Opredelenie Verkhovnogo Suda Rossiiskoi Federatsii ot 19 iyulya 2006 g. No 87-o06-18 (Definition of the Supreme Court of the Russian Federation of July 19, 2006.). *Dostup iz sprav.-pravovoi sistemy «Konsul'tantPlyus»* (accessed date 02 February 2017).
6. Sostoyanie prestupnosti – yanvar'-dekabr' 2016 goda (Crime rate – January-December, 2016), *Official site of the Ministry of Internal Affairs of Russia*, URL:https://xn--b1aew.xn--p1ai/upload/site1/document_news/009/338/947/sb_1612.pdf (accessed date 02 February 2017).

Дата поступления: 17.02.2017

Received: 17.02.2017

УДК 343

**ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ
НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНЕГО
ПРЕСТУПНИКА**

НОСКОВ Олег Сергеевич

*кандидат юридических наук, начальник кафедры, кафедра огневой и тактико-специальной подготовки, ФГКОУ ВО «Уфимский юридический институт Министерства внутренних дел Российской Федерации», г. Уфа, Россия.
E-mail: ufaoitsp@mail.ru*

Изучение личности несовершеннолетнего преступника относится к числу ведущих и вместе с тем наиболее сложных проблем криминологии. Личность преступника выступает в качестве одного из основных направлений криминологической характеристики любого вида преступности. Криминология как наука изучает личность преступника, однако такие исследования являются особенностью, потому что они в силу природы изучения объекта менее универсальны, чем исследования социально-экономических, культурных ценностей, что обусловлено индивидуальностью каждого человека. С целью определения понятия «несовершеннолетний преступник» необходимо раскрыть понятия «несовершеннолетний» и «преступник».

**PSYCHOLOGICAL CHARACTERISTICS
OF THE JUVENILE OFFENDER**

NOSKOV Oleg Sergeevich

*Candidate of Sciences (Law), Head of the Department of Fire and Special Tactical Training of the FSGEI HE "Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia", Ufa, Russia.
E-mail: ufaoitsp@mail.ru*

The study of the identity of the juvenile offender is among the leading and yet the most complex problems of criminology. The identity of the offender always is one of the main directions of criminological characteristics of learning any type of crime. Thus, it is possible to note that criminology as a science, essentially, investigates the identity of the offender, but such studies are particular, because they are in virtue of the nature of the learning object less general than studies of socio-economic and cultural values, due to the individuality of each person. In order to define the concept "juvenile offender" it is necessary to reveal the concepts "juvenile" and "offender".

Ключевые слова: преступник, несовершеннолетний, малолетний, преступность, психологические особенности, перепады настроения, психика несовершеннолетнего, жестокость.

Key words: criminal, juvenile, minor, crime, psychological characteristics, mood swings, juvenile's psyche, cruelty.

На сегодняшний день состояние преступности несовершеннолетних вызывает тревогу. По данным Портала правовой статистики Генеральной Прокуратуры Российской Федерации за 2013 год выявлено – 60761 (+ 1300) несовершеннолетних лиц совершивших преступления, за 2014 – 54089 (– 6702), за 2015 год – 55365 (+ 1276), за 2013 год расследовано 17861 (+ 1253) преступлений небольшой тяжести, совершенных несовершеннолетними или при соучастии, 34730 (+1597) – средней тяжести, 12877 (+ 60) – тяжких, 1757 (+ 42) – особо тяжких; за 2014 – 15598 (– 2263) небольшой тяжести, 29856 (– 4874) – средней тяжести, 12009 (– 868) – тяжких, 1777 (+ 20) – особо тяжких; за 2015 – 17369 (+ 1771) небольшой тяжести, 30473 (+ 617) – средней тяжести, 11169 (–840) – тяжких, 2142 (+ 365) – особо тяжких. Для эффективной профилактической работы и проведения результативной борьбы с преступностью несовершеннолетних необходимо определить психологические особенности данной категории преступников.

Как отмечает К.Е. Игошев, «...преступность несовершеннолетних представляет собой одну из относительно самостоятельных сторон такого многосложного явления, как общая преступность. Эта относительная самостоятельность проявляется в своеобразии некоторых причин преступности несовершеннолетних, в специфической характеристике динамики преступности несовершеннолетних, наконец, в особенностях личной стороны».

Изучение личности несовершеннолетнего преступника относится к числу ведущих и вместе с тем наиболее сложных проблем криминологии. Хотелось отметить, что данной проблеме посвящено немало научно-практических исследований. Личность преступника всегда выступает в качестве одного из основных направлений криминологической характеристики изучения любого вида преступности. Таким образом, можно отметить, что криминология как наука, по сути, изучает личность преступника, однако такие исследования являются особенностью, потому что они в силу природы изучения объекта менее универсальны, чем исследования социально-экономических, культурных ценностей, что обусловлено индивидуальностью каждого человека. С целью определения понятия «несовершеннолетний преступник» необходимо раскрыть понятия «несовершеннолетний» и «преступник».

На данный момент не существует единого определения для всех отраслей российского права понятия «несовершеннолетний». В статье 1 Конвенции ООН о правах ребенка 1989 г. говорится о несовершеннолетнем как о человеческом существе до достижения им 18-летнего возраста, если по закону, применимому к данному ребенку, он не достиг совершеннолетия ранее. С точки зрения уголовного закона, несовершеннолетними признаются лица, которым ко времени совершения преступления исполнилось четырнадцать, но не исполнилось восемнадцати лет. В Федеральном законе «Об основах системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних» под несовершеннолетним понимается лицо, не достигшее возраста восемнадцати лет.

Преступник – лицо, совершившее общественно опасное противоправное виновное деяние, за которое согласно российскому законодательству наступает юридическая ответственность. Рассматривая личность несовершеннолетних, совершающих преступления, необходимо отметить, что их криминальная активность возрастает по мере увеличения возраста, но в силу возрастных особенностей характеризуется специфическим набором психологических свойств и качеств, небезразличных в криминологическом плане. Но в настоящее время идет омоложение подростковой преступности, молодежь не достигает возраста уголовной ответственности, соответственно, не попадает в общеуголовную статистику. Это подвергается воз-

действию криминогенных факторов, лежащих в первую очередь в сфере условий жизни и воспитания, нередко они обостряются, повышая тем самым вероятность преступного поведения; проблемы нейтрализации негативных процессов, связанные с ранней криминальной активностью подростков, являются актуальными для большинства стран мирового сообщества.

Психологические особенности несовершеннолетнего преступника обусловлены такими фактами, как неадекватная реакция на оценку окружающих, чрезмерная самоуверенность, резкие суждения и высказывания по отношению к окружающим, противоречивость поведения: застенчивость сменяется развязностью, показная независимость граничит с ранимостью, эмоциональная неустойчивость и резкие перепады настроения, борьба с общепринятыми нормами. Также в данный период происходит накопление отрицательного опыта, который может проявиться со временем.

Кроме того, у данного контингента на достаточно высоком уровне проявляется самостоятельность, уверенность, настойчивость, упорство, самоконтроль, но наряду с этим происходит дальнейший процесс общественной адаптации личности, продолжается или завершается обучение в общественных организациях, происходит определение места в обществе, выбор будущей профессии, накапливается опыт межличностных взаимоотношений.

В.А. Крутецкий считает, что заметное развитие у несовершеннолетних подросткового возраста приобретают волевые черты характера – настойчивость, упорство в достижении цели, умение преодолевать препятствия и трудности на этом пути, поэтому ложно принятые идеалы и ценности могут способствовать приобретению направленности на асоциальное, девиантное, делинквентное поведение.

Крупный исследователь подросткового возраста, немецкий философ и психолог Э. Шпренгер рассматривая данный возраст внутри юношеского, определил, что центральным и специфичным новообразованием этого возраста у ребёнка является чувство взрослости, а также открытие «Я», возникновение рефлексии, осознание своей индивидуальности. Данное новообразование самосознания становится стержневой особенностью личности. Подростки становятся восприимчивы к усвоению норм, ценностей и способов поведения, существующим в мире взрослых и в их отношениях. Стремление показать себя обществу, сопоставить себя с окружающими зачастую сопровождается противоправными действиями в отношении как сверстников, так и взрослых.

Психологи отмечают, что несовершеннолетние способны к имитации чьего-либо поведения, к вспыльчивости, к неуравновешенности, к поиску пределов допустимого как способа преодолеть социальные запреты, компенсация неудач в одной области успехами в другой, отсутствие психологической готовности адекватно оценивать сложившуюся ситуацию и т.д.

Преступления, совершаемые несовершеннолетними, характеризуются особой злобностью, бесчеловечностью, жестокостью, дерзостью по отношению к своим жертвам. Особенностью преступности несовершеннолетних является то, что деяния совершаются в соучастии, при этом они руководствуются чаще всего корыстными, хулиганскими побуждениями, желанием повысить свой авторитет среди сверстников, показать свою правоту и безнаказанность своих действий, озлобленностью либо чувством ложного товарищества.

Для определения характерных черт преступности малолетних необходимо данных субъектов разделить по половому (гендерному) признаку. Под гендерным разрывом в научной литературе понимается существенные отличия в поведении, в психологической реакции на происходящие события, эмоционально-волевая оценка поступков, принятие социальной критики в отношении себя. Доля лиц мужского пола среди преступников (90–95 %) всегда намного выше их удельного веса в населении данной возрастной группы, проживающего в соответствующих регионах страны (48–52 %); доля девушек, совершающих преступления (4–10 %), наоборот, значительно меньше их удельного веса в населении.

Учет психологических особенностей несовершеннолетних преступников позволит определить направления профилактической работы со стороны правоохранительных органов, направленность его противоправной деятельности, создать благоприятные условия для формирования, развития личности несовершеннолетнего, как здорового субъекта общественных отношений.

Библиографические ссылки

1. Бельский А.И., Ягодин Р.С. Криминологическая характеристика личности несовершеннолетнего преступника // Российский следователь. 2015. № 15. С. 48–50.
2. Конвенция о правах ребенка // Сборник международных договоров СССР. Выпуск XLVI. 1993.
3. Крутецкий В.А. Психология : учебник для учащихся пед. училищ / В.А. Крутецкий. М. : Просвещение, 2004.
4. Мухина В.С. Возрастная психология. М. : Академия, 2004.
5. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (с изм. и доп. от 25.07.2015) // Собрание законодательства РФ, 17.06.1996, № 25, ст. 2954.
6. Об основах системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних / Федеральный закон от 24.06.1999 № 120-ФЗ (ред. от 26.04.2016) // Собрание законодательства РФ, 28.06.1999, № 26, ст. 3177.
7. URL: <http://crimestat.ru/22>.

References

1. Belskiy A.I., Yagodin R.S. Kriminologicheskaja harakteristika lichnosti nesovershennoletnego prestupnika (Criminological characteristics of the personality of juvenile offenders), *Rossiyskiy sledovatel*, 2015, No. 15, pp. 48–50.
2. Konventsiya o pravah rebenka (Convention on the Rights of the Child), *Sbornik mezhdunarodnyih dogovorov SSSR*, vyipusk XLVI, 1993.
3. Krutetskiy V. A. Psihologija: uchebnik dlya uchashihsya ped. uchilisch (Psychology: Textbook for students of ped. schools). M. Prosveschenie, 2004.
4. Muhina V.S. Vozrastnaja psihologija (Age psychology). M. Akademiya, 2004.
5. Ugolovnyj kodeks Rossijskoj Federacii ot 13.06.1996 № 63-FZ (Criminal code of the Russian Federation of 13.06.1996 No. 63-FL) (s izm. i dop. ot 25.07.2015), *Sobranie zakonodatelstva RF*, 17.06.1996, No. 25, st. 2954.
6. Ob osnovah sistemyi profilaktiki beznadzornosti i pravonarusheniy nesovershennoletnih, *Federalnyiy zakon* ot 24.06.1999, No. 120-FZ (On Principles of prevention of neglect and juvenile delinquency, Federal Law of 24.06.1999, No. 120-FL) (red. ot 26.04.2016), *Sobranie zakonodatelstva RF*, 28.06.1999, No. 26, st. 3177.
7. URL: <http://crimestat.ru/22>

Дата поступления: 17.02.2017

Received: 17.02.2017

УДК 340

**ВЗРЫВООПАСНЫЙ ПРЕДМЕТ – КАК ЭЛЕМЕНТ
КРИМИНАЛИСТИЧЕСКОЙ КАТЕГОРИИ****САБАНОВ Андрей Юрьевич**

кандидат юридических наук, подполковник полиции, ФГКОУ ВО «Уфимский юридический институт Министерства внутренних дел Российской Федерации», г. Уфа, Россия.
E-mail: saban2210@mail.ru

**EXPLOSIVE ORDNANCE AS AN
ELEMENT OF FORENSIC CATEGORY****SABANOV Andrey Yuryevich**

Candidate of Sciences (Law), Police Lieutenant Colonel, FSGEI HE "Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia", Ufa, Russia.
E-mail: saban2210@mail.ru

В статье раскрывается значение криминалистического понятия взрывоопасных предметов (боеприпасов, взрывных устройств, взрывчатых веществ, пиротехнических изделий). Автор обращает внимание на то, что эти предметы известны российскому уголовному праву, однако на законодательном уровне данные понятия не определены. Понятия данных предметов и правовой регламент их оборота носит разрозненный и беспорядочный характер. В связи с этим данные понятия должны быть определены на законодательном уровне и иметь единообразное суждение.

Ключевые слова: взрывоопасный предмет, боеприпасы, взрывчатые вещества, взрывные устройства, объект взрывотехники, категория боеприпасов.

The given paper reveals the importance of the forensic concept of explosive ordnance (ammunition, explosive devices, explosives, pyrotechnic products). As well, the author draws attention to the fact that these items are known to Russian criminal law, but at the legislative level, these concepts are not defined. The concept of these items, and legal regulation of their turnover is incomplete and irregular in nature. In this regard, these concepts must be defined at the legislative level and have a uniform understanding.

Key words: explosive ordnance, ammunition, explosives, explosive devices, object of explosion engineering, category of ammunition.

Толкование понятия взрывоопасных предметов (боеприпасов, взрывных устройств, взрывчатых веществ, пиротехнических изделий) встречается в различных областях знаний, в частности, в военной науке, криминалистике, гражданской обороне и др. Эти предметы известны российскому уголовному праву. Однако на законодательном уровне данные понятия не определены. Кроме того, несмотря на значительное количество проведенных научных исследований, о взрывоопасных предметах отсутствуют единообразные суждения.

Справедливо замечание А. Самойлова по поводу того, что, в частности, такое понятие, как взрывное устройство, не определено не только в Уголовном кодексе и отраслевом законодательстве. Взрывное устройство по-разному трактуется и в военной науке, им называют «средства взрыва», «взрывчатые материалы», «средства взрывания» и т.п. Между тем, как замечает автор, понятие «взрывное устройство» является уголовно-правовым [1].

В связи с этим представляется оправданным анализ признаков, образующих содержание понятий боеприпасов, взрывных устройств, взрывчатых веществ и пиротехнических изделий. Решение этой задачи имеет и прикладной аспект, поскольку позволит определить критерии отнесения взрывоопасных предметов к боеприпасам, взрывчатым веществам, взрывным устройствам и пиротехническим изделиям. В уголовном праве и уголовном законе понятие взрывоопасных предметов (боеприпасов, взрывных устройств, взрывчатых веществ, пиротехнических изделий) не раскрывается. Нормы, предусматривающие уголовную ответственность за незаконное обращение с этими предметами, носят бланкетный характер. При этом понятия данных предметов и правовой регламент их оборота носит разрозненный и беспорядочный характер. Эти положения относятся к разным федеральным законам и норматив-

ным правовым актам, в отдельных случаях законодательный порядок обращения взрывоопасных предметов и вовсе отсутствует. В этом усматривается существенный недостаток не только для правоприменительной практики, но и в целом для государственного надзора и контроля в области обеспечения оборота взрывоопасных предметов.

Таким образом, понятия боеприпасов, взрывного устройства, взрывчатого вещества, пиротехнического изделия, хотя и являются правовыми, тем не менее, законодатель их не определяет. Федеральный закон «Об оружии» [2] дает трактовку только одному из предметов, относящихся к категории взрывоопасных, – боеприпасам. Между тем соответствующие определения этим понятиям представлены в технической и военной литературе [3]. Свою лепту в разработку понятий взрывоопасных предметов внесли ученые-правоведы [4], трактовку понятий объектов взрывотехники как отрасли криминалистической техники представили ученые-криминалисты [5]. Такое положение обусловило, с одной стороны, подробное и детальное описание признаков и свойств данных объектов, а с другой – множество неоднозначных, порой противоречивых положений.

В соответствии с Федеральным законом от 7 февраля 2011 г. N 3-ФЗ "О полиции" на полицию не возложена обязанность по выдаче разрешений на хранение и перевозку взрывчатых материалов промышленного применения, ранее предусмотренная п. 10 ст. 10 Закона Российской Федерации от 18 апреля 1991 г. N 1026-I "О милиции".

Одновременно во исполнение поручений Президента Российской Федерации от 28 января 2011 г. N Пр-216 и Правительства Российской Федерации от 2 февраля 2011 г. N ВП-П7-533 Минпромторгом России совместно с заинтересованными федеральными органами исполнительной власти осуществлялась подготовка проекта федерального закона "Об обороте взрывчатых веществ и материалов, пиротехнических изделий", в котором планировалось определить компетенцию уполномоченных федеральных органов исполнительной власти в указанной сфере деятельности.

Согласно данному поручению Президента Российской Федерации названный законопроект должен был быть внесен в Государственную Думу Федерального Собрания Российской Федерации в июле 2011 г. На данный момент ситуация, как представляется, не разрешена должным образом посредством принятия федеральных законов об обороте взрывчатых материалов и пиротехнических изделий.

Обратимся к понятию боеприпасов. В ст. 1 закона «Об оружии» боеприпасы определяются как предметы вооружения и метаемое снаряжение, предназначенные для поражения цели и содержащие разрывной, метательный, пиротехнический или вышибной заряды либо их сочетание. Хотя данное определение полностью соответствует определению по ГОСТу [6], аналогичным образом оно отражено и в других нормативных правовых актах [7], однако по существу такая трактовка боеприпасов явилась поводом к обоснованной критике. Так, по мнению многих специалистов, указанное определение порождает у правоприменителя смысловые разночтения и коллизии при оценке патронов и взрывных устройств с точки зрения принадлежности их к боеприпасам [8, с. 39].

Пленум Верховного Суда РФ в связи с вопросами, возникающими у судов при применении законодательства, предусматривающего ответственность за незаконное обращение с оружием, боеприпасами, взрывчатыми веществами и взрывными устройствами, а также за их хищение или вымогательство, дает следующие разъяснения.

Под боеприпасами следует понимать предметы вооружения и метаемое снаряжение как отечественного, так и иностранного производства, предназначенные для поражения цели и содержащие разрывной, метательный или вышибной заряды либо их сочетание. К категории боеприпасов относятся артиллерийские снаряды и мины, военно-инженерные подрывные заряды и мины, ручные и реактивные противотанковые гранаты, боевые ракеты, авиабомбы и т.п., независимо от наличия или отсутствия у них средств для инициирования взрыва, предна-

значенные для поражения целей, а также все виды патронов к огнестрельному оружию, независимо от калибра, изготовленные промышленным или самодельным способом (п. 4) [9].

В приведенных тезисах усматривается несоответствие. Пленум выделяет несколько видов боеприпасов, в частности: артиллерийские снаряды, мины, военно-инженерные и подрывные заряды, гранаты, боевые ракеты, авиабомбы, а также все виды патронов к стрелковому огнестрельному оружию независимо от калибра. Вместе с тем, давая основные понятия в законе «Об оружии», законодатель рассматривает патроны в качестве самостоятельной группы, не включая их в понятие боеприпасов.

Очевидно, что данную путаницу следует устранить. В этом смысле заслуживает внимания предложение Ф.Н. Багаутдинова и А.И. Ширкина, которые предлагают исключить из закона «Об оружии» понятие боеприпасов. Как отмечают авторы, данный закон регулирует правоотношения, возникающие при обороте гражданского, служебного, а также боевого ручного стрелкового и холодного оружия (Преамбула Федерального закона «Об оружии») [10, с. 31]. Безусловно, такие предметы, как артиллерийские снаряды и мины, военно-инженерные подрывные заряды и мины, гранаты, боевые ракеты, авиабомбы, являющиеся боеприпасами, к этой сфере не относятся.

Что касается понятия взрывного устройства, то оно раскрывается только в единственном нормативном акте – указанном постановлении Пленума – это промышленные или самодельные изделия, функционально объединяющие взрывчатое вещество и приспособление для инициирования взрыва (запал, взрыватель, детонатор и т.п.) (п. 5).

Заметим, что определение небезупречно ни с точки зрения смыслового содержания, ни полноты включения признаков. Здесь налицо совпадение признаков, характерных как для боеприпасов, так и для взрывных устройств.

Например, в соответствии с приведенными определениями ручные противотанковые гранаты относятся к категории боеприпасов, а их комплектующие – взрыватели, детонаторы и запалы ручных гранат – к категории взрывных устройств. Очевидно, что по своему действию и конструкции граната больше подходит под определение взрывного устройства.

Следует отметить, что и судебная (следственная) практика в отношении отнесения тех или иных предметов к взрывным устройствам или боеприпасам довольно противоречива. В ходе диссертационного исследования анализировались приговоры по уголовным делам о преступлениях, связанных с использованием взрывоопасных предметов. При этом было выявлено, что решения не только районных и областных судов (судов первой инстанции), но и верховных судов (судов второй инстанции) оказываются в этой части небесспорными. Приведем примеры.

По уголовному делу в отношении *К.* в приговоре Калужского областного суда говорится о том, что «... *К.* незаконно хранил являющиеся боеприпасами две ручные гранаты РГД-5» [11].

В другом случае суды, вразрез с позицией Пленума Верховного Суда РФ, считающего гранаты боеприпасами, признают их взрывными устройствами. Так, в приговоре Томского областного суда по уголовному делу в отношении *Б.* говорится о том, что *Б.* осужден, в частности, за незаконные приобретение, хранение, ношение и перевозку взрывного устройства. Из материалов дела следует, что при совершении преступления он сначала демонстрировал, а затем взорвал гранату [12].

Аналогичное решение имело место по другому уголовному делу – в отношении *В.*, который в ходе совершения преступления произвел взрыв гранаты, которая по определению Ростовского областного суда была квалифицирована как взрывное устройство [13].

Президиум Верховного Суда РФ, рассмотрев уголовное дело по надзорной жалобе осужденного, в своем постановлении вслед за судом первой инстанции патроны называет бо-

е припасами, а боевую ручную оборонительную осколочную гранату «Ф-1» – взрывным устройством [14].

Возникает вопрос, имеет ли принципиальное значение отнесение предмета к взрывному устройству или же боеприпасам, если действия с ним все равно подлежат равной по размерам ответственности, например, по ст. 222 УК РФ? Возможно, что в этом конкретном случае не имеет. Однако в случаях с другими преступлениями этот вопрос приобретает существенное значение. Например, в ч. 1 ст. 212 «Массовые беспорядки» УК РФ орудиями преступления названы огнестрельное оружие, взрывчатые вещества и взрывные устройства. О боеприпасах, которые не реже могут использоваться при совершении массовых беспорядков, законодатель умалчивает. И получается, что если при массовых беспорядках применялись ручные гранаты, уголовная ответственность должна наступать по ст. 222 УК РФ, поскольку граната относится к числу боеприпасов. Это означает, что применяемая санкция окажется значительно мягче, чем санкция, предусмотренная ст. 212 УК РФ.

Предметом преступлений, связанных с уничтожением, повреждением и утратой военного имущества, а также нарушением правил обращения с ним (ст. 346-349 УК РФ), являются, в частности оружие и боеприпасы. В этом случае законодатель наоборот не упоминает о взрывных устройствах. Что тоже нельзя признать верным.

Таким образом, в приведенных случаях обоснованно говорить о нарушении законодательной логики, что ведет в свою очередь к дискредитации уголовно-правовых норм. Подобные коллизии должны быть, не только восприняты законодателем, но и, безусловно, устранены путем внесения соответствующих поправок в нормы УК РФ, Федерального закона «Об оружии», а также путем принятия Федерального закона «О взрывчатых веществах и изделиях, их содержащих», в котором определялись бы такие понятия, как боеприпасы, взрывные устройства, взрывчатые вещества.

Здесь же заметим, что существует и другая проблема – проблема дифференцированного подхода к уголовной ответственности за незаконный оборот различных видов боеприпасов. Данный вопрос остается в центре внимания ученых-правоведов [15, с. 12]. Полагаем, что назрела необходимость незаконный оборот взрывоопасных предметов выделить в самостоятельную норму УК РФ, предусматривающую более строгую уголовную ответственность, чем в случае с огнестрельным и иными видами оружия, а также боеприпасами (патронами к стрелковому оружию). Вне всякого сомнения, взрывоопасные предметы (боеприпасы, взрывные устройства, взрывчатые вещества, пиротехнические изделия) по сравнению с другими предметами, указанными в ст. 222 УК РФ, представляют собой особую повышенную опасность, имеют высокую поражающую способность, как правило, приводят к значительному количеству жертв и повреждений, т.е. имеют значительно большую общественную опасность.

Библиографические ссылки

1. Самойлов А.С. Понятие взрывного устройства в Уголовном кодексе Российской Федерации не раскрыто // Бюллетень УВС и ВК ВС РФ. 1998. № 4.
2. Об оружии: Федеральный закон от 13.12.1996 №150-ФЗ (ред. от 02.07.2013 № 185 ФЗ).
3. Орленко Л.П. Физика взрыва и удара. – М., 2008 и др.
4. Антонченко В.В. Многообъектность преступлений, связанных незаконным оборотом оружия в воинских формированиях // Военно-юридический журнал. 2009. №2 и др.
5. Можаяев С.Н. Взрывные устройства, используемые террористами при совершении террористических актов. – М., 2007. (ДСП) и др.
6. ГОСТ В20313-74 «Боеприпасы. Основные понятия. Термины и определения». – М., 1975; Изменение №1 ГОСТ В20313-74. – М., 1982.
7. О подписании Соглашения о сотрудничестве государств – участников Содружества Независимых Государств в борьбе с незаконным изготовлением и оборотом огнестрельного оружия, боеприпасов, взрывчатых веществ и взрывных устройств: Распоряжение Правительства РФ от 13.11.2008 №1653-р; Об утверждении Правил перемещения через таможенную границу Российской Федерации товаров от-

- дельными категориями иностранных лиц: Приказ ГТК РФ от 10.10.2002 №1087 (ред. от 17.02.2004); О дополнительных мерах по предупреждению незаконного оборота оружия, боеприпасов, взрывчатых веществ и материалов (вместе с «Положением об организации работы по приему от граждан незаконно хранящихся у них оружия, боеприпасов, взрывчатых веществ и материалов на возмездной основе»): Постановление Правительства Москвы от 29.07.2003 №630-ПП (ред. от 15.05.2007).
8. Копылов Д.Г. Необходимость уголовно-правовой дифференциации предметов преступлений, предусмотренных статьями 222 и 223 УК РФ // Криминалистические средства и методы в раскрытии и расследовании преступлений: Матер. IV Всерос. науч.-практ. конф. – М., 2009. С.39.
9. О судебной практике по делам о хищении, вымогательстве и незаконном обороте оружия, боеприпасов, взрывчатых веществ и взрывных устройств: Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 12.03.2002 №5 (ред. от 06.02.2007 №7).
10. Багаутдинов Ф.Н., Ширкин А.И. Уголовная ответственность за незаконное хранение и ношение патронов // Правосудие в Татарстане. 2007. №2(31). С.31.
11. Постановление Президиума Верховного Суда РФ от 14.02.2007 №549-П06 по уголовному делу по надзорной жалобе осужденного на приговор Калужского областного суда от 04.12.2003 г.
12. Кассационное определение судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ от 29.06.2006 №88-О06-21 по кассационной жалобе осужденного на приговор Томского областного суда от 11.11.2005 г.
13. Определение судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ от 09.03.2006 №41-О05-9 по кассационной жалобе осужденного и адвоката на приговор Ростовского областного суда от 06.12.2004 г.
14. Постановление Президиума Верховного Суда РФ от 16.03.2005 №602п2004 по уголовному делу по надзорной жалобе осужденного на приговор Краснодарского краевого суда от 12.11.2001 г.
15. Багаутдинов Ф., Ширкин А. Ручная граната: оружие, взрывное устройство или боеприпас? // Законность. 2008. №1. С.12 и др.

References

1. Samojlov A.S. Ponjatie vzryvnogo ustrojstva v Ugolovnom kodekse Rossijskoj Federacii ne raskryto (The concept of an explosive device in the Criminal Code of the Russian Federation is not revealed), *Bjulleten' UVS i VK VS RF*. 1998. № 4.
2. Ob oruzhii: Federal'nyj zakon ot 13.12.1996 №150-FZ (red. ot 02.07.2013 № 185 FZ) (On Weapons: Federal Law № 150-FL of 13.12.1996 (Ed. 2.7.2013 №185 FL)).
3. Orlenko L.P. Fizika vzryva i udara (Explosion and shock physics). M., 2008.
4. Antonchenko V.V. Mnogoob#ektnost' prestuplenij, svjazannyh nezakonnym oborotom oruzhija v voinskih formirovanijah (A large scale of crimes involving illicit trafficking of arms in military formations), *Voennojuridicheskij zhurnal*. 2009. № 2.
5. Mozhaev S.N. Vzryvnye ustrojstva, ispol'zuemye terroristami pri sovershenii terroristicheskikh aktov (The explosive devices used by terrorists in committing terrorist acts). M., 2007.
6. GOST V20313-74 «Boeprirasy. Osnovnye ponjatija. Terminy i opredelenija» (GOST V20313-74 "Ammunition. Basic concepts. Terms and Definitions"). M., 1975; Izmenenie №1 GOST V20313-74. M., 1982.
7. O podpisanii Soglashenija o sotrudnichestve gosudarstv – uchastnikov Sodruzhestva Nezavisimyh Gosudarstv v bor'be s nezakonnym izgotovleniem i oborotom ognestrel'nogo oruzhija, boeprirasy, vzryvchatyh veshhestv i vzryvnyh ustrojstv: Rasporyazhenie Pravitel'stva RF ot 13.11.2008 №1653-r; Ob utverzhdenii Pravil peremeshhenija cherez tamozhennuju granicu Rossijskoj Federacii tovarov ot del'nymi kategorijami inostrannyh lic: Prikaz GTK RF ot 10.10.2002 №1087 (red. ot 17.02.2004); O dopolnitel'nyh merah po preduprezhdeniju nezakonnogo oborota oruzhija, boeprirasy, vzryvchatyh veshhestv i materialov (vmeste s «Polozheniem ob organizacii raboty po priemu ot grazhdan nezakonno hranjashhihsja u nih oruzhija, boeprirasy, vzryvchatyh veshhestv i materialov na vozmezdnoj osnove»): Postanovlenie Pravitel'stva Moskvy ot 29.07.2003 №630-PP (red. ot 15.05.2007) (See: On the signing of the Covenant of cooperation of states - participants of the Commonwealth of Independent States in the fight against illicit manufacturing and trafficking of firearms, ammunition, explosives and explosive devices: Directive of the RF Government of 13.11.2008 №1653-p; On approval of the Rules of goods transfer across the customs border of the Russian Federation by certain categories of foreign persons: Order of the State Customs Committee of the Russian Federation from 10.10.2002 №1087 (ed. 17.02.2004); On additional measures to prevent illicit trafficking of weapons, ammunition, explosive items and materials (together with "Regulation on the organization of receiving from citizens illegally stored weapons, ammunition and explosives on a reimbursable basis"): Resolution of the Moscow Government dated 29.07.2003 №630-PP (ed. 15.05.2007).
8. Kopylov D.G. Neobhodimost' ugolovno-pravovoj differenciacii predmetov prestuplenij, predusmotrennyh stat'jami 222 i 223 UK RF (The need for criminal law differentiation of subjects of crimes stipulated by Arti-

cles 222 and 223 of the Criminal Code of the Russian Federation), *Kriminalisticheskie sredstva i metody v raskrytii i rassledovanii prestuplenij*: Mater. IV Vseros. nauch.-prakt. konf. M., 2009. P.39.

9. O sudebnoj praktike po delam o hishhenii, vymogatel'stve i nezakonnom oborote oruzhija, boepripasov, vzryvchatyh veshhestv i vzryvnyh ustrojstv: Postanovlenie Plenuma Verhovnogo Suda RF ot 12.03.2002 №5 (red. ot 06.02.2007 №7) (On judicial practice in cases of theft, extortion and trafficking of firearms, ammunition, explosives and explosive devices: Resolution of the Plenum of the Supreme Court of 12.03.2002 №5 (amended on 06.02.2007 №7).

10. Bagautdinov F.N., Shirkin A.I. Ugolovnaja otvetstvennost' za nezakonnoe hranenie i noshenie patronov (Criminal liability for illegal possession and carrying ammunition), *Pravosudie v Tatarstane*. 2007. № 2 (31). P.31.

11. Postanovlenie Prezidiuma Verhovnogo Suda RF ot 14.02.2007 №549-P06 po ugolovnomu delu po nadzornoj zhalobe osuzhdenного na prigovor Kaluzhskogo oblastnogo suda ot 04.12.2003 g. (Resolution of the Presidium of the Supreme Court of the Russian Federation of 14.02.2007 №549-P06 in a criminal case on the convict's complaint over the verdict of the Kaluga Regional Court of 04.12.2003).

12. Kassacionnoe opredelenie sudebnoj kollegii po ugolovnym delam Verhovnogo Suda RF ot 29.06.2006 №88-O06-21 po kassacionnoj zhalobe osuzhdenного na prigovor Tomskogo oblastnogo suda ot 11.11.2005 g. (The cassational ruling of the judicial board on criminal cases of the Supreme Court of the Russian Federation of 29.06.2006 №88-O 06-21 on the convict's cassation against the sentence of the Tomsk Regional Court of 11.11.2005).

13. Opredelenie sudebnoj kollegii po ugolovnym delam Verhovnogo Suda RF ot 09.03.2006 №41-O05-9 po kassacionnoj zhalobe osuzhdenного i advokata na prigovor Rostovskogo oblastnogo suda ot 06.12.2004 g. (The definition of the judicial board on criminal cases of the Supreme Court of the Russian Federation from 09.03.2006 №41-O05-9 on the convict and his lawyer's cassation against the judgment of the Rostov Regional Court of 06.12.2004).

14. Postanovlenie Prezidiuma Verhovnogo Suda RF ot 16.03.2005 №602p2004 po ugolovnomu delu po nadzornoj zhalobe osuzhdenного na prigovor Krasnodarskogo kraevogo suda ot 12.11.2001 g. (Resolution of the Presidium of the Supreme Court of 16.03.2005 №602p 2004 in a criminal case on the convict's complaint over the verdict of the Krasnodar Regional Court of 12.11.2001).

15. Bagautdinov F., Shirkin A. Ruchnaja granata: oruzhie, vzryvnoe ustrojstvo ili boepripas? (Hand Grenade: a weapon, an explosive device or an ammunition?), *Zakonnost'*. 2008. №1. P.12.

Дата поступления: 17.02.2017

Received: 17.02.2017

УДК 342.4

КРИМИНАЛИСТИЧЕСКАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА НАСИЛЬСТВЕННЫХ ДЕЙСТВИЙ СЕКСУАЛЬНОГО ХАРАКТЕРА, СОВЕРШЕННЫХ В ОТНОШЕНИИ МАЛОЛЕТНИХ И НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ

FORENSIC CHARACTERISTICS OF SEXUAL VIOLENCE COMMITTED AGAINST JUVENILES AND MINORS

ХАЛИУЛЛИНА Айгуль Фаатовна

*старший преподаватель кафедры криминалистики Института права Башкирского государственного университета, г. Уфа, Россия.
E-mail: aigul229@mail.ru*

KHALIULLINA Aigul Faatovna

Senior Instructor of the Chair of Forensics of the Institute of Law of the Bashkir State University, Ufa, Russia. E-mail: aigul229@mail.ru

В статье проводится анализ научных положений и взглядов на один из основных структурных элементов методики расследования отдельных видов преступлений – криминалистическую характеристику преступления. Автор указывает на важность рассмотрения содержания криминалистической характеристики и значение ее элементов для расследования преступлений, в частности, для расследования насильственных действий сексуально-

The article analyzes scientific concepts and views on one of the main structural elements of the methodology of investigation of certain types of crimes - forensic characteristics of crimes. The author points out the importance of considering the content of forensic characteristics and meaning of its elements for crimes investigation, in particular, to investigate sexual violence committed against juveniles and minors. The author reveals the content of the main

го характера, совершенных в отношении малолетних и несовершеннолетних. Раскрыто содержание основных элементов криминалистической характеристики указанной категории преступления. Знание типовой криминалистической характеристики насильственных действий сексуального характера поможет следователю своевременно сориентироваться в направлении расследования, выдвинуть версии о личности преступника, а также выбрать комплекс необходимых первоначальных следственных действий, что тем самым повысит эффективность расследования.

Ключевые слова: криминалистическая характеристика, насильственные действия сексуального характера, малолетние, несовершеннолетние, способ совершения преступления, обстановка совершения преступления, личность преступника, личность потерпевшего.

elements of forensic characteristics of this category of crime: modus operandi, crime situation, characteristics of the victim and the perpetrator. The knowledge of typical forensic characteristics of sexual battery will help the investigator to get timely the right direction of the investigation, introduce his\her ideas of the identity of the offender, select a set of necessary initial investigative actions in order to raise effectiveness of the investigation.

Key words: forensic characteristics, sexual battery, juveniles, minors, modus operandi, crime situation, identity of the offender, victim's identity.

Одним из основных элементов методики раскрытия и расследования преступлений является криминалистическая характеристика, знание которой помогает своевременно определить правильное направление расследования, круг вопросов, требующих первоочередного решения, выдвинуть версии о личности преступника, а также выбрать комплекс необходимых следственных действий. Первое упоминание о криминалистической характеристике преступления встречаются в работе А.Н. Колесниченко, который писал, что к числу наиболее существенных положений, общих для всех частных методик, относится общая криминалистическая характеристика данного вида преступлений, что преступления имеют общие черты криминалистического характера [1, с. 10].

Л.А. Сергеев один из самых первых дал определение криминалистической характеристики преступлений. В ее содержание он включил способы совершения преступления, условия, в которых совершаются преступления и особенности обстановки, обстоятельства, связанные с объектами посягательств, субъекты и субъективная сторона преступлений, связи с другими преступлениями и правонарушениями, взаимосвязь между указанными группами обстоятельств [2, с. 4–5]. Н.П. Яблоков определяет криминалистическую характеристику преступления как систему научного описания криминалистически значимых признаков вида, группы и отдельного преступления, проявляющихся в особенностях способа, механизма и обстановки его совершения, дающую представление о преступлении, личности его субъекта и иных свойственных для характеризованного вида преступления элементах с раскрытием корреляционных связей и взаимозависимостей между ними, знание которых в совокупности содержательной стороны описания обеспечивает успешное решение задач расследования, раскрытия и предупреждения преступлений [3, с. 57].

Большинством ученых-криминалистов признается существование криминалистической характеристики преступлений как самостоятельной категории криминалистической науки. Ю.Л. Бойко констатирует, что данная категория является естественным закономерным результатом длительного накопления, изучения и систематизации криминалистически значимых особенностей преступлений [4, с. 99].

Проанализировав подходы ученых к определению понятия и сущности криминалистической характеристики преступления, можно прийти к выводу о том, что каждая из приведенных позиций отражает отдельные качественные характеристики данного понятия.

Таким образом, на наш взгляд, криминалистическая характеристика представляет собой функциональную систему составляющих ее элементов, которые находятся в определенной связи и зависимости друг от друга, а также характеризуются определенной иерархией. Но включать она должна только те элементы, которые будут эффективно способствовать решению организационно-тактических задач на первоначальном этапе расследования преступления.

В содержание криминалистической характеристики преступления принято включать довольно значительное количество элементов. По нашему мнению, это вызвано тем, что невозможно унифицировать содержание криминалистической характеристики вне конкретной методики расследования. В связи с этим следует согласиться с мнением М.Ю. Флоровского и В.А. Волынского о том, что совокупность составляющих криминалистическую характеристику элементов для каждого вида преступлений сугубо индивидуальна и детерминирована уголовно-правовыми признаками. [5, с. 68].

Проанализировав уголовные дела по насильственным действиям сексуального характера, совершенных в отношении малолетних и несовершеннолетних, мы пришли к выводу, что знание следователем таких элементов типовой криминалистической характеристики рассматриваемых нами преступлений как способ и обстановка их совершения, характеристика преступников и их жертв, позволит правильно проанализировать сложившуюся криминальную ситуацию и выбрать наиболее рациональное направление дальнейшего расследования.

1. Способ совершения преступления является комплексным понятием и включает в себя объединенную единым умыслом систему действий по подготовке, совершению и сокрытию преступления, которые под влиянием обстановки, свойств личности, а также привычек и определенных навыков могут способствовать выбору орудий и средств совершения преступления. По мнению Л.Л. Каневского, способ совершения преступления с позиций системного подхода представляет собой систему взаимодействующих элементов, имеющую определенную иерархию и представляющую собой целостность. Элементами системы являются: подготовка к совершению преступления (подыскание орудий, распределение обязанностей, обсуждение плана преступных действий и т.д.); использование орудий преступления; механизм преступного посягательства (непосредственное воздействие субъекта преступления на предмет преступного посягательства); способ сокрытия преступления [6, с. 81].

Взяв за основу, предложенную Л.Л. Каневским систему элементов, рассмотрим основные элементы способа совершения насильственных действий сексуального характера, совершенных в отношении малолетних и несовершеннолетних.

1) При изучении уголовных дел данной категории нами выявлено, что подготовка проводится преступником приблизительно в каждом третьем случае. Такие действия заключались в следующем:

- предварительное знакомство преступника с потерпевшей;
- вхождение в доверие к потерпевшему;
- завлечение потерпевшего обманным путем в предполагаемое место осуществления преступления;
- приведение жертвы в беспомощное состояние;
- обеспечение отсутствия посторонних лиц;
- подыскание орудия или иных средств для подавления сопротивления;
- приготовление маски для затруднения опознания внешности преступника;
- сбор информации о предполагаемой жертве.

В результате предварительной подготовки, а также в силу того, что потерпевшие слишком доверчивы и неспособны оказывать должного сопротивления, преступникам удавалось беспрепятственно осуществлять свой преступный умысел.

2) Как показали исследования способа совершения преступления, в большинстве случаев насильники для подавления физического сопротивления или оказания психологического

воздействия применяют различные средства: холодное оружие, разнообразные предметы, используемые в качестве орудий (электрошокеры, наручники), огнестрельное оружие, предметы бытового назначения.

3) В ходе изучения уголовных дел нами было выявлено, что насильственные действия сексуального характера в отношении малолетних и несовершеннолетних совершаются в следующих формах: а) *coitusperos* либо *coitusperanum* (введение полового члена в рот либо в задний проход); б) насильственные действия, сопровождаемые различного характера прикосновениями, хватанием руками, трением своим телом и половыми органами о половые органы и другие части тела лица противоположного пола (фроттаж); в) лесбиянство (женский гомосексуализм, включающий в себя поцелуй, ласки эротического характера и т.д.); г) удовлетворение половой страсти путем совершения садистских способов (без полового акта) обращения с потерпевшим – введение во влагалище (анус) пальца, руки, палки, фаллоимитатора, бутылки и т.д.; д) иные формы насильственных сексуальных действий.

4) Далее проведенными исследованиями установлено, что при совершении данной категории преступлений насильниками, как правило, предпринимались меры по сокрытию преступления – удаление следов преступления с тела и одежды потерпевшего; уничтожение, сокрытие или же чистка своей одежды и обуви; уничтожение следов пребывания на месте происшествия, а также сокрытие орудия преступления.

Оставленные следы преступления и меры по их сокрытию позволяют следствию ориентировочно судить о преступном опыте, поле, возрасте, силе, росте, профессии и психических отклонениях в поведении виновного.

2. Следующим важным структурным элементом криминалистической характеристики, позволяющим обрисовать ситуацию, в которой действовал преступник, является обстановка совершения преступления. Мы считаем, что в качестве основных элементов обстановки совершения преступления выступают место и время совершения преступления.

Изучение мест совершения насильственных действий сексуального характера в отношении малолетних и несовершеннолетних показало, что данные преступления совершаются: в сельской местности – 38 %; в черте города – 62%. При этом в 35 % случаев местом совершения преступления являются квартиры, частные дома; подъезды дома или лифты в 12 % случаях; подвалы и чердаки в 23 % случаях; общественные места или зоны отдыха – 19%; иные, как правило, безлюдные места, включая участок трассы и транспортные средства – 13%.

Кроме того, при расследовании данной категории уголовных дел, представляет интерес и временной фактор. Как справедливо отмечал Ю.Д. Федоров, «точное установление времени преступления необходимо для решения вопроса об алиби и, особенно, для опровержения ложного алиби, выдвигаемого обвиняемым» [7, с 123]. Результаты проведенного нами исследования позволили сделать вывод, что чаще они совершаются в рабочий день недели, а что касается времени суток, в большинстве случаев (60 %) они – совершаются в дневное время, 40 % – в вечернее и ночное время суток.

3. Большое значение для своевременного раскрытия преступления имеет выявление наиболее типичной для данной категории преступлений личности возможного преступника.

Под криминалистическим изучением личности следует понимать установление криминалистически значимой информации о преступнике, жертве преступления, а также обвиняемом, потерпевшем и других участниках процесса расследования, включающей в себя сведения о присущих им анатомических, биологических, психологических и социальных свойствах, которые необходимы для идентификации личности, решения тактических задач и установления фактической картины события преступления в процессе его раскрытия и расследования, а также использования в целях осуществления криминалистической профилактики [8, с. 139–140].

В ходе расследования насильственных действий сексуального характера, совершенных в отношении малолетних и несовершеннолетних, считаем целесообразным использовать характеристику типичной личности преступника, совершающего данное деяние, которая включает в себя анализ социально-демографических, нравственно-психологических и биологических свойств личности. Социально-демографическая характеристика лиц, совершивших насильственные действия сексуального характера в отношении малолетних и несовершеннолетних, имеет свои особенности по половому признаку. Следует указать, что доля женщин среди них незначительна. В большинстве случаев это мужчины (94 %), реже женщины – они составляют 6%.

Говоря о возрасте преступников, необходимо отметить, что насильственные действия сексуального характера чаще всего совершались лицами следующих возрастных категорий: от 14-18 лет – 9 %; от 18-25 лет – 14 %; от 25-30 лет – 38 %; от 30-40 лет – 23 %; старше 40 – 15%; лица, не достигшие уголовной ответственности или невменяемые – 1 %

Следующим признаком личности, совершившего насильственные действия сексуального характера, является их образовательный уровень, который согласно проведенным исследованиям является достаточно низким. Так по изученным нами уголовным делам осужденные имели образование: высшее, незаконченное высшее – 22 %; среднее специальное – 40 %; среднее профессиональное – 30 %; учащиеся школ – 18 %.

Далее, согласно нашим исследованиям, на момент совершения преступления насильники не были женаты (замужем) – 28 %, разведены – 16 %, состояли в браке – 14 %, сожительствовали – 42%. Зачастую выбор насильственных средств удовлетворения половой потребности объясняется субъектом невозможностью оказаться в данный момент с обычным сексуальным партнером или найти нового без применения насилия. Между тем достаточно высок процент тех, кто, казалось бы, благополучно проживает в браке. С одной стороны, совершению таких нападений способствуют ненормальные семейные отношения, которые часто превращают супругу в непривлекательного сексуального партнера, а с другой, изобилие на прилавках и в сети интернет возбуждающий половой интерес продукции и литературы с описанием множества способов удовлетворения половой страсти, а сексуальный партнер не готов к подобному поведению.

Для данной категории преступлений характерно то обстоятельство, что оно чаще совершается в состоянии алкогольного опьянения. Так из числа лиц, совершивших подобные деяния, в состоянии алкогольного опьянения находились 65 %. Высокий процент совершения сексуальных преступлений в нетрезвом состоянии объясняется, с одной стороны, тем, что напитки содержащие алкоголь, возбуждают сексуальное стремление, систематическое употребление алкогольных напитков ведет к снижению моральных качеств человека.

Количество судимостей является так же важным признаком, который характеризует личность преступника. Так, по изученным уголовным делам 40 % из числа лиц, привлеченных к ответственности за совершение насильственных действий сексуального характера в отношении малолетних и несовершеннолетних, ранее уже совершали преступления. При этом 42 % из этого числа за преступления данной категории.

4. Важным элементом криминалистической характеристики преступления является личность потерпевшего, данные о которых занимают одно из центральных мест в криминалистически значимой информации о преступлении.

На наш взгляд, в криминалистическую характеристику личности потерпевшего по делам о насильственных действиях сексуального характера, совершаемых в отношении малолетних и несовершеннолетних, должны быть включены следующие данные: пол потерпевшего; возраст; социальное положение; состав семьи; поведение потерпевшего; наличие какого-либо заболевания; взаимоотношения с преступником.

В результате исследования уголовных дел по насильственным действиям сексуального характера, совершенных в отношении малолетних и несовершеннолетних, нами установлено, что сексуальному посягательству преимущественно подвергаются девочки в возрасте от 11 до 13 лет – 40 %. Потерпевших в возрасте от 14–17 лет (13 %), от 7 до 10 лет – 35 %, младше 7 лет – 5 %. Легкомысленное или аморальное поведение для данной категории лиц, как правило, нехарактерно. В 97 % случаях поведение потерпевших не носило провоцирующего характера.

Анализируя фактор знакомства потерпевшей с преступником, нами установлено, что условно потерпевших можно дифференцировать на три группы: к первой группе можно отнести лиц, состоящих с преступником в различных родственных отношениях; ко второй – потерпевших, незнакомых с преступником, встретившихся с ним непосредственно перед совершением преступления или незадолго до него случайно; в третью группу входят потерпевшие, хорошо знакомые с преступником, например, по месту учебы, совместному проведению отдыха и досуга или иные знакомые.

Таким образом, знание криминалистической характеристики очень значимо особенно на первоначальном этапе расследования, поскольку при обнаружении преступления, когда кроме места происшествия (которое дает возможность проанализировать способ совершения преступления, обстановку, личность преступника и потерпевшего) у следователя нет другой информации о расследуемом событии. В такой ситуации информационной неопределенности типовая криминалистическая характеристика не только поможет сориентироваться в направлении расследования, но и повысит эффективность работы следователя.

Библиографические ссылки

1. Колесниченко А.Н. Научные и правовые основы расследования отдельных видов преступлений : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Харьков, 1967.
2. Сергеев Л.А. Расследование и предупреждение хищений, совершенных при производстве строительных работ : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 1966.
3. Яблоков Н.П. Криминалистика в вопросах и ответах : учебное пособие. М. : Норма: ИНФРА-М, 2015.
4. Бойко Ю.Л. О содержательной стороне криминалистической характеристики преступлений. Вып. 10. Барнаул: Изд-во Алтайского университета, 2011.
5. Флоровский М.Ю., Волынский В.А. Место криминалистической характеристики в частной методике расследования отдельных видов преступлений // Проблемы предварительного следствия и дознания : сб. науч. тр. М. : ВНИИ МВД России, 1996. С. 68–74.
6. Каневский Л.Л. Криминалистические проблемы расследования и профилактики преступлений несовершеннолетних. Красноярск: Изд-во Краснояр. ун-та. 1991.
7. Федоров Ю.Д. Пространственно-временные факторы, связанные с совершением преступления, и их место в методике расследования // Методика расследования преступлений (Общие положения). М., 1976.
8. Криминалистика : учебник / отв. ред. Н.П. Яблоков. М. : Юристъ, 1999.

References

1. Kolesnichenko A.N. Nauchnye i pravovye osnovy rassledovaniya ot del'nykh vidov prestuplenii (Scientific and legal framework of the investigation of certain types of crimes), avtoref. dis. ... d-ra yurid. nauk. Khar'kov, 1967.
2. Sergeev L.A. Rassledovanie i preduprezhdenie khishchenii, sovershennykh pri proizvodstve stroitel'nykh rabot (Investigation and prevention of thefts committed in the production of construction works), avtoref. dis. ... kand. yurid. nauk. M., 1966.
3. Yablokov N.P. Kriminalistika v voprosakh i otvetakh, uchebnoe posobie (Forensic science in questions and answers: Tutorial). M. Norma: INFRA-M, 2015.
4. Boiko Yu.L. O sodержatel'noi storone kriminalisticheskoi kharakteristiki prestuplenii (On the content side of criminological characteristics of crimes). Vyp. 10. Barnaul. Izd-vo Altaiskogo universiteta, 2011.

5. Florovskii M. Yu., Volynskii V. A. Mesto kriminalisticheskoi kharakteristiki v chastnoi metodike rassledovaniya ot del'nykh vidov prestupleniy (Place of criminological characteristics in a private method of investigation of certain types of crimes), *Problemy predvaritel'nogo sledstviya i doznaniya*, sb. nauch. tr. M. VNI MVD Rossii, 1996, pp. 68–74.
6. Kanevskii L. L. Kriminalisticheskie problemy rassledovaniya i profilaktiki prestuplenii nesovershennoletnikh (Forensic problems of investigation and prevention of juvenile crimes). Krasnoyarsk. Izd-vo Krasnoyar. un-ta, 1991.
7. Fedorov Yu. D. Prostranstvenno-vremennye faktory, svyazannye s soversheniem prestupleniya, i ikh mesto v metodike rassledovaniya (Spatio-temporal factors related to the commission of an offense and their role in the investigation procedure). *Metodika rassledovaniya prestuplenii* (Obshchie polozheniya). M., 1976.
8. Kriminalistika: uchebник (Forensics: Textbook), otv. red. N. P. Yablokov. M. Yurist, 1999.

Дата поступления: 20.01.2017

Received: 20.01.2017

ФИНАНСОВОЕ И БЮДЖЕТНОЕ ПРАВО. БАНКОВСКОЕ И ВАЛЮТНОЕ ПРАВО. НАЛОГОВОЕ ПРАВО

УДК 340

ПРИНЦИПЫ КОНСТИТУЦИОНАЛИЗМА В ЭКОНОМИЧЕСКОЙ СИСТЕМЕ

АЙВАЗЯН Вардан Норайрович

кандидат юридических наук, доцент кафедры конституционного права Ереванского государственного университета, начальник отдела правового обеспечения Специальной следственной службы Республики Армения, Ереван, Республика Армения. E-mail: iravaget@mail.ru

Мировая экономика находится в состоянии борьбы с кризисом, успех которого прямым образом зависит от качества имеющегося функционального арсенала регулятивных механизмов обеспечения системного баланса и грамотно составленной «программы антикризиса», как на уровне отдельной страны, так и на уровне мероприятий по синхронизации и координации администрирования глобального уровня мирохозяйственных связей. Концепция самовосстанавливающей функции свободного рынка, к сожалению, не срабатывает и рецидивы хронического экономического кризиса перерастают в политическую и социальную проблему, с формированием факторов, приводящих к потере управляемости и возникновению системных конфликтов. В такой постановке кризис можно рассматривать как несостоятельность системы управления предотвращения и разрешения системных Конфликтов. «Конституционализм» рассматрива-

THE PRINCIPLES OF CONSTITUTIONALISM IN THE ECONOMIC SYSTEM

AYVAZYAN Vardan Norayrovich

Candidate of Sciences (Law), Assistant Professor of the Chair of Constitutional Law of Yerevan State University, Head of Department of Legal Provision of the Special Investigation Service of Republic of Armenia, Yerevan, Republic of Armenia. E-mail: iravaget@mail.ru

The world economy is in a state of struggle with the crisis, the success of which depends directly on the quality of the existing functional arsenal of regulatory mechanisms to ensure the system balance and well-drafted «anti-crisis program», as at the country level and at the level of measures to synchronize and coordinate the administrating at the global level of world economic relations. The concept of self-rehabilitating features of the free market does not work unfortunately and recurrence of chronic economic crisis degenerate into a political and social problem, with the formation of the factors leading to the loss of controllability and system conflicts. In this statement, the crisis can be seen as a failure of the control system for the prevention and resolution of systemic conflict. The article analyzes the "constitutionalism" as a complex methodological tool of construction and consolidation of the economic system, which is able

ется как комплексный методологический инструментарий конструирования и построения экономической системы, позволяющей предотвратить и решить системные конфликты.

Ключевые слова: экономическая система, конституционализм, экономический кризис, правовое государство, верховенство права, общественный процесс.

to prevent and solve system conflicts.

Key words: economic system, constitutionalism, economic crisis, rule-of-law state, supremacy of law, public process.

Перманентно повторяющиеся сотрясения экономической системы государств и мировой экономики в целом, последний период новейшей истории приобретают циклический характер, при этом авторегулятивная состоятельность восстановления не справляется с задачей регуляции отклонений, и дисбаланс экономики переходит в состояние системной неравновесности (или потери равновесия), что уже с точки зрения «экономического права» квалифицируется уже как «кризис». Мировая экономика находится в состоянии борьбы с кризисом, успех которого прямым образом зависит от качества имеющегося функционального арсенала регулятивных механизмов обеспечения системного баланса и грамотно составленной «программы антикризиса», как на уровне отдельной страны, так и на уровне мероприятий по синхронизации и координации администрирования глобального уровня мирохозяйственных связей.

Концепция самовосстанавливающей функций свободного рынка, к сожалению, не срабатывает, и рецидивы хронического экономического кризиса перерастают в политическую и социальную проблему, с формированием факторов, приводящих к потере управляемости и возникновению системных конфликтов. В такой постановке **кризис можно рассматривать как несостоятельность системы управления предотвращения и разрешения системных Конфликтов** (выделено мной – В.А.).

В этой связи самым ключевым вопросом регулирования и предотвращения выступает вопрос: «Имеем ли мы право рассчитывать на самовосстановление?», и, если нет, тогда «Имеем ли мы состоятельность понимания природы возникновения кризиса, причины и факторы, приводящие дисбалансу функционирования экономики, состоятельность описания генезиса конфликтов экономической системы - как следствие нарушения экономических закономерностей?». Ответы на эти вопросы и определяют сам формат правовой сущности регулирования и управления экономической системы в рамках политэкономической модели государства, собственно говоря, формируя правообразование и праворегулирование экономической системы, как правового объекта, т.е. объекта правового закрепления, после которого только можно говорить и номинировать правосубъектность экономики в принципе.

Вопросы «В чем заключается функциональное предназначение экономики? как она должна быть сконструирована и построена? как надо проводить его правовое закрепление и по какому механизму правообразования, в итоге обеспечивающего статус правового общества? и т.д.» являются основополагающими в самом процессе государствообразования, обозначая конституционную «субъектность» и вытекающую из этого ответственность экономической системы перед государством.

Безусловно, самый упрощенный подход – это принятие презумпции, что «экономическая система имеет имманентную природу самоформирования, саморегуляции, самоорганизации» и соответственно, с точки зрения правового закрепления центральным принципом правообразования становится – «не вмешательство государства в экономические процессы», оставляя «допустимость и свободу самопровозглашенного права в рамках позитивной договоренности». С точки зрения конституционализма (выделено мной – В.А.), данный подход конституируется в качестве основного принципа и правового статуса экономической системы, при этом «Конституция экономики» больше переходит в плоскость «неписанной консти-

туции» с основным акцентом правовой авторегуляции на базе поведенческой рефлексии и правоприменительной системы, на основе логики «прецедента».

Конституционализм, как агрегационный комплекс построения правовой системы, с применением полноценного подхода (подразумевающий «Писаную конституцию») правового закрепления экономики, предполагает целостное формализованное описание самого предмета и механизма функционирования экономики, как подсистемы государства, в рамках объективных закономерностей, что в свою очередь является предметом правового закрепления, с которым должна справиться Правоведение и оформить его как нормативную систему в лице законодательства уже в рамках Юриспруденции.

Необходимо отметить, что конституциональный принцип правового закрепления снимает проблему рассмотрения самой правовой сущности связки «Право – Экономика», которая четко обозначает правовую «ответственность» как самой экономики – выступить в однозначных и четких формализованных контурах в научном формате (как максимальный уровень разумности) и фиксируемой функциональностью своего предназначения в метрике полезности перед обществом, также как и определяет обязательность институтов правотворчества и правоустановления иметь состоятельность истинного правогенеза, исключая возможность самопроизвольного правоустановления и толкования уже зафиксированных конституционным образом ценностей и принципов, посредством конституционного конструктива власти (принцип разделения власти). При этом сама система права структурно подразделяется на Публичное и Частное Право, как два подпространства права, в котором экономическое право размещается сугубо подпространстве частного права, с принципом правового регулирования на основе равноправности субъектов экономических отношений, в особенности, когда одним из сторон выступает само государство.

Очевидно, что *конституционализм* (выделено мной – В.А.) в случае упрощенного подхода и конституционализм расширенного классического подхода не тождественны, хотя формально в техническом плане они обе имеют «текст конституции».

В этом плане, возникают много неоднозначных моментов уже на концептуальном уровне вариации определений, отражающих предметную область таких как, например «Экономическое право» и «Правовая экономика», «Конституционность Экономики» и «Экономический конституционализм», «Экономическая конституция» и «Конституционная экономика», «Конституционное гражданство» и т.п., в результате отсутствия однозначного теоретического базиса дефиниций Правоведения, дают повод и возможность разных интерпретаций и толкований содержания объектов экономики конституционного плана, формируя порой дуализм и взаимоисключающие по своему смыслу конфликты.

Конечно же, многие открытые вопросы и проблемы фундаментальной теории экономики и правоведения, не дают на сегодняшний день универсальную модель правообразования экономической конституции или конституцию экономики в рамках Правовой Системы с конституционно-правовым регулированием, однако это не означает, что допустимо «вольный» и непрофессиональный подход к конструированию, внедрению и операционному запуску правоприменения конституционной системы в рамках гражданского общества в правовом государстве.

Центральным вызовом перед мировым сообществом в последний период новейшей истории является беспрецедентный темп и динамика процессов глобальной интеграции, в результате которого взаимосвязанность и взаимозависимость всех процессов даже на самом локальном уровне, определяют безальтернативность автономного функционирования в самозамкнутом и автономном режиме.

При этом ключевой проблемой выступает вопрос обеспечения упорядоченности как самой глобальной интеграции, с правовым закреплением в рамках системы международного права, также, как и всех участников мирового сообщества, с правовым закреплением инсти-

туда суверенитета и национальной идентичности, с обязательным условием синхронизации и гармонизации национального и наднационального правового регулирования. В этом плане:

- критическим является то обстоятельство, что глобализация происходит не столь вследствие фундаментальных разработок механизмов интеграции, на основе глубокого теоретического исследования и методического арсенала их практического применения на прикладном уровне, сколь имеет место уже фактическое ее наличие, требующая незамедлительного реагирования и постфактум осмысления в экстренном режиме;

- это в свою очередь, определяет тенденцию "экспресс-реагирования" на ситуационном уровне с практическим приоритетом решения отдельных фрагментарных задач, с узким коридором аналитического и юридического сопровождения, нежели всеобъемлющего и всестороннего системного подхода, определяющий полноценную аналитику самой феноменологии глобализма, его правовой природы и механизма правового закрепления, также как и на его основе регламента юридического оформления, без которого правовое регулирование и правоприменение не могут выступать в качестве систем с высоким уровнем управляемости.

В частности, в результате технического прогресса уже по факту действует, и мир живет в новой формации информационной интер-коммуникации, но при этом системы правового регулирования отсутствуют (имеющиеся ограничительные общеобязательные правила нельзя квалифицировать даже как зачаточный уровень системы киберправа).

Также любой фрагмент экономической деятельности, от уровня производства товаров и услуг до системы регулирования на макроэкономическом уровне уже зависят в той или иной мере внешнеэкономических отношений и являются прямой проекцией системы мирохозяйственных связей – но при этом международное экономическое право, как сформированная и функционально действующая система, опять таки с готовым механизмом правообразования и правоприменения – НЕТ (присутствуют лишь фрагментарно в лице МВФ, ВТО, Международных арбитражных судов и т.д. лишь на конвенциональном уровне без унифицированности правового регулирования международных экономических отношений и действуют больше на принципе билатеральной договоренности на доктринальном уровне).

Отсутствует также общепризнанная модель транснационального федерализма, на основе которого могла бы функционировать система международного права с действенной системой правоприменения, заменяя не совершенство текущего состояния международного права, основанная на резолюциях ООН (выступающие как инструменты юридического оформления, но не как правоустановление) консультативного характера, или опять таки билатерального договорного принципа правового регулирования, которая опять таки имеет больше статус юридического закрепления договоренности, нежели правового закрепления взаимоотношений всех участников мирового сообщества, в рамках объективной природы и правовой сущности без которого системная гармония и согласованность интересов не может быть достигнута (ибо любая замена правового содержания без обозначения правовой сущности самих объектов индицирующих процессы взаимодействия – не может быть заменена формальным юридическим оформлением без обозначения самой правовой пространственности, в котором она заключается, следовательно, может быть расторгнута в любой момент).

Таким образом, формируется системный конфликт, вследствие чего наступает «Кризис» нарушения системной связи «Правового принципа с юридическим актом», когда второе не вытекает из первого в силу его отсутствия. Безусловно, принцип верховенства права в такой постановке не возможен, и нарушается высший конституционный принцип правообразования и правоустановления – определяющий статус «правового государства», при котором сама правовая система основывается и формируется на принципе «Силы права» (не допуская соответственно «Право Силы»).

В этой связи, критически важным и необходимым является фундаментальное осмысление (переосмысление) понимания сути (Правовой сущности) Конституционализма и выделение

системообразующих (конституционных) принципов правообразования, при котором, только и возможно формирование самой Правовой Пространственности, где уже можно оперировать и выявлять правовую сущность всех объектов совокупного общественного процесса.

Именно это обстоятельство является особой свойственностью конституционализма, выступать в качестве института формирования правового пространства, системообразования права в плане правообразования и правоустановления в дисциплинарном теле законодательства, как системы общеобязательных правил, определяющих нормативное поведение всех объектов совокупного общественного процесса, с особой метрикой «конституционности», устанавливающей «правовую качественность», адекватность и легитимность всех объектов, процессов и явлений в формате уже правовых объектов (выделено мной – В.А.).

Таким образом, становится возможным определять конституционность не только отдельных фрагментов действия общества, но и правовую целостность системной феноменологии «Общества» и «Государства» в едином контексте сущности права, на основе которого можно определить обязательства по обеспечению конституционных гарантий экономических и социальных и прав граждан,

При таком методологическом подходе, Системная целостность выступает как базовый принцип Конституционализма как на этапе Системообразования Права и правового закрепления государствообразования, так и функционального действия правового регулирования государства, с обеспечением единообразия правовой сущности всех составляющих подсистем и институтов государственности. При этом необходимо особо отметить, что сам «формуляр конституционности», как агрегационный инструмент правовой оценки и мониторинга, выводится на основе правовой сущности рассматриваемого объекта в процессе правообразования и правоустановления и имеет природу концептуальной дефиниции (формирующей предмет правового толка), тогда как применение этого формуляра в рамках операционного правового регулирования основывается на уже конкретном регламенте юридического толкования в рамках системы правоприменения.

Правоспособность оценки конституционности прямым образом зависит насколько полноценно и последовательно разработан вышеуказанный формуляр, как агрегат конституционного мониторинга, или вернее мониторинга конституционности объекта рассмотрения.

Этот принцип чрезвычайно важен на каждом отрезке правового закрепления того или иного процесса, системы взаимоотношений и системы взаимодействия, выступающих в качестве правового объекта, поскольку для правового закрепления последующим нормоустановлением априори требуется «формуляр правового закрепления», который соответствует базовым требованиям уже «формуляра конституционности». Т.е. сами процессы нормотворчества и законотворчества должны быть конституционными.

Иначе выражаясь, если законодательство не соответствует формуляру конституционности, то конституционность будет нарушена уже в процессе правоприменения и праворегуляции как неизбежное следствие с порождением Системного Конфликта. Эта Проблема особо проявляется в «переходных процессах», где требуется обеспечение синхронности структурных реформ в формате системной целостности правообразования, нарушение которого безальтернативно создает ситуацию «аморфной конституционности» или «конституционного дуализма», при котором как сам формуляр конституционности, так и орган конституционно-правового регулирования (Конституционный суд) не имеют место быть.

Декларация отмены правовой монополии государственной собственности на средства производства и принятия его законодательным органом переходного периода независимого государства – не означает, что этим актом установлены и внедрены институты частной собственности, свободы выбора и предпринимательства, социального страхования, механизмы функционирования свободного рынка и т.д.

Техническое переименование Госбанка на Центробанк, с принятием текста закона о Центробанке и банковской деятельности, не означало деинсталляцию социалистической модели плановой экономики и инсталляцию института стоимостного воспроизводства в условиях капитализма с соответствующим системообразованием денежного обращения и национальной валюты, как системного агрегата идентификации независимого государства и государственной безопасности.

В условиях «аморфной конституционности и неоднозначной (вернее многозначной) правовой сущности» долгое время в странах СНГ или даже на историческом примере становления стран Содружества присутствовал «правовой дуализм». И это объективный процесс (даже, наверное, неизбежный), также, как и объективным является безальтернативность оставаться в этом состоянии долго. До сих пор в законодательных актах стран СНГ присутствуют «циркуляры советского права»

При этом Системный Конфликт отсутствия правового толка, и его эмуляция техническим голосованием парламентом «утверждение текста закона», а не правовой сущности и институционального контента правообразования, который закон должен нести в себе, а законодательная власть иметь состоятельность полного правового осмысления, имеет место в том или ином уровне во всех странах «переходного периода».

Безусловно, конституционный формуляр как Системная целостность правового регулирования государства, прежде всего, относится и должен однозначно и полноценно раскрывать правовую сущность следующих «конституционных (выделено мной – В.А.) по определению и умолчанию» системообразующих объектов государствообразования: Политическая система: Экономическая система: Социально-образовательная-культурологическая система: Духовно – Этногенетическая система национальной идентичности

Очевидно, что каждый из этих элементов может и даже должен иметь свою «Конституцию по своему предмету», также как и невозможность их рассмотрения в автономном плане, вне системной целостности Общей Конституции, представляющей конструктив Человека, Нации, Общества и Государства в рамках единого правового Объекта, под названием Государство (Армянское, Российское, Украинское...) создавая субстанциальную ткань Правосубъектности уже в Системе Международного Права

При всей очевидности того, что на вопрос «Возможно ли, чтобы процесс построения конституциональной правовой системы реализовался без фундаментальной однозначной архитектуры правообразования?», должно следовать безусловное «Нет», тем не менее, теоретический потенциал правоведения не располагает сегодня методологическим инструментарием, позволяющим представить универсальный системотехнический стандарт практического проектирования систем права на принципах конституционализма, с оптимальной системой конституционно-правового регулирования.

В этой связи, даже уже в условиях действующих конституционно-правовых регулирований вопросы системной целостности и внутрисистемной конгломерации политэкономического конституционного базиса не только актуальны, но и остаются открытыми.

В частности, ключевым вопросом является: Что такое «Конституционность экономической системы государства»? каков диапазон его правового действия и механизма конституционно-правового регулирования? Также, как и в каком проявлении можно наблюдать и констатировать «неконституционность или нарушения конституционности» самой экономической системы или отдельных экономических явлений от макро до микроуровня?

Этот аспект несовершенства правоведения переводит проблему в техническую плоскость принятия государственных решений, которые затрагивают экономические и социальные права, гарантированные в Конституции. При этом, конечно же, ведущую роль играет выбор в качестве базовой методологии право образования – логическую площадку Позитивного Права. В этом случае, выявление правовой сущности и критериев конституционности сводят-

ся к анализу взаимного влияния правовых и экономических факторов, в контексте проблем применения Конституции со структурой и функционированием экономики. В этом контексте формируются так называемые научно-практические дисциплины или направления на стыке экономики и конституционализма, которые эмулируют системную целостность конституционного правопроектирования решением проблем государственного регулирования экономики, исходя не только из экономической целесообразности, но и из реалий уже по факту существующей конституционной структуры государства.

Показательным примером этого является конституционная экономика как научное направление, изучающее принципы оптимального сочетания экономической целесообразности с достигнутым уровнем конституционного развития, отраженным в нормах конституционного права, регламентирующих экономическую и политическую деятельность в государстве [1, с. 3].

Центральной фундаментальной задачей является выявление правовой сущности экономики, как таковой, на основе чего должно определяться правоупорядочение иерархии вложенности правовых объектов, реализующих смысловую выводимость правовой сущности из корневого сущностного контента, коим выступает Человек, как первичный конституционный объект правового закрепления.

В такой постановке Конституционализм выступает как **механизм конституирования нормообразования в рамках этой иерархии с обеспечением правовой сходимости от любого корневого** (выделено мной – В.А.). В частности, такой постановке, уже в контексте выявления правовой сущности Человека, как следствие института Права на Жизнь, в рамках которого обозначается конституционное функциональное предназначение Экономики, как системы жизнеобеспечения Человека в формате общественного бытия. В этом плане, конституционная природа и сущность такой ключевой категории как «счастье человека» исходит из философии права и только посредством онтологического инструментария сущности права можно вывести правовой конструктив, на основе которого можно начать построение конституционно-экономического обеспечения «права на счастье» как ныне живущих, так и будущих поколений» в рамках правового государства [2, с. 92–106]. Конечно же, инструментальная состоятельность перевода понятия «счастье» на язык конкретных правовых категорий, позволяющих контролировать применение государством своей же конституции, обуславливает формирование «формуляра конституционности». Но при этом, необходимо отдельно отметить, что сам предмет правового закрепления имеет экономическую природу и механику описания «счастья» и «экономическая модель счастья» должно как первичное условие быть в наличии. Это созвучно с тем, как Кант в своей работе «Критика чистого разума» ставит вопрос о том, что понятие «счастье» должно найти юридическое определение с тем, чтобы «право на счастье» было рассмотрено как *quid juris* (вопрос о праве), а не с позиций «всеобщей снисходительности» [3, с. 92]. Конечно же это подразумевает, что правовое закрепление благополучия и благополучного существования без обозначения экономической системы невозможно. Текстовая декларация права мирного и благополучного существования всех людей под эгидой единой конституции, без инсталляции всех сопряженных институтов экономики благополучия (свобода предпринимательства, разделения труда, богатства и добавленной стоимости, свободы функционирования рынка, частной собственности, конкуренции и т.д.) не может рассматриваться как реальное обеспечение конституционных прав.

Также необходимо отметить, что принцип конструирования конституционной системы права, как максимально стабильной правовой субстанции, как это определяет Кант, состоит в том, что история будущего создается сегодня, и не на базе достигнутого опыта плачевных или положительных результатов предшествующей деятельности, а на базе некоего конституционного идеала (который может восприниматься аксиоматично, *a priori*, ввиду его бесспорности) [3, с. 319]. Это можно считать, как основной постулат «конституционного формуляра»

ра», исключаящего правовую волатильность конституциональной системы в целом, с обеспечением незыблемости базовых ценностей и принципов бытия общества и правового государства, также как обязательность глубокой продуманности самой модели государственности (статус кантовской бесспорности) и его базиса, таким образом, чтобы динамика изменений относилась только темпам социально-экономического развития, но не структурных изменений основ государственности, собственно говоря, и обозначающих саму конституционность и конституционализм.

Конечно, как правило во многих конституциях в преамбуле и в теле основного текста обозначается Практическое конституционно-правовое определение «счастье» (или «благополучие и процветание») в том или ином формате выступают в качестве философского основания конституционной экономики [4].

При этом на примере Брунея и Бутана «счастье своих граждан» обозначается главной конституционно-правовой ценностью государства, с попытками теоретической формализации и имплементации экономического механизма реализации конституционного права.

Безусловно, проектирование и функционирование Системы правового регулирования экономической системы государства без вышеуказанного «Конституционного формуляра» закономерно не сможет обеспечить конституционную неизменность основных принципов экономического правообразования, и будет обречен на эволюционный процесс совершенствования законодательной основы экономического права методом пробы и ошибок (которые постоянно нужно исправлять). В качестве практического примера можно привести исторический опыт становления и функционирования налоговой системы в рамках «Финансовой Конституции», отдельным компонентом которого является налоговый кодекс и весь эволюционный процесс перманентного нормотворчества и принятия законов в налоговой сфере, в результате чего налоговая система находится в постоянном стрессе (хотя все инициативы изначально направлены на улучшения).

При этом необходимо отметить, что налоговый кодекс не может рассматриваться как технический нормативный акт, он выступает как конституционный объект, правовая сущность которого выводится из иерархии Основной Закон\Конституция – Экономическая Конституция – Финансовая Конституция – Налоговый Кодекс.

Рассмотрение Налогового Кодекса и его законодательное закрепление без выявления правовой сущности таких объектов экономической предметной области, как налог, налогообложение, бюджет и всех сопряженных функционалов экономической системы, в режиме ситуационного и конъюнктурного наполнения бюджета – безусловно не имеет конституционной метрики, белее того не может решать задачи на системном уровне.

«Конституционная экономика» не ставит перед собой такой фундаментальной задачи и представляет собой межотраслевые знания о том, в какой мере конституционные нормы и принципы влияют на принятие политическими органами государства важнейших экономических решений, облакаемых в форму нормативных актов.

Конечно же, предметом анализа таких решений могут служить законы о бюджете, законы о налогах и сборах, о способах преодоления экономического кризиса и т. д., при этом Конституционную экономику также можно рассматривать как инициативного агрегата междисциплинарного характера, направленного на раскрытия регулятивного потенциала наиболее обобщенных и социально значимых конституционных положений в сфере экономики.

Не случайно, в качестве приоритетной Задачи конституционной экономики в России определяется – «Философско-правовое осмысление категории «правовое государство» с учетом выполняемых публичной властью функций в экономической сфере, изменение содержания и способов государственного регулирования экономических отношений в условиях экономической (финансовой) глобализации» [5]. Также, как и осмысление положения Преамбу-

лы Конституции РФ об «осознании многонациональным народом России себя частью мирового сообщества» в экономическом и юридическом смысле.

В теоретическом плане выделяется сформулированный Бьюкененом базовый тезис конституционной экономики о том, что отсутствие интеллектуального превосходства государства над своими гражданами в вопросах экономической жизни страны должен заинтересовать институты гражданского общества в отношении использования Конституции при защите экономических и социальных прав граждан, а также активизировать гражданскую позицию самого населения [6].

Однако во многом все обусловлено наличием у государства социальной функции, на основе которого определяется социальная детерминация и регламентация финансовой деятельности, вследствие основного правового регулирования общественных отношений. В связи с этим праворегулирование распределения и использования централизованных денежных фондов государства и муниципальных образований базируется на нормы Конституции, из которых вытекает необходимость надлежащего финансового обеспечения соответствующих полномочий публичной власти. При этом, механика такого конституционно-правового регулирования, как правило осуществляется Конституционными Судами и в зависимости от экономической модели государственного обустройства, определяется пакет полномочий и регламент действий органов публичной власти при принятии нормативных правовых актов и, прежде всего бюджета, устанавливающих механизм и режим финансирования публично-правовых обязательств, вытекающих из необходимости реализации общегосударственных гарантий прав и свобод, закрепленных непосредственно Конституцией.

Текущая практика конституционной экономики в основном акцентирует следующие задачи и проблемные блоки:

- определение того, что есть «общее благо» как экономическая цель современного государства. Сущность и назначение государственного сектора экономики и государственных финансов. Какие цели и задачи должны реализовываться государством, опираясь на данный сектор экономики;

- выявление системы конституционных принципов, используемых для правового регулирования экономических отношений, а также тех представлений о них, которые сформировались в правоприменительной практике в виде правовых позиций высших судов;

- изучение проблем имущественной ответственности государства перед предпринимателями за принимаемые управленческие решения (ответственность регистрирующих органов, органов, регулирующих финансовые рынки, и т.д.);

- пределы возмещения государством потерь собственников при принудительном отчуждении имущества для государственных нужд и конституционно-правовая оценка того, какие из них действительно являются государственными;

- построение теоретической (идеальной) конструкционно-правовой модели взаимоотношений публичной власти и бизнеса. Решение при этом таких практических вопросов, как экономическое обоснование налогов, нормативное содержание принципа добросовестности в сфере гражданского права и в сфере налогообложения. Применение методов конституционной экономики для определения границ допустимой (законной) налоговой оптимизации».

Как видно, из вышеуказанного, основной акцент ставится на переосмысление, осознание, построение недостающих элементов экономического и правового регулирования, фактура которого больше имеет характер доработки и комплекса мероприятий, нежели формат методологического арсенала на основе фундаментальной и системной научной проработанности правовой сущности конституционно-правового регулирования.

Так, например, задача «Построения теоретической (идеальной) конструкционно-правовой модели взаимоотношений публичной власти и бизнеса» может продолжаться и находится в состоянии вечной проработки, поскольку теоретический универсум, как пред-

мет конституционно-правового закрепления, не является ключевой задачей, на основе которого можно было бы вывести конституционный формуляр экономических и социальных прав граждан, также как и механизм обеспечения конституционных гарантий, по своей правовой сути обозначающие институт обязательства государства перед своими гражданами.

При этом без обеспечения конструктива правосообразия всех составляющих и фаз правообразования, с обозначением функциональной роли экономической системы как объекта права, в котором проецируется совокупный синтез Права на Жизнь – Права на Счастье – Права на Мирное Существование – Права на Развитие – Права на Свободу – Права на Волеизъявление, в качестве правового объекта, носителя высшей власти общества и Учредителя Государства, и синтеза правового конструктива экономического благосостояния, обеспечение конституционных прав граждан не реализуемо.

Сам синтез конструктива экономического благосостояния и его правовое закрепление, без конструирования экономической системы с функциональным предназначением организации производства благ и услуг в рамках ресурсообеспеченности государства, с целью обеспечения права доступа к ресурсам потребления в соответствии принципов соотношения "доля участия в совокупном общественном процессе (ВВП)\объем доступа к ресурсам потребления", определяемой политической системой (подсистемой государства) без инсталляции и функционального действия институтов: собственности, свободы выбора сферы предпринимательства и контрактации, системы воспроизводства, системы денежного обращения, системы аккумуляции богатства, системы социального обеспечения и других системообразующих элементов не возможно осуществить полноценно системной агрегации конституционализма.

При этом экономические объекты и благосостояние имеют конституционную метрику Праведности, как системы правового закрепления основных ценностей, определяющих национальную самоидентификацию народа и общества и легитимности, на основе которого возможно проводить конституционный мониторинг действия Права обеспечивающий:

- конституционный принцип – «Экономика не имеет право быть не Праведным»;
- конституционализм, как принцип системообразования права, не допускающую, чтобы государственность и его составляющие подсистемы могли бы быть не праведными;
- конституционный принцип Праведности Богатства;
- функциональная целостность государства, как единого целого и его системы управления.

Безусловно, на техническом уровне требуется широчайший комплекс практических инструментов, позволяющих обеспечивать агрегацию как макроэкономических параметров функционирования экономики на системном уровне, так и на уровне микроэкономического плана, обеспечивающих конституционную состоятельность генерации требуемого уровня экономического благосостояния и ресурсного обеспечения каждого члена общества.

Даная проблематика должна и будет рассмотрена уже в плоскости предметной направленности соответствующей экономической сферы и его правового закрепления в рамках конституционно-правового регулирования в дальнейших наших публикациях.

Библиографические ссылки

1. Баренбойм П.Д., Гаджиев Г.А., Лафитский В.И. Конституционная экономика: проблемы теории и практики // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. 2005. № 2. С. 3.
2. Краткая биография и Нобелевская лекция // Лауреаты Нобелевской премии по экономике: автобиографии, лекции, комментарии. Т. 2. 1983–1996. СПб. : Наука, 2009. С. 92–106.
3. Кант И. Критика чистого разума. М. : Мысль, 1994.
4. Философия права в начале XXI столетия через призму конституционализма и конституционной экономики / Сост. П.Д. Баренбойм, А.В. Захаров. ; предисл. В.В. Миронов, Ю.Н. Солонин ; изд-е Московско-Петербургского философского клуба. М. : Летний сад, 2010.

5. Очерки конституционной экономики. 23 октября 2009 года / под ред. Г.А. Гаджиева. М. : Юстицинформ, 2009.
6. Бьюкенен Дж. Конституция экономической политики. М. : Таурус Альфа, 1997.

References

1. Barenboim P.D., Gadzhiev G.A., Lafitskii V.I. Konstitutsionnaya ekonomika: problemy teorii i praktiki (The constitutional economy: theory and practice problems), *Zhurnal zarubezhnogo zakonodatel'stva i sravnitel'nogo pravovedeniya*. 2005, № 2, pp. 3.
2. Kratkaya biografiya i Nobelevskaya leksiya (Brief biography and Nobel Lecture), *Laureaty Nobelevskoi premii po ekonomike: avto-biografii, leksii, kommentarii*. T. 2. 1983–1996. SPb. Nauka, 2009, pp. 92–106.
3. Kant I. Kritika chistogo razuma (Critique of Pure Reason). M. Mysl', 1994.
4. Filosofiya prava v nachale XXI stoletiya cherez prizmu konstitutsionalizma i konstitutsionnoi ekonomiki (Philosophy of Law in the Beginning of 21st Century Through the prism of Constitutionalism and Constitutional Economics), *Moskovsko-Peterburgskii filosofskii klub*. M. Letnii sad, 2010.
5. Ocherki konstitutsionnoi ekonomiki. 23 oktyabrya 2009 goda (Essays on constitutional economics. October 23, 2009), pod red. G.A. Gadzhieva. M. Yusti-tsinform, 2009.
6. B'yukenen Dzh. Konstitutsiya ekonomicheskoi politiki (The Constitution of Economic Policy). M. Taurus Al'fa, 1997.

Дата поступления: 09.02.2017

Received: 09.02.2017

МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ И ВНЕШНЯЯ ПОЛИТИКА. МЕЖДУНАРОДНОЕ И ЕВРОПЕЙСКОЕ ПРАВО

УДК 340

**ОБ ИДЕЙНО-ТЕОРЕТИЧЕСКИХ ОСНОВАХ
РАННЕЙ БРИТАНСКОЙ КОЛОНИЗАЦИИ
СЕВЕРНОЙ АМЕРИКИ**

ТИМОНИН Анатолий Николаевич

*доктор юридических наук, профессор, профессор
кафедры теории государства и права ФГБОУ ВО
«Башкирский государственный университет»,
г. Уфа, Россия.
E-mail: timonin.anatoly2011@yandex.ru*

**ON IDEOLOGICAL AND THEORETICAL
GROUNDS OF EARLY BRITISH
COLONIZATION OF NORTH AMERICA**

TIMONIN Anatolii Nikolaevich

*Doctor of Law, Professor of the Chair of Theory of
State and Law of the FSBEI HE "Bashkir State
University", Ufa, Russia.
E-mail: ti-monin.anatoly2011@yandex.ru*

Англосаксонская правовая колониальная мысль в гуманистическом отношении заметно уступала испанской. Изучив специальную научную литературу, отдельные юридические документы эпохи раннего модерна и доктринальные труды испанских и английских юристов того периода, автор пришел к выводу, что среди англосаксонских идеологов не нашлось своего Б. Лас Касаса – подлинного гуманиста и защитника прав индейцев. Не нашлось и своего Ф. Виттория, который, осуждая преступления собственных колонизаторов-конкистадоров, все же находил аргументы в пользу испанской ко-

Anglo-Saxon legal colonial thought is noticeably inferior to Spanish in humanistic perspective. After studying special scientific literature, certain juridical documents of early art nouveau period and doctrinal works of Spanish and English lawyers of that period, the author comes to the conclusion that among Anglo-Saxon ideologists there was no their own B. Las Casas, who was a true humanist and a defender of Indians' rights. There were no such ideologists as F. Vittoria, who found arguments in favor of the Spanish colonial expansion, blaming colonizers' and conquistadors' crimes. The primary

лониальной экспансии. Изначальной целью британской колониальной экспансии в Америке был вовсе не экспорт собственных правовых ценностей, а завоевание чужих территорий. Поэтому ранние идеологи этой экспансии прилагали все силы, чтобы дегуманизировать аборигенов Америки, идейно обосновать их массовое уничтожение, не допуская никаких компромиссов, тем более смешанных браков. Реализация британской колониальной идеологии, сочетающей юридические и религиозные начала, привела к самому длительному в истории геноциду.

Ключевые слова: британская колониальная экспансия, британские колониальные идеи, геноцид американских индейцев.

aim of the British colonial expansion in America was not to export its own legal values, but to conquer foreign territories. That is why early ideologists made all efforts to dehumanize American aborigines, to justify ideologically their mass extermination, excluding compromises, especially interracial marriages. Realization of the British colonial ideology combining legal and religious principles, led to the longest genocide in the history.

Key words: British colonial expansion, British colonial ideas, genocide of American Indians.

Началом заморской колониальной экспансии Британии считается 24 июня 1497 г., когда английский флаг впервые был водружен на американской земле. В литературе можно обнаружить сведения и о более ранних попытках англичан открыть неведомые земли в Западном полушарии. Сообщается, по крайней мере, о семи экспедициях вышедших из Бристоля между 1480 и 1497 гг., снаряженных жителями этого города на поиски легендарного острова Бразил. Дэвид Б. Куинн предполагал, что «Бристольские моряки нашли “Brasil” между 1481 и 1491 гг., но сохраняли открытие в тайне, чтобы они могли вылавливать треску без конкуренции» [1, р. 246]. 5 марта 1496 г. гражданином Венеции Джованни Кабото (Джоном Каботом) был получен патент английского короля Генриха VII. Согласно патенту Каботу и его сыновьям, предоставлялось право не только на открытие неизвестных европейцам территорий, но и на «завоевание городов, островов и материков». В документе дословно говорилось: «...вышеупомянутый Джон и его сыновья или их наследники и представители могут завоевать, занять и обладать всем тем, ... что могут быть в состоянии завоевать, занять и обладать, как наши вассалы и лейтенанты губернаторов и представители там, приобретая за нас владичество, название и юрисдикцию над теми же самыми городами, замками, городами, островами и материками, ими обнаруженными» [2, р. 9]. Налицо изначально цель британской колониальной экспансии в Новом Свете – завоевание чужих территорий.

Поскольку восточное побережье Африки, моря и земли к востоку от папского меридиана по условиям Тордесильясского договора от 7 июня 1494 г. находились в сфере влияния Португалии, то Генрих VII в своем патенте уполномочил Каботу на поиски земель, «неизвестных всем христианам» только на Северо-Западе. Земли, которые могли быть обнаружены Каботом во время путешествия, английским королевским правительством рассматривались как принадлежащие язычникам и неверным и потому не только добрые католики, но и протестанты вправе их захватить. Легко заметить, что христиане в патентной грамоте противопоставлены язычникам и неверным. Казалось бы, что подобная религиозная и правовая лексика была свойственна только католическим церквям и государствам, но факт остается фактом – определения, упомянутые в этой грамоте, принадлежали протестантским юристам и отражали политику протестантского государства. Судя по всему, это государство было бы не прочь разрешить противопоставление христиан и язычников в духе крестовых походов, точнее протестантского крестового похода. Маловероятно, что оно отказалось бы и от провиденциальной идеи, в соответствии с которой Англия мыслилась как такая христианская страна, которая якобы самим провидением была избрана, чтобы решать судьбы народов Нового Света. Хотя в самом тексте королевского патента 1496 г. трудно обнаружить прямые указания на данные идеи, но составите-

ли документа, по всей вероятности, считали их самоочевидными и потому оставили их в неявно выраженном виде. Как бы то ни было, наличие в тексте патента средневековой религиозно-правовой лексики не оставляет сомнений в том, что средневековый католико-юридический дискурс все еще доминировал над английской правовой теорией [3, p. 121].

А как быть с Испанией? Какова роль средневековых теологических императивов в политико-правовой мысли этой страны? Вопрос не праздный хотя бы потому, что главным конкурентом Англии в деле колонизации Нового Света была именно это страна. Говоря об испанских теологах и юристах, необходимо упомянуть Франсиско де Витория, который откликнулся на колонизацию Америки своими лекциями «Relectiones». «Relectio, – по словам Карло Галли, – торжественный урок, или конференция или оригинальная диссертация, введение перед всем корпусом преподаваемых лекций, которое дается студентам вместо обычного комментария к текстам» [4, p. V]. В одной из них от 1538 г. – («Relectio De Indis») самым ярким образом проявили себя гуманистические, критические, творческие черты его научной деятельности. Неудивительно, что в трудах наших современников Витория предстает как гуманист (*defensor de lo humano*), «мастер мира», «антиимпериалист и демократ», творец «духа нового мышления и толерантности» и подлинный основатель международного права. Хотя от католического юриста и теолога трудно ожидать последовательной критики испанского колониализма, его крайне отрицательные оценки деятельности соотечественников в Перу, других странах и регионах Америки, вызвали гнев императора Карла V. Были и иные поводы для высочайшего недовольства. Витория дерзко отрицал вселенские притязания императора и папы римского, глобальный характер их власти, отрицал не только их властные полномочия над индейцами, но и подрывал веру в легитимность испанских завоеваний в Новом Свете. Важнейший вопрос, решаемый в первой секции «De Indis» – «вопрос правового статуса индейцев». Индейцы для Витория не обезьяны и не бесправные существа, а люди, наделенные разумом и заслуживающие тех же самых прав, какими обладают испанцы. Однако они могли серьезно отличаться от своих «исследователей» уровнем интеллектуального развития, религией, манерами и обычаями [5, p. 1].

Он отвергал если не все, то очень многое из того, что было так дорого каждому европейскому колонизатору, будь то католик или же протестант. Природа человека ему виделась надежной основой всей системы отношений с населением Нового Света. Природу человека он считал феноменом, из которого проистекало и естественное и право народов. Витория был первым европейским юристом, который осмелился произносить речи в защиту личности индейцев, их прав на собственность, суверенитет, самоуправление и собственные политические организации во главе с собственными правителями. Избавляя читателя от сомнений в неопределенности, Витория поднимал вопросы: «Были ли индейские аборигены перед прибытием испанцев “истинными владельцами по публичному и частному праву”?; и были ли среди них какие-либо “истинные принцы и повелители”?». На эти вопросы Витория отвечал утвердительно [5, p. 2].

Вопреки распространенному среди европейских колонизаторов восприятию индейцев в качестве диких, лишенных разума идолопоклонников – рабов по природе, у которых можно отобрать все: землю, движимое имущество и даже свободу, Витория они виделись рациональными, кроткими и по своему благочестивыми людьми, для войны с которыми у испанцев не было никаких законных оснований. Конечно же, ему были известны аргументы своих противников, подчеркивавших дикость и варварство индейцев, чтобы оправдать собственные преступления: человеческие жертвы, людоедство, кровавая тактика сражения, их воображаемая глупость, суеверия. Он был наслышан о случаях нерационального поведения индейцев, знал о жестокости их обычаев, об индейских привычках, сближавших их с миром животных. Все это в глазах Витория свидетельствовало о культурных различиях между европейцами и индейцами, но не лишало их человеческого облика. Полагая, что император не «мог захватить области индейских аборигенов», даже если бы он «был господином мира», Витория

приходит к выводу: «Испанцы не могут оправдать на этой земле свою конфискацию рассматриваемых областей» [5, р. 3].

Легко догадаться и об отношении Витория к идее открытия, ставшей со временем, как в Испании, так и в Англии «правовой» доктриной. Он по меткому замечанию Джузеппе Тоси, «не признает право на открытие (*jus inventionis*) в качестве законного основания завоевания, утверждая, в ироническом тоне, что этот мотив был настолько законным, насколько это было бы открытие Европы народами Нового Света (*non plus quam si ipsi invenissent*) [6].

Критически рассмотрел Франсиско де Витория и представление о том, что испанцы были первыми, кто обнаружил и занял рассматриваемые области. Поэтому они находятся якобы в законном владении испанцев, точно также, если бы они обнаружили некоторую никому не принадлежащую и необитаемую область в полном соответствии с Институциями Юстиниана. Подобного рода аргументацию Витория воспринимал как в высшей степени неубедительную и со всей определенностью утверждал: «Доказано выше, что варвары были истинными владельцами, и с публичной и с частной точки зрения». Поэтому правило, содержащееся в Институциях Юстиниана к индейским землям неприменимо. Поясняя эту мысль, он заключает: «Поскольку рассматриваемый объект не был без владельца, он не подпадает под категорию, которую мы обсуждаем» [5, р. 10].

Изложенное могло бы стать лишним свидетельством в пользу хорошо известного специалистам вывода: Витория заслуженно считается настоящим паладином гуманизма. Но в третьем разделе своей знаменитой лекции («*Relectio De Indis*») он выглядит духовным апологетом испанского колониализма. И первый шаг на этом пути им был сделан тогда, когда он стремится восстановить в своем прежнем статусе считавшуюся еще в Древнем Риме универсальной норму, наделявшую всех людей правом на общение и передвижение по чужим землям. Наделив это право двойной природой, происходящим из «права народов», но обладающим и естественноправовым характером, Витория утверждает: «Испанцы имеют право поехать в рассматриваемые земли и пребывать там, если они, не причиняют вреда уроженцам». Если же индейцы будут пытаться препятствовать испанцам, не давая воспользоваться этим правом, то их посягательства он рассматривал как незаконные со всеми вытекающими отсюда негативными последствиями для «варваров» [5, р. 17]. В том же ключе Витория формулировал и развивал тезисы о свободе мореплавания и свободе торговли с Новым Светом.

Франсиско де Витория не был бы богословом, если бы не насытил свою лекцию, особенно ее заключительный раздел, теологическими сюжетами, среди которых доминирует сюжет из Второзакония. В нем Бог описывается как каратель. Многие испанским солдатам вспоминалась фраза из Второзакония: «Не оставляй в живых ничего, что дышит». Разъясняя смысл теологических постулатов, содержащихся в этом фрагменте (Втор. 20:10-20), он почти все свои правовые аргументы подчиняет главной цели – толкованию священного текста. Об истинном отношении Витория к американским индейцам можно судить на основании другой его лекции – «*De iure belli*». В ней он утверждает, что «иногда законно и целесообразно... убить всех виновных». Такое утверждение направлено «...против неверных, от которых бесполезно когда-либо надеяться на справедливый мир на любых условиях». С той же целью он использует сюжеты, заимствованные из Нового Завета, в частности, Послание к римлянам. В результате пребывание испанцев в Новом Свете, их миссионерская деятельность среди индейцев оказываются оправданными. Налицо провал теологической и юридической попытки найти баланс между потребностями колониального господства (с умеренным использованием насилия), экспорта в Новый Свет своих товаров и религиозных воззрений, и рассуждений о правах индейцев, проистекающих из «природы человека». Как правильно подметил Бретт Буден, аргументы в защиту прав индейцев были подчинены решению иной задачи – задаче идейно-теоретического обеспечения испанской колониальной экспансии [7, р. 141], облачен-

ного в форму теологической и юридической концептуализации универсальности права на общение и передвижение по чужим землям.

При всей значимости трудов Витория для становления международного права, вовсе не они, а работы других испанских авторов были положены в основу трех первых английских книг об Америке. Ричард Итон – автор «The first Three English books on America» стремился подогреть зависть англичан к сказочным богатствам, доставшимся испанским конкистадорам, разжечь в умах соотечественников авантюризм и алчность, презрение к аборигенам [8]. По сути дела, те же идеи в 1580-х гг. активно продвигал Ричард Хаклит. Он утверждал, что Северная Америка столь же богата золотом, серебром и жемчугом, как и Южная. Помимо ликвидации испанской монополии на американские сокровища и торговлю заморскими товарами, англичане могли бы использовать к своей выгоде плодородные земли Нового Света, а его коренное население обратить в протестантизм, спасая его и от язычества и от католицизма. Особенно преуспел в деле идейного обоснования британской колониальной экспансии Р. Хаклит, активно продвигавший идею безграничной торговой экспансии, побуждая англичан к обмену «наших безделушек и пустяков» на те ценности, которыми обладали «неверные и дикари» Америки [9, p. 7, 8].

Новая попытка британской колонизации в Северной Америке пришлось на время правления королевы Елизаветы, когда произошло резкое обострение англо-испанских отношений, сопровождавшихся боевыми действиями и в Европе, и в Америке. Стремление максимально ослабить американские позиции Испании привело британскую элиту в лице сэра Уолтера Рейли к берегам Нового Света, где он неоднократно пытался основать колониальное поселение. Но все его попытки создать Виргинию – именно так он называл свой колониальный проект, оказались безуспешными во многом потому, что, как и столетием ранее, его страна была слишком занята борьбой со своими врагами в Европе и не смогла оказать ему должной поддержки. В результате жители первой колонии, задуманной в качестве оплота английских каперов на острове Роанок, были вынуждены возвратиться в метрополию месте с Ф. Дрейком весной 1587 г., а участники второй колониальной экспедиции прибывшей сюда летом того же года, бесследно исчезли. Ситуация изменилась только тогда, когда за дело взялись две частновладельческие компании – Виргинская и Плимутская. 10 апреля 1606 г. правительство короля Якова I предоставило им грамоту, по которой они получили право создать колониальные поселения на юге и севере Вирджинии. Обеим компаниям было позволено обосноваться в пределах ста миль на американском побережье. Поскольку король не хотел никаких конфликтов с любой другой европейской державой, то его придворным удалось убедить его в том, что эти земли «не находятся в собственности какого-либо христианского принца или его подданных». После месячных изысканий 108 колонистов 14 мая 1607 г., наконец-то, выбрали болотистый полуостров, который назвали Джеймстауном в честь своего короля с надеждой создать первое постоянное английское поселение в Америке. Англичане не были единственными, заинтересованными первоначальным успехом колонии. Их испанские конкуренты бдительно отслеживали все события, особенно испанский посол в Лондоне, Педро де Суниг, шпионы которого сообщали ему о небольшом количестве реально ценных вещей, привезенных англичанами. Посла беспокоило другое – возможность использования Джеймстауна в качестве пиратской базы. Он справедливо указывал на то, что англичане не взяли с собой женщин и не нашли в колонии источников большого богатства. Поэтому он настойчиво призывал Якова I немедленно «выслать тех жуликов» из Джеймстауна и повесить их. Со своей стороны Яков I стремился убедить своего собеседника в том, что его страна не нарушает условий англо-испанского договора 1604 г. [10, p.131–146].

В феврале 1609 г. Яков I предоставил Виргинской компании новую грамоту, в соответствии с которой возглавлять её колонию должен был губернатор. Отныне совет колонии не мог ни отвергнуть, ни свергнуть губернатора, обладавшего абсолютной властью. Одно-

временно была проведена шумная рекламная компания, в результате которой Джеймстаун оказался в фокусе глобального противостояния Испании. Оно стимулировалось целым рядом идей: поисками большого богатства, обращением туземцев в протестантизм, вызовом испанской империи и национальной судьбой Англии [11, р. 16–74]. Не оказались в стороне и религиозные проповедники: они взывали к английским чернорабочим, обещая им райские кущи на землях Виргинии. Они обращались ко всем англичанам с просьбой сплотиться вокруг идеи переселения в новую колонию, объявив её национальной миссией Англии во имя славы своей страны и Короны. Тех же, кто сомневался относительно будущего успеха колонии, они рассматривали как предателей этой миссии. Результаты кампании превзошли все ожидания: более 650 человек стало акционерами новой Виргинской компании, рассчитывая на большие прибыли с каждой акции. По этому поводу испанский посол дон Педро де Суниг, догадываясь о невиданных лишениях первых колонистов, балансирующих на грани жизни и смерти, годами страдающих от голода и холода, писал, что «люди обезумели на этом деле». К переселенцам примкнули как простолюдины, так и дворяне, желая объединить свои усилия и поддержать национальную миссию для пущего величия своей страны. Испанский посол в течение всей весны 1609 г. с тревогой наблюдая за английскими приготовлениями отправить через океан сотни новых колонистов, упорно бомбардировал своего повелителя письмами. В них он сообщал не только о том, что англичане стремятся «возвеличить свою религию и распространить её по всему миру». С большой тревогой Суниг, предупреждая своего короля о намерениях англичан радикально изменить переселенческую политику писал, что вместо тактики постепенного просачивания в Америку мелкими группами они решили утвердиться в ней внезапно массой новых колонистов, чтобы поставить испанцев перед свершившимся фактом. Они настолько были уверены в своем успехе, что, не скрывая от посла главной цели, в глаза заявляли ему: тогда испанцы «не будут в состоянии что-либо сделать с этим». Дон Педро де Суниг безуспешно советовал Филипу III предпринять скорейшие меры, подчеркивая пока это еще возможно, чтобы «наложить узду» на экспансионистские замыслы англичан. Но все было тщетно: его лихорадочная деятельность натолкнулась на полное непонимание мадридского королевского двора и завершилась полным крахом [11, р. 76–77].

Прежде, чем отбыть из Лондона сэр Томас Гейтс назначенный советом Виргинской компании губернатором колонии получил от него свои инструкции, которые включали в себя подробные положения и том, что христианизация индейцев-поухатанов оставалась благородной целью колонии. Для достижения этой цели Гейтс должен был попытаться захватить теократических лидеров Поухатанской конфедерации и поступить с «этими убийцами душ» по своему усмотрению, а при необходимости лишить их даже жизни. Чтобы развалить индейскую конфедерацию и присвоить её земли, губернатору было предложено сблизиться с зависимыми от «императора» Поухатана руководителями и пообещать «освободить их всех» от тирании последнего в обмен на заявление в лояльности королю Джеймсу и выплату соответствующей дани. Для легитимации «права» Виргинской компании на завоевание территории Поухатанской конфедерации многое было сделано популярным пуританским проповедником Робертом Грэем, который убеждал своих прихожан в том, что все поухатаны – дикари, язычники, идолопоклонники. Ссылаясь на св. Августина, используя библейские аргументы, он стремился обосновать справедливость войны англичан против язычников. Грэй призывал «уничтожить этих идолопоклонников и захватить их земли». Развивая по-библейски вдохновленное утилитарное оправдание завоевание Америки, Грэй, предвосхищая Джона Локка, отождествляет «жестоких дикарей Виргинии» с животными. В этом месте обнаруживает себя прямое заимствование из «De iure belli libri tres» – работы, в 1598 г. опубликованной оксфордским преподавателем Джентили. «По правде», утверждал Джентили, это выражение весьма сходно с тем, которое позже использовал Грэй, «те, кажется, опасны для всех людей, кто, нося личину человека, живёт жизнью самого зверского из животных». Находясь под яв-

ным влиянием международно-правовых установок Джентили, Грэй вопреки фактам обвиняет «дикарей Виргинии» в том, что «как дикие животные в лесу» они «блуждают вверх и вниз по стране без любого закона или правительства, руководствуясь только их собственными потребностями и чувствами». Поэтому если их лишить даже всей земли, «не должно быть ни одного человека, который может жаловаться на любую несправедливость, совершенную по отношению к нему» [3, р. 209, 210, 211].

Прибытие в 1610 г. новой партии колонистов во главе с Томасом Уэстом, лордом де Ла Вэрр поначалу мало изменило жизнь колонии, которая в течение многих лет определялась стремлением к выживанию. Но с 1622 г., когда произошла так называемая «Большая резня», унесшая жизнь 400 колонистов, англичане берут верх над коренным населением [12, р. 16]. Стоит ли удивляться тому, что общая численность аборигенов Виргинии, представленная индейцами трех этнических групп: алгонкинской, сиу, ирокезской вскоре после этого события стала неуклонно снижаться. Депопуляции способствовали многочисленные войны, эпидемии европейских болезней, распространяемые европейцами алкогольные напитки, принудительные миграции. В результате алгонкинское население Виргинии, насчитывавшееся от 14 300 до 22 300 человек [13, р.16], было практически стерто с лица земли. Такая же судьба ожидала и других аборигенов. Поэтому «к 1735 г. губернатор Уильям Гуч мог сообщить, что самые близкие индейские соседи любого происхождения жили в трехстах-четырёхстах милях от прочно колонизированных частей Старого Доминиона» [14, р. 3].

При всех ужасах испанской колониальной экспансии, сопровождаемой чудовищными преступлениями и зверствами, колонизация двух Америк: Южной и Северной существенным образом отличалась друг от друга. В свое время об этом со всей откровенностью поведал будущий президент США Теодор Рузвельт, заметив, что в отличие от испанцев, которые договаривались и вступали в браки с аборигенами, «англичане истребили или ассимилировали кельтов Великобритании, и они существенно повторили данный процесс с индейцами Америки». Такой способ колонизации немыслим без геноцида коренного населения. И первым кто не просто писал о геноциде в колониальном контексте, но и определил это понятие в качестве свойства колониализма, был Рафаэль Лемкин [15, р. 4, 9]. Выходит англосаксонская история веками развивалась по формуле Рузвельта-Лемкина: от геноцида к геноциду. Именно по такому сценарию развивалась история Британская Америка XVII–XVIII вв. Именно здесь белое население научилось ненавидеть индейцев и усвоило такие расовые категории как белый и индеец задолго до того, как неуклонное продвижение границы между двумя мирами на Запад стало незыблемой траекторией для целой страны. Давно замечено, что первые британские поселенцы были «империалистической партией» – они систематически захватывали индейские земли, расположенные на Восточном побережье Атлантического океана, в колониальных владениях испанцев, французов, а впоследствии на трансатлантическом Западе [16, р. 12]. При этом они регулярно использовали методы войны, характерные именно для геноцида.

Довольно долго такая трактовка геноцида игнорировалась. И только в современный период она стала использоваться в процессе изучения разрушительных последствий колониализма. Лемкину принадлежит не только авторство соответствующего термина и концепта, им были предприняты попытки самостоятельного исследования геноцида американских индейцев. Повествуя о геноциде в Северной Америке, он ограничился эпизодическими иллюстрациями: войной с Метакометом по прозвищу Король Филип в Массачусетсе в 1676 г., сражением с индейцами, проживавшими на равнинах Юго-Запада, у ручья под названием Раненое Колено в 1870-х гг. Гораздо больше внимания Лемкин уделил критике испанского колониализма. Говоря о деятельности своего главного предшественника Бартоломео Лас Касаса, Лемкин отмечал: «Он собрал все ужасные факты геноцида, который обнаружил и с горечью предъявил обвинение порочным испанским колониальным властям» [17, р. 59, 60]. Те же обвинения и с теми же чувствами необходимо предъявить англосаксам и их властям. Но это тема уже другой публикации.

Библиографические ссылки. References

1. Hunter D. The Race to the New World: Christopher Columbus, John Cabot, and a Lost History of Discovery. New York, 2011 [Электронный ресурс] [Electronic source]. URL: <http://en.booksee>book/2235126> (дата обращения: 08.10.2016) (accessed date 08.10.2016).
2. First letters patent granted by Henry VII to John Cabot and his sons // The Precursors of Jacques Cartier 1497-1584. A collection of documents relating to the early history of the dominion of Canada. Edited by H.P. Biggar, B. Litt. Of the Archives Branch. Ottawa, 1911 [Электронный ресурс] [Electronic source]. URL: <http://archive.org/details/precursorsofjacq00bigguoft> (дата обращения: 22.11.2016) (accessed date 22.11.2016).
3. Williams R. A. Jr. The American Indian in Western Legal Thought: The Discourses of Conquest. New York, 1990 [Электронный ресурс] [Electronic source]. URL: <http://bookre.org>Reader?file=834538> (дата обращения: 12.09.2016) (accessed date 12.09.2016).
4. Francisco de Vitoria. De iure belli; trad., intr. e note a cura di C. Galli. Collana, 2005 [Электронный ресурс] [Electronic source]. URL: <http://en.booksee>book/1517979> (дата обращения: 20.09.2016) (accessed date 20.09.2016).
5. The catholic conception of international law. Francisco de Vitoria, founder of the modern law of nations. Francisco Suarez, founder of the modern philosophy of law in general and in particular of the law of nations. A Critical Examination and a Justified Appreciation /By Scott J. B. New Jersey, 2007 [Электронный ресурс] [Electronic source]. URL: <http://bookre.org>Reader?file=1125060> (дата обращения: 26.09.2016) (accessed date 26.09.2016).
6. Tosi G. La teoria della Guerra giusta in Fransisco de Vitoria e il dibattito sulla conquista //JURA GENTIUM. Rivista della filosofia del diritto internazionale e della politica globale. 2006 [Электронный ресурс] [Electronic source]. URL: <http://www.juragentium.org/topics/wlgo/it/tosi.htm>. (дата обращения: 22.09.2016) (accessed date 22.09.2016).
7. The Empire of Civilization: The Evolution of an Imperial Idea /Brett Bowden. Chicago and London, 2009 [Электронный ресурс] [Electronic source]. URL: <http://bookre.org>Reader?file=1074628> (дата обращения: 1.04.2016) (accessed date 01.04.2016).
8. The first Three English books on America. [?1511] — 1555 A.D. Being chiefly Translations, Compilations, &c., by Richard Eden. /Ed. by E. Arber. Birmingham, 22 June 1885 [Электронный ресурс] [Electronic source]. URL: <http://archive.org>stream/.../...> Full text of "San Francisco Public Library monthly bulletin" _djvu.txt (дата обращения: 7.11.2016) (accessed date 07.11.2016).
9. The Voyages of the English Nation to America /Collected By Richard Hakluyt, preacher and edited By Edmund Goldsmid. F.R.H.S. Vol. II. Edinburgh, 1889 [Электронный ресурс]. [Electronic source] URL: <http://archive.org>details> (дата обращения: 26.11.2016) (accessed date 26.11.2016).
10. A Treaty of perpetual Peace and Alliance between Philip the III. King of Spain, and the Archduke and Albert and Isabella on the one, and James the I. King of England on the other fide. Made in the Year 1604 // A general collection of t r e a t y ' s, manifesto's, contracts of marriage, renunciations, and other publick papers, from the year 1405, to the year 1712. London: Knapton [a. o.], 1732 [Электронный ресурс] [Electronic source]. URL: <http://books.google.ru> (дата обращения: 29.09.2016) (accessed date 29.09.2016).
11. The Jamestown experiment : the remarkable story of the enterprising colony and the unexpected results that shaped America / Tony Williams. Naperville, 2011 [Электронный ресурс] [Electronic source]. URL: <http://bookre.org>Reader?file=1454543> (дата обращения: 16.11.2016) (accessed date 16.11.2016).
12. Elliott J. H. Empires of the Atlantic world: Britain and Spain in America, 1492–1830 /J.H. Elliott. New Haven and London, 2006 [Электронный ресурс] [Electronic source]. URL: <http://bookre.org>Reader?file=1396249> (дата обращения: 08.08.2016) (accessed date 08.08.2016).
13. Thornton R. American Indian Holocaust and Survival: A Population History Since 1492 Civilization of the American Indian Series; V. 186. University of Oklahoma Press, 1987. [Электронный ресурс] [Electronic source]. URL: <http://bookre.org>Reader?file=1188820> (дата обращения: 13.11.2016) (accessed date 13.11.2016).
14. The old dominion at war. Society, Politics, and Warfare in Late Colonial Virginia / James Titus. University of South Carolina Press, 1991. [Электронный ресурс] [Electronic source]. URL: <http://bookzz.org>book/2215382/892832> (дата обращения: 20.11.2016) (accessed date 20.11.2016).

15. Empire, Colony, Genocide Conquest, Occupation, and Subaltern Resistance in World History / Ed. by A. Dirk Moses. New York; Oxford, 2008. [Электронный ресурс] [Electronic source]. URL:<http://bookre.org/Reader?file=1033857> (дата обращения: 20.09.2016) (accessed date 20.09.2016).
16. The First Way of War American War Making on the Frontier, 1607–1814 / Grenier J. New York, 2005. [Электронный ресурс] [Electronic source]. URL:<http://ru.bookzz.org/book/647744/641199> (дата обращения: 29.08.2016) (accessed date 29.08.2016).
17. The Origins of Genocide Raphael Lemkin as a historian of mass violence / Ed. by D. J. Schaller and J. Zimmerer. New York, 2009. [Электронный ресурс] [Electronic source]. URL:<http://bookre.org/Reader?file=1155666> (дата обращения: 06.10.2016) (accessed date 06.10.2016).

Дата поступления: 27.11.2016

Received: 27.11.2016

УДК 340

МОЖЕТ ЛИ ПРЕССА ОПРЕДЕЛИТЬ БУДУЩЕЕ НАЦИИ? СУДЬБА ОДНОЙ ПОЛИТИЧЕСКОЙ КАМПАНИИ В ВЕЛИКОБРИТАНИИ

СУЛТАНОВ Ахсан Харисович

кандидат исторических наук, доцент, начальник кафедры истории и теории государства и права ФГКОУ ВО «Уфимский юридический институт Министерства внутренних дел Российской Федерации», г. Уфа, Россия. E-mail: harisovich58@mail.ru

IS THE MEDIA ABLE TO DETERMINE THE FUTURE OF THE NATION? THE FATE OF ONE POLITICAL CAMPAIGN IN THE UK

SULTANOV Akhsan Kharisovich

Candidate of Sciences (History), Head of the Department of History and Theory of State and Law of the FSFEI HE «Ufa Law Institute of the MIA of Russia», Ufa, Russia. E-mail: harisovich58@mail.ru

В современном мире важную роль представляет воздействие средств массовой информации на развитие политических и социальных процессов в обществе. Властные структуры всегда стремятся оказать воздействие на политическое поведение населения, особенно в периоды, когда судьба государства напрямую зависит от результатов народного волеизъявления. При этом активно используются инструменты, которые можно в одинаковой мере отнести к институтам, как государства, так и гражданского общества. В демократическом сообществе предназначение средств массовой информации состоит в демонстрации подчас противоположных позиций с целью достижения определенных результатов. В подобной ипостаси и выступила британская пресса, которая сыграла значительную роль в событиях лета-осени 2014 г. в Соединенном Королевстве.

Ключевые слова: газеты и журналы, Шотландия, националисты, глобализация, референдум.

In today's world, the impact of the media, including the press, on the development of political and social processes in the society is especially significant. It is naturally that authorities always seek to influence political behavior of the population, especially in the periods when the fate of the state directly depends on people voting. Herewith tools, which can be equally attributed to state and civil society institutions, are widely used. In any democratic community media's destination is to demonstrate at times opposing positions in order to achieve certain results. In the same vein the British press acted, which played a significant role in summer and autumn events of 2014 in the United Kingdom.

Key words: newspapers and magazines, Scotland, nationalists, globalization, referendum.

В истории Великобритании встречается множество примеров взаимодействия различных институтов политической власти и гражданского общества в решении наиболее животрепещущих вопросов социального и политического развития. Одним из ярких примеров по-

добного рода явились события лета – начала осени 2014 г., когда в стране кипели страсти вокруг референдума, назначенного на 18 сентября, в результате которого могла обрести политическую самостоятельность Шотландия. Все летние месяцы 2014 г. большинство британских изданий публиковали материалы по данной проблеме. Тональность выступлений в основном отражала официальную позицию Лондона. Но британская пресса не смогла бы претендовать на роль одной из самых политкорректных структур в мире, не предоставляя возможности высказаться также сторонникам самостоятельного развития Шотландии. В данном случае нас интересует вопрос о соотношении количества выступлений подобного рода в общей массе журнальных и газетных публикаций.

Так, например, газета «Гардиан» писала 22 августа 2014 г., что уже свыше 1 миллиона избирателей подписало декларацию в пользу независимости Шотландии. Начало этой кампании было положено в мае 2012 г., когда первый министр правительства этой части Великобритании Алекс Сэлмонд объявил о создании движения «ДА, Шотландия». Тогда же он выразил уверенность, что если цифра в 1 млн. сторонников будет достигнута до проведения референдума, станет очевидно, что Шотландия обретет независимость. Сторонники независимости высказывали подобное твердое убеждение, исходя из следующих расчетов. Примерное число жителей Шотландии, имеющих права голоса, составляло 4,2 млн. человек. А. Сэлмонд и другие полагали, что на референдум придут не менее 80 % избирателей. В своих подсчетах они шли еще дальше и приводили конкретную цифру: 3,6 млн. человек. Именно они и должны будут составлять эти заветные 80 % голосующих. Таким образом, движению «ДА, Шотландия» стоит набрать еще 1 млн. голосов своих сторонников, чтобы 18 сентября склонить чашу весов в пользу адептов независимости. Исходя из материалов, опубликованных в статье, складывалось впечатление, что это был вопрос всего лишь нескольких дней [1].

Лидер движения «ДА, Шотландия» Блэр Дженкинс подтвердил, что все 1001186 собранных подписей были проверены по электоральному регистру. Ранее высказывались опасения, что многие будут подписываться по нескольку раз или под вымышленными именами. Б. Дженкинс заявил: «Мы проверяли и перепроверяли все подписи и потому уверены в их аутентичности». К тому же он заявил о готовности предоставить материалы третьей стороне для проведения независимой экспертизы. Дженкинс также отметил, что «мы делаем больший акцент на позитивных моментах независимости, но также должны отдавать себе ясный отчет о негативных последствиях для нашего населения ответных мер со стороны Вестминстера и о реальных угрозах, особенно в сфере общественных услуг, которые будут предприняты в плане резкого урезания бюджетных расходов» [1].

Газета отмечала и тот факт, что готовы в любой момент к словесным баталиям и противники возможного отделения «страны гор». Бывший премьер-министр Великобритании Гордон Браун, выступая в Глазго, призвал избирателей «подумать дважды», прежде чем сказать «да». При этом он предупредил аудиторию, что доходы от экспорта нефти составят лишь небольшую часть экономического благосостояния Шотландии в случае, если она выйдет из состава Соединенного Королевства.

В конце своего выступления, обращаясь к аудитории, где находился и лидер шотландских лейбористов Д. Ламон, Гордон Браун задал риторический вопрос: «Почему мы должны отбросить все это, если можно истратить деньги здесь в Шотландии так, как мы хотим?» [1]. Очевидно, что последние слова заставили задуматься всех, кто внимательно слушал человека, который почти десятилетие возглавлял финансовое ведомство страны, и как никто другой знал истинное положение дел в этой сфере. Главное, что можно было отнести к результативной части выступления Брауна, заключалось в том, что он заставил слушателей начать со-

мневаться в отдельных вопросах, в том числе и в вопросах экономического благополучия Шотландии в случае ее возможного выхода из состава Великобритании.

Но бывший премьер решил идти дальше и не ограничиваться исключительно своими ораторскими способностями. 12 сентября, за 6 дней до намеченного референдума в газетах была опубликована его статья под броским заголовком «Судьбоносный момент для Шотландии».

Автор приступил к изложению с тезиса: дважды в истории после 1707 г. шотландцы четко определяли содержание понятия гражданства. В первом случае, шотландское возрождение представило миру модель гражданского общества, когда индивидуум не предстает объектом властных отношений, не является простым потребителем, тем самым фактически предопределив современную модель гражданина, который способен самостоятельно определить свое место по отношению и к государству, и к рынку. Впоследствии, преодолев последствия и трудности индустриальной революции, шотландцы проторили путь к модели гражданства XX в., когда наряду с социально-экономическими были гарантированы гражданские и политические права. Обращалось внимание на тот период, когда в течение XVIII–начала XIX вв. шотландцы постепенно формировали свое общество в условиях отсутствия своей государственности. В это время величайшие философы шотландского возрождения проповедовали своему народу необходимость осознать себя как граждан местной общины, и одновременно как граждан мира. Именно от Адама Смита и Дэвида Юма исходила концепция гражданского общества, которая четко определяла наличие пространства между государством и личностью, наличие общественной жизни, где не должны преобладать рыночные отношения, и где люди могут объединяться на добровольных началах от церковных и профсоюзных организаций до гражданских и муниципальных объединений.

Расширяя само содержание концепции свободы – предоставляя позитивные свободы (свободу всеобщего медицинского обслуживания, безопасность в сфере образования и социальной жизни), а не только негативные свободы – тем самым мы (очевидно, что Г. Браун говорит от лица британского истеблишмента – А.С.) более четко определили понятие гражданства. Оно первоначально основывалось исключительно на предоставлении гражданских и политических прав для представителей одной нации. Постепенно оно трансформировалось в концепцию, которая базируется на гражданских, политических, социальных и экономических правах, в равной степени предоставленных различным народам.

Но сегодня новая волна глобализации преподнесла новую череду вопросов: как Шотландия, выражающая волю народа, взаимодействует с таким многонациональным государством, как Соединенное Королевство. Вопрос, утверждает, Г. Браун, по своему содержанию, более глубокий: как Шотландия найдет свое место в мире Макдональда, Эппл, Фейсбука и глобальных финансовых рынков? В подобном мире не могут быть гарантированы равенство экономических возможностей и само существование системы социального обеспечения. И, если эффективно не справиться с процессами глобализации, гражданство с присущими ему экономическими и социальными правами не может получить своей практической реализации.

Столь подробный анализ позволил бывшему главе британского правительства перейти непосредственно к рассмотрению насущных проблем. Браун подчеркивает: что лежит в основе недавней волны политического национализма – не тот факт, что шотландцы обнаружили в себе «шотландство». Этот народ всегда проявлял свои национальные чувства. На указанный подъем национальных чувств, прежде всего, сказались глобальные последствия.

Экономические преобразования очевидны. Мануфактурное производство и угольные шахты, которые привели к тому, что Великобритания раньше занимала ведущие позиции в ми-

ре в таких сферах, как кораблестроение, сталелитейная промышленность и строительство железных дорог. В те золотые времена было занято 40 % шотландских рабочих. Сегодня данный показатель равняется всего лишь 8%. Вот уже 50 лет Шотландия пытается избавиться от образа региона, где преобладает ручной труд, малоквалифицированный и менее оплачиваемый по сравнению с прошлым. И в течение 50 лет Шотландия все еще находится в поисках современных профессий, новых рабочих мест, нового процветания. И это, отмечает Г. Браун, и составляет содержание борьбы с последствиями глобализации, а не противоборство с Англией.

Глобализация тесно связывает мир в запутанную сеть экономических взаимоотношений и вновь заставляет изменить наше представление о том, что значит быть гражданином. Еще сравнительно недавно в 1990 г. международная торговля составляла 20 % показателя всей экономической деятельности, сегодня этот показатель равен 35%. Неудивительно, что в скором времени торговля между странами будет составлять основу экономической деятельности. А сегодня, как и в любой другой стране, Шотландия «зарабатывает себе на жизнь» в условиях такой взаимозависимой экономики, когда 72 % всех вложений в производственный сектор и 60 % в экономику, находящейся в частных руках, принадлежат не жителям Шотландии.

Таким образом, по словам Брауна, появляется новая концепция гражданства. Она не предполагает преобладания космополитизма, если дело касается национальных обязательств. Эта концепция гражданства, которая поддерживает национальную идентичность, но при этом признает преимущества раздельного суверенитета. Это тот тип гражданства, когда шотландцы смогут понять: быть шотландцем, британцем, европейцем и гражданином, обладающим связями с более широким миром. И это не выглядит простой абстракцией, это отражает то состояние, в котором сегодня живут люди – постоянно общаясь через мобильные телефоны и интернет, способные общаться с любым человеком, проживающим в любой части планеты. Сегодня, как никогда в истории, возникает концепция гражданства, которая подлежит свободе выбора каждым индивидуумом, а не навязана извне.

Гарольд Браун напоминает о заявлении министра финансов Шотландии Джона Суинни о том, что в случае успешного для националистов исхода голосования отделившаяся часть государства может попробовать отказаться от выплаты долгов. Браун напомнил, что подобный тактический прием в свое время применили лидеры Веймарской республики, а совсем недавно Аргентины и Греции. «Я отчетливо вижу, – подчеркивает Г. Браун, – опасные последствия реализации простого трюка: "остановись планета, я хочу сойти с поезда". Это проявление философии крайне узкого национализма, который никогда не сможет понять, что странам, объявившим дефолт, нельзя скрыться в мире, в котором правила просты: международный рынок не может существовать без института кредитования» [2].

Подобные слова Г. Брауна не могли не вызвать определенной реакции как среди шотландцев, так и для других жителей британских островов. Для прямых потомков народа, который всегда отличался своим гордым и свободолюбивым характером и приверженностью в любых условиях к клановому единству, сравнение с действиями государств, которые, фигурально выражаясь, вызвали не совсем позитивную оценку в мире, было достаточно некорректным. С другой стороны, само предположение о том, что шотландцы готовы пойти на подобный шаг, создавало определенную психологическую напряженность в британском обществе, которое традиционно отличалось политической лояльностью к оппонентам.

Автор статьи вновь напомнил о том, что, прежде всего, обеспечило шотландскому национализму электоральный успех, – это разочарование тем, что глобализация внесла в нашу жизнь неуверенность и несправедливость. Националисты ослеплены исключительно догмой девятнадцатого столетия и неспособны осознать то, что, по мнению Брауна, инстинктивно чув-

ствуют сами шотландцы: в ответ на последнюю волну глобализации нельзя ударяться в исключительный суверенитет. Путь в будущее лежит в его равномерном распределении.

После 18 сентября, заключает автор статьи, мы должны пригласить шотландцев стать частью великого, объединяющего Британию проекта, который потребует усилий всей страны. Речь идет о разработке новой британской конституции 21 столетия, основанного на многообразии и строгой приверженности к принципам распределения властных полномочий. А это потребует усилий не только парламентариев и чиновников, но и представителей более широкой общественности. По мнению Г. Брауна, это позволит «взойти нам, как никакой стране в мире, на уровень федеративного (обратите внимание – А. С.) государства, где 85 % населения станет единой нацией» [2].

Подобные теоретические эссе в газетных публикациях были редкостью. Читатели ждали публикаций о том, как конкретно британцы относятся к предстоящему событию. При этом на первый план выносились материалы, связанные с известными личностями. Так, одна из самых почтенных британских газет «Обсервер» 30 августа 2014 г. опубликовала материал о том, что сэр Пол Маккартни присоединился к многочисленным противникам возможного отделения Шотландии. Издание сообщило, что бывший битл сделал свое заявление в родном Ливерпуле в рамках кампании «Останемся вместе». Таким образом, высказал свою позицию человек, который в далекие 60-е годы прошлого столетия вместе со своими друзьями прославил на весь мир и Ливерпуль, и Великобританию, положив начало «британскому музыкальному вторжению» во все уголки планеты. Неслучайным было и то, что газета особо выделила тот факт, что член легендарной рок-группы занял достойное место в списке звезд, присоединившихся к данному движению.

Маккартни подписался под открытым письмом, где говорилось следующее: «Решение по вопросу, покинуть ли нашу дружную страну, является, безусловно, исключительно вашим правом. Тем не менее, подобное решение окажет огромное воздействие на всех нас в остальной части Соединенного Королевства. Мы хотим, чтобы вы знали, как мы высоко ценим наши связи гражданства с вами и выражаем нашу надежду, что вы проголосуете за их обновление. То, что нас объединяет, значительнее того, что нас разъединяет. Останемся вместе» [3].

«Обсервер» сообщила, что организаторы акции привлекли 50 тысяч человек к подписанию письма, среди них было несколько сот знаменитостей и общественных деятелей, которые своим участием оказали публичную поддержку данному движению. Среди известных и знаковых фигур можно было назвать музыканта сэра Мика Джаггера, писателя, сэра Брюса Форсайта, актрису, даму (придворное звание) Джуди Денч, выдающегося футболиста, сэра Бобби Чарльтона, известного ученого, профессора Стивена Хоскинга.

Весьма знаменательно, что данный материал появился как раз в те дни, когда жители британских островов возвращались из традиционных летних отпусков. Постепенно надо было настраивать себя на домашние дела. Открывает житель туманного Альбиона за традиционным завтраком солидную газету, а там выдающиеся представители мира культуры, спорта, науки, политики в один голос дружно предупреждают тебя об опасности распада государства в случае возможного выхода Шотландии из состава Великобритании. Для тех, кто еще подростком не мог определить своих музыкальных пристрастий, разрываясь между «Битлз» и «Роллинг стоунз», было очевидно, что подписи двух ведущих вокалистов этих британских групп под призывом «Останемся вместе» звучали больше, чем пропагандистское высказывание. И Великобритания, и многие шотландцы прислушивались и делали свой выбор. Последнее касалось, прежде всего, жителей Шотландии. Но Британия, а вернее ее истеблишмент, продолжали играть по правилам. А подобные правила требовали, чтобы они должны были

предоставить возможность высказаться и другой стороне. Через день, 1 сентября другая британская газета «Гардиан» публикует материал о действиях сторонников провозглашения самостоятельности Шотландии. Автор публикации сообщает о предстоящем концерте, в котором собираются принять участие известные группы «Франц Фердинанд», «Могвей», «Напуганный кролик». Они должны были выступить 14 сентября в Эдинбурге. Таким образом, за 4 дня до проведения референдума музыканты собирались воздействовать на своих слушателей с целью подготовиться к новому повороту в своей жизни. Любопытен сам факт, что в сражение вступили музыкальные группы, которые на сегодняшний день считаются одними из самых популярных исполнителей не только в Великобритании, но и в мире.

Материалы и формат газетных публикаций не позволили журналистам задаться вопросом: почему представители творческой части британской элиты раскололись по вопросу о возможном выходе Шотландии из состава Единого королевства во многом по возрастному принципу. Как бы то ни было, страна погрузилась в ожидание результатов голосования.

Результаты голосования показали, что победу одержали сторонники сохранения политического статус-кво. Подобные успешные результаты были предопределены во многом благодаря усилиям прессы, которая в очередной раз продемонстрировала значение печатного слова в современном мире.

Библиографические ссылки. References

1. The Guardian, 2014, 22 August.
2. The Guardian, 2014, 12 September.
3. The Observer, 2014, 30 August.

Дата поступления: 02.12.2016

Received: 02.12.2016

К СТОЛЕТИЮ ОБРАЗОВАНИЯ РЕСПУБЛИКИ БАШКОРТОСТАН

УДК 340

РЕСПУБЛИКА БАШКОРТОСТАН
И НАЧАЛО СТРОИТЕЛЬСТВА
ФЕДЕРАТИВНОГО ГОСУДАРСТВА
В РОССИИ

REPUBLIC OF BASHKORTOSTAN AND
THE START OF CONSTRUCTION OF A
FEDERAL STATE IN RUSSIA

ГАЗИЗОВА Лейсан Махмутовна
*старший преподаватель кафедры теории госу-
дарства и права Института права ФГБОУ ВО
«Башкирский государственный университет»,
г. Уфа, Россия. E-mail: Imgazizova@mail.ru*

GAZIZOVA Leisan Makhmutovna
*Senior Instructor of the Chair of Theory of State
and Law of the Institute of Law of the FSBEI HE
"Bashkir State University", Ufa, Russia.
E-mail: Imgazizova@mail.ru*

Статья нацелена на то, чтобы научное сообщество, как Республики Башкортостан, так и всей Российской Федерации, обратилось к насущным проблемам, вытекающим из современного состояния федеративного строительства в нашей стране. Раскрываются отдельные теоретические проблемы, вызванные практикой федеративного строительства в Российской Федерации, предлагаются пути их дальнейшего разрешения. Выявляются основные трудности, накопившиеся в процессе федеративного строительства в нашей стране, предлагаются пути их преодоления.

This paper aims to make the scientific community of the Republic of Bashkortostan as well as of all the Russian Federation address the urgent problems arising from the current state of federal construction in our country. Some theoretical problems caused by the practice of federal construction in the Russian Federation are revealed, the ways of their further settlement are suggested. The main challenges accumulated in the course of federal construction in our country are determined, the ways to overcome them are proposed.

Ключевые слова: 100-летний юбилей со дня образования Республики Башкортостан, научные основы федеративного строительства, соотношение федеративного и демократического государства, соотношение федеративного и правового государства, цели современного федеративного строительства в России.

Key words: 100th anniversary of the foundation of the Republic of Bashkortostan; scientific basis of federal construction; ratio of a federal and democratic state; ratio of a federal and rule-of-law state; purposes of modern federal construction in Russia.

Президент Российской Федерации 17 июля 2016 года подписал Указ о праздновании в 2019 году 100-летия образования Республики Башкортостан [1]. Соответственно Указу Президента Российской Федерации Глава Республики Башкортостан 11 августа 2016 года подписал свой Указ, которым определены меры по реализации Указа Президента Российской Федерации о праздновании 100-летия образования Республики Башкортостан [2].

Конечно, и научная общественность, как Республики Башкортостан, так и Российской Федерации не останутся в стороне от этого значительного события в жизнедеятельности российского многонационального народа. Ведь образование Республики Башкортостан в 1919 году, действительно, стало началом федеративного строительства в длительной истории всего российского государства. Эта знаменательная дата даст повод вновь поднять проблемы федеративного строительства в России, задаться вопросом о том, все ли удалось на пути федеративного строительства в России, какие еще проблемы в этой области можно было бы поставить на обсуждение.

Учитывая все сложности в истории федеративного строительства в Республики Башкортостан, которые проявлялись как в 20-е годы прошлого века, так и в конце того же века,

мы бы хотели здесь раскрыть некоторые современные научные основы федеративного строительства. К тому же реальное федеративное строительство в нашей стране подтвердило наличие этих научно-теоретических проблем. Прежде всего, в дальнейшем федеративном строительстве в нашей стране нам следует учесть уроки тех, некоторых перегибов в реализации научных основ федерализма. Мы здесь имеем в виду те случаи, когда некоторые национальные республики Российской Федерации, следуя необдуманному призывам типа «берите суверенитета столько, сколько проглотите», стали явно выходить за рамки федеративных правил. Это происходило вследствие нарушения научных пределов в федеративном строительстве. Предупреждения же некоторых научных работников о том, что федеративное строительство не должно рассматриваться самоцелью не очень - то повлияли на любителей взять от федерализма все, что они вздумали. В связи с этими «перегибами» в федеративном строительстве, мы и сегодня согласимся с мнением Ф.М. Раянова, высказавшим еще в 1996 году мысль о том, что федерация не должна рассматриваться самоцелью: «Принципиальным является само формирование демократического государства. Идея федерализма в отличие от идеи «государственности», «конституционализма», «разделения властей» и некоторых других не является и не может быть обязательным условием формирования правового государства, к которому стремится Россия» [3, с. 71]. Развивая эту свою мысль, Ф.М. Раянов в другой своей работе еще конкретнее определяет научный подход в области федеративного строительства. Так, он пишет: «Научный подход к проблеме федерализма означает широкое использование знаний о федеративных государствах, объективный учет их в интересах построения подлинно демократического правового государства» [4, с. 110].

Научного подхода, относящего к федеративному законодательству, не хватало и продолжает не хватать как на уровне субъектов Российской Федерации, так и на федеральном уровне. «Значительная часть недостатков действующего законодательства объясняется тем, что законотворческая работа в Республике Башкортостан (впрочем, также как и во всей Российской Федерации) идет впереди научно-философского, научно-политического и научно-правового осмысления происходящих процессов. Поистине получается, что законотворческая практика осуществляется без должного теоретического подкрепления, по существу, вслепую, по интуиции» [5, с. 17].

Действительно, научному федеративному строительству и в России постсоветского периода мешают игнорирование или нерешенность отдельных теоретических вопросов. Среди них на первое место мы бы выдвинули проблему понимания права на федеративное государство. Здесь следует отметить то, что право на федеративное государство не относится к числу естественных прав человека. Ведь, известно, что «в историческом плане необходимо различать естественные права, юридические права и права человека» [6, с. 6]. В этом смысле право на федеративное государство является не естественным, а юридическим правом. Поэтому, строго говоря, право на федеративное государство не относится и к числу прав и свобод, обладающих, в соответствии с нормами международного права и Конституцией Российской Федерации (ст. 2), качеством высшей ценности. Такое теоретическое уточнение, думается, будет не лишним и сегодня, если вспомнить категорическое требование некоторых лиц, особенно в национальных республиках, получить именно такое федеративное государство, где бы субъект федерации обладал, чуть ли не полным суверенитетом. Но такого положения теория федеративного государства просто не знает.

Применительно к федеративному строительству в современной России нужно выделить еще одну теоретическую проблему, которая связана с перегибами основ формирования федеративного государства, но уже со стороны федерального центра. Так, в отечественной юридической науке считается, что «важнейшей основой функционирования федеративного государства в России является единое правовое пространство, которое обеспечивается верховенством федерального закона, и прежде всего федеральной Конституцией» [7, с. 22–23].

Здесь же автор всячески поддерживает тех представителей отечественной юридической науки, которые считают, что в федеративной России имеется лишь одна, единственная правовая система, что субъекты Российской Федерации не имеют собственных правовых систем. Еще раз заметим, что приведенная точка зрения является, чуть ли не господствующей в отечественной юридической науке.

Теперь попробуем привести наши доводы насчет того, что такая точка зрения является весьма уязвимой. Во-первых, в той же Конституции Российской Федерации мы не нашли такое выражение, как «верховенство федерального закона». В Конституции Российской Федерации речь идет о предметах ведения Российской Федерации (ст. 71), о предметах совместного ведения Российской Федерации и субъектов Российской Федерации (ст. 72) и о сфере собственного правового регулирования субъектов Российской Федерации (ст. 76). Более того, п. 6 ст. 76 Конституции Российской Федерации устанавливает верховенство нормативно-правового акта субъекта Российской Федерации. Читаем: «В случае противоречия между федеральным законом и нормативным правовым актом субъекта Российской Федерации, изданным в соответствии с частью четвертой настоящей статьи, действует нормативный правовой акт субъекта Российской Федерации». О каком верховенстве федерального закона можно вести речь при такой ситуации? Во-вторых, ст. 5 Конституции Российской Федерации предусматривает: «Республика (государство) имеет свою конституцию и законодательство. Край, область, город федерального значения, автономная область, автономный округ имеют свой устав и законодательство». Теперь попробуем вникнуть в суть выражения «Конституция и законодательство», «Устав и законодательство». Что все это означает, если оно не есть система права и даже не правовая система субъекта Российской Федерации? Во всем цивилизованном мире правила поведения, системно закрепленные в Конституции и развивающем ее законодательстве, признаются именно в качестве системы права, а у нас, почему правовая система должно пониматься иначе? Вот несколько подтверждений того, как понимают правовую систему за рубежом. В работе «Введение в немецкое право» германское право определяется как «детальная система правил поведения, обязательных предписаний, которые преимущественно содержатся в письменных источниках, каковыми являются законы в формальном и материальном смысле» [8, с. 22–23]. Что же касается того, имеют ли субъекты федерации собственные правовые системы, то здесь пишут: «Правовая система ФРГ функционирует в соответствии с Основным законом на уровнях Федерации, Земель и общин (союзов общин), но при соблюдении так называемого гомонитета, однородности. В настоящее время в ФРГ насчитывается 16 Земель, каждая из которых имеет свое законодательство, законодательные органы, правительство, суды, прокуратуру и пр.» [7, с. 32–33]. Еще более поучительные сведения о природе подлинного федеративного государства можно прочитать в работе под названием «Введение в американское право» [9, с. 105–116]. Здесь, ни без каких условностей утверждается, что штаты США имеют свою правовую систему [9, с. 117].

Получается, что при правильном толковании понятий «право», «законодательство» не возникают никаких проблем относительно признания наличия правовой системы и у субъекта Российской Федерации. Если же под понятием «право» имеет в виду не систему правил поведения, закрепленных в законах, или же, как часто у нас и встречаются, право и закон настолько различают, что некоторые законы вообще не признают правом, то да, тогда сложности в толковании ст. 5 Конституции Российской Федерации вполне возможны. Но, здесь проблема упирается не в теорию федеративного государства, а в то, как понимают в нашей стране право некоторые ученые. Мы считаем, что раз субъекты Российской Федерации имеют конституцию (уставы) и законодательство, то они не могут не иметь соответствующую им свою правовую систему.

Что же касается проблемы единства правового пространства в федеративном государстве, то здесь речь можно вести лишь о гомонимности и однородности (то есть, как у немцев)

правовой организации общественной жизни людей. То есть, нельзя допускать такого положения, когда под видом строительства федеративного государства, федеральный центр стремился бы организовать общественную жизнь на основе признания институтов и ценностей Нового времени, а отдельные субъекты этого же федеративного государства пытались бы организовать свою общественную жизнь на основе религиозных ценностей и предписаний. Большое значение здесь имеет сущность и значение самой Конституции федерации. Если она полностью соответствует современным требованиям общепризнанных принципов и норм международного права, то субъектам федерации не останется никаких объективных причин идти в разрез положениям такой федеральной Конституции.

Общественная жизнь в современной Российской Федерации, прежде всего, должна быть организована с признанием прав и свобод человека высшей ценностью, как и требует Конституция нашей страны (ст. 2). К сожалению, «реальному обеспечению прав и свобод человека в Российской Федерации в целом предшествует этап глубокого и правильного понимания сути института прав человека как ценностной основы организации всей общественной жизни. Российская Федерация и ее субъекты сегодня находятся в начале этого этапа» [10, с. 9].

Действительно, для современной и полноценной правовой организации общественной жизни россиян, также как и в других цивилизованных странах, в первую очередь необходимо, чтобы сама российская государственность как можно скорее стала правовой государственностью. «Россия - это крупное, с огромной территорией государство, с отрицательным менталитетом насчет демократии, законности и правопорядка. Для России правильные, научные идеи федерализма сегодня необходимы для того, чтобы она вновь не превратилась в империю, чтобы многочисленные регионы (субъекты) России не дали центральной российской государственной власти свернуть с демократических путей развития» [11, с. 149].

Нам представляется, что 100-летний юбилей образования Республики Башкортостан, как событие, знаменующее начало федеративного строительства в многовековой истории России, даст толчок к более тщательному осмыслению современных проблем в области федеративного строительства в Российской Федерации.

Библиографические ссылки

1. URL: <http://www.gorobzor.ru/newsline/pravo/vladimir-putin-podpisal-ukaz-o-prazdnovanii-100-letiya-obrazovaniya-respubliki-bashkortostan-18-07-2016>.
2. URL: <http://ufa.monavista.ru/news/1874648/>.
3. Раянов Ф.М. Федерация – не самоцель // Власть. 1996. № 3.
4. Раянов Ф.М. Развитие современных представлений о сущности федеративного государства // Российский юридический журнал. 1999. № 1 (21).
5. Раянов Ф.М. Система законодательства Республики Башкортостан как субъекта Российской Федерации // Система законодательства Республики Башкортостан: становление и дальнейшее развитие : материалы республиканской научно-практической конференции 27 февраля 1996 г., г. Уфа. Академия наук Республики Башкортостан. Уфа, 1996.
6. Раянов Ф.М. Юридическое право: время разобраться по существу : препринт / Издание Башкирского университета. Уфа, 2001.
7. Анненков В.Г. Правовое пространство современной России: понятие, структура и механизм обеспечения единства // Конституционное и муниципальное право. 2005. № 4.
8. Жалинский А., Рерихт А. Введение в немецкое право. М. : Спарк, 2001.
9. Фридмэн Л. Введение в американское право : пер. с англ. / под ред. М. Калантаровой. М., 1993.
10. Раянов Ф.М. Правовая организация общественной жизни: теория и практика // Государство и право. 2004. № 12.
11. Раянов Ф.М. Трудный путь к правовому государству. Уфа : «Издательство Башкортостан», 1999.

References

1. URL: <http://www.gorobzor.ru/newsline/pravo/vladimir-putin-podpisal-ukaz-o-prazdnovanii-100-letiya-obrazovaniya-respubliki-bashkortostan-18-07-2016>.
2. URL: <http://ufa.monavista.ru/news/1874648/>.
3. Rayanov F.M. Federatsiya – ne samotsel' (Federation - is not a goal in itself), *Vlast'*, 1996, No. 3.
4. Rayanov F.M. Razvitie sovremennykh predstavlenii o sushchnosti federativnogo gosudarstva (The development of modern ideas on the nature of a federal state), *Rossiiskii yuridicheskii zhurnal*. 1999, No. 1 (21).
5. Rayanov F.M. Sistema zakonodatel'stva Respubliki Bashkortostan kak sub"ekta Rossiiskoi Federatsii (Legal system of the Republic of Bashkortostan as an entity of the Russian Federation), *Sistema zakonodatel'stva Respubliki Bashkortostan: stanovlenie i dal'neishee razvitie*, materialy respublikanskoi nauchno-prakticheskoi konferentsii 27 fevralya 1996 g., g. Ufa. Akademiya nauk Respubliki Bashkortostan. Ufa, 1996.
6. Rayanov F.M. Yuridicheskoe pravo: vremya razobrat'sya po sushchestvu (Juridical law: time to deal essentially), preprint. Izdanie Bashkirskogo universiteta. Ufa, 2001.
7. Annenkov V.G. Pravovoe prostranstvo sovremennoi Rossii: ponyatie, struktura i mekhanizm obespecheniya edinstva (The legal space of modern Russia: concept, structure and the mechanism to ensure unity), *Konstitutsionnoe i munitsipal'noe pravo*, 2005, No. 4.
8. Zhalinskii A., Rerikht A. Vvedenie v nemetskoe pravo (Introduction to German law). M. Spark, 2001.
9. Fridmen L. Vvedenie v amerikanskoe pravo (Introduction to American Law), per. s ang., pod red. M. Kalantarovoi. M., 1993.
10. Rayanov F.M. Pravovaya organizatsiya obshchestvennoi zhizni: teoriya i praktika (Legal organization of social life: Theory and Practice), *Gosudarstvo i pravo*, 2004, No. 12.
11. Rayanov F.M. Trudnyi put' k pravovomu gosudarstvu (The hard way to the rule-of-law state). Ufa, «Izdatel'stvo Bashkortostan», 1999.

Дата поступления: 20.02.2017

Received: 20.02.2017

**Приглашаем Вас к сотрудничеству с журналом
«ПРАВОВОЕ ГОСУДАРСТВО: ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА»**

Цель журнала – консолидировать усилия общественности для решения актуальных проблем в области формирования правового государства.

Основные задачи журнала:

- публикация материалов, посвященных актуальным проблемам государственного строительства, вопросам реформирования правовой системы, законотворческой деятельности, развития парламентаризма, институтов гражданского общества;
- обсуждение проблем повышения эффективности научных исследований в области права, мобилизация усилий научных коллективов на разработку проблем совершенствования государственно-правовой и судебной систем, повышения правовой грамотности населения;
- организация обсуждений проектов нормативно-правовых документов и существующих в российском законодательстве проблем;
- освещение опыта зарубежных стран по совершенствованию законотворческой деятельности и правоприменительной практики, актуальных проблем развития международного права в условиях глобализации.

**ПЕРЕЧЕНЬ ТРЕБОВАНИЙ И УСЛОВИЙ ЖУРНАЛА
«Правовое государство: теория и практика»
ДЛЯ ПУБЛИКАЦИИ СТАТЕЙ**

- Статьи предоставляются в редакцию в электронном виде (по электронной почте E-mail: niipg@mail.ru) или на бумажном носителе с приложением электронного варианта на диске 3,5” в формате *.rtf или *.doc текстового редактора Word электронной версии.
- Объем публикации – до 0.5 п.л. (20 000 знаков, включая пробелы). В случае предоставления материала, большего по объему, что предусмотрено Порядком предоставления работ для журнала, редакция оставляет за собой право возврата материала автору для сокращения.
- Шрифт основного текста работы – 12, шрифт Times New Roman через 1,0 интервала, поля со всех сторон 20 мм. Формат документа: MS WORD (.doc). Файлы, представляемые в редакцию, должны быть поименованы по фамилии автора (Иванов И.И.).
- На первой странице указывается ФИО автора, ученая степень, ученое звание, место работы, город, страна и e-mail. Название статьи печатается заглавными буквами. Далее идет аннотация не менее 100 и не более 250 слов. Редакция обращает внимание авторов на то, что общий объем предоставляемого материала, включая (Ф.И.О., ученая степень, звание, место работы, название статьи, аннотация, ключевые слова и библиографические ссылки оформляются на русском и английском языках) не должен превышать 0,5 п.л. (около 20 000 знаков с пробелами). Рукопись подписывается автором на последней странице.
- Внутритекстовые сноски оформляются в самом тексте посредством квадратных скобок: [3, с. 145]. Библиографические ссылки следует оформлять по ГОСТ Р 7.0.5–2008 (без тире). Все библиографические элементы иностранных источников следует указывать на языке оригинала.
- Диаграммы, таблицы, рисунки должны быть сделаны в текстовом редакторе Word и дополнительно сохранены в отдельном файле. Фотографии и рисунки прилагаются отдельными файлами в формате TIFF или JPEG.
- Все аббревиатуры и сокращения должны быть расшифрованы при первом употреблении в тексте.
- Предоставляя текст работы для публикации в журнале, автор гарантирует отсутствие плагиата и других форм неправомерного использования в статье информации.
- В случае нарушения предъявляемых к оформлению требований материал возвращается автору на доработку, и рукописи подлежат возврату в редакцию в рекомендованный срок. О произведенных изменениях автор должен сообщить в прилагаемом к рукописи письме.
- К статье прилагается фото в формате JPG (книжная ориентация с указанием Ф.И.О.) для размещения на сайте журнала. Также следует указать почтовый адрес, номер контактного телефона, они необходимы для связи сотрудников редакции с авторами и в журнале не публикуются.
- Статьи в обязательном порядке рецензируются членами редакционного совета журнала в соответствии с профилем представленной работы и (или) привлеченными редакцией учеными или специалистами.
- Плата за публикацию с аспирантов не взимается.

Журнал зарегистрирован в Федеральной службе по надзору за соблюдением законодательства в сфере массовых коммуникаций и охране культурного наследия
Свидетельство о регистрации ПИ № ФС77-66597 от 21 июля 2016 г. «Роскомнадзор»
Тел.: (347) 228-83-51, E-mail: niippp@mail.ru;
сайт: <http://pravgos.ru>
Почтовый адрес редакции: 450005, Республика Башкортостан,
г. Уфа, ул. Достоевского, 131, каб. 319.

Редакционно-издательский отдел
Научно-исследовательского института проблем правового государства
450103, г. Уфа, ул. Глухарина, 7.
Подписной индекс в объединенном каталоге «Газеты. Журналы»
(Роспечать): 81192

Журнал включен в Перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий Высшей аттестационной комиссии Министерства образования и науки Российской Федерации, в которых публикуются основные научные результаты диссертаций на соискание ученых степеней доктора и кандидата юридических наук.

Подписка на журнал возможна с любого месяца

Все права защищены и охраняются Законом Российской Федерации «Об авторском праве». Ни одна из частей настоящего издания и весь журнал в целом не могут быть воспроизведены, переведены на другой язык, сохранены на печатных формах или любым другим способом обращены в иную форму хранения информации: электронным, механическим, фотокопировальным и другим без предварительного согласования и письменного разрешения редакции. Редакция сохраняет за собой право размещать материалы и статьи журнала в электронных правовых системах и иных электронных базах данных. Автор может известить редакцию о своем несогласии с подобным использованием его материалов не позднее даты подписания соответствующего номера в печать. Автор может претендовать на вознаграждение в виде одного бесплатного авторского экземпляра журнала при условии указания им своего адреса. Редакция уважает мнение авторов опубликованных статей, но при этом их мнение не всегда совпадает с мнением редакции.

© Уфа: РИО НИИППГ, 2017

Подписан в печать 14.03.2017 г. Вышел в свет 20.03.2017 г.
Бумага писчая. Формат 60x84/8. Гарнитура Times New Roman.
Усл. печ. л. 22,91. Уч. изд. л. 20,57. Тираж 500. Заказ 9.
Свободная цена.

Отпечатано в редакционно-издательском отделе Института права
Башкирского государственного университета
450005, РБ, г. Уфа, ул. Достоевского, 131, к. 105.